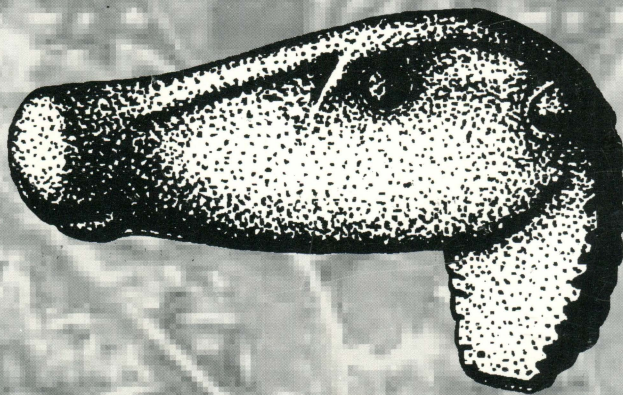

**Проблемы изучения
энеолита и
бронзового века
Южного Урала**

Сборник научных трудов

Орск 2000

ИНСТИТУТ ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК * УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ * ИНСТИТУТ СТЕПИ

ОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТА И
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА**

Сборник научных трудов

Орск 2000

УДК 902.6

ББК 63.4

А 87

Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала:
сборник научных трудов. – Орск: Институт Евразийских Исследований,
Институт Степи УрО РАН, 2000. 170 с., ил. 68.

В статьях, вошедших в сборник, рассматривается широкий спектр проблем древней истории региона, освещается динамика историко-культурных процессов и взаимодействия различных этнокультурных формирований в степях Южного Урала и на сопредельных территориях. Впервые вводятся в научный оборот новые материалы археологических исследований памятников эпохи энеолита - бронзового века Южного Урала и Западного Казахстана.

Сборник представляет интерес для археологов, историков, этнографов, краеведов, преподавателей и студентов.

Редакционная коллегия:

С.Н.Заседателева, В.В.Ткачев (отв. редактор), О.Ф.Бытковский.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета Н.Л. Моргунова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Поволжья О.В. Кузьмина.

На обложке: каменное навершие жезла из Новоорска (энеолит).

- © Институт Евразийских исследований
- © Институт Степи УрО РАН
- © Орский краеведческий музей

КОНИ И КОЛЕСНИЦЫ ЮЖНОГО УРАЛА И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МИФЫ**Введение.**

Почти с момента зарождения индоевропейстики как науки было установлено, что, в отличие от других народов Старого Света, у индоевропейцев конь играл очень большую роль в культуре, что нашло яркое отражение в мифологических представлениях и ритуалах. Установлено также, что культ коня и связанные с ним обряды восходят к эпохе активных контактов различных индоевропейских народов, что документируется единством деталей ритуалов и их названий у народов индоевропейской семьи, разделенных тысячами лет в истории и тысячами километров в пространстве.

Роль лошади в культуре, отраженная в древней мифологической традиции, естественно, породила огромную литературу, посвященную как культу и жертвоприношению коня (библиографию см.: Howey M., 1923; Koppers W., 1936; Иванов В.В., 1974; Кузьмина Е.Е., 1977; Mallory J., 1981; Lincoln B., 1982; Renfrew C., 1998), так и индоевропейской проблеме в целом (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984; Mallory J., 1989). Чтобы рассмотреть имеющиеся источники и литературу, потребовалось бы обширная монография. Моя задача гораздо скромнее и ограничивается попыткой представить некоторые новые материалы по данной теме.

1. Некоторые мифологические представления индоевропейцев, связанные с конем

Наиболее полно древнейший пласт мифологических представлений, связанных с конем, сохранился в индийской традиции в образе мирового коня Тваштра, в результате жертвоприношения которого произошла вселенная (Иванов В.В., 1974; Levi S., 1898).

Во всех индоевропейских традициях с конем ассоциировались небесные боги и особенно солнце. В индийской Ригведе, иранской Авесте, греческой поэзии солнце носит постоянный эпитет «быстроконное», а лучи его сравниваются с развевающимися гривами лошадей (Иванов В.В., 1969); с конями светлой масти ассоциируются боги солнца, неба и грома индоиранские Митра, Сурья, Индра, Веретрагна, греческие Аполлон, Гелиос, Зевс, римский Юпитер, хеттский Пирва, славянский Перун, литовский Перкунас (Иванов В.В., 1974; Огибенин Б.Л., 1968; Dumézil G., 1954; Negelein V., 1923; Roes A., 1938; Otten H., 1951).

В Индии, Иране и Средней Азии на празднике Нового года, справлявшемся в день весенне-

го равноденствия и знаменовавшего победу солнца над тьмой, устраивали конные ристалища; в Греции на Олимпийских и Немейских играх, приуроченных к солярному календарю, победившая колесница ассоциировалась с колесницей Зевса, одержавшего победу и въезжающего на Олимп, причем победившего коня в Греции и Риме воспевали и удостаивали триумфа, рассматривая его как воплощение небесного бога (Фрейденберг О.М., 1936, с.152-158). В Трое на торжествах в честь бога грозы вокруг города возили огромную статую воплощавшего бога коня, что послужило основой греческого мифа.

В Риме белые кони были посвящены Юпитеру и Фебу (Тит Ливий V, 23,5; Koppers W., 1936, p.291), Триумфатор въезжал в Рим через Триумфальную арку, символизировавшую небосвод, на колеснице, запряженной четверкой белых коней, олицетворявших колесницу солнца, одержавшего победу над тьмой (Фрейденберг, 1936: 152). Белые кони богов были у германцев и кельтов; белых божественных коней содержали в святилище славян в Арконе (Howey 1923). Белый конь участвовал в обряде в честь бога солнца Яровита (Иванов В.В., 1968).

В эпоху Ахеменидов в Иране восемь белых коней колесницы были посвящены Зевсу (Геродот I, 189), а в Багастане в святилище Геракла содержали коней бога (Тацит, Анналы XII, 11).

Таким образом, связь белого коня с небесным богом характерна для разных индоевропейских народов.

Общоевропейским был также обычай жертвоприношения коня. Как уже говорилось, индоарийский Тваштар был изначальной жертвой, даровавшей жизнь всему существу. В представлении индоевропейских и в особенности индоиранских народов жертвоприношения богам и умершим предкам было основой поддержания мирового порядка (Елезаренкова Т.Я., 1989).

Главным жертвенным животным был конь, причем особую роль в ритуале играла его голова. У индоариев жертвоприношение коня в честь высшего небесного бога Варуны совершалось при установлении алтаря огня (Шатапатха - брахмана VIII, 3, 13; XIII, 3, 31). В обряде Агникаяна, связанном с культом огня, в жертву Соме приносили белого коня, а его голову клали на алтарь (Hildebrandt A., 1927, p.391; Weber A., 1873, p.217).

Особый интерес для раскрытия семантики жертвоприношения коня имеет анализ обряда Ашвамедха, имеющего широкие индоевропейские параллели и связанного и с культом царя, и с процессом индоевропейских миграций.

Ашвамедха описана в Ригведе (I, 162, 2), Яджурведе и других арийских источниках (Иванов В.В., 1974; Dumont P.E., 1927; Kane P., 1941). Царь выпускает на свободу лучшего белого коня, впряженного справа в колеснице, в день солнечного равноденствия. За конем следуют элитные воины, покоряя все земли на пути коня. Ровно через год процессия возвращается, совершается возжигание огня на алтаре и жертвоприношения и, наконец, на берегу пруда три жены царя, символизирующие три социальные группы общества, украшают коня, привязывают его к жертвенному столбу, над которым иногда помещено колесо - символ солнца, и убивают животное. Главная жена вступает с конем в мистический брак и золотой иглой отделяет голову коня, которую посвящают богу огня Агни. Голова должна доставить царю духовную энергию. Вторая жена серебряной иглой расчленяет туловище коня, которое обеспечивает царю физическую силу. Третья жена бронзовой иглой отчленяет хвост, что гарантирует царю обретение богатства скотом. После этого царь становится сувереном покоренных земель и обретает бессмертие. Обряд, в котором три жены символизируют три высшие касты и три сферы мироздания, а четыре жреца - все четыре касты и четыре стороны света, завершается общенародным пиршеством.

Сходный ритуал *Jipomidvos* существовал у кельтов. По словам Геральда Камбрийского, король при коронации совершал жертвоприношение своей белой кобылицы, имитировал совокупление с ней, купался в бульоне, после чего он обретал свой сан (Koppers W., 1936, p.288, 289; Le Roux F., 1963, p.126-135; Puhvel J., 1955, 353f; Schroder R., 1927, 310-312).

Жертвоприношение белого коня - *Equus October* - было важным государственным праздником в Риме. Оно справлялось в день солнцестояния. В жертву приносили правого коня победившей на ристалище колесницы. Украшенную венком голову коня прикрепляли к стене царского дворца, а хвост несли к Региа, где весталки на алтаре смешивали кровь коня с золой других жертвенных животных и совершали возлияние с целью вызвать плодородие в новом году.

Праздник завершался всеобщим пиром и фаллическими обрядами (Иванов В.В., 1968; 1974; Koppers W., 1936, p.289-291; Dumezil G., 1954; 1966).

Отголоском подобного обряда является тидийская легенда о Гигесе, который становится

царем Лидии с помощью вышедшего из могилы бронзового коня, который заменил жертвенного коня древнего ритуала (Hanfmann G., 1958, p.76).

Заклание белого коня, сопровождавшееся почитанием его головы и фаллическими обрядами, существовало у германцев (Negelein V., 1903), в русском фольклоре сохранились реминисценции обряда и культа конской головы: герой входит в одно ухо коня и выходит в другое, наделенным богатырской силой (Плесовский Ф.В., 1970).

Таким образом, жертвоприношение белого коня является общеиндоевропейским ритуалом, соотнесенным солярным календарем.

В разных индоевропейских традициях совпадают название ритуала, образованное от слова «конь»: индийское *asva*, кельтская *iipros*, латинское *equus*; совпадают детали ритуала: украшение коня, отделение головы, ног и хвоста, особая значимость головы; роль алтаря, проведение всеобщего пира и фаллических обрядов. Обряд призван вызвать плодородие сил природы.

Во многих индоевропейских традициях сохранились представления об особой связи коня с военной элитой и особенно с царем, рассматривавшимся как земное воплощение бога и носитель земного плодородия (Howey M., 1923; Mayrhofer-Passler E., 1953).

В Индии белые кони были собственностью царя, у иранцев - саков - в Хотане конь *asva ratha* - «царственный конь» был одним из семи сокровищ арийского царя (Baily N.W., 1955, p.2-5). Белая лошадь влекла колесницу царя ахеминидов Ксеркса (Геродот, VII, 40). Стробон называет знаменитых элитных коней несейской породы царскими. Русский царь выезжал на белой лошади. Два белых коня были священной собственностью короля в Англии (Woolneer D., 1967, p.90-111).

Жертвоприношение коня было правом только лиц высших социальных рангов и царя (Dumont P.E., 1966; Widengren G., 1959). В Индии только царь имел право совершать обряды ашвамедха и говитата (Keith A., 1925). В Иране, согласно Авесте (Яшты V, 21; IX, 8), претенденты на престол Хаошьянха Парадата и Йима, приносят жеребцов в жертву, моля о даровании им царской власти. Царь Кир принес белых коней в жертву Зевсу - Гелиосу (Ксенофонт. Киропедия, VIII, III, 12), а парфянский царь Вардан в жертву солнцу - белого коня несейской породы (Филострат. Жизнь Апполония I, 31).

Ритуальная связь царя с конем объясняет жертвоприношение коней на похоронах и поминках царей у разных индоевропейских народов. В Индии заклание коня совершалось при погребении царя и кшатриев. Гимн Ригведы (X, 56) посвящен погребению коня, который переносит умершего в

обитель Варуны и первопредка и первого царя Ямы на вечное пастбище. В Иране около гробницы Кира маги каждый месяц приносили в жертву царю лошадь (Страбон XV, 3, 7, Арриан. Поход Александра Македонского IV, 29, 7). Хетты на похоронах царя и царицы приносили в жертву лошадей, головы которых похоронили вместе с царским прахом (Kummel H., 1967, 159). В Илиаде (XXIII, 165 сл.) описано заклатие Ахиллесом четырех коней при кремации Патрокла. О широком распространении этого обряда свидетельствуют и другие греческие источники (Casabona J., 1966; Delebeque E., 1951; Malten L., 1914; Humbel H., 1928). Фракийцы, иллирийцы (Bonfante G., 1968; р.88), славяне (Анучин Д.Н., 1990), балты также знали этот обычай: литовцы при кремации князя Ольгерда сожгли восемнадцать белых коней.

Какова роль лошади в этом погребальном обряде? Распространенное мнение, что жертвенное животное было пищей для умершего, неверно (Hubert H., Mauss M., 1929). Как свидетельствуют индоарийские и хеттские источники, кони, во-первых, служат транспортным средством, чтобы доставить умершего на вечные небесные пастбища, что представлено на греческой вазе дипилонского стиля с изображением похорон: в нижнем регистре помещены плакальщики, в центральном - погребальная колесница, которую кони уносят вверх; в верхнем регистре солярная свастика и лебеди символизируют небо (Forrer R., 1932; р.54).

Однако, можно полагать, что конь в погребальном обряде играет роль не только посредника между миром людей и высшим миром богов и предков, но и дает способность умершему к возрождению на том свете. Конь индийских асуров Уччайшравас наделен способностью воскрешать мертвых (Сомадева, 1972). В обрядах Asvametha и Jipomidvos отчетливо сохранены древнейшие индоевропейские представления о способности жертвенного коня наделить царя бессмертием, духовной и физической энергией. Такова же семантика изображений голов коней на греческих некродипнах - изображениях трапез мертвых, трактуемых как символ воскрешения (Фрейденберг О.М., 1936, с.65, 66; Furtwangler W, 1860).

Таким образом, сравнительный анализ мифологических данных позволяет заключить, что жертвоприношение коня на похоронах совершалось с целью передать человеку духовные, физические и сексуальные силы коня, и гарантировать ему легкий путь на небо в обитель богов и предков на вечных пастбищах и его возрождение на том свете. В древнейшую эпоху обряд жертвоприношения коня у индоевропейцев подобал только лицам высших социальных рангов, в первую очередь - царю.

Когда и где возникли древнейшие мифологические представления, связанные с конем и как они эволюционировали и трансформировались во времени?

II. Культ коня в степях Восточной Европы.

Многие современные специалисты по истории мифологии полагают, что миф рождается как объяснение ранее возникших в обществе ритуалов. Поэтому, при реконструкции мифа и попытке установления времени его возникновения целесообразно выявить археологические свидетельства зарождения обряда.

Еще В.О.Витт (1937, с.14-15) высказал мысль, что ритуальным животным становится то, которое играет определяющую роль в экономике. Девяносто процентов ритуальных захоронений животных в Старом Свете приходится на долю домашних особей (Behrens H., 1964, р.85).

Оставляя в стороне спорный вопрос о времени domestикации коня (дискуссию см: Renfrew C. (Ed), 2000), подчеркну, что наибольший процент костей лошади на памятниках IV-III тыс. до н. э. происходит с территории южнорусских степей, что демонстрирует большую роль коня в экономике населения этого региона.

В районе Волги и Урала известны древнейшие свидетельства формирования конного культа: это кости коня в жертвенных комплексах и изображения животного или его головы в памятниках искусства.

На неолитической Варфоломеевской стоянке открыты жертвенники, содержащие до пяти-сот зубов лошадей с насечками, а также орнаментированные путовые кости, каменный скипетр с головой коня и четыре костяные фигурки лошадей; в энеолитическом могильнике мариупольской общности Съезжее открыт посыпанный охрой жертвенник, на котором найдены два черепа и другие кости лошади и сделанная из клыка кабана фигурка лошади; в следующем по времени Хвалынском могильнике фаланги коней найдены в жертвенниках и при погребениях; в могильнике Ак-жунас - утюжок с головой взнузданного коня; на Виловатовской стоянке и в могильнике Липовый овраг обнаружены костяные фигурки лошадей, а у Орска - скипетр-молот с реалистической головой коня (Kuzmina E., 2000, р.186, 187, fig 1, 2, 4).

Ямная культура наследует культ коня от предшествующей эпохи, хотя основу экономики ямного населения составлял крупный рогатый скот, волю использовали для запряжки в тяжелые четырехколесные повозки. Поэтому большая часть ритуальных захоронений ямной эпохи, в том

числе вместе с повозками, принадлежит быкам (Кузьмина Е.Е., 1974; 1981; 2000).

Но и обряд захоронения коня, был распространен у носителей ямной культуры и зарегистрирован по всему ареалу от Дуная до Урала. Не ставя перед собой цели составить полный список памятников, укажу несколько примеров.

В могильнике Нерушай в междуречье Дуная и Днестра около кострища попарно лежат черепа коней и быков; черепа и ноги коней открыты в могильниках Старое Горожино на Украине, Красный Перекоп IV в Крыму; череп лошади - в Герасимовке I, челюсть - в Близнецах на Урале (Кузьмина Е.Е., 1977). Кости лошади найдены при ямных погребениях в Предкавказье, Приазовье, на Нижнем Днепре (Мерперт Н.Я., 1974, с.105). В Нижнем Поволжье и Калмыкии составляют 7,5 %. В могильнике катакомбной культуры Цаони в Калмыкии при мужском погребении открыто 40 черепов лошадей (Шилов В.П., 1975, с.63, 64, табл.3), а в катакомбных погребениях на Днестре и Дону в могильниках Новочеркасск, Хохлач, Покровское, Павловский, Власовский, многоваликовой керамики Лисичанский также есть захоронения коней, а чаще их черепов и ног (Писларий И.А., 1993, с.57; Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999, с.113). Сохранился этот обряд и в полтавской культуре, сменившей ямную, например, в могильнике Быково I на Волге. В абашевской культуре кости коня есть в могильниках Абашево, Алгаш, Метевтамак, Ахмерово, Береговский (Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999, с.114). (Судя по этнографическим параллелям захороняли только семантически важные части: шкуру с черепом и ногами, символизировавшие по принципу *pars pro toto* целое животное (Грязнов М.П., 1956; Кузьмина Е.Е., 1977)).

Таким образом, в сменяющихся с IV-III до начала II тыс. до н.э. культурах степи и лесостепи от Дуная до Урала существовал обычай ритуального захоронения коня при погребении. Приведенные данные показывают, что в южнорусских степях зарождение культа коня относится еще к эпохе неолита - энеолита, изображения лошади на скипетрах-жезлах позволяет ставить вопрос о связи этого культа с вождем.

III. Культ конной колесницы в степях Евразии

Как уже говорилось, в большинстве индоевропейских традиций зафиксирован культ конной боевой колесницы. Когда и где возникла эта мифологема?

Ответом на этот вопрос служат находки древнейших колесниц, сделанные на Урале на па-

мятниках новокумакского хронологического горизонта (Генинг В.Ф., 1977; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977), составляющих ранний этап развития андроновской культуры алакульского типа.

В настоящее время на основании данных стратиграфии установлено, что к более раннему времени относятся памятники синташтинского типа, к следующему этапу - петровского, первоначально выделенные в Северном Казахстане (Зданович Г.Б., 1975; 1988).

Колесницы открыты в могильниках Синташта: погребения 5 (вместе с двумя мужскими костями с лошадьми и псалями), 12 (вместе с мужским костяком с луком и псалями), 19, 28 (вместе с двумя мужскими костями); 30 (вместе с двумя конями псалями и вооружением, включающем копье, стрелы и нож); возможно, в Синташта I в могиле 14, в Синташта III в погребении 1 (вместе с пятью мужскими костями, с глиняными соплами для плавки металла и двумя конями) (Генинг В.Ф. и др., 1992, с.130, 149, 153, 163, 165, 167, 183, 184, 203, 205, 209, 210, 214, 215, 276, 339; рис. 56, 72; 78-80; 91, 93, 94; 106-108, 111-116, 195: 6, 7); в Каменном Амбаре в могилах 6 (одно колесо), 8 (вместе с мужским, женским и детским скелетами с булавой, каменной стрелой и ножом и двумя конями с псалями) (Костюков В.П. и др., 1995, с. 162, 163, рис.9); в могильнике Солнце II в кургане 4 могила 1 (с мужским костяком и двумя черепами коней); кургане 5 могиле 2 и кургане 11 могиле 2 (вместе с черепом коня) (Епимахов А.В., 1996, с.26, 29, 33, рис.4); Кривое Озеро (Anthony D., Vinogradov N., 1995, p.36-41).

В более поздних памятниках они есть на Урале в могильнике Ветлянка в кургане 14 погребении 6 (Горбунов В.С. и др., 1990, с.32), в Северном Казахстане в могильнике Сатан (Новожинов В.А., 1994, с.158, 160, рис. 97).

По сохранившимся остаткам можно установить, что колесницы были небольшими с шириной колеи 1,2-1,45 м, рамой кузова 0,7x1,2, двумя колесами диаметром 0,9-1,2 м с 10-12 спицами и кожаными шинами красного цвета. Поскольку многие детали отсутствуют, предложенные реконструкции (Генинг В.Ф. и др., 1992; Anthony D., Vinogradov N., 1995) не достоверны и были правильно подвергнуты критике (Littauer M., Crowel J., 1996). Но сомнения исследовательниц в эффективности военного использования колесниц абсолютно не убедительны и опровергаются тем, что захоронения с колесницами сопровождаются оружием, типы которого, также являются важнейшей культурной инновацией.

Поскольку погребения с колесницами, как правило, ограблены в древности, восстановить набор вооружения воинов возможно только с учетом

находок в соседних могилах. Он включал каменный или бронзовый топор, каменную булаву, сложный лук, бронзовые, костяные и каменные стрелы, бронзовое копье, однолезвийный и двулезвийный нож-кинжал, тесло, плеть-нагайку, костяной жезл-лопатку, костяной панцырь, каменные орудия для заточки инструментов, и, возможно, выжимки сока для приготовления ритуальных напитков.

Раннеандроновские памятники сформировались в результате взаимодействия восточноевропейских степных культур полтавкинской и позже катакомбной, от которых были заимствованы культ коня и обычай его жертвоприношения, двухколесные повозки и обычай погребения средств транспорта, обряд захоронения под курганом, технология и типы керамики и весь хозяйственно-культурный тип степного скотоводства (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977). Другим компонентом была лесостепная абашевская культура, от которой восприняты культ и жертвоприношения коня, некоторые типы погребального обряда и керамики (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977), а также технология и многие типы металлических изделий (Кузьмина О.В., 2000).

Синтез различных культурных традиций привел к ускоренному развитию населения и появлению ряда взаимосвязанных инноваций. Главным условием прогресса было использование богатых рудных месторождений Урала. Необходимость защиты рудников и металла стимулировала развитие военного дела: изобретение новых типов оружия, усовершенствования технологии их производства - изобретения сплава бронзы и литья в двусоставных формах, а также введение колесниц и колесничной тактики боя, а вместе с тем, формирование военной элиты и вождей.

Эти важнейшие инновации изменили весь облик культуры, что нашло яркое отражение в сфере идеологии в сложении культ конной колесницы и закреплении в ритуале и в мифологии особой роли воина - вождя - колесничего.

Эффективность конных колесниц привела к тому, что это новое военное средство очень быстро распространилось с Урала на Волгу, где на родственной основе сложились памятники потаповского типа; там известны одна колесница в могильнике Утевка VI, захоронение коней, но чаще только их голов и ног и псалиев по типу аналогичных уральским вместе с другими типами, специфичными для Дона (Васильев И.Б. и др., 1995). Параллельно формируются памятники Покровского типа (Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999; Кузьмина О.В., 2000). Колесничная тактика боя и набор вооружения, сходный с синташтинским, распространились на Дону и Донце, где выявлены

единичные погребения военной элиты, но типичны захоронения черепов и ног, а не туш коней и господствуют местные типы псалиев (Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д., 1995; Пряхин А.Д., Беседин В.Н., 1998; Синюк А.Т., 1996).

Псалии, свидетельствующие о распространении колесниц, известны на Дунае и в Микенах в Греции (Лесков А.М., 1964; Кузьмина Е.Е., 1980; 1994; Новоженев В.А., 1994; Гончарова Ю.В., 1996; Penner S., 1998).

Вероятно, вместе с конем и колесницей распространялись связанные с ними мифологические представления и ритуал жертвоприношения коня. Это подтверждается отмеченными исследованиями, особенно тесными связями между конными и колесничными мифами греков и индоариев (Иванов В.В., 1969); если верна гипотеза индоиранской атрибуции андроновской культуры, отстаиваемая мной (Кузьмина Е.Е., 1994).

Колесница вместе с конем и псалиями распространилась так же в Средней Азии: в погребении Зардча Халифа у Самарканда, относящемся к бактрийско-маргианскому археологическому комплексу, среди богатого инвентаря найдена бронзовая булава с изображением лошади, свидетельствующая о сложении культа этого животного, а главное костяные псалии (Бобомуллоев С., 1993; Bobomulloev S., 1997). По моей классификации они принадлежат к древнейшему I типу, характерному для Урала (Синташта, Большой Караган, Та-наберген). Какова хронология древних колесниц Восточной Европы, датирующих время появления колесничных мифов?

Памятники новокумакского горизонта были датированы (XVII) - XVI в. до н. э. на основании сходства псалиев и орнаментов Восточной Европы с IV шахтной гробницей Микен (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977).

В последние годы появилась серия калиброванных радиоуглеродных дат, сдвигающих памятники с колесницами и псалиями к рубежу III-II тыс. до н. э.: Кривое Озеро 2.2-18 до н. э. (Anthony D., Vinogradov N., 1995); Аркаим I группа 21-20 в. до н. э., II группа 18-16 в. до н. э. (Зданович Г.Б., 1997); Потаповка 23-18 в. до н. э. (Кузнецов П.Ф., 1996); Утевка VI 21-17 в. до н. э. (Трифонов В.А., 1996); Крутенький Курган - 19-17 в. до н. э. (Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999, с.119). Зардча-Халифа (на основании даты Джаркутана) 21-17 в. до н. э. (Gotzelt T., 1996), что отчасти подтверждается датой поселения Тугай у Самарканда, где найдены совместно уральская петровская керамика с посудой Саразм IV: (Avanesova N., 1996); последняя датируется 23-19 в. до н. э. (Исаков А.И., 1991).

Таким образом, время формирования колесничных конных мифов у индоевропейцев относится или к XVII-XVI в. до н. э., если исходить из микенских параллелей, или к рубежу III-II тыс. до

н. э., что более вероятно (Kuzmina E., 1998). Вплоть до этой эпохи должны были сохраниться активные связи носителей индоевропейских диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анучин Д.Н., 1890. Сани, лады и кони, как принадлежность похоронного обряда // Древности. Т. XIV. М.
- Бобомуллоев С., 1993. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаляфы. // Известия АН Таджикистана. № 3.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье. // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Витт В.О., 1937. Лошадь древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Т I, II.
- Генинг В.Ф., 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА, № 4.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992 Синташта. Челябинск.
- Гончарова Ю.В., 1996. К вопросу о классификации дисковидных псалей с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. СПб.
- Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б., 1990. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48
- Дьяконов И.М., 1956. История Мидии. М-Л.
- Елизаренкова Т.Я., 1989. «Ригведа» - великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. М.
- Елизаренкова Т.Я., 1995. Мир идей ариев Ригvedы // Ригведа. Мандалы V-VIII. М.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1995. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригведа Мандалы V- VIII. М.
- Епимахов А.В., 1996. Курганный могильник Солнце II - некрополь укрепленного поселения Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1975. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья // Автореф. канд. дис. М.
- Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахских степей. Свердловск.
- Зданович Г. Б., 1997. Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА, № 2. М.
- Иванов В. В., 1968. Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов // Семиотика. Т.3.
- Иванов В.В., 1969. Использование этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древнеиндоевропейских языках. Этимология. М.
- Иванов В.В., 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva — конь // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.
- Исаков А. И., 1991. Саразм. Душанбе.
- Кэстюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита - бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Спб. Вып. 1.
- Кузьмина Е.Е., 1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кузьмина Е.Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА, 161.
- Кузьмина Е.Е., 1981. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Кузьмина О.В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древнее общество юга Восточной Европы в эпоху палеометалла. Спб.
- Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д., 1995. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы Доно-Волжско-Уральской лесостепи. // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Спб.
- Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы // Автореф. докт. дис. М.
- Михайлова О.В., Кузьмина О.В., 1999. Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара.
- Новожинов В.А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алма-Аты.
- Огибенин Б.Л., 1968. Структура мифологических текстов Ригvedы. М.
- Писларий И.А., 1993. Животноводство населения степной Украины в эпоху бронзы // Хозяйство древнего населения Украины. Киев.
- Плесковский Ф.В., 1970. Конь как активный персонаж волшебной сказки и эпоса // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола.

- Пряхин А.Д., Беседин В.Н.*, 1998. Конская узда средней бронзы Восточно-Европейской степи и лесостепи // РА. №3.
- Синюк А.Т.*, 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Сомадева*, 1972. Необычные похождения царевича Нараваханададты // перевод И.Д.Серебрякова. М.
- Трифонов В.А.*, 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Археология и радиоуглерод. Спб. Вып. 1.
- Фрейденберг О.М.*, 1936. Поэтика сюжета и жанра. Л.
- Шилов В.П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Anthony D., Vinogradov N.*, 1995. Horse, Wagon and Chariot Indo-European Languages and Antiquity. Vol.:69 264. September, 554-565.
- Avanesova N.*, 1996. Pasteurs et agriculteurs de la vallee du Zeravshan un debut de l'age du bronze // Lyonnet. B.Sarasm (Tadjikistan) Ceramiques P.
- Baily N.W.*, 1955. Ariana, Donum Natalicium H.Nyberg Oblatum - Uppsala.
- Behrens H.*, 1964. Die Neolithisch-fruhmetall - zeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt — Halle.
- Bobomullov S.*, 1997. Ein Bronzezeitliches grab aus Zardca Chalifa bei Pentzikent (Zeravsan-Tal) // Arhaeologishe Mitteilungen aus Iran und Turan.
- Bonfante G.*, 1968. Gli element! ilirici nella mitologia greca // Archivio glottologico Italiano - Roma - vol. 53.
- Casabona J.*, 1966. Recherches sur le vocabulaire des sacrifices en Grec de l'origine a la fin de l'epoque classique - Aix-en-Provence.
- Delebeque E.*, 1951. Le cheval dans l'Illiade - Paris.
- Dumezil G.*, 1941. Yupiter, Mars, Quirinus - Paris.
- Dumezil G.*, 1954. Rituel indoeuropeens a Rome - Paris.
- Dumont P.E.*, 1927. L'Asvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte Vedique d'apres les texts du Jajurveda blanse - Paris.
- Dumont L.*, 1966. Homo hierarhicus - Paris.
- Forrer R.*, 1932. Les chars culturels prehistoriques et leurs survivances aux epoques historiques // Prehistoire -vol. I, f. 1.
- Furtwangler W.*, 1860. Die Idee des Todes in den Mythen und Kunstdenkmaler der Griechen - Freiburg.
- Gotzelt T.*, 1996. Ansichten der arhaeologie der Erforschung der "mittleren" Bronzezeit - Espelkamp.
- Hanfmann G.*, 1958. Lydiaka // Harvard Studies in Classical Philology - vol. LXIII.
- Hildebrandt A.*, 1927. Vedischen Mythologie - Bd I - Breslau.
- Howey M.*, 1923. The Horse in Magic and Myths - London.
- Hubert H., Mauss M.*, 1929. Essais sur la nature et la fonction de sacrifice - Paris.
- Humbel H.*, 1928. Horse sacrifice in antiquity // Jale clas. ical studies - vol. 1 - New York.
- Jamson M.*, 1960. Mycenaean Religion // Archaeology - Cambridge, Mass. - 113 - №1.
- Kane P.*, 1941. History of Dharmasastra // Government Oriental Series - Class B - №6 - vol. II - Poona.
- Kaith A.*, 1925. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanichadas - Cambridge -vol. II.
- Koppers W.*, 1936. Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen // Die Indogermanen - und Germanenfrage - Bd IV - Leipzig.
- Kummel H.*, 1967. Ersatzrituale zu Bogaskoy - Texten - Wiesbaden.
- Kuzmina E.*, 1998. Three Methods of chronologization and three directions of synchronization of the sites of the Bronze Age in the steppe of Eurasia // 4 Annual meeting of European association of archaeologists - Goteborg.
- Kuzmina E.*, 2000. Origins of Pastoralism in the Steppes of Eurasia // Late prehistoric Exploitation on the Eurasian Steppe. - Cambridge.
- Le Roux F.*, 1963. Recherches sur les elements rituels de l'election royale iriandaise et celtique // Oram - Rennes - vol XV.
- Levi S.*, 1898. La doctrina du sacrifice dans les Brahmanas - Paris.
- Lincoln B.*, 1982. Priests, warriors and Cattle. - Berkeley - Los Angeles.
- Cro Littauer M., uvel J.*, 1996. The origin of the chariot // Antiquity-V.70, 270-Desember.
- Mallory J.*, 1981. The ritual treatment of the horse in the early Kurgan tradition // Journal of Indo-European Studies - 9 (3-4).
- Mallory J.*, 1989. In Search of the Indo-Europeans. L.
- Malten L.*, 1914. Das Pferd im Totenglauben // Jahrbuch, des Deutschen archaologischen Institut. Bd XXIX, Berlin.
- Mayrhofer- Passler E.*, 1953. Haustieropfer bei den Indoiranern und anderen indogermanischen Volkern // Archiv orientaini, Praha, vol. 21.
- Negelein V.*, 1903. Das pferd im Arischen Altertum - Konigsberg.
- Otten H.*, 1951. Pirva, der Gott auf dem Pferd //Jahrbuch fur Kleinasiatische Forschung - Heidelberg, Bd 2, 1.
- Penner S.*, 1998. Schliemman's Schacht-graeberrung und der Europaeische Nordosten - Bonn.
- Puhvel J.*, 1955. Vedic Asvamedha and gaulish lipomiidvos // Language - Baltimore, vol. 31.
- Renfrew C. (Ed.)*, 2000. Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, I - III.
- Renfrew C.*, 1998. All the King's horses // Creativity in Human Evolution and Prehistory - L, NY.
- Roes A.*, 1938. L'animal au signe solaire // Revue archeologique. Paris, vol.12.
- Schroder R.*, 1927. Ein altirischer Kronungsritus und das indogermanische Rossopfer // Zeitschrift fur celtische Philologie - Halle - Bd XVI.
- Weber A.*, 1873. Indische Studien - Bd XIII. Leipzig.
- Widengren G.*, 1959. The Sacral Kingship of Iran // La Regalita Sacra, Leiden.
- Woolner D.*, 1967. New Light on White Horse // Folklore. London, vol. 6.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ КУРГАННЫХ КУЛЬТУР ВОСТОКА ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ

Степное Приуралье расположено на крайнем востоке южнорусских степей, на рубеже европейской и азиатской частей России. В административном отношении оно охватывает юго-западную часть Оренбургской области, а также северные части Уральской и Актюбинской областей Казахстана. Естественными пределами степного Приуралья на востоке и северо-востоке являются предгорья Уральского хребта; на юге - полупустыни Прикаспийской низменности; на юго-западе - холмистая гряда Синего Сырта, отделяющая долины рек Чаган и Бузулук от степей Низменного Заволжья; на северо-западе - уникальный лесной массив Бузулукского соснового бора; на севере граница между степной и лесостепной ландшафтными зонами проходит по линиям рек Малый и Большой Кинель - истоки Салмыша - север Саринского плато. Границы степного Приуралья определены климатическими, почвенными, растительными особенностями края, с учетом анализа современной и прошлой его обле-сенности (Чибилев А.А., 1996, с. 16).

Начиная с глубокой древности, по крайней мере с неолита, степное Приуралье существовало как устойчивый во времени и пространстве единый природно-климатический комплекс.¹ Периоды относительного увлажнения сменялись поло-сами аридизации, но резко-континентальный кли-мат края на протяжении долгих тысячелетий, вплоть до наших дней определял специфику его природно - климатических условий. В ходе коло-низации Оренбургских степей русскими переселенцами в XVIII - XIX вв. большая часть типчаково-ковыльных и полынных степей Приуралья была распахана, типичные представители фауны - дрофы, стрепеты, грифы, тарпаны, сайгаки, сурки, - большей частью истреблены, частью - вытеснены в пустыни и полупустыни Прикаспия и Приаралья. Сегодня мы не располагаем сколько-нибудь досто-верными археологическими и этнографически-ми свидетельствами наличия земледельческого уклада у древнего и средневекового населения края.² Резкоконтинентальный климат с холодной

суровой зимой, относительно высоким снежным покровом, короткая весна, сопровождающаяся вы-сокими паводками и заморозками, жаркое лето с частыми суховеями (Чибилев А.А., 1992, с. 69-70) в эпохи древности, средневековья, в начале нового времени определял скотоводческую специфику хозяйства обитателей степного Приуралья. Види-мо, лишь экономический потенциал, агротехника и агрокультура Российской Империи позволили освоить под зерновые культуры степи Приуралья. Тем не менее, до настоящего времени Оренбург-ская область относится к зоне рискованного зем-леделия.

Механизм и время распространения куль-туры скотоводства из ближневосточного региона в южнорусскую степь, этапы процесса освоения ос-новных видов домашнего скота - лошади, крупно-го рогатого скота, овец - коз, как и проблемы фор-мирования древнейших пастушеских культур се-вера Евразии, - крайне дискуссионны. Этнографи-ческой средой, воспринявшей прогрессивные формы хозяйства, скорее всего были поздненеоли-тические племена причерноморско-каспийских степей с накольчато-гребенчатой керамикой („Днепро-волжской области" по терминологии Д.Я. Телегина (1988, с. 42-52), специализировав-шиеся на промысле тарпанов, куланов, сайгаков - „четвероногих кочевников". Само же распро-странение пастушеской культуры трудно себе пред-ставить без своего рода культуртрегеров³ - ми-грантов с периферии ближневосточно - балкан-ских земледельческо-скотоводческих центров, практиковавших подвижные, скорее всего кочевые формы скотоводства, использовавших древней-ший металл - медь, принесших дунайско-древневосточные (северомесопотамские) погре-бальные традиции (Телегин Д.Я., 1991, с. 37-43) захоронения останков в скорченной, коленопре-клоненной позе „адорации" и отдельные типы и

Н.Л., 1995, с. 90).

³ - Далеко не все культурные достижения могут распространять-ся без носителей конкретных традиций. Наиболее сложные в техно-логическом отношении новации - металлургия, скотоводство и др. в Старом Свете распространялись в критические эпохи миграций из первоначального балканско-древневосточного ареала. На севере Ме-сopotамии в неолите - энеолите уже существовали окультуренные популяции мелкого и крупного рогатого скота, восходящие генетиче-ски к соответствующим местным диким видам. Доместикация же лошади, произошла, очевидно, в рамках энеолита в V-IV тыс. до н.э., именно в степях восточной Европы на генетической основе популя-ции плейстоценовой дикой лошади. Одомашниванием лошади завер-шилось формирование классической кочевой модели скотоводства, просуществовавшей в степях Евразии около семи тысячелетий.

¹ - Недавние палеогеоморфологические исследования на стоян-ках неолита - бронзового века в северостепной зоне бассейна р.Самары (Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995, с.177-195) еще раз отчетливо показали устойчивость этой природной системы.

² - Промывки почв целого ряда поселений неолита-бронзового века степного Приуралья, предпринятые Е.Ю. Лебедевой сотрудни-цей лаборатории ИА РАН под руководством Е.Н. Черных с целью поиска культурных знаков, не выявили их признаков (Моргу:зва

категории предметов материальной культуры (каменные кольца, браслеты, булавы и т.п.).⁴ Возможно, что эта триада новаций - кочевое скотоводство, металл, скорченный обряд, распространившаяся в степи Евразии, на мой взгляд, через Кавказ, археологически отражает начало расселения восточной диалектной ветви древнейших индоевропейцев.⁵ В зоне контакта двух культурных миров: в Предкавказье и Волго-Донских степях сформировались древнейшие в старом свете курганные культуры кочевых скотоводов. В отличие от аборигенного населения Каспийско - Причерноморских степей, хоронивших останки покойных в грунтовых некрополях Мариупольского типа (Телегин Д.Я., 1991, с. 44-89) по обряду вытнуто на спине, в позе „предстоящего“, носители комплекса дунайско-древневосточной идеологии придавали останкам покойного позу адоранта с согнутыми в коленях ногами, а саму смерть осмысливали, как жертвоприношение богам. Возникновение и развитие курганных обрядов над скорченными и окрашенными охрой останками покойных связано именно с ближневосточно-балканской системой погребальных идей: в кургане материализовался комплекс представлений о жертвеннике богам, а само погребение „под полом жертвенника“ - под

насыпью кургана осмысливалось и как необходимая „строительная жертва“ и, как „гений места“ - хранитель территории принадлежащей его этносу. В курганах позднего энеолита-раннего бронзового века означенный комплекс погребальных идей воплотился в больших курганах с мегалитическими и земляными конструкциями.

Естественно-географическая специфика каждого из регионов степи Восточной Европы влияла на особенности формирования конкретных хозяйственно-культурных типов скотоводства. На развитие пастушества в степном Приуралье уже в глубокой древности должна была оказывать большое влияние невозможность тебеневки скота в реальных климатических условиях края. Начиная с позднего энеолита и вплоть до начала среднего бронзового века на территории Оренбургских степей и в сопредельных северостепных регионах отсутствуют сколько-нибудь значительные поселения кочевых скотоводов носителей древнейшей культуры, но, известно большое количество курганных некрополей. В культурных слоях Ивановской, II Большераковской стоянок, Родникового поселения выделяется по два - три ямных сосуда⁶, отложившихся, видимо, в периоды кратковременных летовок. В тоже время значительно южнее, начиная от зоны Узеней и в полупустынях Сев. Прикаспия, там где возможна тебеневка скота, в последние годы изучены долговременные поселения-зимники с керамикой древнейшей культуры: Пшеничное (Юдин А.И., 1989, с. 95, лист 1,4), Кызыл-Хак I (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 138-144, рис. 33-36) и др. Учитывая этнографические сведения о путях перекочевок киргизкайсаков рода жаппас в XVII-нач. XX в., прослеживаемым и археологически по характерным тамгам (Кастанье И.А., 1909, с. 95, лист 1, 4) на каменных стелах⁷, располагая также данными остеологических определений из сарматских погребений бассейна Илека (Косинцев П.А., 1995, с. 93), свидетельствующими о том, что весь жертвенный скот забивался в теплое время года на летних пастбищах,- логично предполагать, что и более древние пастушеские племена— носители древнейшей культуры начала бронзового века также совершали сезонные меридиональные миграции вместе со скотом. В недавнем прошлом сходные сезонные миграции совершали стада

⁴ - До сих пор, на мой взгляд, исследователями недооценена масштабность северомесопотамских прототипов таких характерных для хвалынского-бережновских памятников востока южнорусских степей изделий, как миниатюрные шлифованные топоры, булавы, каменные кольца и браслеты, в том числе нарядно орнаментированные (криволучского типа), каменных подвесок и других украшений. Для синхронных им памятников мариупольского типа (от Поднепровья на западе до средней Волги на востоке) характерна культурная ориентация на балкано-дунайский центр. Прототипами мариупольских украшений, прежде всего—фигурок быков (Мариуполь, Съезжее) нашивавшихся на одежду, очевидно были известные золотые украшения варненского могильника, хотя отдельные типы кавказских каменных предметов, - булавы, топоры, украшения, проникали и в культуру Мариупольского круга.

⁵ Западная ветвь древнейших индоевропейцев в культурном плане больше связанная с Малой Азией инициировала блестящие энеолитические культуры Балкан и, в более широком плане, положила начало индоевропеизации Центральной и Западной Европы. Конечная интеграция этих ветвей археологически воплотилась в циркумпонтийской культурно-исторической и металлургической провинции (Черных Е.Н., 1988, с. 50-52) IV-III тыс. до н. э. Реконструируемый Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым праязык древних индоевропейцев, отражает, в основном, археологические реалии именно этой поры. Разделяя мнение лингвистов о локализации первоначальной прародины индоевропейцев в пределах, Восточной Анатолии и Северной Месопотамии (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981, с. 11), я хотел бы отметить, что реконструируемая Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым (1981, с.1.31) „линия миграций индоевропейской культуры из ближневосточного ареала через Среднюю Азию в исторические области Восточной Европы на новую прародину“ совершенно не отражена в археологических материалах. Бинарное движение двух ветвей древних индоевропейцев через Кавказ и Балканы позволяет увязать в единую систему данные лингвистов и археологов, а также снимает многие противоречия в концепции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, справедливо отмеченные Е.Н. Черных (1988, с. 37-54). Предположение о бинарном распространении и последующей интеграции двух ветвей древнейших индоевропейцев позволяет объяснить т.н. „горную“ лексику, заимствования и следы контактов с носителями картвельских и семитских языков и т.п.

⁶ - Керамика среднестоговского и репинского типов.

⁷ - Тамги рода жаппас отличает наличие „древа жизни“ на левом поле и креста на правом. Они известны в левобережье Урала от полупустынь Прикаспия до южных р-ов Оренбургской области. В 1996 г. группа стел с тамгами рода жаппас открыта мной и А.А. Чибилевым в могильниках Сабр и Кашкан-Тау в Акбулакском районе Оренбургской Области.

степных антилоп-сайгаков и диких лошадей тарпанов, истребленных на территории Оренбургской губернии лишь во второй половине XIX в. Очевидно, что разведение биологически близких им видов домашнего скота (лошадь, коза-овца) в условиях кочевого хозяйства наиболее адекватно экологическим условиям данной территории. Среди исследователей, к сожалению, до сих пор сильны стереотипы, оставшиеся в наследие от марксистско-ленинской методологии, - формационный подход к явлениям прошлого, линейные концепции историко-культурного прогресса. В отношении пастушеских культур исследователи, обычно, игнорируют их большой динамизм в сравнении с земледельческими культурами: любые изменения демографической ситуации, военно-политических условий, эпизоотии и т.п., приводили либо к изменению традиционных путей кочевий, либо переходу к отгонным формам скотоводства, стойловому содержанию части скота и т.д. Переформирование хозяйственно-культурных типов скотоводства в Волго-уральских степях менее всего можно представить в виде линейной схемы: от доместики к оседлому придомному скотоводству, далее к отгонным формам, и, наконец, - кочевое скотоводство. Для древних скотоводческих культур региона, очевидно, верна иная культурно-хронологическая схема: от кочевого скотоводства в энеолите и начале бронзового века (с конца V до нач. II тыс. до н.э.), к сочетанию оседлых и подвижных форм в позднем бронзовом веке (середина, вторая половина II тыс. до н.э.), далее на протяжении раннего железного века и эпохи средневековья кочевое скотоводство господствует абсолютно. Эта последовательность подтверждается анализом всей суммы археологических и этнографических материалов, наличием или отсутствием в конкретные эпохи поселений, наличием или отсутствием долговременных сооружений на поселениях и т.п. Иные маркеры кочевого скотоводства, - распространение курганных обрядов и использование медных предметов, менее зримо с ними связаны, но именно они составляют цельный законченный образ культуры древнейших кочевых скотоводов южнорусских степей носителей древнеямной АК энеолита-раннего бронзового века.

В степях Заволжья и Приуралья древнейшие достоверно установленные случаи возведения раннеэнеолитических курганов зафиксированы у с. Бережновка, Ровное, Политотдельское (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992, с. 18-31). Еще задолго до того как были открыты всемирно известные Хвалынские раннеэнеолитические могильники, В.Н. Даниленко отнес эти погребения к древнейшей каспийско-днепровской фазе развития ямной области (Даниленко В.Н., 1974, с. 47, 61) - времени

„ассимиляции азово-днепровской культуры“ (поздней днепро-донецкой по Д.Я. Телегину), оставившей могильники Мариупольского типа. В степном Приуралье к этой культурной группе относятся материалы развеянных погребений Ивановского могильника и соответствующих ему культурных слоев Ивановской и Турганинской стоянок (рис. 1-8). Эти памятники датируются концом V-началом IV тыс. до н.э., и синхронизируются с ранними этапами домайкопской культуры Сев. Кавказа (Нехаев А.А., 1990, с. 40-41), позднеэнеолитическими могильниками мариупольского типа и раннетрипольскими памятниками. Начиная с раннего энеолита на протяжении последующих тысячелетий вплоть до начала нового времени курганы становятся господствующим типом погребальных сооружений в степях Восточной Европы. Именно с возникновением в рельефе степи древнеямных курганов связаны первые необратимые антропогенные трансформации ландшафтов.

Причины внезапного распространения курганных обрядов в короткий исторический срок от степей Заволжья на востоке до Дуная на западе, равно как и истоки курганной традиции дискуссионны. В отношении проблемы генезиса курганной традиции в археологической литературе отчетливо сформулировано несколько позиций. Согласно одной из них, курганные традиции сформировались вне зоны степей Восточной Европы, либо на ее лесостепной периферии и были привнесены мигрантами из среды мегалитических культур Европы - Воронковидных кубков (Сафронов В.А., 1989, с. 153-154; Резепкин А.Д., 1991, с. 196-197) и др. Вариантом этой концепции является предположение И.Ф. Ковалевой о хронологическом приоритете т.н. „постмариупольских“ курганных погребений с обрядом вытянутого труположения территории орельско-самарского междуречья (Ковалева И.Ф., 1986, с. 56-66 и др.). Эти концепции, к сожалению, оперируют единичными примерами и не основываются на сколько-нибудь широкой корреляции эталонных памятников различных зон Восточной Европы, не обеспечиваются необходимым арсеналом стратиграфических наблюдений, калиброванных дат и т.п. Памятники с наиболее яркими мегалитическими конструкциями в степях Восточной Европы и на Сев. Кавказе относятся к позднеэнеолитическому времени, к периоду расцвета Кавказского очага металлообработки и соотносятся с целым рядом позднеэнеолитических и раннебронзовых памятников. К этому же времени относится и большая часть сопровождаемых металлическими предметами, литейными формами, украшениями и керамикой т.н. „постмариупольских“ захоронений. Хронологический

приоритет нижеволжских погребений бережновского типа, лежащих в нижнем ярусе свиты культуры энеолита-бронзового века, очевиден, актуален и в наши дни. Каменные орудия, украшения из кости и раковин, техника орнаментации керамики, форма глиняной посуды курганных погребений бережновского типа, и синхронных⁸ грунтовых могильников волжского правобережья (Агапов С.А. и др., 1990; Малов Н.М., 1990), еще имеют неолитический облик. Типологически они близки культуре могильников мариупольского круга. Каменные кольца, браслеты, булавы и топоры, обнаруженные в этих памятниках указывают на очень древние переднеазиатские прототипы VII-VI тыс. до н.э. (Макзалия, Тель Сотто, Сиалк I) (Бадер Н.О., 1989, с. 94, 102-103, 155, 183, 201, 204). Каменные кольца и браслеты из погребений и поселений востока южнорусских степей, хотя и относятся к несколько более позднему периоду, тем не менее, коррелируются с раннеэнеолитическими памятниками центрального (пос. Тетралица) (Энеолит СССР, 1982, с.162) и Сев. Кавказа (пос. Свободное, Замок, Нальчикский могильник) (там же, с. 163-164). Помимо сходных типов украшений и каменных орудий, на их культурно-

хронологическую близость указывает керамика типа пос. Свободное, обнаруженная в культурных слоях хвалынских поселений Сев. Прикаспия и в Хвалынском I могильнике (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988, с. 139-140).

Значительно больше различий между хвалынско-бережновскими памятниками и мариупольскими, но, как уже отмечал П.П. Барынкин „...техничко-типологические характеристики комплексов... (памятников Мариупольского круга и хвалынских - С.В. Богданов) предполагают... параллельное существование двух культур" (Барынкин П.П., 1990, с. 35). Синхронность этих памятников отражается в материалах Ивановской, Турганинской, II Большераковской, I Лебежинской стоянок в Самарском Заволжье и Приуралье, а также закрытый комплекс широко известного погребения у с. Политотдельское.

На хронологическую близость подкурганных скорченных захоронений и вытянутых погребений могильников Мариупольского типа указывают, ставшие уже системой, находки украшений мариупольского типа в подкурганных погребениях - бус из гешира, змеевика, сердолика и раковин, характерных порфиритовых подвесок с двумя отверстиями, подвесок из зубов оленя, а главное— типично мариупольских пластин из клыков кабана с насечками и нарезками по краю (например, Трифионов В.А., 1991, с. 106; Телегин Д.Я., 1991, с. 41). Да и сами эти каменные украшения, а также булавы Мариупольского и Никольского могильников бесспорно кавказского происхождения.

Еще одна гипотеза о происхождении курганной традиции сформулирована в классической монографии Н.Я. Мерперта (1974). По его мнению курганная традиция является автохтонным феноменом древнейшей культуры, неким концентрированным выражением „...специфически степного скотоводческого хозяйства, специфически степных крупных патриархальных коллективов, специфически степной психологии...", и „...связано с стремлением разбить однообразие равнины и сделать видимым отовсюду последний стоянки своих соплеменников" (Мерперт Н.Я., 1974, с. 131-132). На недостаточность аргументации этой позиции Н.Я. Мерпертом, уже указывал целый ряд авторов (Резепкин А.Д., 1991, с. 195-196), но ее принципиальные аспекты - связь курганной традиции преимущественно с индоевропейскими пастушескими раннеэнеолитическими племенами востока южнорусских степей, верны, ее разделяли В.Н. Даниленко, М. Гимбутас и целый ряд других авторов.

Проблемы формирования и развития памятников древнейших курганных культур крайнего востока южнорусских степей - приуральского региона, в последние годы вызывают пристальный

⁸ - Инвентарь древнейших подкурганных захоронений и грунтовых могильников хвалынского типа неразличимы. Крайне близок и погребальный обряд. Недавно мной уже высказывались аргументы в пользу синхронизации этих памятников (Богданов С.В., 1997, с. 9-11). К сходным выводам ранее пришли Н.М. Малов (1982, с. 30), В.Я. Кияшко (1994, с. 68) и В.А. Трифионов (1991, с. 104, 106). Предположение И.Б. Васильева о хронологическом предшествовании грунтовых могильников „развитого" или „среднего" энеолита, по его периодизации, подкурганным „позднего" энеолита, обусловлено конструкцией выделяемой автором „хвалынско-среднестоговской общности", сложившейся на базе памятников „мариупольской историко-культурной области" (Васильев И.Б., 1981, с. 19-42). Оригинальная концепция И.Б. Васильева бесспорно отражает общие тенденции развития керамики культур энеолита - бронзового века Волго-Уральского региона; но она уязвима по целому ряду аспектов: генетическая связь хвалынских и мариупольских памятников крайне гипотетична, как впрочем, никем не доказана синхронность хвалынских и разнородного агломерата среднестоговских (Телегин Д.Я., 1973). Хвалынская воротничковая керамика технологически гораздо ближе соответствующим группам позднеэнеолитической керамики. Э то же время, среднестоговская раструбошейная посуда находит целый ряд аналогий в позднеэнеолитической керамике пос. Пшеничное (Юдин А.И., 1989, с.148-155), Алексеевка (Трифионов В.А., 1991, с. 45-50), керамике „турганинского" и „токского" типов (по Н.Л. Моргуновой) Ивановской стоянки (Моргунова Н.Л., 1995, с.158-159, 167), в североказахстанских памятниках ботайской культуры (Васильев И.Б., 1981, с. 88-91). Определенное сходство самого общего порядка в иных категориях и типах погребального инвентаря наблюдается лишь между хвалынскими и новоданиловскими памятниками (по Д.Я.Телегину (1973, с.79; - тип Касимча по В.Г.Збенович).

В.Г.Збенович отмечал предшествование новоданиловских памятников среднестоговской культуре и относил к раннему энеолиту, как, впрочем, и Хвалынский могильник (Збенович В.Г., 1989, с.142, табл.82, с.199-200). Представляется, что памятники хвалынского и бережновского типов отражают несколько более ранний хронологический срез начала энеолита. Курганные погребения типа Касимча-Суворово с порфиристыми скилтрами, появляются в конце этого периода и отражают довольно узкий хронологический отрезок ок. третьей четверти-середины IV тыс. до н. э. (Даниленко В.Н., 1974).

интерес исследователей. Этот интерес стимулирует быстрое накопление нового материала в 70—90 г.г. в связи с масштабными раскопками и плодотворными исследованиями оренбургских археологов, прежде всего д.и.н. доцента ОГПУ Н.Л. Моргуновой, ее учеников и коллег.

Памятники древнейших курганных культур степного Приуралья, расположенные на границе Европы и Азии, обладают ключевым значением в решении целого ряда недостаточно разработанных проблем происхождения, взаимоотношения, периодизации и хронологии культур эпохи меди (энеолита-раннего бронзового века). С формированием, выделенной Е.Н. Черных, циркумпонтийской металлургической провинции, степное Приуралье становится крупнейшим в Старом Свете центром металлообработки меди,

базирувавшемся на медистых песчаниках пермского периода. Уже начиная с конца IV-нач. III тыс. до н.э., очевидно, начинают разрабатываться грандиозные Каргалинские медные рудники (Черных Е.Н., 1997, с. 17-27), расположенные близ г. Оренбурга, а также менее крупные выходы пермских песчаников - Сайгачий рудник, г. Горюнь, Рудницкое и др.

В самом конце РБВ пастушеские племена, степного Приуралья, располагая уникальной металлургической базой, достигли высокого расцвета в материальной и духовной культуре, социальных отношениях, оставив яркий след в истории Евразии, создав уникальную традицию возведения больших курганов, сопоставимых с северокавказскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.
- Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.
- Барынкин П.П., 1990. Северный Прикаспий в периоды энеолита-ранней бронзы // Проблемы древней истории Сев. Прикаспия. Куйбышев.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Сев. Прикаспии. // Археологические культуры Сев. Прикаспия. Куйбышев.
- Богданов С.В., 1997. Древнейшие курганные культуры востока южнорусских степей // Степи Евразии. Оренбург.
- Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.
- Гамкрелидзе Т.К., Иванов В.В., 1981. Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ., №2.
- Данilenko В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.
- Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА, № 4.
- Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
- Збеневич В.Г., 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Кастанье И.А., 1909. Отчет за 1907 г. // Известия ИРГО. Вып. XXI. Оренбург.
- Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой. Нижнее Подонье в V-III тыс. до н.э. Азов.
- Ковалева И.Ф., 1986. Еще раз о стратиграфическом соотношении постмариупольских, нижнемихайловских и древнеямных погребений // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск.
- Косинцев П.А., 1995. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М.
- Лаверушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самара.// Н.Л. Моргунова. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Малов Н.М., 1982. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Малов Н.М., 1990. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Проблемы древней истории Сев. Прикаспия. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Нехаев Л.А., 1990. Домайкопская культура Сев. Кавказа // Проблемы древней истории Сев. Прикаспия. Куйбышев.
- Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Сафронов В.А., 1989. Индоевропейские прародины. Горький.
- Телегин Д.Я., 1973. Средньостоговська культура епохи міді. Київ.
- Телегин Д.Я., 1982. Области культур эпохи неолита юга европейской части СССР, их хронология и периодизация // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепрпетровск.

Телегин Д.Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.

Черных Е.Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.

Черных Е.Н., 1997. Кургалы. Забытый мир. М.

Чибилев А.А., 1992. Экологическая оптимизация степных ландшафтов. Свердловск.

Чибилев А.А., 1996. Природное наследие Оренбургской области. Оренбург.

Энеолит СССР., 1982. М.

Юдин А.И., 1989. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгуй // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

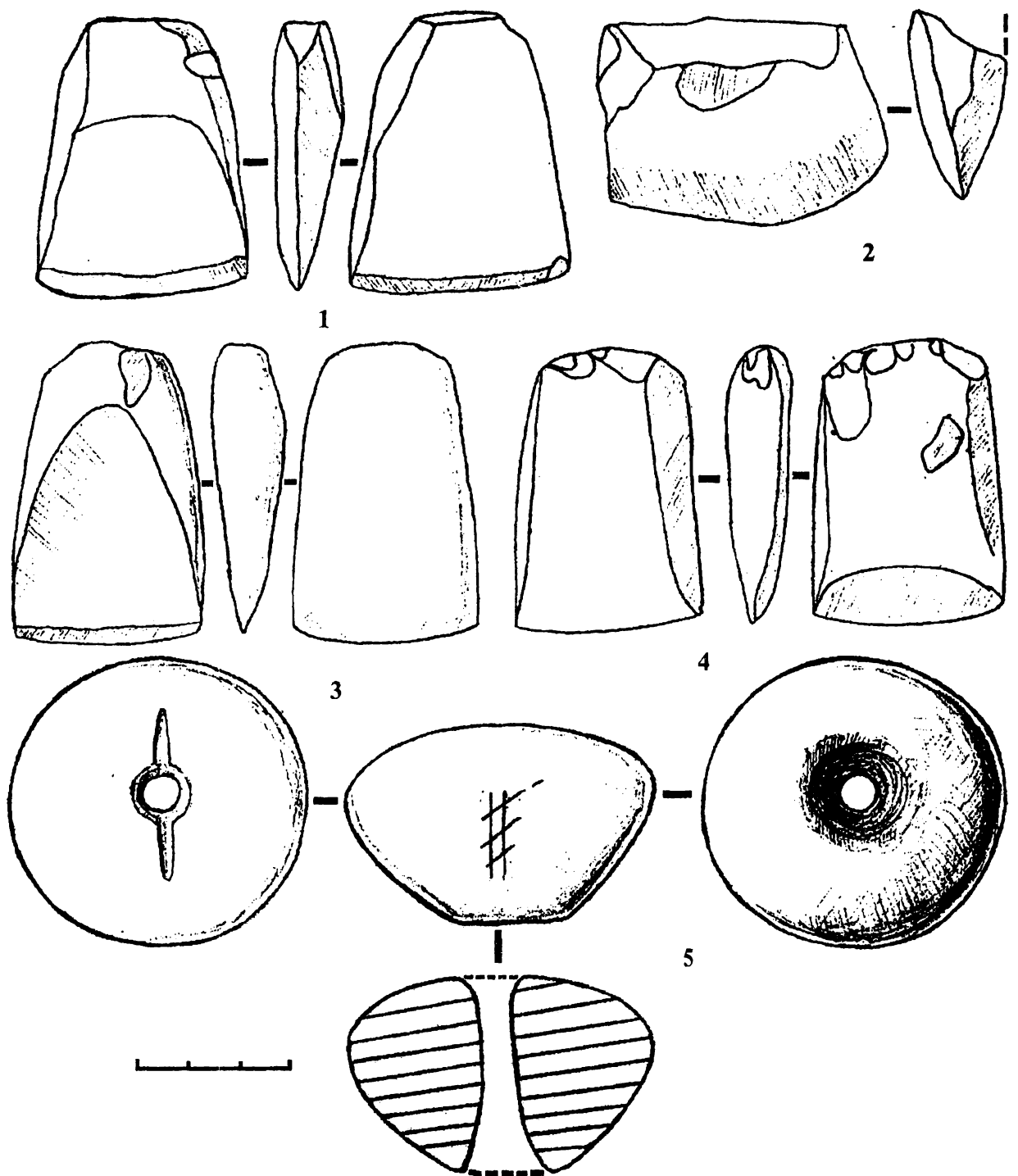

Рис.1. Каменные топоры и булава раннего энеолита. 1, 5 – Ивановский могильник; 2-4 – случайные находки с территории Оренбургской области.

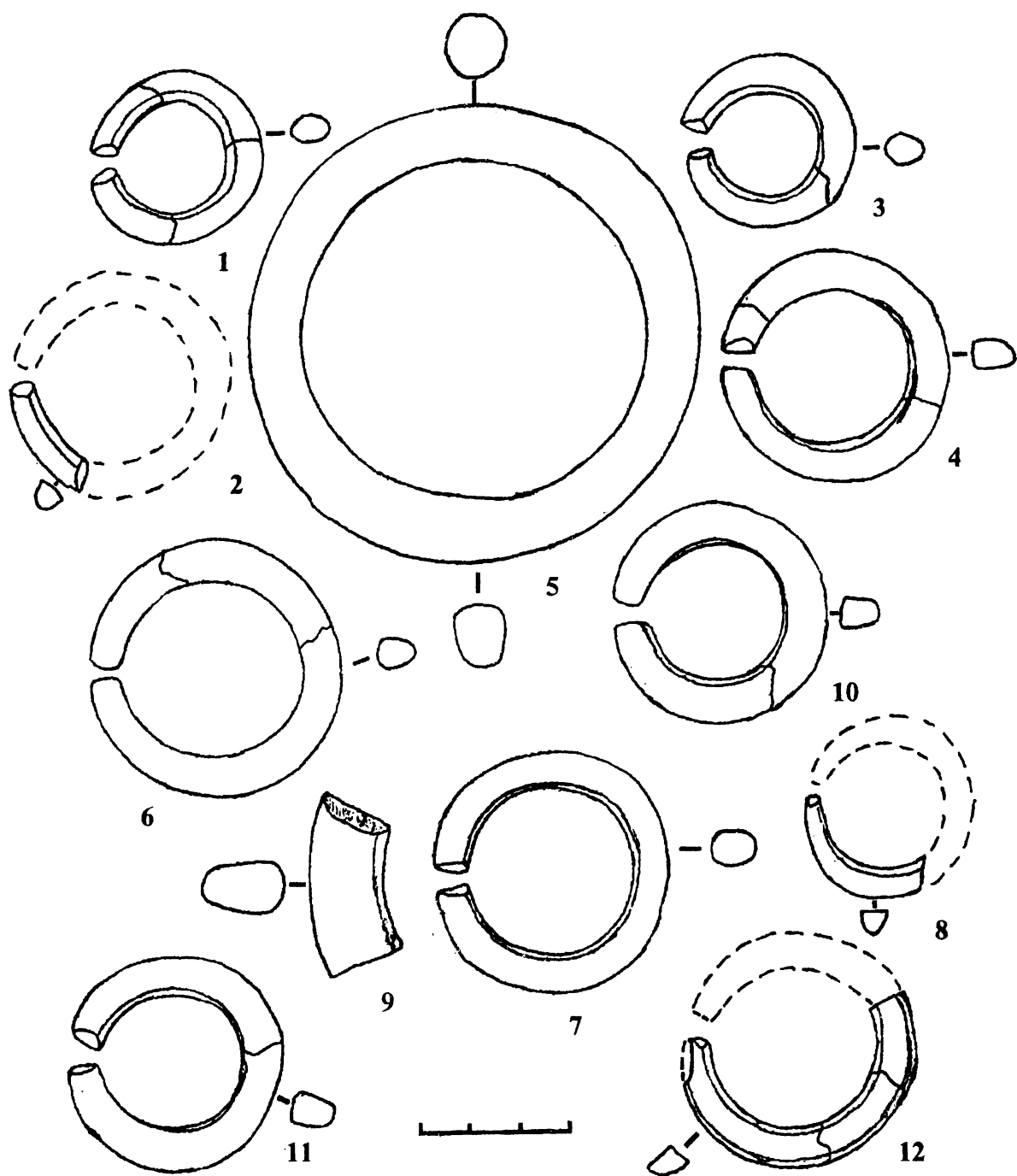

Рис.2. Каменные кольца и браслеты с территории степного Приуралья – дериваты северомесопотамских и кавказских изделий. 1, 3, 4, 6-8, 11, 12 – мергелевые кольца Ивановского могильника; 2 – обломок мергелевого кольца из культурного слоя Турганикской стоянки; 5 – серпантиновый браслет Ивановского могильника; 9 – обломок каменного браслета из кургана 3 V Нижнепавловского могильника.

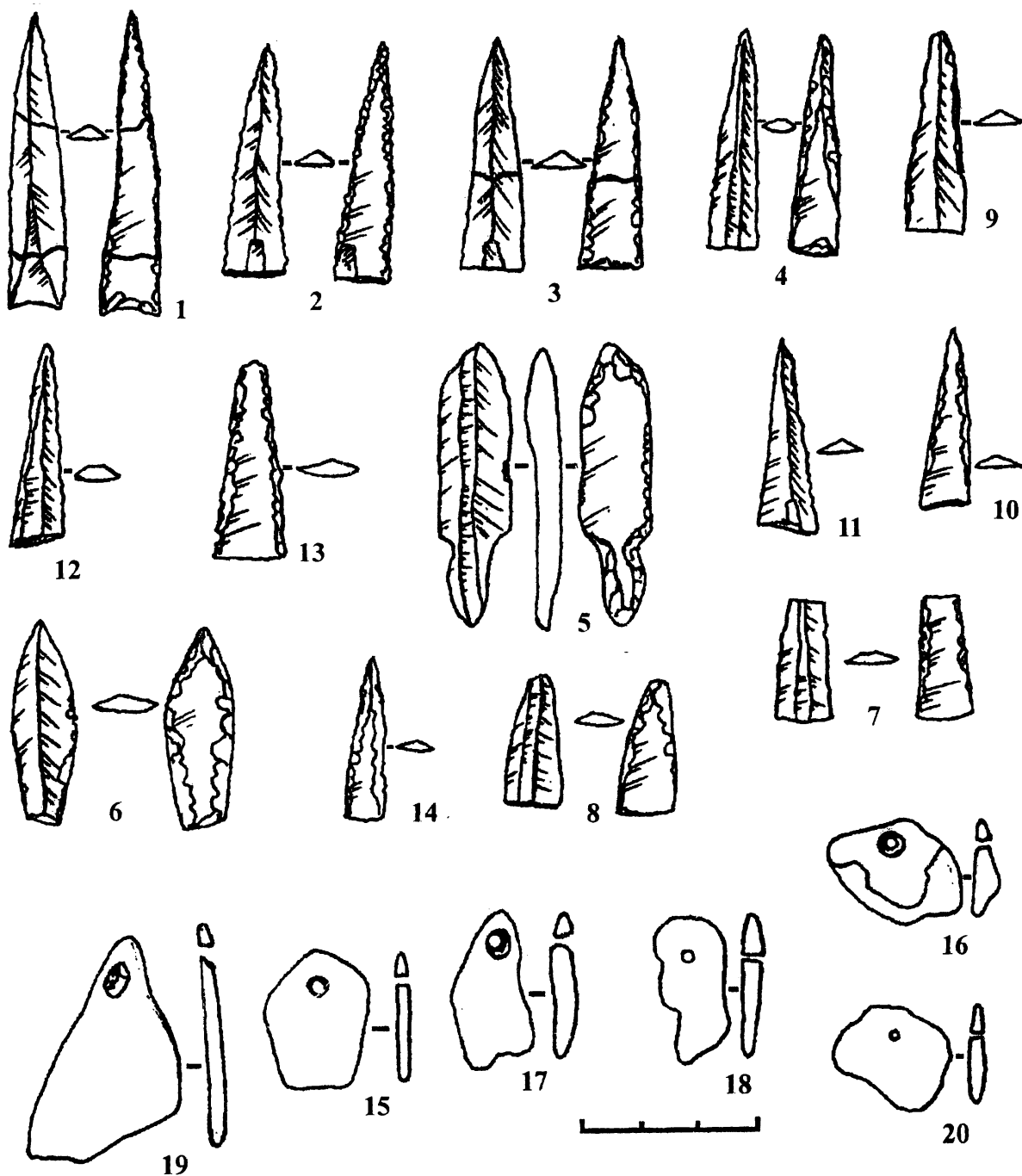

Рис.3. Кремневые наконечники стрел и сланцевые подвески. 1-14, 19 – Ивановский могильник; 15-18, 20 – Ивановская стоянка.

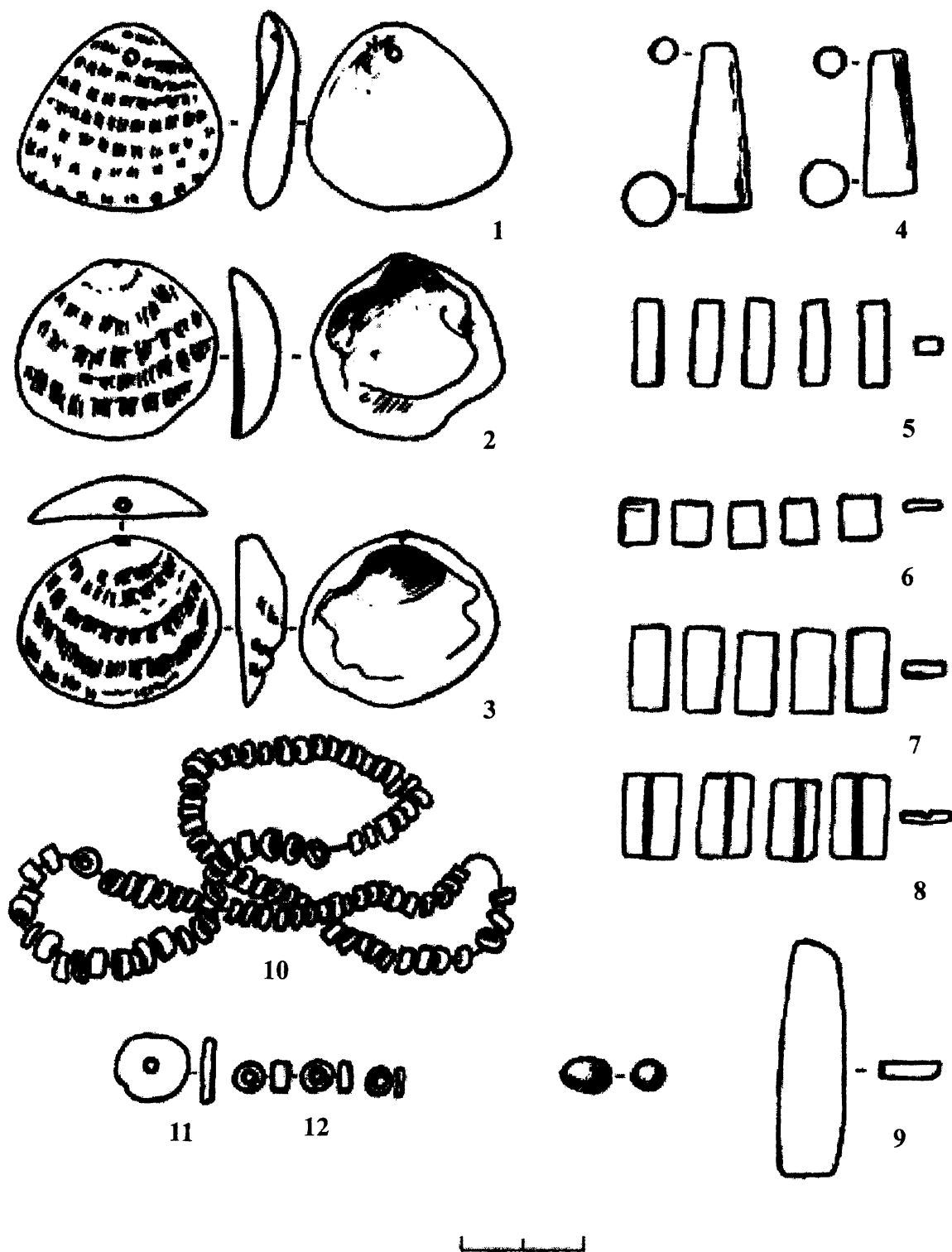

Рис.4. Украшения из ископаемых раковин и медный слиток. 1, 11 – Ивановская стоянка; 2 –12 – Ивановский могильник; 13 – медный слиток (Ивановский могильник).

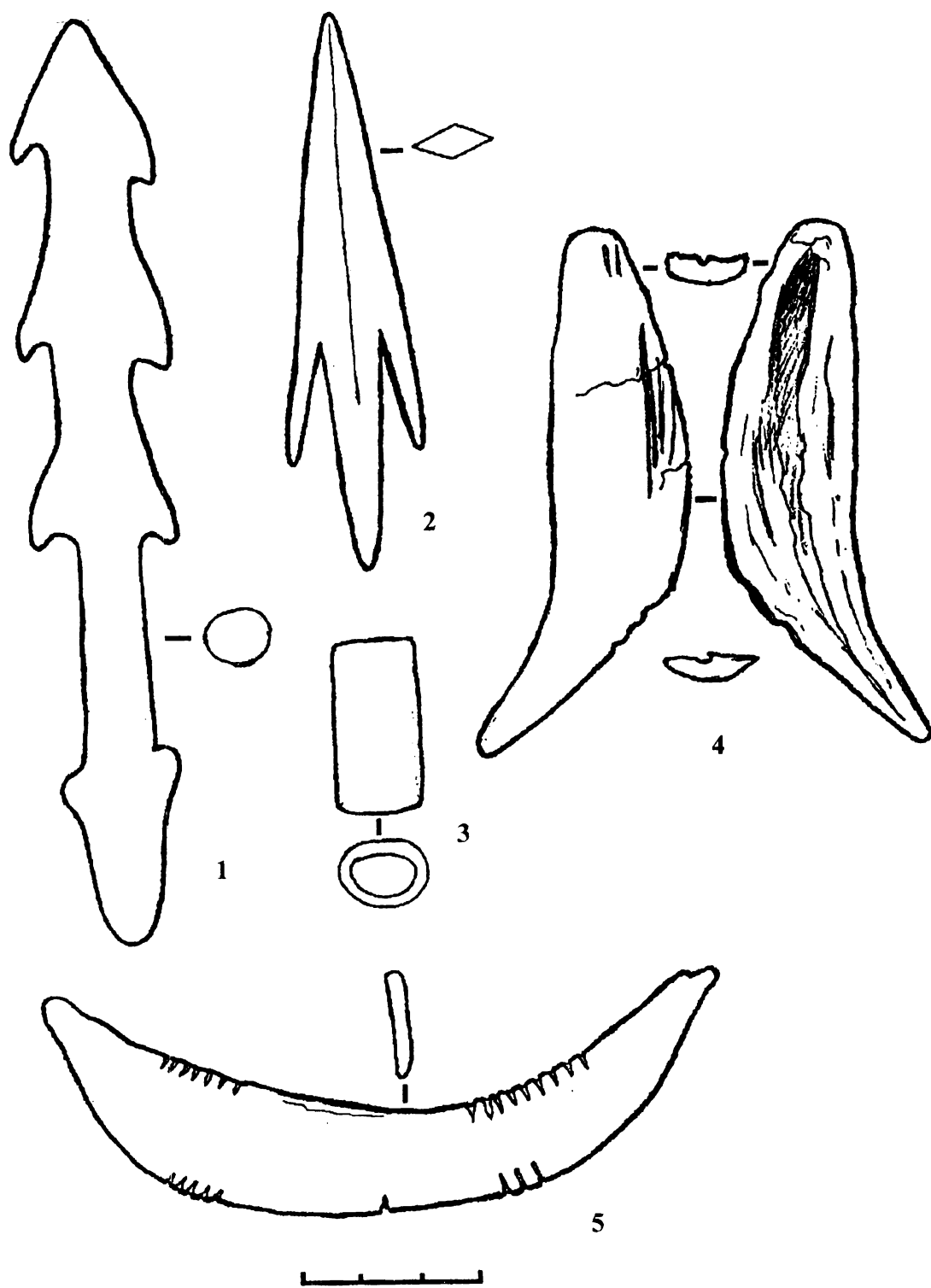

Рис.5. Костяные орудия и украшения Ивановской и Турганикской стоянок

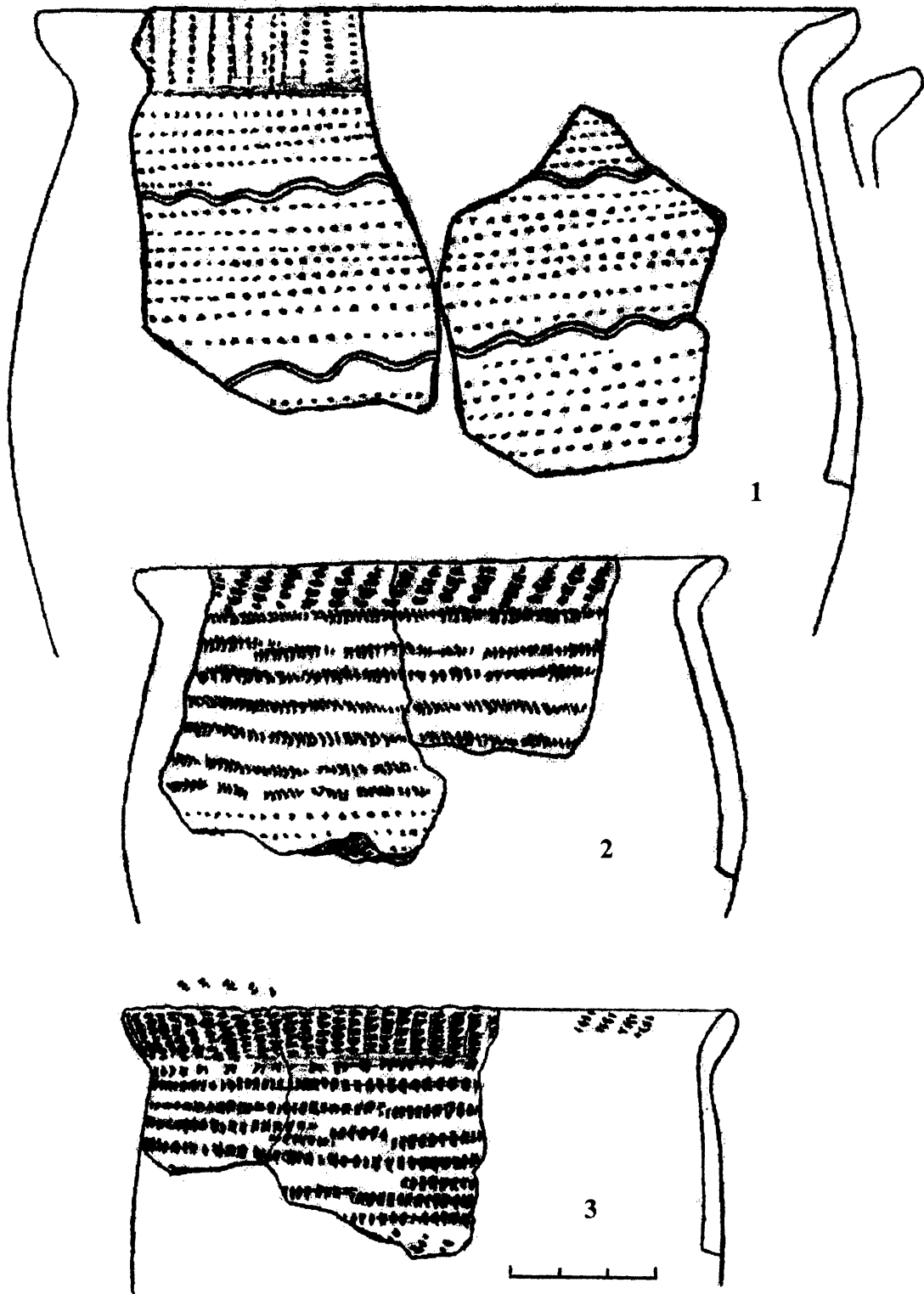

Рис.6. Воротничковая керамика хвалынско-бережновского типа. Турганикская стоянка

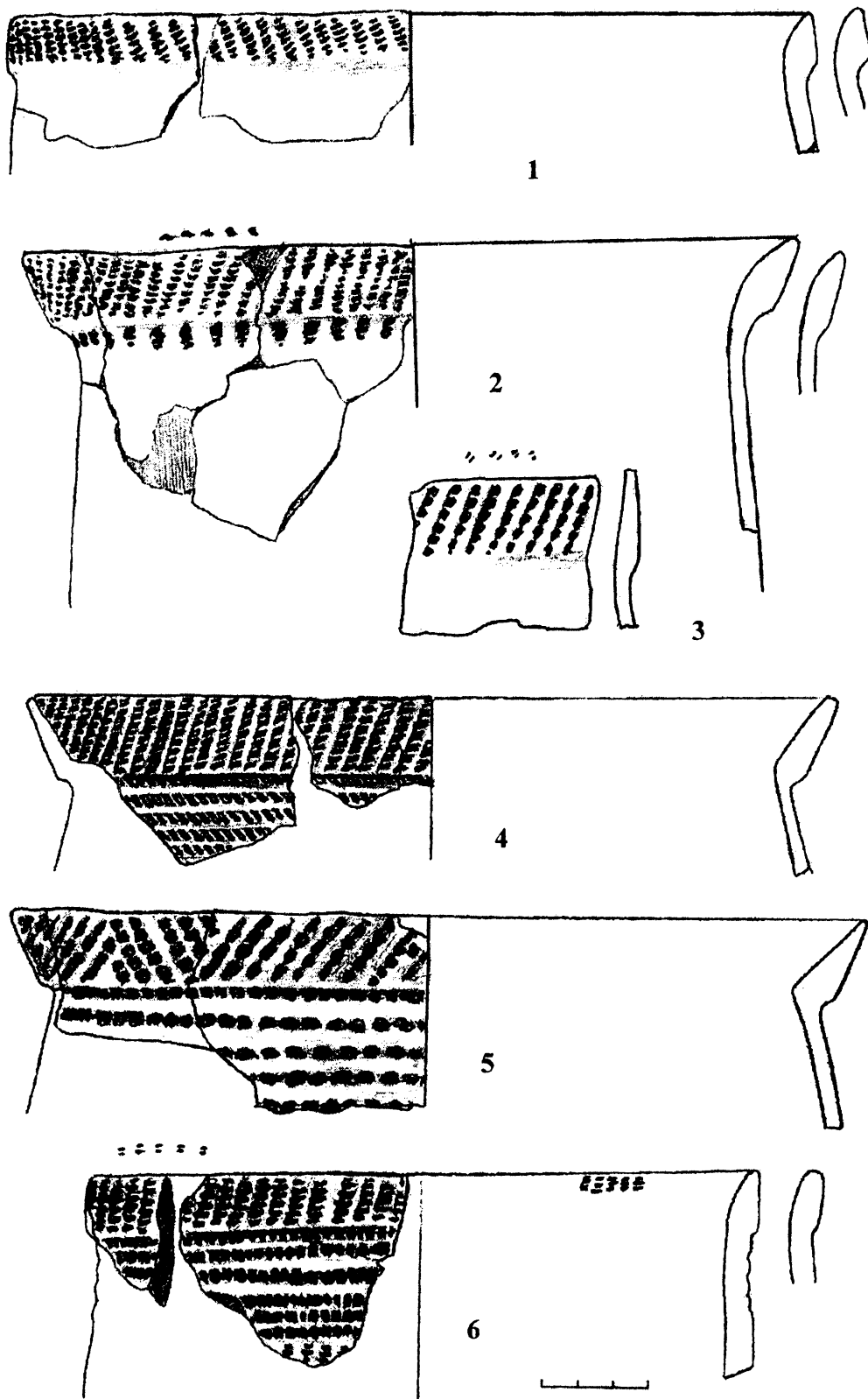

Рис. 7. Воротничковая керамика хвалынско-бережновского типа. Турганикская стоянка.

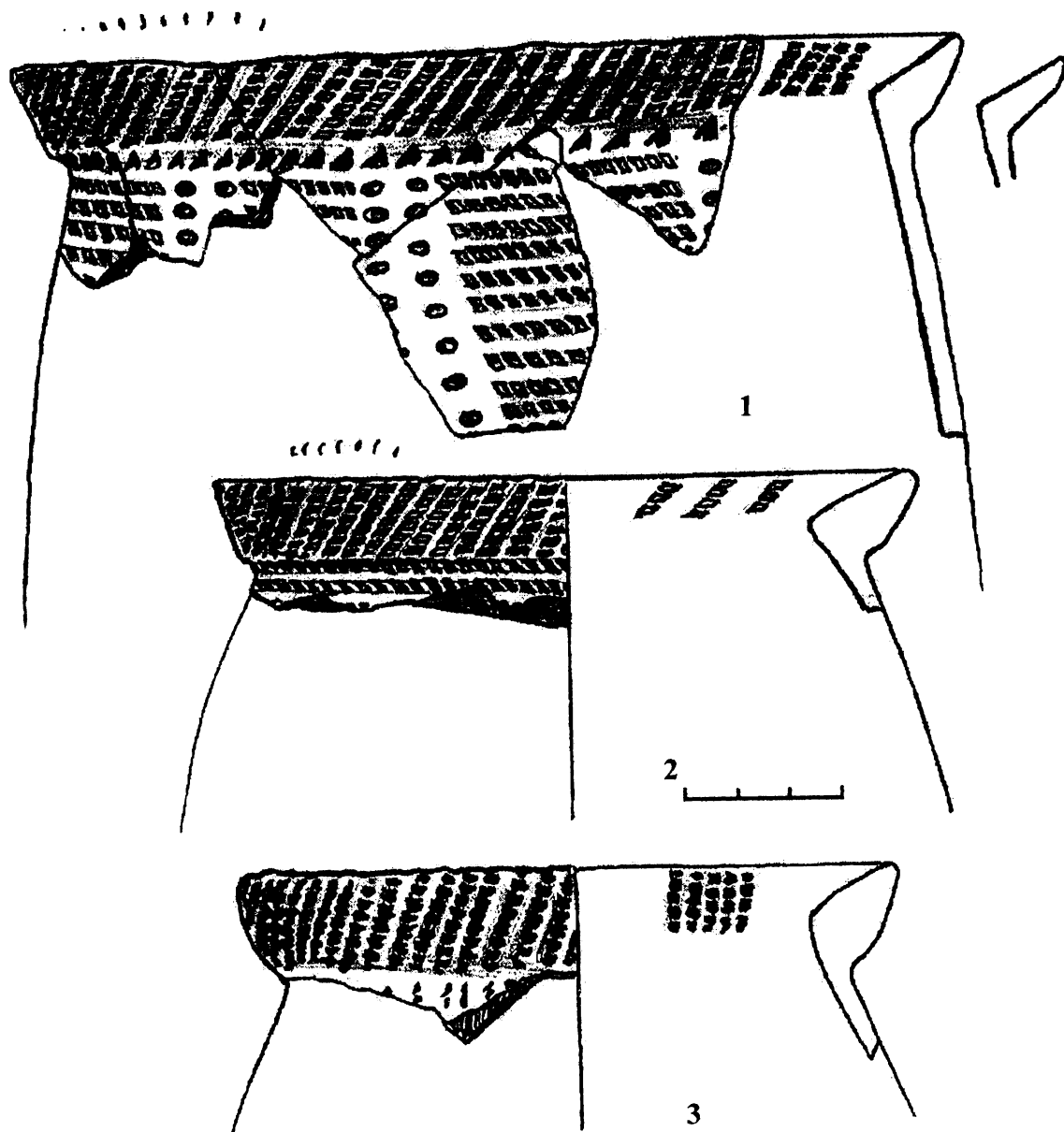

Рис.8. Воротничковая керамика хвалынско-бережновского типа. Турганикская стоянка.

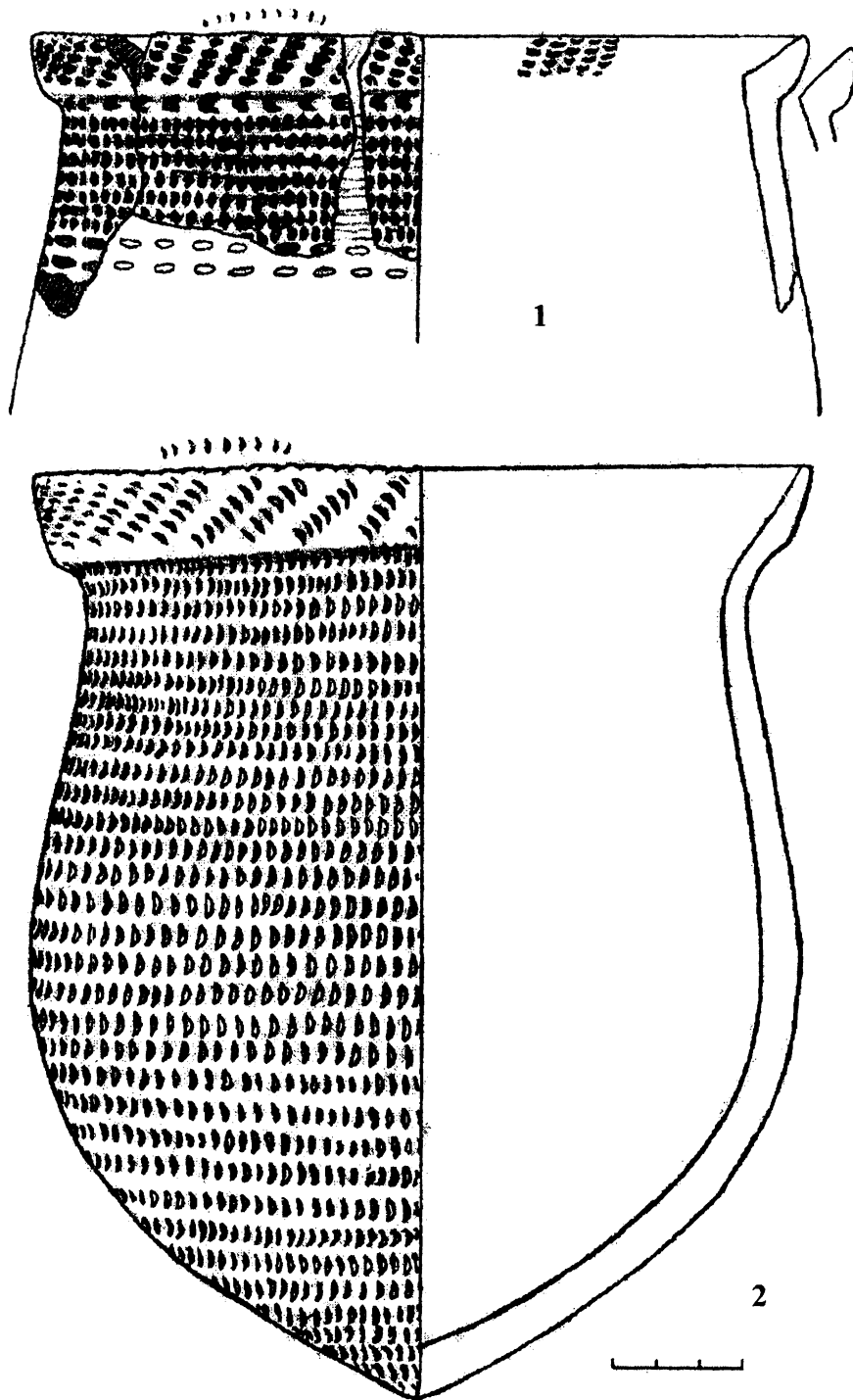

Рис.9. Воротничковая керамика хвалынско-бережновского типа. Турганикская стоянка

СТОЯНКА АГАПОВКА I И ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬСКОГО ЭНЕОЛИТА

С открытия первого энеолитического памятника в Южном Зауралье прошло уже более 100 лет. В 80-х годах XIX века действительный член Уральского общества любителей естествознания К.А.Шишковский обследовал берега озера Кысы-Куль, недалеко от г.Миасса и на площадке юго-восточного берега, размытой вследствие поднятия воды, обнаружил несколько каменных орудий и орнаментированные фрагменты керамики (Шишковский К.А., 1884, с. 188-190). Стационарные раскопки на стоянке были проведены лишь в 1937 году экспедицией Челябинского областного краеведческого музея под руководством К.В.Сальникова. Несмотря на целый ряд упоминаемых материалов Кысы-Куля в различных публикациях, включая и совсем недавние (Крижевская Л.Я., 1977; Матюшин Г.Н., 1982), к сожалению, полностью памятник опубликован так и не был.

За последние 40 лет в Южном Зауралье исследовано раскопками около 50 памятников, содержащих материалы эпохи энеолита. На основании проведенных исследований в Южном Зауралье было выделено две энеолитические культуры - кысыкульская для юга лесной зоны Южно-уральского Приозерья и суртандинская для лесостепной и степной зоны озер Башкирского Зауралья (Крижевская Л.Я., 1979; Матюшин Г.Н., 1982). В характеристиках обеих культур авторами было изначально обозначено столько общих черт, что специальное исследование по керамике (Мосин В.С., 1993) показало, что памятники энеолита Южного Зауралья относятся к одной археологической культуре, назвать которую можно кысыкульско-суртандинской.

Проведенные в 90-х годах обобщения энеолитических материалов Зауралья и Северного Казахстана позволили практически одновременно нескольким исследователям прийти к выводу о существовании единой зауральско-североказахстанской культурно-исторической общности (или области) в Южном и Среднем Зауралье и Северном Казахстане, объединяющей памятники кысыкульско-суртандинской, аятской, ботайской и терсекской культур (Мосин В.С., 1993; Шорин А.Ф., 1993; Чаиркина Н.М., 1993). Все, казалось бы, встало на свои места, за исключением одного важного вопроса - о периодизации энеолита Зауралья. Имеющиеся огромные коллекции укладывались в один этап, характеризующийся керамическим комплексом, включающим сосуды с простыми и

геометрическими узорами. Ситуация изменилась с открытием и исследованием стоянок Шувакиш I в Среднем и Агаповка I в Южном Зауралье.

Стоянка Агаповка I находится в 3 км к юго-востоку от поселка Агаповка Челябинской области. Памятник расположен на террасе левого берега реки Урал и правого берега реки Гумбейка, приуроченный к месту впадения р.Гумбейка в р.Урал. Стоянка занимает ровную площадку мыса, образованного изгибом террасы и логом, являвшимся древним водотоком, на сегодняшний день прорезанным оврагом, высотой 2 м от уровня поймы, на которой разбросаны небольшие старичные озера.

На стоянке вскрытая площадь составила 48 кв.м. Стратиграфия раскопа довольно проста: 0,05-0,1 м - сохранившийся дерн, 0,12-0,3 м - коричневый суглинок, в верхней части более темный, книзу светлее - культурный слой, ниже - материковая светлая глина. В процессе разборки культурного слоя обнажались как отдельные камни, так и скопления, однако, в виду ограниченной площади раскопа проследить закономерность не удалось. Увеличение концентрации находок к краю раскопа, обращенного к пойме, связано с тем, что раскоп был заложен на самом краю площадки памятника.

Коллекция стоянки, представленная 4800 предметами из камня, керамики и кости, довольно оригинальна и представляет большой интерес для изучения энеолита Зауралья. Для изготовления заготовок и орудий из камня использовались, в основном, черная яшма и серый кремль различных оттенков, а также зеленая, сургучно-зеленая, сургучная, коричневая, серая и цветная яшма, цветной, желтый кремль и окремненные породы различных цветов.

Пластины и орудия на них представлены 892 экз., среди которых 556 экз. или 62% шириной до 1 см (табл.1).

Орудия на отщепях представлены 156 экз. Среди отходов производства, которые составляют 72%, абсолютно преобладают мелкие отщепы и чешуйки.

Отбойники - 3 экз., представлены кварцевыми гальками овальной формы с характерными для этого типа орудий забитостями и сколами.

Нуклеусы - 7 экз.(рис. 1,1), среди них один уплощенный, сильно сработанный со слегка скошенной площадкой, ребром на тыльной стороне, микролитическими негативами от снятия пластин;

второй нуклеус близкой к конической форме со слегка скошенной площадкой и грубыми негативами сколов (рис. 1-2); третий нуклеус призматический с тыльной стороной, покрытой желвачной коркой и грубыми негативами сколов. Остальные 4 экз. представлены расколотыми поперек нуклеусами, вероятно, сломанными в процессе работы. Кроме этого, в коллекции среди продуктов подготовки нуклеусов и их "оживления" - 43 поперечных скола, 14 продольных сколов и 12 ребристых пластин.

Пластины без ретуши делятся на пластины правильного и неправильного ограничения. Пластин неправильного ограничения всего 99 экз., среди них преобладают экземпляры шириной от 0,8 до 1,4 см. Эта категория пластин имеет дивергентные или конвергентные боковые грани и непараллельную огранку спинки.

Пластин с правильной огранкой всего 421 экз. Пластины узкие, с преобладающей шириной до 1 см, параллельными краями, трапециевидные или треугольные в сечении. Эта категория пластин отражает высокий уровень техники расщепления нуклеусов на пластины.

Пластины с ретушью утилизации представлены 198 экз. Среди этой категории пластин преобладают шириной до 1 см. По краям пластины фиксируются характерные выщерблины, мелкие заломы, нерегулярные фасетированные участки, образующиеся при использовании пластин.

Пластины с ретушью - 60 экз. (рис. 1,3-26), преобладающая ширина от 0,8 до 1,2 см. Ретушь регулярная, расположенная по одному или двум краям пластин.

Резцы угловые - 43 экз. (рис.2, 7-11) изготовлены на сечениях пластин преобладающей шириной до 1,1 см. Резцовые сколы расположены с одного или двух углов пластинки, многофасеточные резцы редки.

Пластины с выемками (скобели) - 15 экз. (рис.2, 3-6) - изготовлены из пластин, оформлены одной или двумя выемками по краям. Многовыемчатые скобели отсутствуют.

Резчики - 10 экз. (рис.2, 11-12) - изготовлены из пластин, рабочий край представлен мелкой ретушью по углу сломанной пластинки, возможно полученной в результате работы углом пластинки в качестве резца без резцового скола. Пластины с обработанным торцовым краем (рис. 2-15) представлены 6 экз. с мелкой ретушью, расположенной по торцу сломанной пластинки. Ретушь мелкая, могла появиться в результате работы. Одна пластинка с притупленным боковым краем, ретушь крутая, почти вертикальная (рис. 2-2). Подобные орудия использовались в качестве вкладышей составных орудий.

Острия и сверла - 12 экз. (рис. 2, 13, 14, 15, 16, 17). Острия представлены пластинками с обработанным острым торцевым краем. Большинство из них изготовлены на дистальных частях пластин. Сверла имеют рабочий край, обработанный характерной противоположающей ретушью.

Скребки концевые на Пластинках - 33 экз. (рис. 2, 18-27) - изготовлены на сечениях различных частей пластин, как правило, шириной, превышающей 1 см. Рабочие части имеют различную конфигурацию: прямые, округлые, скошенные, приостренные. На некоторых скребках дополнительной ретушью подработаны боковые грани, прилежащие к рабочему краю. Большинство пластин правильного ограничения, треугольные или трапециевидные в сечении.

Геометрические микролиты - 1 экз. (рис. 2, 1) - представлен трапецией слегка асимметричной формы. Боковые грани обработаны крутой регулярной ретушью. Ширина пластины, на которой изготовлена трапеция - 0,9 см.

Среди орудий на отщепях самой многочисленной группой являются скребки - 77 экз. (рис.3, 1-16, 19). Заготовками для изготовления скребков на отщепях служили: краевые сколы с яшмовых плиток и галек, пластинчатые отщепы, отщепы различной конфигурации.

Среди форм скребков встречаются концевые, боковые, округлые, приостренные, скошенные. Рабочие лезвия преимущественно занимают 1/3 или 2/3 периметра заготовки, скребки с круговым лезвием единичны. Иногда скребки имеют дополнительную подработку верхнего или нижнего края плоской ретушью. Заготовки скребков, в основном, уплощенные, высоких форм практически нет.

Скребла - 9 экз. (рис. 3, 17-18) представлены различными формами: концевые, боковые, округлые. Изготовлены на крупных отщепях, рабочие края оформлены крупной краевой ретушью. Выделяется одно угловатое скребло, изготовленное на отщепе белого мелового кремня (рис. 3-18). Рабочие края сходятся на острие под углом к вектору скалывания. Заготовка имеет широкую массивную площадку скалывания со следами предварительной подработки. Это скребло имеет очень архаичные характеристики и может не относиться к основному комплексу памятника.

Ножи - 3 экз. Изготовлены на крупных отщепях, рабочий край оформлен плоской приостряющей ретушью, характерной для режущих инструментов (рис. 4, 9-10).

Наконечники стрел (рис. 4, 1-8) - двустороннеобработанные, целые - 4 экз., среди них два с прямым, подработанным основанием иволист-

ной формы; один экземпляр из кварцита, листовидной формы; один - листовидный с выемкой в основании и небольшими шипами. Кроме целых наконечников - 10 экз. обломков пера предположительно листовидной формы, различной тщательности обработки. Два обломка основания наконечников - прямых, специально подработанных перпендикулярной ретушью. Заготовки и обломки двустороннеобработанных орудий - 22 экз. - представлены различными частями наконечников копий и дротиков в разной степени обработки.

Отщепы с ретушью - 31 экз. Представлены отщепами различной конфигурации с отдельными участками ретушированных краев.

Изделие из талькового камня представлено заготовкой овально-приостренной формы, пришлифованное со всех сторон.

Керамика стоянки (рис. 5; 6) представлена 210 мелкими фрагментами. Выделяется развал сосуда с "веревочной" орнаментацией, зафиксированный на уровне материка (рис. 5). Толщина стенок 6-8 мм, черепок плотный, в изломе черно-коричневый. Тесто с примесью дресвы, шамота, крупного кварцевого песка. Орнаментальные мотивы просты - горизонтальные полосы, многорядный зигзаг. Гребенчатая керамика стоянки очень фрагментарна, однако, среди характерных черт можно отметить наличие "шагающей" гребенки (рис. 6).

Среди остатков костей зафиксированы кости лося, лошади, крупного быка.

Таким образом, комплекс остатков материальной культуры со стоянки Агаповка I можно коротко определить как сочетающий в каменном инвентаре пластинчатые изделия с изделиями из отщепов с преобладанием первых, а в керамике, присутствие веревочной и гребенчатой (в том числе с "гусеничками") посуды.

Принципиальная важность открытия стоянки Агаповка I заключается в следующем. В последние годы на территории Среднего Зауралья Н.М.Чаиркиной (1995; 1997, с.26-39) были открыты и исследованы комплексы шувакишского типа. Краткая характеристика их заключается в следующем: каменная индустрия имеет преимущественно пластинчатый облик, в сочетании с орудиями из отщепов; шувакишский тип керамики включает посуду, украшенную однорядным гребенчатым штампом, овальным штампом - "гусеничкой", и, что характерно, оттисками "веревочки" (ни в коем случае не путать с "ложношнуровой" липчинской керамикой). Особо следует отметить нахождение в шувакишском комплексе наконечника стрелы кельтеминарского типа. В стратиграфической колонке торфяниковых памятников Среднего Зауралья шувакишские материалы занимают ниж-

нюю позицию в рамках энеолита и перекрываются слоями, содержащими сочетание керамики липчинского и шувакишского типов. Хронологические рамки существования памятников шувакишского типа определяются в пределах второй четверти - середины III тыс. до н.э. Таким образом, мы впервые получаем аргументированную возможность выделения раннего этапа энеолита Зауралья, аятская культура, соответственно, определяется как позднеэнеолитическая (Чаиркина Н.М., 1995; 1997, с.26-39).

Проведенное сравнение материалов стоянки Агаповка I и шувакишских памятников показало их очень большую близость, порой до идентичности, как в керамике, так и в каменном инвентаре. На этом основании стоянку Агаповка I можно определить как относящуюся к раннему энеолиту. Подобные материалы встречались в Южном Зауралье и ранее, однако, до открытия стратифицированных шувакишских слоев на них не акцентировали внимание. Наиболее близким по всем показателям к Агаповке I является комплекс стоянки Суртанды III, исследованной Г.Н.Матюшиным (1982, с.35, 135-136). Каменный инвентарь стоянки сочетает пластинчатый комплекс и отщеповый, с небольшим преобладанием первого. Керамика делится на сосуды, орнаментированные гребенкой, "гусеничкой" и веревочным штампом. Как видно, характеристики совпадают с Агаповкой I и шувакишскими памятниками, не зря автор раскопок отмечал, что материалы стоянки Суртанды III мало отличаются от неолитических (Матюшин Г.Н., 1982, с.35).

На территории Северного Казахстана, сопредельной с Южным Зауральем, веревочная керамика также давно известна. В терсекской культуре она встречена на Кожае I, Кумкешу I и Бестамаке (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997), причем в очень разных процентных соотношениях - 44%, 6,99% и 7,9%, соответственно. Необходимо обратить внимание на тот факт, что указанные южно-тургайские памятники по общему облику керамики явно тяготеют к югу. На северотургайских памятниках (Соленое озеро I, Евгеньевка II, Ливановка) веревочная керамика отсутствует, зато есть небольшой процент зауральской гребенчатой керамики с примесью талька в тесте. На наш взгляд, вполне справедливо В.Н.Логвин и С.С.Калиева считают чисто гребенчатые комплексы более молодыми и говорят о наличии двух этапов в развитии терсекской культуры (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997, с: 138-139).

На поселении Ботай, исследованном В.Ф.Зайбертом (1993), веревочная керамика составляет 20%. Стратиграфические и планиграфические наблюдения, проведенные автором этой

статьи, показали, что на поселении Ботай веревочная керамика почти не встречается в береговых раскопах, а сконцентрирована в центральной части поселения. Совместное залегание на полу веревочной и гребенчатой керамики достоверно не зафиксировано ни в одном из почти сотни раскопанных жилищ: если на полу жилища найдены сосуды с гребенчатым орнаментом, то веревочные встречаются в заполнении жилища, и наоборот. Отличается и состав теста веревочной посуды от гребенчатой. В первой в качестве отощителя использован кварц и кварцит, который составляет до 95% и более. Размеры частиц достигают 7 мм, плохо окатаны, часто выступают острыми углами на поверхность, создавая шероховатости. Различны и способы формовки сосудов гребенчатой и неорнаментированной посуды, с одной стороны, и веревочной - с другой (Мосин В.С., 1993).

И, наконец, самыми южными пунктами, где встречена веревочная керамика, являются стоянка на Улу-Иргизе и Саксаульская в Приаралье (Формозов А.А., 1950, с.141-147) (рис. 7).

Опираясь на стратиграфию торфяниковых стоянок Среднего Урала, можно считать комплексы, содержащие веревочную, "гусеничную" и гребенчатую керамику, относящимися к раннему этапу формирования зауральской энеолитической общности. Территориальное распространение подобных памятников не противоречит этому выводу.

Распространение веревочной керамики не ограничивается территорией Зауралья и Северного Казахстана. Подобные типы керамики в различных процентных соотношениях встречены в Вы-

чегодском крае на поселении Вис II (Буров Г.М., 1967; 1973, с.83-94), в низовьях р.Ижмы на поселении Галово II (Лузин, 1972, с.40-76), в памятниках ортинского типа крайнего северо-востока европейской части России (Хлобыстин Л.П., 1973, с.54-65), на памятниках Восточного Прионежья (Козырева Р.В., 1973, с.72-82; Ошибкина С.В., 1978), в Новгородской области на стоянке Усть-Валдайка II (Зими́на М.П., 1976, с.71-81). Небольшое количество веревочной керамики встречено на стоянках Репище, Усть-Валдайка I, Кончанское IV (Зими́на М.П., 1981). Около 5% веревочная керамика составляет в памятниках Карелии и Ленинградской области - Кемь I, Курмойла I, Усть-Губежка I, Вигай-Наволоки I и др. (Гурина Н.Н., 1961; Панкрушев Г.А., 1964; Панкрушев, Журавлев, 1966; Панкрушев, 1973, с.66-74; 1978). Более высок процент употребления веревочного штампа на памятниках Лубанской равнины в Восточной Латвии - Абора I, Лагажа, Асне I, Эйни (Ванкина Л.В., Загорских Ф.А., Лозе И.А., 1973, с.210-217; Лозе, 1979).

На всех отмеченных памятниках веревочная керамика, как правило, немногочисленна и сопровождается ямочно-гребенчатую, гребенчато-ямочную, и что важно для нас - включающую гребенчатую керамику с геометрическими мотивами.

Таким образом, мы можем говорить о включении памятников сочетающих веревочную и гребенчатую керамику раннего энеолита в общее финно-угорское пространство, преимущественно, лесной зоны, протянувшееся от Северного Казахстана до Прибалтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г.М., 1967. Древний Синдор. М.
Буров Г.М., 1973. Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 172.
Ванкина Л.В., Загорских Ф.А., Лозе И.А., 1973. Неолитические племена Латвии // МИА. 172.
Гурина Н.Н., 1961. Древняя история северо - западной части СССР // МИА. 87.
Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.
Зими́на М.П., 1976. Неолитическая стоянка Усть-Валдайка II // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
Зими́на М.П., 1981. Неолит бассейна р. Мсты. М.
Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай.
Козырева Р.В., 1973. Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л.
Крижевская Л. Я., 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.
Крижевская Л.Я., 1979. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: Автореф... дисс. докт. ист. наук. Новосибирск.
Лозе И.А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига.
Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.
Мосин В.С., 1993. Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф... дисс. канд. ист. наук. С-Пб.

- Ошибкина С.В.*, 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Панкрушев Г.А.*, 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.-Л.
- Панкрушев Г.А., Журавлев А.П.*, 1966. Стоянка Вига́й - Наволок I // Новые памятники истории древней Карелии. Петрозаводск.
- Панкрушев Г.А.*, 1973. Неолитические племена Карелии // МИА. 172.
- Панкрушев Г.А.*, 1978. Мезолит и неолит Карелии. т. 2. Неолит. Л.
- Формозов А.А.*, 1950. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИ-ИМК, вып. XXXI.
- Хлобыстин Л.П.*, 1973. Крайний северо-восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 172.
- Чаиркина Н.М.*, 1993. Среднее Зауралье в эпоху энеолита (культурно-генетический аспект) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез.докл. XII УАС. Екатеринбург.
- Чаиркина Н.М.*, 1995. Энеолит Среднего Зауралья: Автореф...дисс. канд. ист. наук. Новосибирск.
- Чаиркина Н.М.*, 1997. Зауральско - североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита (проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Уральский исторический вестник, № 4. Екатеринбург.
- Шишковский К.А.*, 1884. Заметка о доисторических древностях в Южном Урале // ЗУОЛЕ. т.VII, вып.4. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф.*, 1993. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ, вып.21. Екатеринбург.

Таблица 1.

Ширина пластин и орудий на них

Ширина в мм	Пластины без ретуши	Пластины с ретушью утилизации	Пластины с ретушью	Орудия на пластинах	Пластины неправильной огранки б/р	Всего
1	-	-	-	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-
3	9	-	1	-	-	10
4	17	1	-	3	1	22
5	39	9	2	-	2	52
6	51	16	3	3	3	76
7	36	30	5	1	6	78
8	57	29	7	7	7	107
9	52	40	7	7	12	118
10	43	28	9	9	11	100
11	34	16	7	11	10	78
12	21	11	10	5	7	54
13	17	8	2	8	6	41
14	12	5	1	5	11	34
15	7	2	4	4	5	22
16	5	-	1	-	2	8
17	11	3	-	1	4	19
18	1	-	-	-	3	4
19	3	-	-	2	2	7
20	4	-	-	1	3	8
21	2	-	-	-	2	4
22	-	-	-	-	1	1
23	-	-	-	-	1	1
24	-	-	1	1	-	2

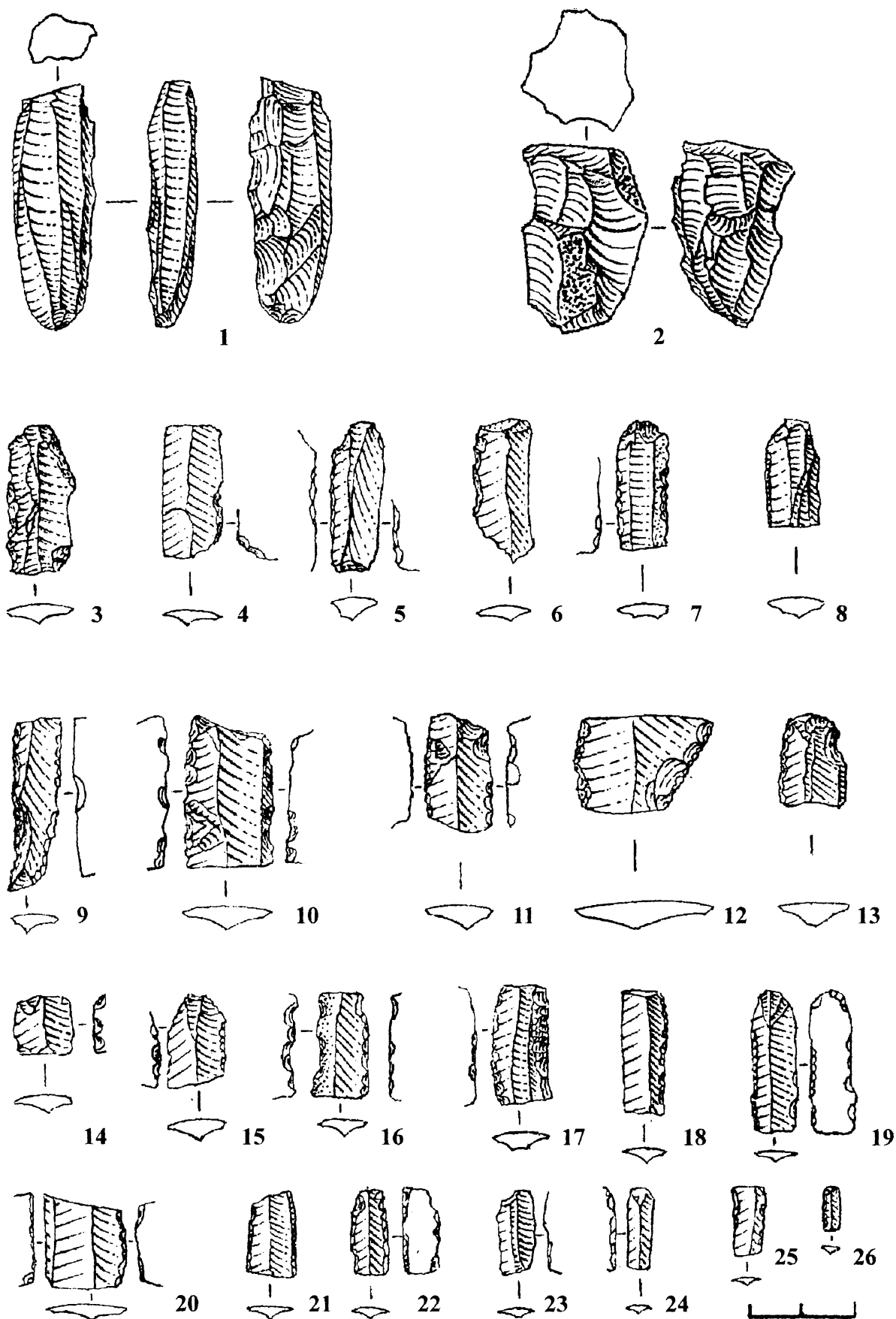

Рис. 1. Стоянка Агаповка 1. Нуклеусы и пластины с ретушью.

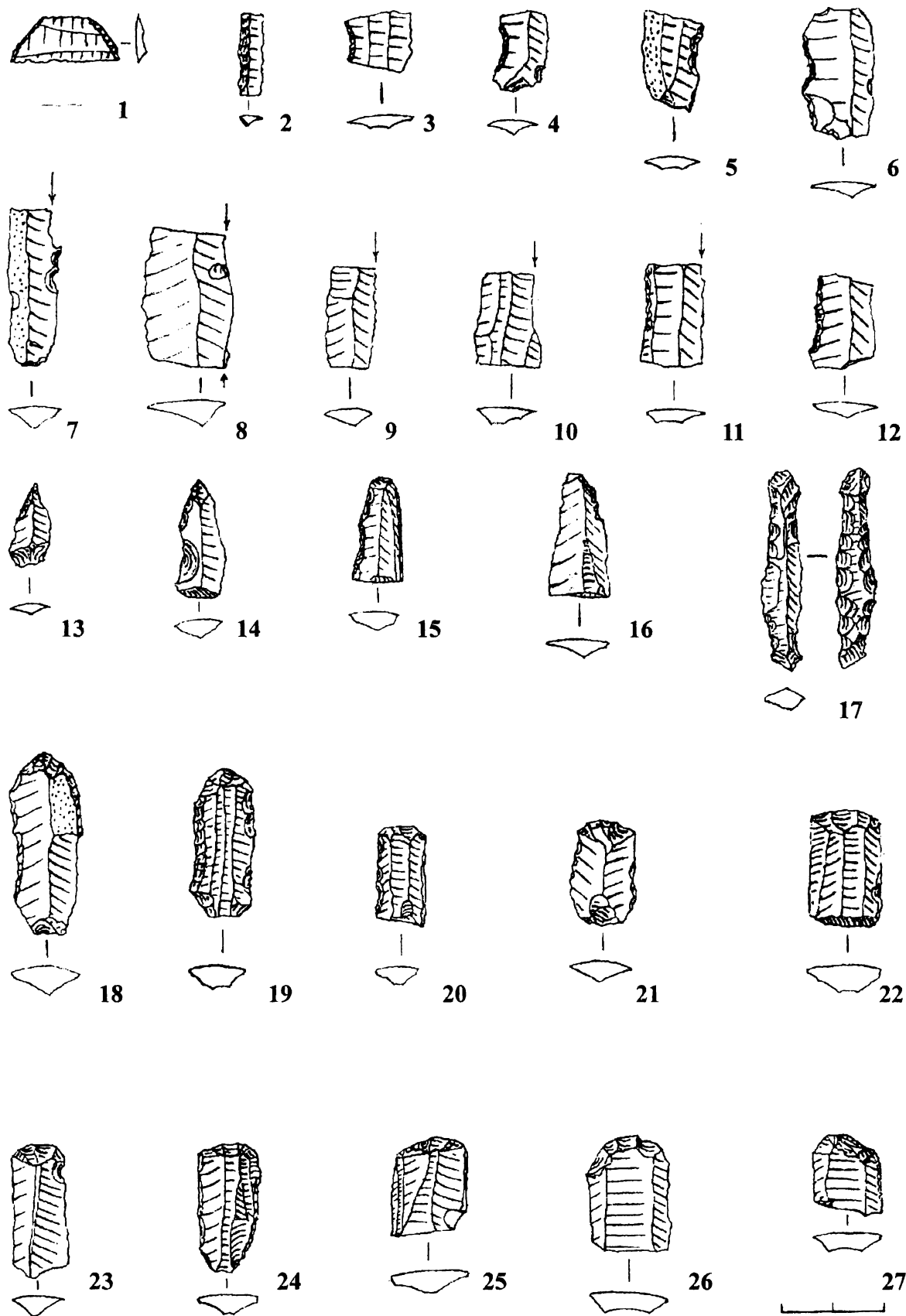

Рис.2. Стоянка Агаповка I. Орудия из пластин.

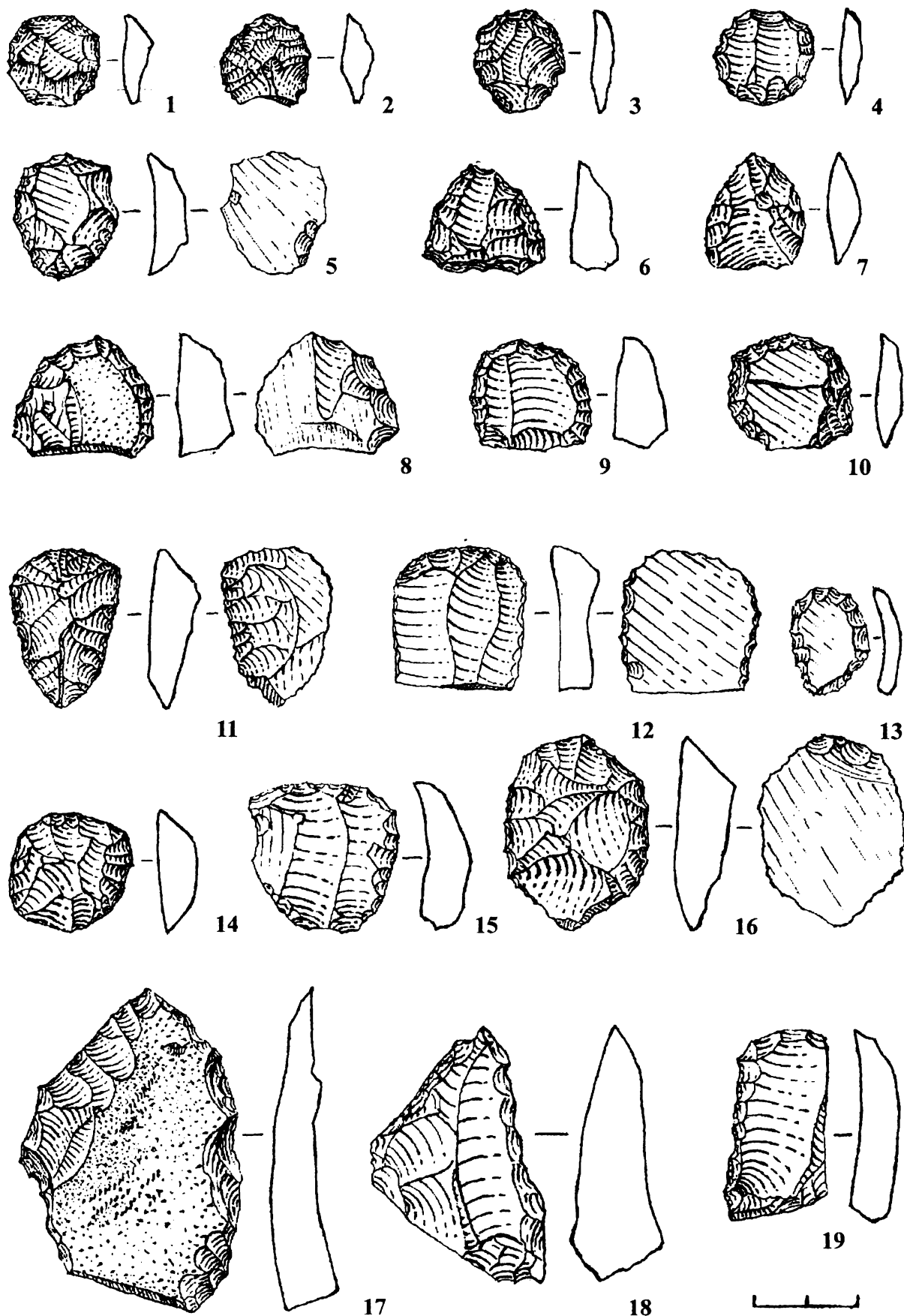

Рис.3. Стоянка Агаповка 1. Скрепки и скребла.

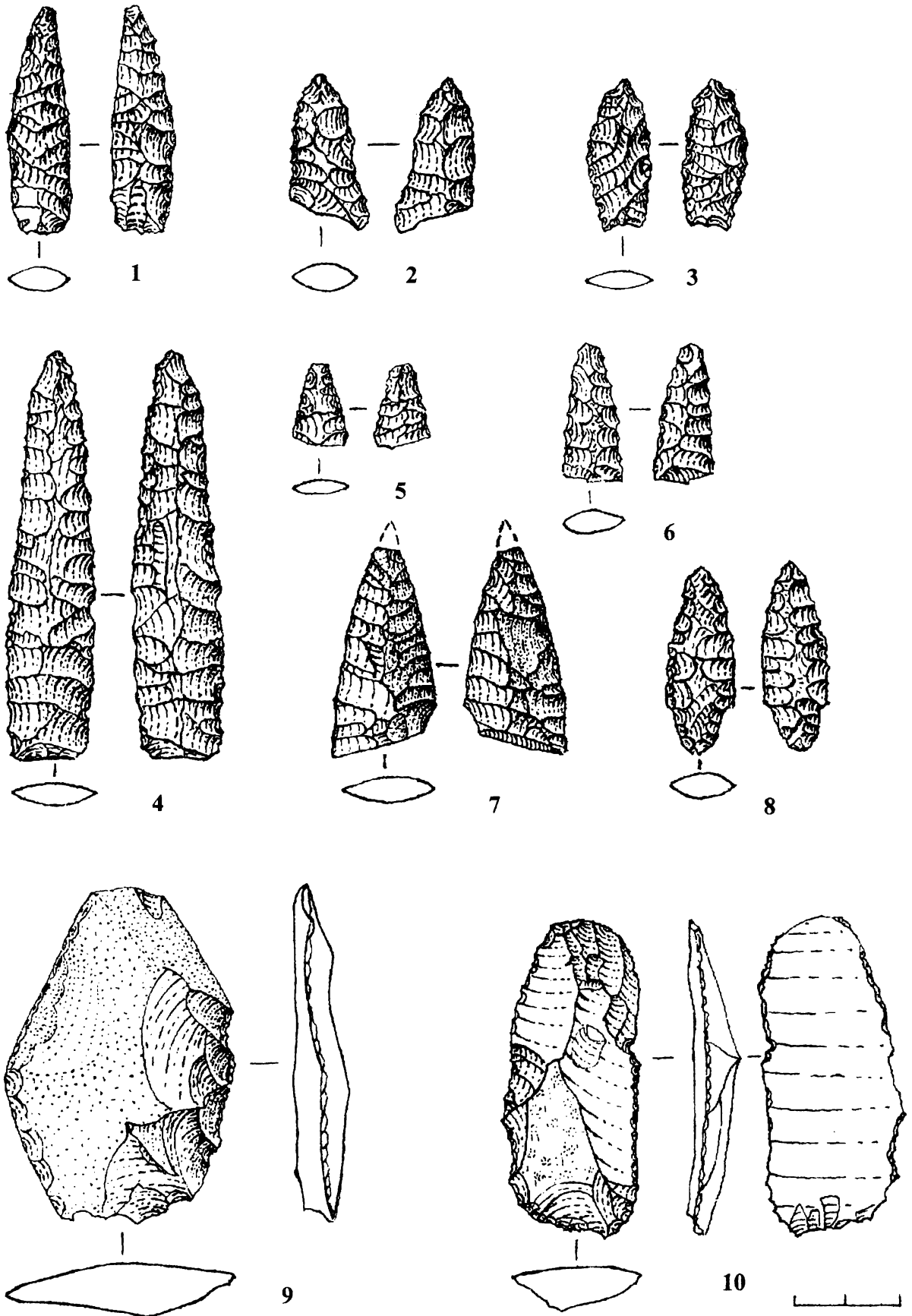

Рис.4. Стоянка Агаповка I. Наконечники и ножи.

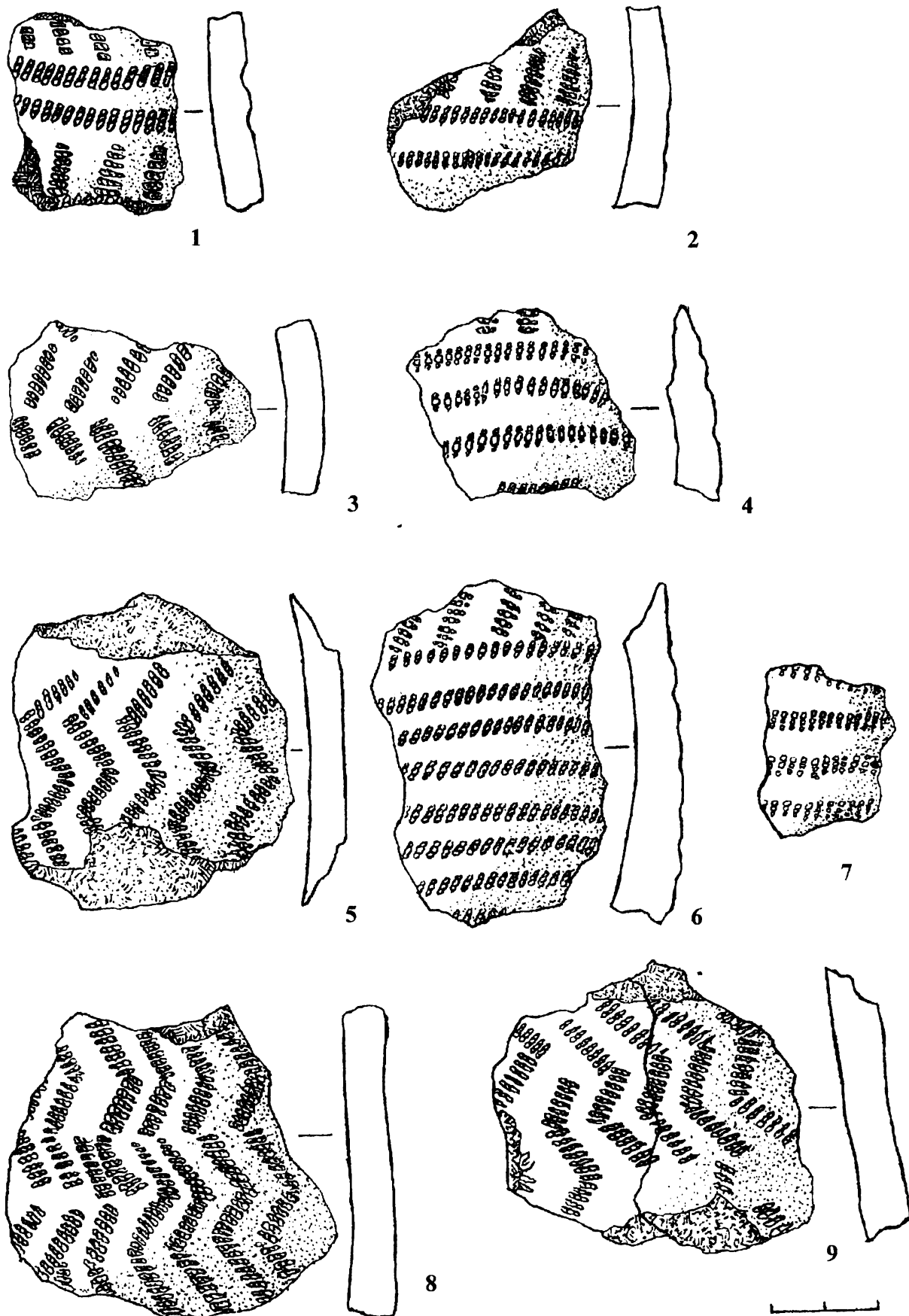

Рис.5. Стоянка Агаповка I. Керамика.

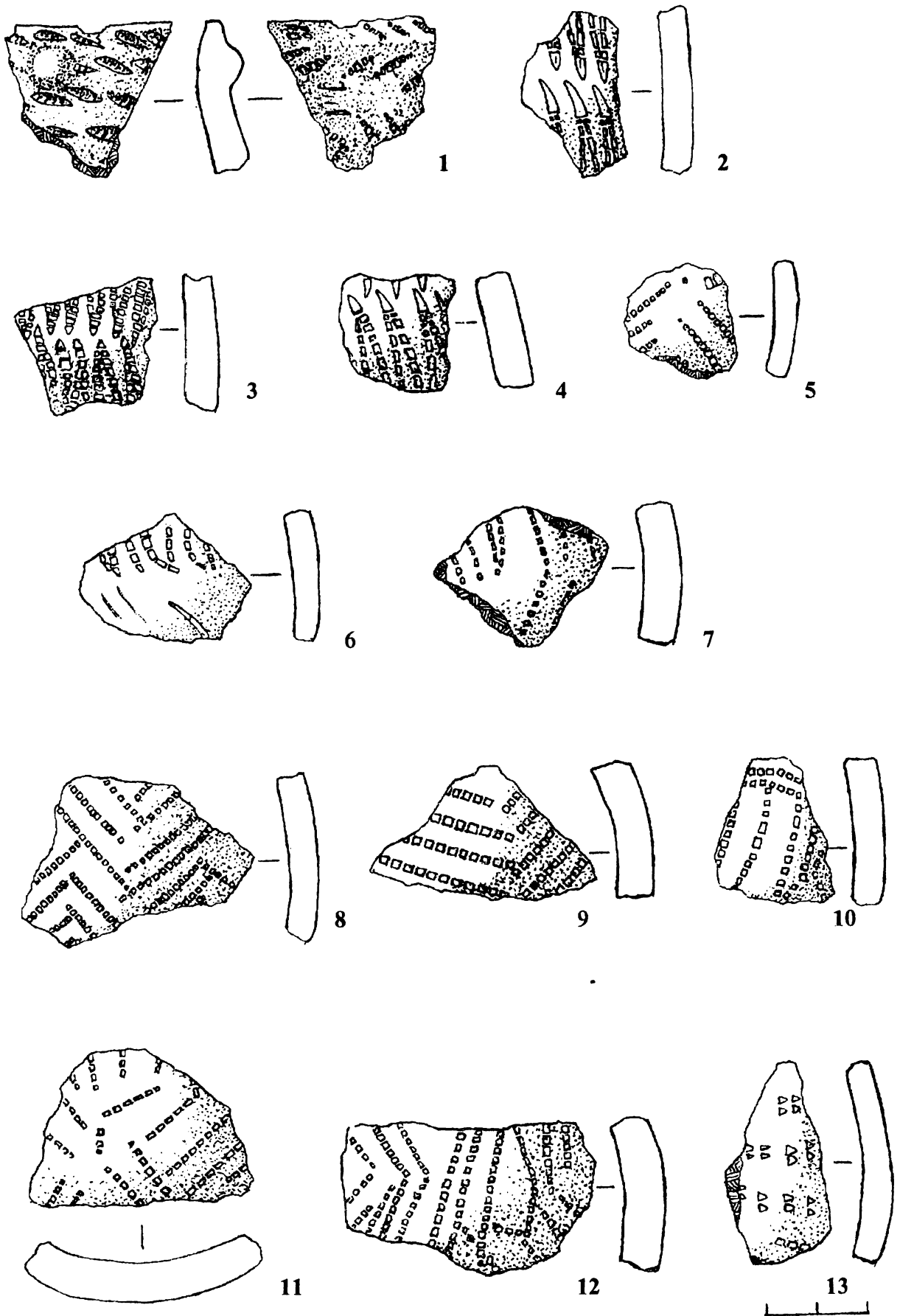

Рис.6. Стоянка Агаповка I. Керамика.

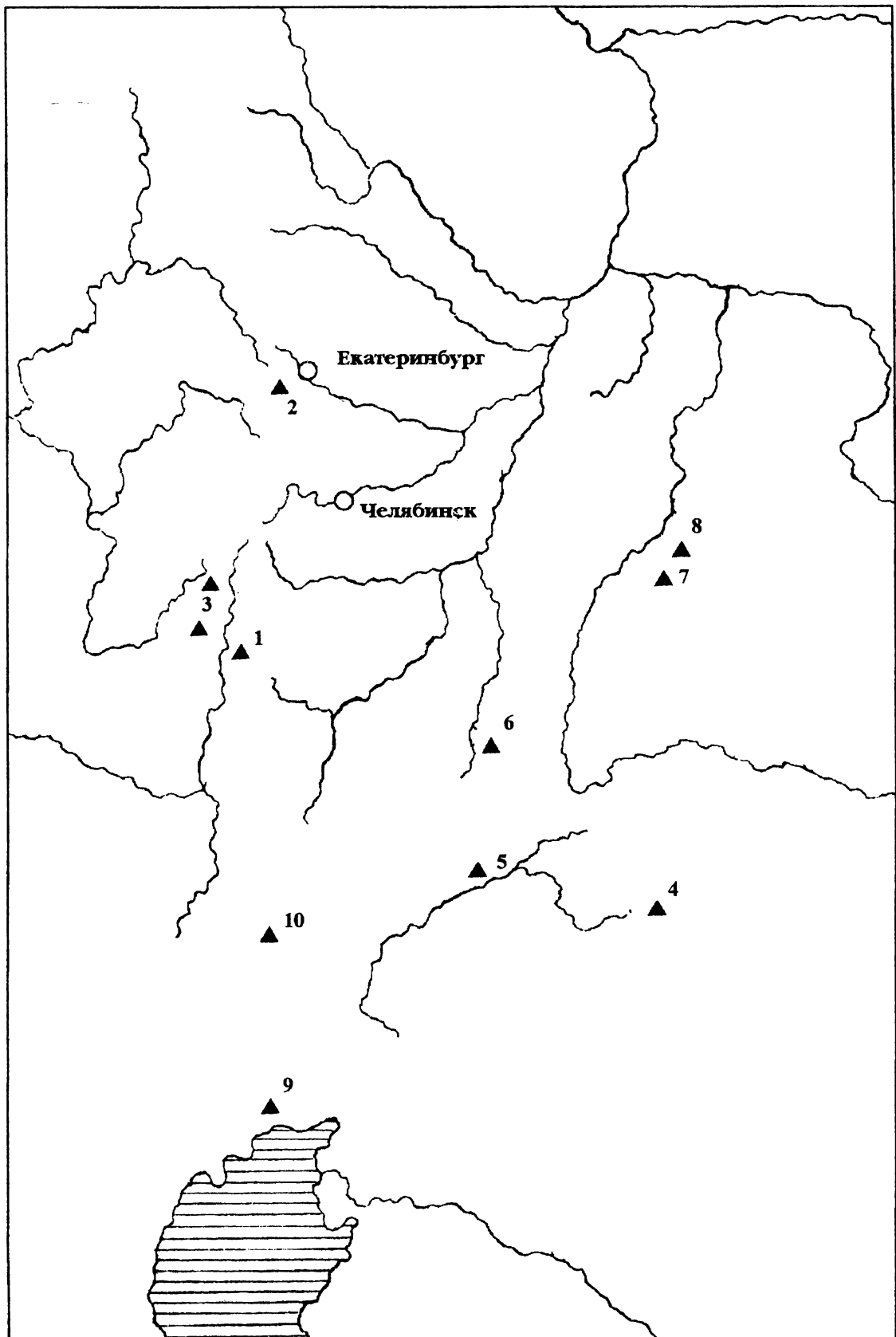

Рис.7. Карта памятников с веревочной орнаментацией: 1 – Агаповка I, 2 – Шувакиш I, 3 – Суртанды III. 4 – Кожай I, 5 – Кумкешу I, 6 – Бестамак, 7 – Богай, 8 – Красный Яр, 9 – Саксаульская, 10 – Улу-Иргиз.

О ЮГО-ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Эпоха ранней и средней бронзы на Южном Урале характеризуется феноменальным всплеском материальной культуры. Это справедливо не только в отношении памятников синташтинской культуры рубежа средней и поздней бронзы, но и применительно к серии чрезвычайно ярких комплексов раннего и среднего бронзового века, включаемых исследователями в приуральскую группу Волго-Уральского варианта древнейшей культурно-исторической области (КИО) (Смирнов К.Ф., 1965; Федорова-Давыдова Э.А., 1971; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991).

Прежде чем обозначить объект исследования, учитывая терминологическую разногласицу, хочу прояснить свою позицию по поводу хронологических рамок раннего (РБВ) и среднего бронзового века (СБВ) на Южном Урале. Дело в том, что использование так называемой «наклонной» шкалы периодизации для древностей бронзового века региона (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с.48) представляется недостаточно корректным, так как входит в противоречие с периодизационной схемой и соответствующей хронологической шкалой, разработанными для восточно-европейских культур. Между тем характер культурогенетических процессов в интересующее нас время на Южном Урале и перечень участвовавших в них культурных образований, несомненно, диктуют необходимость рассматривать данный регион как северовосточную периферию Циркумпонтийской зоны. Поэтому дальнейшее изложение будет строиться, исходя из принятой на основе калиброванных радиоуглеродных дат для Циркумпонтийской провинции датировки РБВ в рамках третьей четверти IV - середины III тыс. до н. э. и СБВ - середины III тыс. до н. э. - 18-17 вв. до н. э. (Черных Е.Н. и др., 1991, с.81). Заключительная фаза СБВ на Южном Урале связана уже с формированием синташтинской культуры, по сути дела открывающей здесь эпоху поздней бронзы, так как она, в свите прочих культурных образований, стояла у истоков выработки нового комплекса стереотипов, одним из проявлений которого стало сложение Евразийской металлургической провинции (ЕАМП), вобравшей в себя элементы предшествующей Циркумпонтийской (Черных Е.Н., 1978, с.72, 74).

Однако следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция к существенному уд-

ревнению всей свиты культурных образований бронзового века Старого Света. Для обсуждения вопросов, которые будут поставлены в предлагаемой работе, принципиальное значение имеют новые даты для Циркумпонтийской провинции, полученные недавно в результате систематизации грандиозной серии радиоуглеродных анализов: РБВ – 33 - 25 вв. до н. э., СБВ – 28 - 20/19 вв. до н. э. (Черных Е.Н. и др., 2000, с.29). Есть также и серьезные основания для смещения нижней границы синташтинской культуры к рубежу III-II тыс. до н. э. (Anthony D., Vinogradov N., 1995; Зданович Г.Б., 1997; Кузнецов П.Ф., 1996в), что хорошо согласуется как с датировкой Циркумпонтийской провинции, так и с корректировкой культур бронзового века Балкано-Дунайского региона (Трифонов В.А., 1996).

К числу наиболее принципиальных вопросов, неизменно привлекающих внимание исследователей, следует отнести проблему генезиса синташтинской культуры. Попытки решения этой задачи на материалах Волго-Уралья (Зданович Г.Б., 1997, с.67; Виноградов Н.Б., 1995, с.24, 25; Васильев И.Б. и др., 1994, с.86-87; Кузнецов П.Ф., 1996а, с.42, 43), безусловно, имеют под собой основания, но далеко не исчерпывают проблемы. Поэтому на первый план выходит комплекс вопросов, связанных с выяснением направленности культурных контактов, стимулировавших, а порой и определявших характер культурогенетических процессов.

Настоящая работа представляет собой попытку осветить на основе анализа погребальных памятников один из аспектов данной проблемы, определить роль культурных образований Предкавказья и сопредельных с ним территорий в становлении синташтинской культуры. Материалы же эпохи ранней и средней бронзы привлекаются для обоснования наличия устойчивых культурных связей, поэтому основное внимание будет акцентироваться на констатации фактов, отражающих данные взаимодействия.

Следует оговориться, что в задачи исследования не входит решение проблемы культурогенеза на указанной территории в целом, то есть характеристика всего перечня культурных субстратов и их места в этом процессе выходит за рамки статьи. Это обстоятельство избавляет от необхо-

димости перечислять все имеющиеся точки зрения на данную проблему. Следует лишь отметить, что миграционные процессы в этот период признаются практически всеми исследователями, однако их значение получает различную оценку: от придания им второстепенной роли на фоне поступательного развития автохтонного населения (Зданович Г.Б., 1997, с.61; Потемкина Т.М., 1984, с.101-108; 1995, с.22, 23), до почти полного игнорирования местного субстрата и постулирования абсолютного приоритета пришлых групп населения (Григорьев С.А., 1996, с.86; Кузнецов П.Ф., 1996а, с.42, 43).

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК.

Серия раннеямных комплексов в степном Приуралье крайне немногочисленна. Так по подсчетам С.В.Богданова¹ (1998, с.21) из 118 ямных курганов, исследованных в регионе, 112 относится к позднеямному периоду. Захоронения раннего этапа, характеризующиеся общеямным скорченным на спине положением костяков и их ориентировкой в восточном секторе, очень слабо насыщены инвентарем. Поэтому наиболее информативным является комплекс находок из чрезвычайно яркого экстраординарного погребения двух черепов Герасимовка II 4/2 (Порохова О.И., 1992, с.93, 94, рис.1). Наряду с архаичными медным ножом и глиняным сосудом репинского облика здесь был обнаружен набор принадлежностей костюма, включающий костяные рогатки и медные обоймочки (рис.1, 8-20).

Учитывая то обстоятельство, что украшения и костюм в целом традиционно рассматриваются в качестве очень важного этнографического индикатора, на мой взгляд, нельзя обойти вниманием весьма убедительные параллели этим категориям находок на южном фланге ямной КИО (рис.1, 1-7). Так автор раскопок герасимовского погребения совершенно справедливо обратилась к специальной работе В.Я.Кияшко (1976), посвященной костяным рогаткам, и, вслед за исследователем, отметила, что ямные погребальные комплексы с подобными наборами предметов (костяные рогатки в сочетании с медными обоймочками) локализируются в Предкавказье и Приазовье, в единичных случаях они известны в прилегающих областях Нижнего Поволжья (Порохова О.И., 1992, с.100).

Еще более рельефно сопоставимость предкавказского и приуральского массивов памятников проявляется в позднеямное время. Принципиаль-

ное значение имеет констатация стимулирующей роли воздействия майкопской металлургии и металлообработки на развитие этой отрасли хозяйства древнеямного населения. Это документируется, в частности, отдельными фактами присутствия мышьяковых бронз, а также использованием майкопских прототипов для изготовления некоторых категорий металлических предметов (Черных Е.Н., 1966, с.70; 1970, с.107). Однако приуральская группа ямных памятников достаточно самобытна. Здесь практически не использовались кавказские мышьяковые бронзы, но очень рано сформировался собственный металлургический очаг, базировавшийся на монополюльной эксплуатации Каргалинского месторождения медистых песчаников и других рудопроявлений (Черных Е.Н., 1997, с.30). Металлообработка характеризуется выработкой ряда оригинальных типов изделий, в том числе наиболее древних орудий с втульчатым насадом, биметаллических предметов и т. п.

Но самые яркие параллели можно провести между памятниками позднеямного времени (РБВ 2) Приуралья и степного Предкавказья. Речь, прежде всего, идет о первом этапе новотиторовской культуры, когда в последней еще сохраняется северо-восточная ориентировка погребенных (Гей А.Н., 1991, с.58). Обращает на себя внимание превалирование в приуральских памятниках правобочного положения костяков с протянутыми книзу руками, размещение которых имеет ряд вариаций. Данный обрядовый признак выступает в качестве диагностирующего при выделении новотиторовской культуры (Гей А.Н., 1991, с.58). Новотиторовские соответствия проявляются также в присутствии на Южном Урале парных погребений (Богданов С.В., 1990б), захоронений в позе "стоя на коленях" (3-я ОГ по С.В.Богданову (1999а, с.13)). Не менее показательными в этом смысле являются деревянные перекрытия, органические подстилки на дне могил, покрывала над костяками, достаточно часто встречающиеся в приуральских памятниках и типичные для новотиторовской культуры (Гей А.Н., 1991, с.58; Трифонов В.А., 1991а, с.131-133).

И, наконец, очень весомым аргументом, свидетельствующем о правильности приведенных выше наблюдений, может служить широкое распространение в Приуралье так называемых ям с заплечиками, а также могил со сложным ступенчатым устройством и дромосами. Схожесть конструкций могильных ям в Приуралье и Северо-Западном Предкавказье оттеняется имеющей принципиальное значение общей традицией использования колесного транспорта в погребальном обряде (рис.2). Причем повозки в могилах вряд ли следует рассматривать как какую-то категорию

¹ - Выражаю искреннюю признательность С.В.Богданову за ценные консультации и любезно предоставленную возможность познакомиться с неопубликованными материалами раскопок.

погребального инвентаря. Это скорее конструктивный элемент ритуала. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в Приуралье на сегодняшний день не зафиксировано ни одной подобной находки, но имеются очень выразительные имитации этого обрядового элемента. Так в погребении Герасимовка 7/1 обнаружено деревянное монолитное колесо от повозки (Моргунова Н.Л., 1992, рис.4), а на уступе могилы Изобильное I 3/1 были зачищены модели колес, сформованные из зеленоватого ила (рис.2, 3) (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994, с.24), что находит прямые аналогии в новотиторовских памятниках, с той лишь разницей, что в Предкавказье мы сталкиваемся с деревянными деталями, либо разобранными повозками (Гей А.Н., 1991, с.64, 65, рис.2).

В этой связи, не исключено, что распространение в Приуралье погребений с богатыми наборами плотницких инструментов следует оценивать в качестве своеобразной альтернативы описанному элементу ритуала, так как изготовление транспортных средств представляло собой весьма трудоемкий и требующий особых навыков процесс.

Ситуация с погребальным обрядом дублируется на уровне отдельных категорий инвентаря. В керамическом комплексе следует, вероятно, обратить внимание на то обстоятельство, что большая часть остродонной и круглодонной керамики в Приуралье представлена миниатюрными бесшейными сосудиками, сопоставимыми с культовыми горшочками, встреченными в новотиторовских памятниках (рис.1, 29, 30, 37, 38).

Что касается металлических изделий, то в новотиторовских памятниках они малочисленны и достаточно невыразительны в сравнении с приуральскими. Поэтому примечательны находки в уникальном раннем новотиторовском погребении Лебеди I 3/10 (Гей А.Н., 1986) литейных форм для отливки проушных топоров, сходных с топорами колтубанского типа², являющихся обычной категорией орудий в позднеямных приуральских погребениях, а также матрицы, использовавшейся, возможно, для изготовления плоских тесел (Гей А.Н., 1986, рис.7, 5; 9, 1), аналогичной литейной форме из погребения Изобильное I 6/3 в Приуралье (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994, рис.25). Близки также ножи, шилья, кремневые отщепы из обоих ареалов (рис.1, 21-28, 31-36).

Следует заметить, что приведенные сопоставления с приуральскими памятниками поздне-

ямного времени не ограничиваются новотиторовскими аналогиями, а охватывают гораздо более обширный ареал синхронных культурных образований, близких новотиторовским (памятники старосельского типа, буджакской культуры и др. (Гей А.Н., 1991, с.68, 69)).

Однако помимо констатируемого сходства целого комплекса культуuroобразующих признаков, имеют место и существенные различия. Например, грандиозные курганы позднеямного времени в Приуралье резко контрастируют с небольшими насыпями над новотиторовскими захоронениями, индивидуальные надмогильные сооружения, в первом случае, с многомогильными курганами с линейно-кольцевой планиграфией - во втором, превалирование основных захоронений - с господствующей традицией совершения впускных. В основе своей не ямной является керамика из новотиторовских погребений и т. п. Перечень подобных несоответствий можно продолжить.

Если дифференцирующие детали легко объяснимы с точки зрения направленности культурных контактов, этнокультурного окружения и других причин, то выяснение характера удивительного сходства двух культурных образований, находящихся в значительном территориальном удалении друг от друга, представляет собой исключительно сложную задачу. С одной стороны, требует объяснения беспрецедентный расцвет материальной культуры и увеличение числа позднеямных курганов в Приуралье, которые почти в 20 раз превышают количество ранних, если, конечно, данный факт реально отражает демографическую ситуацию. Это как будто согласуется с версией о прямых миграциях из Предкавказья (Кузнецов П.Ф., 1996). Однако резкое исчезновение в середине III тыс. до н. э. ямных курганов в Приуралье и появление близких погребений с повозками в ямах с заплечиками, с сопоставимыми характером ингумации и вещевым комплексом в западном ареале южнорусских степей от Подонья до Южного Буга, а также распространение металла некавказского происхождения, позволили С.В. Богданову предположить, что в конце РБВ 2 часть ямного населения степного Приуралья совершила массивную миграцию в юго-западном направлении (Богданов С.В., 1999а, с.24). Так или иначе, надо предполагать наличие каких-то миграционных процессов, отличающихся большой динамичностью.

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК.

Памятники этого времени на Южном Урале малочисленны, но в то же время довольно отчетливо отражают основные тенденции культу-

² - Вероятно, новотиторовские топоры занимают несколько более позднюю хронологическую позицию, учитывая их промежуточное положение между новосвободненскими и катакомбными (Гей А.Н., 1986, с.24, 25).

генетических процессов. Комплексы раннего этапа СБВ, наряду с наследием ямной культуры, несут на себе отпечаток воздействия со стороны лесных культур, а также документируют наличие того же юго-западного импульса. При этом мы имеем дело не с механическим переносом какой-то определенной археологической культуры, а можем фиксировать кумулятивные процессы, связанные с синтезом разнокультурных элементов, осложняемые стадийными изменениями при переходе от эпохи ранней бронзы к средней. Поэтому инокультурные признаки представлены в большинстве случаев в трансформированном виде.

В первую очередь следует отметить, что в наиболее архаичных среднебронзовых комплексах на ямном фоне довольно выпукло проявляются инновации, демонстрирующие несоответствие канонам жестко регламентированной древнеямной погребальной обрядности. Так, наряду с традиционным грунтовым валом, под насыпью кургана I могильника Жаман-Каргала I была сооружена ограда из вкопанных бревен, опоясывающая основную могилу 7. В кургане I могильника Шаншар зафиксирован кромлех из массивных каменных глыб, окаймляющий насыпь.³

Не менее показательны в этом плане отдельные конструктивные детали оформления погребальных камер и характер заполнения могил. В ямах появляются столбовые конструкции, выполняющие несущие функции при сооружении перекрытий (Танаберген II 1/14, Имангазы-Карасу 2/5), имеет место обмазка стенок и дна глиной (Жаман-Каргала I 1/7)⁴, забутовка могилы камнями (Шаншар 1/5). Видоизменяется принцип сооружения заплечиков в ямах, их глубина не исчерпывается мощностью погребенной почвы как в позднеямных могилах (Кравцов А.Ю., 1992, табл.1), а наоборот уступы низко опущены в материк (Новотроицкий I) (Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996, рис.3; 6).

В целом данная группа погребений в наибольшей степени соответствует характеристикам так называемой раннеполтавкинской культуры (Васильев И.Б., 1979, с.29-34; Кузнецов П.Ф., 1989). В то же время приуральские материалы позволяют более детально рассмотреть некоторые моменты, связанные с инокультурными влияни-

ми в постямное время в регионе. Это касается как катакомбного воздействия, на котором часто акцентировалось внимание исследователей, так и свидетельств влияния северокавказских культурных традиций. Последнее обстоятельство выводит нас на очень интересную, но крайне слабо изученную, проблему выяснения механизмов функционирования скотоводческого населения СБВ на северо-восточной периферии Циркумпонтийской провинции, воспринимавшего импульсы из южной ее половины. Замечу, что на отдельные северокавказские черты в погребальном обряде раннеполтавкинского населения указывал И.Б.Васильев (1979, с.41). Обладая весьма скудной источниковой базой, автор прозорливо оговаривал несомненную перспективность разработки этой проблемы. Северокавказские аналогии, привлекавшиеся И.Б.Васильевым (1979, с.41) в сюжете о ямах с заплечиками в поволжских раннеполтавкинских комплексах, вполне приемлемы и к памятникам этого времени в Приуралье.

Не смотря на то, что прямых бесспорных доказательств проникновения северокавказского населения на Южный Урал нет, отдельные факты позволяют со значительной долей вероятности обратиться к данному региону как возможному исходному центру некоторых культурных заимствований. Особый интерес в этом смысле вызывает погребение Шаншар 1/4. Это захоронение являлось впускным в курган, насыпанный над пустой могилой 5 с уступом, вокруг которой было оформлена глиняная площадка. С погребением 4 связана грунтовая досыпка, а также сооружение кромлеха из крупных камней по периферии насыпи. Крупная могильная яма была забутована такими же камнями вперемежку с гумусом, в придонной части фиксировались фрагменты деревянных плах, однако характер конструкции выяснить не удалось. Частично сохранившийся окрашенный красной охрой костяк покоился в слабоскорченной позе на правом боку с завалом на спину и был ориентирован на юго-запад (рис.3, 8). Инвентарь представлен двумя скребками и подвеской из отпиленного края раковины (рис.3, 9-11).

Касаясь вопроса о культурной атрибуции описанного комплекса, можно провести любопытные параллели с ранними северокавказскими погребальными памятниками. Каменные кромлехи и заклады могил являются неотъемлемыми чертами ранних северокавказских подкурганых погребений. Нередко встречаются и деревянные внутримогильные сооружения, широко распространяется ориентировка костяков в западном секторе. Сопоставимы крупные размеры могил и характер ингумации погребенных (Археология, 1994, с.261-263).

³ - Материалы курганов эпохи ранней и средней бронзы из могильников Жаман-Каргала I, Шаншар, Имангазы-Карасу, Танаберген II, Восточно-Курайли I, Ишкиновка II, фигурирующие в данной статье, подготовлены к печати автором совместно с С.Ю.Гуцаловым, поэтому здесь и далее их подробная характеристика даваться не будет.

⁴ - Следует заметить, что обмазка болотным илом стенок могильных ям практиковалась позднеямными популяциями Приуралья (Богданов С.В., 1999б, с.12), и данном случае мы, возможно, сталкиваемся с развитием этого ритуала, унаследованного населением начала СБВ.

К сожалению инвентарь из шаншарского погребения крайне невыразителен, и не может выступить в качестве сколько-нибудь весомого аргумента для уточнения изложенных выше наблюдений, но в то же время и не опровергает их, так как каменные скребки и аналогичные подвески имели довольно широкое распространение в культурах этого времени, в том числе и в северокавказской (Археология, 1994, табл.79, 5).

Не менее любопытным с точки зрения сопоставлений с северокавказскими древностями является погребение Танаберген II 1/14. Оно было впущено в курган раннеямного времени со скорченном на спине костяком, лежавшем на глиняной площадке на уровне погребенной почвы. На дне обширной могильной ямы трапециевидной формы с расширяющимися ко дну стенками, оборудованной деревянным поперечным перекрытием, покоявшимся на плахах, опиравшихся на столбы, в слабо скорченном положении на спине с разворотом вправо на органической подстилке лежал скелет взрослого мужчины, ориентированный головой на восток. В засыпи могилы прослежено кострище (рис.3, 12). Указанный комплекс признаков вызывает северокавказские ассоциации, тем более что в руке погребенного был обнаружен ритуальный наконечник стрелы с глубокой выемкой в основании, изготовленный из мела (рис.3, 13). Подобные наконечники типичны для северокавказской культуры, хотя широко представлены в катакомбных и дольменных памятниках. Примечательно, что практически идентичные по характеру ингумации и конструктивным особенностям устройства могил впускные захоронения известны в Прикубанье (Бочкарев В.С. и др., 1991, с. 39, 40, рис.43) и Ставрополье (Березкин Я.Б., Калмыков А.А., 1998, с.60, 61, рис.11), где они совершены в сопровождении, соответственно, бляшки с пуансонным орнаментом и бронзового ножа в комплексе с несомкнутыми проволочными подвесками северокавказского облика (рис.3, 1-7).

Подобные погребения рассматриваются исследователями в рамках 3-го этапа новотиторовской культуры (Гей А.Н., 2000) или предкатакомбной культурной группы Прикубанья (Трифонов В.А., 1991а, с.123-131). По ряду характеристик они тождественны погребениям второго периода позднеямного – катакомбного времени на Нижнем Дону (Кияшко А.В., 1999, с.79-81).

Если доверять сведениям, сообщаемым И.А.Кастанье (1910, с.69, 70)⁵, то один из костяков

в парном захоронении Жаман-Каргала I 1/7 также был помещен в могилу в вытянутом положении на спине с юго-западной ориентировкой. К сожалению, корректность первого "раскопщика" кургана проверить невозможно, но присутствие в этом ярком комплексе бронзовой серьги (височной подвески?) в виде полумесяца (рис.4, 9), находящей аналогии в северокавказских памятниках (Археология, 1994, табл.79, 31, 32), и пастового бисера (рис.4, 13) косвенно не исключает такой возможности. Хотя следует заметить, что в северокавказской культуре подвески с разомкнутыми концами и утолщением в центре изготавливались из круглой в сечении проволоки (Корневский С.Н., 1990, с.53, рис.42, 2), а жаман-каргалинская находка уплощена расковкой (рис.4, 9). Такая технологическая особенность характерна для височных колец 3-го этапа новотиторовской культуры (Гей А.Н., 2000, с.159-161, рис.48, 20). В связи с этим, вероятно, уместным будет обратить внимание на то, что столбовая конструкция вокруг могилы Жаман-Каргала I 1/7 вполне сопоставима с известными в новотиторовской культуре так называемыми погребениями «в шалашах» (Гей А.Н., 2000, с.116-118).

Вообще, комплекс из Жаман-Каргалы весьма показателен с точки зрения соотношения с протокатакомбными и раннекатакомбными древностями, хотя отдельные типы металлических орудий вполне сравнимы и с северокавказскими. Так, например, нож с треугольным клинком и плавным переходом к черешку из жаман-каргалинского погребения (рис.4, 8) относится к 4-му типу (листовидные ножи с узким лезвием) по классификации С.Н.Корневского (1978, с.39-44, рис.8). Подобные предметы бытовали в катакомбных и северокавказской культурах (Корневский С.Н., 1978, с.44).

Уникальное втульчатое долото с длинным и относительно тонким подквадратным в сечении стержнем (рис.4, 12), отличаясь от подобного орудия из позднеямного погребения Тамар-Уткуль VII 8/4 (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991, рис.2, 10), демонстрирует типологическую близость с втульчатыми крюками из катакомбных и северокавказских памятников, с той лишь разницей, что у последних окончание загнуто и приострено (Смирнов А.М., 1996, рис.12, 18; Корневский С.Н., 1983, рис.1, 17-20; Черных Е.Н., 1966, рис.29, 128). К сожалению, трудно судить о степени сходства жаман-каргалинской находки с

⁵ - Сообщения И.А.Кастанье носили часто путанный, недостоверный характер. По поводу интересующего нас погребения он писал, что на дне могилы лежали два скелета: один вытянуто, другой скорченно. Ориентированы они были на юго-запад, головы отчленены от тела, один из черепов помещен на глиняную площадку (Кастанье И.А.,

1910, с.69, 70). Однако в результате повторного исследования этого кургана в 1988 году С.Ю.Гуцаловым были зафиксированы любопытные конструктивные детали и инвентарь основного погребения, а также обнаружено еще шесть синташтинских захоронений.

упоминаемыми Л.Б.Орловской (1994, с.112) аналогичными по пропорциям долотами из катакомбных памятников Калмыкии, но сам факт использования населением Предкавказья таких орудий представляется весьма примечательным.

Массивное штыковидное орудие из рассматриваемого погребения (рис.4, 11) сопоставимо с подобным предметом из основного погребения кургана 2 Утевского I могильника в Среднем Поволжье (Васильев И.Б., 1980, рис.6, 9), для которого И.Б.Васильев (1979, с.44-45) совершенно справедливо приводит аналогии из катакомбных погребений в Калмыкии и на Украине.

Плоские топоры-тесла (рис.4, 10) типичны в большей степени для позднейшей металлообработки, хотя такие же по пропорциям орудия известны в погребениях второго этапа позднейшего – катакомбного времени на Нижнем Дону (Кияшко А.В., 1999, с.80, рис.94, 3, 10, 11; 95, 17), синхронных предднепровским, а также в собственно раннеднепровских (Смирнов А.М., 1996, рис.12, 10, 11). Последнее обстоятельство особенно интересно в плане культурной идентификации керамического комплекса из рассматриваемого захоронения (рис.4, 6, 7). Совершенно очевидно, что подобная посуда не характерна для древнейшего гончарства. Наиболее близкие аналогии она находит в выделенной А.М.Смирновым (1996, 87-99, рис.39-41) группе погребений с керамикой с елочной орнаментацией, активно контактирующей с донецкой катакомбной культурой. Есть подобные памятники в Нижнем Подонье (Гей А.Н., 1999, с.37). Большинство таких захоронений совершалось в ямах, иногда со ступенчатыми конструкциями. Данная культурная группа, по мнению А.М.Смирнова, локализуется к востоку и северо-востоку от Подонцовья, складывается на основе ямной, но относится к катакомбной КИО. Ее контакты с донецкой и среднедонской культурами не фиксируются в раннекатакомбное время (Смирнов А.М., 1996, с.95, 98, 99). Полагаю, что приведенные выше данные и линии синхронизации дают основания отнести формирование этой архаичной группы к раннеднепровскому времени. При этом можно указать на общий северокавказский импульс, стимулировавший генезис как самой раннеднепровской культуры (Смирнов А.М., 1996, с.42-53), так и культурной группы начала СБВ в Волго-Уралье, хотя и приведший к разным результатам в силу различий субстратных составляющих. Небезынтересно отметить, что елочная орнаментация характерна и для керамики из ранних северокавказских памятников (Археология, 1994, табл.84, 1-3, 23), хотя настаивать на жесткой взаимосвязи этих фактов вряд ли возможно.

Но, пожалуй, самым объективным свидетельством непосредственного проникновения в степное Приуралье отдельных групп катакомбного населения на ранней стадии СБВ может служить комплекс находок, происходящих из разрушенного погребения у д.Воздвиженка Асекеевского района Оренбургской области в бассейне Б.Кинеля.⁶ При выборке камня в траншее под слоем глины (катакомба?) был обнаружен башнеобразно деформированный череп, окрашенный красной охрой в районе глазниц. Можно предположить южную ориентировку костяка. Около черепа были обнаружены предметы:

1. Сосуд закрытой баночной формы, украшенный меандровидными фигурами с горизонтальным расположением в приустьевой части и вертикальным - по тулову, по срезу венчика и у дна нанесены, соответственно, наклонные и вертикальные отрезки, орнаментальные зоны разделены линиями. Весь орнамент выполнен двузубым штампом в отступающей технике. Днище по верхней контуру окаймляет окружность, выполненная в аналогичной манере, внутри заполненная ромбической сеткой, прочерченной тем же штампом (рис.4, 1). Черепок плотный серого цвета, в тесте обильная примесь толченой раковины.

2. Грушевидная мраморная булава белого цвета с розовыми и синими прожилками (рис.4, 2).

3. Два кварцитовых черешковых наконечника стрел, обработанных тонкой пильчатой ретушью (рис.4, 3, 4).

4. Бронзовое подпрямоугольное в сечении долото с разомкнутой кованой втулкой (рис.4, 5).

Возможно, в коллекции присутствовал каменный топор. Каменные булавы и черешковые наконечники стрел известны в раннекатакомбных памятниках, например, в Подонцовье (Смирнов А.М., 1996, рис.12, 21, 25). Необычен сосуд из описанного комплекса, но керамика этого времени в Волго-Уралье вообще отличается локальным своеобразием, что нередко заставляет в поисках исходных центров некоторых гончарных традиций (в частности, орнаментальных) обращаться к более северным и северо-восточным территориям (Васильев И.Б., 1979, с.45, 46).

В контексте изложенных выше наблюдений, обращает на себя внимание типологическая сопоставимость долот из Воздвиженки и Жаман-Каргалы, что, наряду с прочим инвентарем, может рассматриваться как показатель близкой хронологической позиции данных захоронений. Хотя полное тождество воздвиженской находке демонстрируют, пожалуй, лишь орудия, относимые к гори-

⁶ - Благодарю С.В.Богданова за разрешение опубликовать комплекс находок из этого погребения.

зонту С (по В.А.Сафронову) развития памятников позднего времени – раннекатакомбного времени в Ставрополье и Калмыкии (Кияшко А.В., 1999, рис.106), синхронизируемому с раннедонецкими древностями.

По всей видимости, именно с этим кругом памятников связаны яркие полтавкинские погребения из Потаповского могильника на Средней Волге (Васильев И.Б. и др., 1994, рис.39, 1-6, 13, 14; 42, 5-13 и др.), которые В.В.Отрощенко справедливо отделяет от группы погребений синташтинского времени, занимающих более позднее стратиграфическое положение (Отрощенко В.В., 1998а, с.47, 48, рис.1). В этом плане особенно интересны анатолийские аналогии медным крюкам (копьям?), входившим в комплекты металлических орудий из среднебронзовых захоронений Потаповского могильника (Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1994, с.167). При этом остальные предметы вполне типичны для северной зоны ЦМП, тем более что все изделия отлиты из металла группы МП. Таким образом, мы опять-таки вправе предполагать определенные культурные заимствования из южной половины ЦМП, носившие опосредованный характер.

Вероятно, в постъямное время в Волго-Уральском регионе действительно формируется достаточно своеобразная культурная группа. Ее самобытность довольно убедительно обоснована приверженцами концепции полтавкинской культуры (общности) (Н.К.Качалова, И.Б.Васильев, П.Ф.Кузнецов и др.) в части, касающейся раннего ее этапа. Можно спорить о корректности термина "полтавкинская культура" с точки зрения соответствия самого эпонимного памятника основным характеристикам данной культурной группы, но вряд ли вызовут возражения намеченные в общих чертах культурные составляющие этого явления. Вероятно, часть погребальных комплексов начального этапа СБВ в Волго-Уралье следует отнести к преддонецкому времени, что в дальнейшем позволит ввести более тонкие хронологические градации при характеристике рассматриваемой культурной группы. Требуется объяснения констатируемый разрыв в развитии культуры населения СБВ в Волго-Уралье, нашедший отражение в несопоставимости облика памятников начального и заключительного этапов, исключаящее их прямое генетическое родство. Возможно, активизация контактов культурной группы с керамикой с елочной орнаментацией с позднекатакомбными культурами Подонья и Подонцовья (Смирнов А.М., 1996, с.95, 98, 99) связана с оттоком населения из Волго-Уралья. По всей видимости, возврат части этого населения, заметно трансформировавшегося в результате длительного взаимодействия с позд-

некатакомбными группами, относится уже к заключительному этапу СБВ, о чем речь пойдет ниже. Не исключено, что образовавшуюся лакуну заполнили памятники вольско-лбищенского типа (Богданов С.В., 1998, с.22), хотя, забегая вперед, отметим, что для категоричных суждений относительно их хронологической позиции оснований пока недостаточно.

Вообще развитый этап СБВ в Волго-Уралье ознаменовался кардинальным изменением ситуации, в связи с усилением давления со стороны лесных культур с боевыми топорами, что привело к формированию в регионе их своеобразного деривата в лице вольско-лбищенской культурной группы (Богданов С.В., 1998, с.22). Это время расцвета культур катакомбного круга, однако их влияние на рассматриваемой территории существенно ослабевает. Это самый туманный и наименее изученный период в истории Волго-Уралья. Поэтому часто при характеристике вольско-лбищенских древностей фигурирует эпитет "загадочный" (Васильев И.Б., 1975, с.76-83). С одной стороны это обусловлено малочисленностью исследованных памятников этого типа, что объясняется спецификой погребальных ритуалов и топографическими особенностями поселений, а с другой - сложностью рационального объяснения причин, побуждавших лесное население внедряться в степные пространства и осваивать совершенно не свойственные ему экологические ниши.⁷

Собственно в Приуралье памятники этой культурной группы единичны и малоинформативны, а наличие контактов с катакомбным миром документируется, пожалуй, только находками реберчатых пастовых бус (Богданов С.В., 1998, с.22, рис.11, 10). По всей видимости, в плане полевых исследований нас еще ждут интересные открытия. По крайней мере, материалы из памятников Среднего Поволжья (Царев Курган у г.Самары, Пещера братьев Грече) позволяют рассчитывать в будущем на получение новых данных о воздействии катакомбной металлообработки на развитие этой сферы производства вольско-лбищенского населения. В этом смысле показательны наблюдения С.Н. Кореневского по поводу проушных топоров, желобчатых долот, плоских тесел и ножей из обоих культурных ареалов (Кореневский С.Н., 1983, с.105). Однако памятники этого круга отражают достаточно самобытную линию развития и наличие собственного очага металлообработки (Коре-

⁷ - Данная проблема выходит за рамки настоящей статьи и требует специального исследования. Поэтому ограничусь лишь констатацией того, что это явление не уникальное для эпохи бронзы. Достаточно упомянуть, например, абашевское участие в сложении синташтинской культуры в степях Южного Урала или проникновение черкаскульского населения в степные районы Северного Казахстана.

невский С.Н., 1977, с.105). Замечу лишь, что, как и в случае с памятниками начального этапа СБВ точно определить исходный район культурных заимствований из ареала распространения катакомбных культур не представляется возможным. Это наглядно иллюстрируют материалы из Нижнего Поволжья, где известны относительно «чистые» катакомбные комплексы, попытки конкретной культурной идентификации которых заставляют обращаться к катакомбным древностям Предкавказья, Среднего Дона и Подонцовья, а также к памятникам северокавказской культуры (Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992, с.122-124).

Завершая краткий обзор культурных образований СБВ в степном Приуралье, следует обратиться к небольшой серии погребений предсинташтинского времени, в которых юго-западные черты проявляются особенно выпукло. Большинство данных погребений являлись впускными в более древние насыпи. В двух случаях зафиксировано основное положение могил в курганах: Кардаилово I 1/3 (Моргунова Н.Л., 1996, с.11, 12, рис.7, 1-4, 6), Новокумакский 25/14 (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.11, рис.1; 2, 1). Очень редко впускное захоронение сопровождалось досыпкой (Ефимовка IV 2/1).⁸

Удивительным разнообразием отличаются конструкции могил и другие обрядовые признаки. В основном, погребения совершались в простых подпрямоугольных ямах (Покровка VIII 1/12 (Веддер Дж. и др., 1993, рис.32), Ефимовка IV 2/1 (рис.6, 8), Восточно-Курайли I 1/1 (рис.6, 6), Танаберген II 1/156)). Контуры некоторых могил не прослеживались (Медведка 7/1 (рис.5, 4) (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991, рис.1, 4)). В могильнике Кардаилово I исследован уникальный погребально-культовый комплекс в обширной яме со сложной спирально-ступенчатой конструкцией (Моргунова Н.Л., 1996, с.11, 12, рис.7, 1-4). Погребение 14 в кургане 25 Новокумакского могильника было совершено в подбое, вход в который закрывали каменные плиты (рис.6, 7) (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.11, рис.2, 1). Не менее показательной в этом плане является катакомба из Новотроицкого могильника в Восточном Оренбуржье (рис.6, 1) (Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996, с.69, 70, рис.7).

Характер ингумации также отличается значительной вариабельностью. Преобладает положение скорченно на левом боку. Степень скорченности, как правило, достаточно сильная, руки располагаются перед лицом, грудью или у живота (рис.5, 4; 6, 6, 7). В катакомбе Новотроицкий I 4/3

костяк лежал скорченно на правом боку с руками, протянутыми к бедрам (рис.6, 1). Ориентировка отличается крайней неустойчивостью. Имеет место северная, северо-восточная, юго-западная, иногда можно предполагать широтную, учитывая ориентировку могил с разрушенными костяками. Только в двух памятниках в ритуале использовалась охра (Новотроицкий I 4/3, Новокумакский к.25, погр.14, 15, 16). Изредка присутствуют угли в засыпи (Новотроицкий I 4/3, Кардаилово I 1/3), а также органические подстилки на дне (Танаберген II 1/156, Новотроицкий I 4/3).

В контексте интересующей нас проблемы особого внимания заслуживает инвентарь из описанных погребений, хотя в некоторых из них вещи отсутствовали. В первую очередь привлекают внимание, казалось бы неожиданные, находки в Приуралье реповидных сосудов.⁹ Крупный реповидный горшок с расчесами и налепными украшениями происходит из погребения Кардаилово I 1/3 (рис.5, 11) (Моргунова Н.Л., 1996, рис.7, 6). В разрушенной могиле Покровка VIII 1/12, содержащей кости нескольких индивидов, также найден реповидный горшок с расчесами (рис.6, 5). В этой же яме были обнаружены еще два сосуда, один из которых представлял собой закрытую банку с елочной орнаментацией (рис.6, 4), а другой имел горшечно-баночную форму и был украшен линиями и ромбами, нанесенными гребенчатым штампом (рис.6, 3) (Веддер Дж. и др., 1993, рис.59, 3-5). Примечательно, что сосуд, подобный последнему по морфологическим характеристикам и сопоставимый по орнаментальной композиции и технике ее нанесения, обнаружен во впускной катакомбе Новотроицкий I 4/3 (рис.6, 2) (Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996, рис.9, 4).

Остальная посуда из этой группы погребений (рис.5, 3, 8-10, 12, 13; 6, 9) вполне соответствует основным характеристикам керамики из так называемых позднеполтавкинских памятников Нижнего и Среднего Поволжья. Опираясь именно на эти материалы, М.А.Турецкий, с учетом многочисленных аналогий в катакомбных памятниках Среднего и Нижнего Дона, предложил закрепить термин «полтавкинская культура» за данной группой захоронений, входившей, по мнению автора, в более широкий круг катакомбных культур (Турецкий М.А., 1992, с.72, 73).

Полагаю, что новые данные, полученные в результате исследований памятников предсинташтинского времени в степном Приуралье, диктуют

⁸ - Выражаю признательность С.В.Богданову за предоставленную возможность использовать материалы этого интересного комплекса.

⁹ - В одной из работ я ошибочно сопоставлял такую керамику с ротореповидными сосудами, характерными для новотиторской культуры (Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996). Однако непосредственное знакомство с этими материалами заставляет расценивать такую трактовку как досадное недоразумение.

необходимость внести существенные коррективы в наши представления о генезисе описанной культурной группы, которую, видимо, следует вынести за рамки полтавкинской проблематики. Вероятно, прав С.В.Богданов, указавший на дискретный характер развития степных скотоводческих сообществ в Волго-Уралье и отсутствие взаимосвязи между «раннеполтавкинскими» и «позднеполтавкинскими» памятниками и наличие хронологической лакуны, заполняемой, судя по всему, вольско-лбищенскими древностями (Богданов С.В., 1998, с.22). Однако данный тезис требует серьезной проверки новыми данными.

Для локализации исходного пункта культурных воздействий в предсинташтинское время, носивших, видимо, миграционный характер, принципиальное значение имеют находки реповидных горшков в погребениях конца СБВ в Приуралье. Такая керамика является доминирующим типом посуды в памятниках манычского типа в Предкавказье и может выступать в качестве своего рода культурного индикатора. Вообще нужно отметить, что позднекатакомбные группы населения, оставившие памятники манычского типа, отличались наибольшим динамизмом и тенденцией к разнонаправленной культурной интеграции. В это время они появляются на Нижнем и Среднем Дону, Северном Кавказе, в Приазовье и Поднепровье, вплоть до Буго-Днестровского междуречья, участвуют в формировании позднекатакомбной батуринской культуры в Прикубанье (Трифонов В.А., 1991б, с.109).

Принципиальное значение имеет отмечаемое исследователями активное воздействие манычских племен на северокавказское население, в частности в Ставрополье и Верхнем Прикубанье (Археология, 1994, с.272), что, в конечном итоге, привело к вытеснению последнего из предгорий в более труднодоступные районы. Пока остановимся лишь на констатации данного факта и вернемся к этому вопросу позже при характеристике юго-западных элементов в синташтинской культуре.

Уточнить позицию рассматриваемой группы погребений в системе относительной хронологии позволяют стратиграфические данные. В большинстве случаев описанные захоронения были впущены в насыпи позднеямных курганов (Покровка VIII 1/12, Медведка 7/1, Восточно-Курайли I 1/1, Ефимовка IV 2/1). При этом, судя по палеопочвенным исследованиям, проведенным при раскопках кургана 2 в могильнике Ефимовка 4, хронологический разрыв между сооружением ямного кургана и досыпкой над погребением заключительного этапа СБВ составлял несколько столетий (Богданов С.В., 1990а, с.14). Показательно, что сосуд из этого погребения (рис.6, 9) имеет анало-

гии не только в Волго-Уралье, но и далеко на западе – в Поднепровье, где подобный горшок обнаружен в манычской (!) катакомбе в комплексе с традиционным набором инвентаря (Марина З.П., Фещенко Е.Л., 1989, с.55, 56, рис.2, 3).

В упомянутом кургане 1 могильника Танаберген II погребение 15б интересующего нас времени являлось впускным в раннеямный курган, наряду с захоронением 14, относящимся к началу СБВ. Отсутствие данных о взаимной стратиграфии последних двух погребений в какой-то мере может проясниться ситуацией, зафиксированной в могильнике Новотроицкий I в Восточном Оренбуржье. Здесь катакомба предсинташтинского времени была впущена в курган, насыпанный над погребением раннего этапа СБВ (Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996, рис.5).

Если стратиграфическое соотношение погребений раннего и позднего этапов СБВ требует проверки новыми материалами по причине их количественной не представительности и сложности культурной атрибуции, то в вопросе о стратиграфической позиции синташтинских захоронений определенности значительно больше. В кургане 25 Новокумакского могильника и в кургане 1 могильника Танаберген II отмечены случаи прямого перекрытия синташтинскими погребениями могил конца СБВ (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, рис.2, 3). Это оттеняется планиграфически данными. В указанных курганах периферийные впускные захоронения группируются вокруг центральных, с кольцевой тенденцией расположения.

В плане синхронизации и выяснения направленности культурных связей характеризуемой культурной группы весьма заманчивые перспективы открывает комплект находок из жертвенного комплекса (бофра) в кургане 6 Герасимовского II могильника. Совместно с горшком, декорированным паркетным и елочным орнаментом, вызывающим катакомбные ассоциации, обнаружены шило и нож с намечающимся перекрестием и ромбической пяткой черешка, изготовленные из металла группы ТК, типичные для развитой абашевской культуры (Порохова О.И., 1992, рис.4). Если в будущем будет получена более представительная серия подобных комплексов, то, возможно, мы сможем существенно продвинуться в решении проблемы генезиса ряда составляющих синташтинской культуры.

Так или иначе, имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют предполагать, что в предсинташтинское время имело место непосредственное проникновение в степное Приуралье носителей позднекатакомбных культурных традиций, причем наиболее отчетливо прослеживаются предкавказские черты. Хотя столь узкая локализа-

ция исходного района миграции весьма условна и, видимо, будет уточняться, на что недвусмысленно указывают отдельные аналогии в керамике с материалами Среднего Дона и Подонцовья. Пока трудно сказать, как складывались взаимоотношения мигрантов с местными племенами, ориентированными на лесную зону. По всей видимости, именно с этими группами населения связано возрождение курганной традиции в регионе, утраченная в вольско-лбищенское время. В целом же данные памятники составляют, вероятно, единый горизонт с недавно выделенной Э.С.Шарафутдиновой группой погребений конца СБВ в Поволжье, синхронных ранней КМК и отличающихся от собственно позднекатакомбных.¹⁰ В контексте же обозначенной в заглавии статьи проблемы важно отметить, что основная направленность культурных контактов, установившаяся в РБВ (а скорее еще в энеолите), сохранялась до конца СБВ, что наглядно иллюстрируют материалы синташтинской культуры.

**ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К ЭПОХЕ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(синташтинская культура)**

Для понимания механизмов появления в синташтинской культуре составляющих юго-западного происхождения определяющую роль, видимо, будет играть расширение источниковой базы и детальный анализ кратко охарактеризованной выше группы погребений поздней фазы СБВ в Приуралье. Подчеркнем особую важность констатируемой исследователями активизации в этот период культурных взаимодействий катакомбного населения Предкавказья с северокавказской культурой, хотя территориальный охват культурных образований, вовлеченных в миграционные процессы с северо-восточной направленностью, был значительно шире.

Обратимся к фактам, документирующим, на мой взгляд, юго-западный импульс в процессе формирования синташтинской культуры. Прежде всего, следует отметить спонтанно возникшую еще в предсинташтинское время и столь же неожиданно утраченную уже на петровском этапе развития алакульской культуры традицию совершения впускных захоронений, иногда сопровождающихся досыпками. Синташтинские впускные могилы располагались в центре и на периферии курганов предшествующего времени (Ткачев В.В.,

1996а, с.64). Перечень подобных памятников может быть дополнен еще двумя курганами в некрополях Ишкиновка I и II, исследованных автором в Восточном Оренбуржье (материалы готовятся к печати).

Сопоставимость данного обрядового признака с катакомбными и северокавказскими погребальными традициями оттеняется планиграфическим распределением захоронений в синташтинских курганах. В северокавказской и отчасти в катакомбных культурах центральное место в курганах занимают социально значимые захоронения или погребения предшествующего времени, а остальные размещаются по кругу.

Не вызывает сомнения, что именно с катакомбным миром связано распространение могил подбойной и катакомбной конструкций. Даже без учета известного захоронения 14 в кургане 25 Новокумакского могильника (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.11, рис.2, 1), которое следует отнести к концу СБВ, список таких погребений в собственно синташтинских памятниках растет с каждым годом. Опубликована великолепная катакомба из Синташтинского могильника С 2, погр.10 (Генинг В.Ф. и др., 1992, с.324-328, рис.190). В могильнике Танаберген II на Илеке в кургане 1 вскрыта подбойная могила 10, содержащая частичное захоронение женщины в возрасте 40-50 лет¹¹ в сопровождении глиняного сосуда (рис.9, 1, 2).

Вероятно, с обрушившимися подбоями мы имеем дело в ряде случаев, когда костяк располагается вплотную к стене обширной ямы. Такое размещение костных останков мужчины в возрасте 35-45 лет и женщины (30-40 лет) зафиксировано, например, в погребениях 25 и 30 кургана 7 в упомянутом некрополе Танаберген II.¹² При этом размеры входных ям и собственно погребальных камер маркируют, видимо, характерные уступы на дне (рис.11, 1, 10), идентичные ступеньке в погребении Танаберген II 1/10 (рис.9, 1). Кроме того, именно в контуре входной ямы погребения 25 в засыпи расчищен жертвенник из трех черепов лошади (рис.11, 10), что типично для катакомбных захоронений. В погребении 31 этого же кургана был прослежен участок свода обрушившегося подбоя, в котором был похоронен ребенок 7-9 летнего возраста (рис.11, 18).

В кургане 1 могильника Ишкиновка II в Восточном Оренбуржье автором была раскопана впускная катакомба 4. В засыпи входной шахты,

¹⁰ - Доклад Э.С.Шарафутдиновой «О культурных группах погребений конца эпохи средней - начала поздней бронзы степного Поволжья», прочитанный на конференции по проблемам археологии эпохи бронзы в Саратове в сентябре 1998 года.

¹¹ - Антропологические определения сделаны сотрудником археологической лаборатории Сам.ГПУ А.А.Хохловым.

¹² - Курган содержал 36 синташтинских погребений (раскопки автора, материалы не опубликованы).

имевшей прямоугольную форму, обнаружены фрагменты двух горшков (рис.10, 5, 6), ниже было совершено захоронение младенца с сосудом в изголовье и подвеской из раковины (рис.9, 3; 10, 2, 3). В погребальной камере расчищен богатый жертвенный комплекс (рис.9, 3) и развал глиняного сосуда (рис.10, 4), под которыми в углу был компактно уложен практически полный экскарнированный скелет человека, перекрытый сверху черепом (рис.10, 1). Подземная часть конструкции почти полностью вписывалась в контур основной могилы 5 позднейшего времени (рис.9, 3). Таким образом, было совершено своеобразное «подзахоронение» в более древнюю могилу. По всей видимости, необычная Г-образная конфигурация конструкции объясняется тем, что участников погребальной церемонии привлек более рыхлый грунт в засыпи основной ямы в сравнении с плотным материковым суглинком, хотя не исключено, что имели место и другие соображения, например, идеологического порядка. Стоит отметить, что Г-образные катакомбы известны в Северо-Восточном Прикаспии (Арапов С.В., 1992, с.13).

Продолжая перечень этих любопытных сопоставлений, хотелось бы сказать несколько слов об экстраординарных захоронениях. Я уже обращался к этой теме, в связи с вопросом генезиса некоторых неординарных черт погребального обряда в петровско-алакульское время, где приводил сводку подобных погребений (Ткачев В.В., 1996б, с.86-88, рис.1). В свете же рассматриваемой проблемы отмечу лишь, что основная масса частных, расчлененных и вторичных захоронений, согласно специально проведенному В.Н. Мельником исследованию особых видов погребений катакомбной общности, локализуется в Северном Предкавказье, причем даже на Нижнем Дону, в Приазовье и Поволжье они сопровождалась в большинстве случаев керамикой маньчских форм (Мельник В.Н., 1991, с.22, 23). При этом речь идет не об ассоциативных аналогиях, а о полном типологическом тождестве целой серии синташтинских и катакомбных захоронений, в том числе весьма специфичных «упакованных» костяков и т.п.

Необходимо также отметить практически идентичный характер жертвоприношений в синташтинских и катакомбных могилах, куда помещались черепа и кости конечностей животных. Более того, С.И.Берестеневым отмечен очень своеобразный ритуал у племен катакомбной общности, связанный с захоронениями животных, трактуемый автором как принесение персонифицированной жертвы конкретному божеству посвященного ему животного (Берестенев С.И. и др., 1996, с.216). Подобные погребения известны в

синташтинских памятниках (Жаман-Каргала I 23/3, Танаберген II 7/19 и др.).

Интересной особенностью в обоих культурных ареалах является использование жаровен. Так в погребении Жаман-Каргала I 1/4 была обнаружена разрушившаяся жаровня в виде блюда подовальной формы с бортиками по краям, а в парном захоронении Танаберген II 7/15 остатки кострища зафиксированы на берестяном (?) блюде.

Способы ингумации в синташтинских захоронениях вообще порой дают почву для увлекательных сопоставлений с весьма отдаленными регионами. Так в погребении Танаберген II 7/21 были расчищены два костяка, лежавшие вытянуто на спине в сопровождении богатого набора инвентаря, синташтинская атрибутика которого не вызывает сомнения (рис.8). Подобные захоронения известны в синхронных памятниках Зауралья (Генинг В.Ф. и др., 1992, рис.158, 2), Среднего Поволжья (Васильев И.Б. и др., 1994, рис.15), доминируют в Подонье (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, с.62, рис.7). Попытки вывести этот элемент обряда из неолитических репинских традиций (Григорьев С.А., 1996, с.83) наталкиваются на неразрешимые противоречия, в связи с очевидной хронологической нестыковкой. Более плодотворным направлением поиска исходной территории, откуда могла быть привнесена данная традиция, является Предкавказье. Именно для северокавказской культуры характерно вытянутое на спине положение погребенных. Присутствуют там и ямы с заплечиками, обычные для синташтинских захоронений. С учетом ярких северокавказских импортов на Южном Урале, о которых речь пойдет ниже, такое предположение видится достаточно заманчивым, хотя, несомненно, носит лишь гипотетический характер, и не может быть надежно обосновано. В качестве альтернативного источника заимствования этой традиции может выступить, например, абашевская культура, особенно с учетом того, что руки погребенных в могиле Танаберген II 7/21 скрещены на груди. Кроме того, вытянутое положение на спине типично и для катакомбных захоронений, причем значительная их часть опять-таки локализуется в Предкавказье. Однако там данная традиция утрачивается в позднекатакомбное время (Державин В.А., 1991, с.124). Зато в Причерноморье наоборот вытянутые костяки преобладают в позднекатакомбных памятниках, причем в Крыму известны комплексы с острорезерной керамикой, вполне сопоставимой с синташтинской (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.33, 4, 5).

Следует также высказать некоторые замечания по поводу ведущего способа труположения на боку в позе адорации, господствующего в

синташтинских памятниках, как впрочем и во всех культурных образованиях позднего бронзового века (ПБВ). Конечно эта проблема должна рассматриваться в рамках эпохальных изменений идеологических установок на рубеже средней и поздней бронзы. Осознавая необходимость нетривиальных подходов к решению такой масштабной задачи, ограничусь констатацией того факта, что из всех культур предшествующего времени, участвовавших в формировании Синташты, пожалуй, только в позднекатакомбной мы обнаруживаем присутствие такой позы погребенных. На эту любопытную, деталь в ходе дискуссии о происхождении срубной культуры, в свое время обратил внимание Г.Г.Пятых (1983, с.114-115). Особенно важно отметить, что основная масса таких погребений сосредоточена в памятниках манычского типа Предкавказья, что хорошо согласуется с реконструируемой в степном Приуралье этнокультурной ситуацией в предсинташтинское время. В приуральских памятниках конца СБВ превалирует именно такое положение костяков. Кроме того, с этой культурной группой, помимо упомянутых традиций совершения впускных захоронений, сооружения подбоев и катакомб, коррелируются и другие погребальные каноны, предполагающие, к примеру, строительство индивидуальных курганов над отдельными погребениями (Кардаилово I 1/3, Новокумакский 25/14), подзахоронения детей в засыпь могил (Новокумакский 25/15, 25/16).

Не менее рельефно поздние катакомбные и северокавказские черты проявляются в материальной культуре синташтинского населения при сравнении вещевых комплексов. Чрезвычайный интерес представляет собой исследование Д.В.Нелиным (1996) серии случайных находок каменных топоров кабардино-пятигорского типа, происходящих преимущественно с территории Челябинской области (рис.7).¹³ Автор, подчеркивая северокавказское происхождение традиции изготовления таких орудий, совершенно справедливо относит, по крайней мере некоторые из них, ко времени формирования и функционирования синташтинской культуры (Нелин Д.В., 1996, с.89-91).

Не менее любопытна и подборка каменных булав из синташтинских памятников, проанализированных тем же автором (Нелин Д.В., 1995, с.132-135). И вновь в поисках аналогий приходится обращаться к Северному Предкавказью, где сосредоточена, например, основная масса четырехконечных булав (Нелин Д.В., 1995, с.132). Хотя нужно заметить, что

нужно заметить, что большинство типов каменных булав, представленных в синташтинских памятниках, известны в катакомбных культурах.

К числу наиболее надежных этнографических показателей традиционно относятся украшения. Поэтому крайне важны сопоставления именно этой категории находок. В этом плане следует вновь обратить внимание на исчисляемые уже многими десятками находки в синташтинских захоронениях пастовых «рожковых», «бородавчатых», реберчатых и цилиндрических бус, имевших хождение у северокавказского населения, где впрочем они рассматриваются в качестве передне-восточных импортов (Археология, 1994, с.282). Эти элементы костюма в массовом порядке представлены также в поздних катакомбных памятниках и КМК.

Что касается воздействия катакомбных и многоваликовых традиций, получивших отражение в керамическом производстве, металлургии и металлообработке, каменной индустрии синташтинского населения, то этот вопрос уже получил разностороннее освещение в литературе (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.29-32; Кузьмина Е.Е., 1994, с.39, 40; Кореневский С.Н., 1983). Поэтому напомним лишь основные аргументы, приводимые для обоснования этого положения.

Особенно ярко данные традиции проявились в керамике. Это отмечалось многими исследователями (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.29-32, рис.9; Потемкина Т.М., 1990, с.125-127, рис.2, 5, 6). Поэтому ограничусь только замечанием, что генезис самого массового типа трехчастных синташтинских сосудов, обычно украшенных налепными валиками, «жемчужинами», вертикальной елочкой и т. д., шел, по всей видимости, параллельно и в тесной взаимосвязи с развитием этой формы посуды в КМК, хотя и с некоторым запаздыванием. В последней же данный тип обычно выводится из трехчастных сосудов с налепными украшениями позднего этапа среднедонской катакомбной культуры (Шарафутдинова Э.С., 1995). В этой связи хотелось бы отметить, что позднекатакомбная трехчастная керамика с налепными украшениями среднедонской культуры вряд ли может претендовать на роль единственно возможного источника генезиса подобной керамической традиции в памятниках переходного времени от эпохи средней бронзы к поздней. Явление это скорее стадияльное. Достаточно указать, что орнаментация налепными валиками и т. п. столь же характерна и для поздних памятников манычского круга, причем для Подонцовья А.М.Смирновым (1996, с.71-73, рис.18, 12) обоснована специфичность трехчастной раструбной

¹³ - Выражаю признательность Д.В.Нелину за предоставленную возможность поместить рисунки указанных топоров, по недоразумению не опубликованных в его статье (Нелин Д.В., 1996).

керамики, составляющей значительную часть керамического комплекса манычских захоронений.

К сожалению рамки настоящей статьи не позволяют подробно остановиться на этом вопросе, несомненно, требующем специального рассмотрения.¹⁴ Замечу только, что некоторые типы синташтинской посуды, например, горшки высоких пропорций с округлым плечом, приземистые горшки с плавным профилем и отогнутым наружу венчиком, "классические" горшки с ребром в верхней трети высоты и др. имеют прототипы в широком круге позднекатакомбных памятников на обширной территории от Предкавказья до Северного Причерноморья. В этом смысле небезынтересно указать на осторожное предположение В.В.Отрощенко (1998б, с.56) о том, что отдельные находки в позднейших ингульских катакомбах как будто дают основания для их синхронизации с синташтинскими древностями и маркируют направленность взаимодействий с востока на запад. В рамках этой версии можно было бы и объяснить удивительные параллели в керамических сериях Синташты и, к примеру, позднекатакомбных памятников Присивашья (Генинг В.В., Корпусова В.Н., 1989, рис.33, 4, 5). Однако, учитывая несомненный хронологический приоритет катакомбных древностей по отношению к Синташте, а также принимая во внимание весь корпус приведенных выше данных, более предпочтительным представляется воздействие из среды носителей катакомбных традиций.

В плане сопоставления каменных орудий, кроме упоминавшихся параллелей с булавами, любопытна точка зрения, высказанная Е.Е. Кузьминой в отношении наконечников стрел с усеченным основанием, восходящих, по мнению автора, к катакомбным наконечникам с выемкой в основании (Кузьмина Е.Е., 1994, с.39). Кроме того, в синташтинских погребениях широко представлены наборы каменных орудий, связанных с металлургией и кузнечным делом (песты, ступы, молоты, руда, шлаки и пр.). Уместным было бы отметить, что именно в катакомбной среде была чрез-

вычайно развита традиция совершения погребений ремесленников, в том числе и литейщиков (Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1981, Шилов В.П., 1966 и др.), истоки которой мы находим в новотиторовской культуре (Гей А.Н., 1986). Из катакомбной среды происходят, по мнению В.В.Отрощенко (1998б, с.57), стрекала с цилиндрической костяной втулкой и притупленным бронзовым жалцем, выступающие и как атрибут власти.

С точки зрения выяснения истоков некоторых приемов металлообработки и тенденций типобразования отдельных категорий орудий на начальном этапе сложения Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) особенно интересны наблюдения С.Н.Кореневского (1983). Автор указывает, что исходными формами вислообушных топоров, плоских тесел, втульчатых долот и ножей с перехватом и намечающимся перекрестием могли быть катакомбные прототипы. Из среды кузнецов катакомбной общности, по мнению исследователя, была заимствована и технология литья топоров через спинку, которая с одной стороны была не характерна для ямно-полтавкинского населения, а с другой - являлась типичной для мастеров северокавказской культуры (Кореневский С.Н., 1983, с.99-101).

Указанные параллели приобретают принципиальное значение в связи с последними исследованиями по синташтинской и абашевской металлургии. С.А.Григорьев, используя новые методические приемы, убедительно доказал, что металл группы ТК, традиционно увязываемый с известным месторождением Таш-Казган в Зауралье, для которого характерна естественная примесь мышьяка (Черных Е.Н., 1970, с.109), на самом деле является мышьяковой бронзой, причем источники медной руды могли быть различными, а мышьяковая примесь появлялась в большинстве случаев в результате целенаправленного легирования на стадии плавки (Григорьев С.А., 1994, с.17). Это обстоятельство хорошо согласуется с тезисом о распространении северокавказских металлургических традиций, вероятно, через группы катакомбного населения.

Однако прямой связи между синташтинскими и катакомбными традициями металлообработки мы практически не наблюдаем. Видимо появлению в синташтинских памятниках перечисленных категорий изделий предшествовала их достаточно длительная эволюция в недрах абашевской культуры. Контакты последней с катакомбным населением могли относиться и к раннеабашевскому времени, что как будто подтверждают материалы памятников вольско-лбищенского типа. В задачи настоящей работы не входит анализ абашевских древностей, хотя в Абашеве, особенно

¹⁴ - Хотелось бы отметить, что многочисленные черты сходства (не только в керамике) в КМК и синташтинской культуре, на мой взгляд, следует объяснять не непосредственным участием КМК в сложении синташтинской культуры (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.29-32), даже с учетом архаичности КМК относительно Синташты, и тем более не миграцией синташтинцев, якобы стимулировавшей генезис КМК (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с.55), а скорее общим для обеих культур позднекатакомбным субстратом, присутствовавшим в культурогенезе. К сожалению в данной статье нет возможности дать развернутую аргументацию этого положения. Любопытно, что даже автор концепции КМК С.С.Березанская в одной из последних работ высказала сомнения относительно самой возможности выделения данной культуры, предложив версию о том, что это явление отражает своеобразную керамическую моду, подобно тому, как это имело место в ситуации со шнуrowыми культурами и культурами с валиковой орнаментацией (КВК) (Березанская С.С., 1998, с.64).

приуральском, выделяется целая серия любопытных параллелей с Предкавказским регионом (мышьяковые лигатуры, металлические топоры, тесла, долота, ножи, подвески очковидные и желобчатые в полтора оборота, вытянутые костяки, вторичные захоронения, каменные подкурганские конструкции и внутримогильные сооружения и др.). Хотя правомерность подобных сопоставлений могут подтвердить только специальные исследования.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, это на эволюционирующую в катакомбном мире традицию использования в похоронных ритуалах колесного транспорта. Причем в последнее время исследованы и погребения с двухколесными повозками (Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж., 1991), сравнимые с некоторыми синташтинскими (Генинг В.Ф. и др., 1994, рис.77), хотя корректность осуществленных реконструкций уже поставлена под сомнение (Гей А.Н., 2000, с.189). Возможно, накопление новых данных позволит со временем приоткрыть завесу таинственности над феноменом происхождения склепов колесничих в синташтинской культуре.

Хотелось бы также отметить, что антропологические материалы из погребальных памятников интересующего нас времени в Приуралье демонстрируют трудно объяснимую с точки зрения концепции автохтонного развития близость с краниологическими сериями Кавказа, в частности, могильников Гинчи и Самтавро (Хохлов А.А., 1996, с.117).

Таким образом, изложенные факты, безусловно, свидетельствуют о том, что в синташтинской культуре присутствует целый комплекс жестко взаимосвязанных культурных элементов, восходящих к северокавказской и широкому кругу катакомбных культур. Несоответствие по ряду позиций их многочисленных и ярких проявлений в синташтинской культуре облику памятников конца СБВ в степном Приуралье заставляет оставить открытым вопрос о том, имеем ли мы дело с новой миграционной волной, или это обстоятельство объясняется слабой изученностью памятников предсинташтинского времени в регионе. Ситуацию может прояснить только накопление новых данных, которые позволят дать более полную характеристику данной культурной группе.

Вообще, в предлагаемой статье вопрос о происхождении синташтинской культуры в силу узости поставленных задач не может стать предметом всестороннего обсуждения. Однако для того, чтобы изложенные выше соображения не были превратно истолкованы, и не создало впечатление, что мной постулируется тезис о детерминированности культурогенетических процессов на

Южном Урале в этот период исключительно юго-западным импульсом, считаю необходимым сделать ряд оговорок.

Конечно, в процессе генезиса синташтинской культуры участвовали и другие группы населения. Особенно отчетливо прослеживается приуральский абашевский субстрат. Учитывая хронологический приоритет абашевской культуры по отношению к синташтинской, который впрочем, в последнее время не вполне оправданно ставится под сомнение (Епимахов А.В., 1993; Григорьев С.А., 1996), можно предположить, что отдельные предкавказские традиции были унаследованы синташтинской культурой опосредованно через абашевскую. Обсуждение данной темы, безусловно, требует выхода на турбинскую проблему, что должно стать объектом отдельного исследования.

В то же время, в свете изложенных в предыдущих разделах статьи наблюдений, совершенно некорректными представляются любые высказывания о так называемом «ямном фоне», якобы прослеживаемом на раннем «доклассическом» этапе функционирования «Страны городов» (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с.51, 52; Зданович Г.Б., 1998, с.61), а тем более о прямой генетической связи и доминирующей роли ямной культуры Приуралья в процессе сложения синташтинской (Виноградов Н.Б., 1995, с.25; Логвин В.Н., 1995, с.94). Такой трактовке противоречит даже не столько абсолютная несопоставимость их материальной культуры, которая очевидна, сколько надежно документируемый колоссальный (в несколько столетий!) хронологический разрыв между РБВ и начальным этапом ПБВ, к которым относятся, соответственно, ямная и синташтинская культуры.

Не вполне ясна роль так называемого восточного компонента, в числе составляющих которого в работах исследователей фигурируют суртандинская, ботайская энеолитические культуры, позднеэнеолитические памятники турганикского типа, ташковская, кротовская (вишневецкого типа) культуры РБВ (по наклонной периодизации) (Зданович Г.Б., 1998, с.60, 61). К сожалению, публикации по этой тематике крайне немногочисленны и практически не подкреплены иллюстративным материалом. Мне представляется, что подобный автохтонистский подход является наименее продуктивным, во всяком случае доказать его правомерность традиционным для археологической науки типологическим методом пока не удастся.

Вообще синташтинская культура представляет собой настолько яркое явление, что в поисках происхождения некоторых ее характерных черт (например, круглоплановых укрепленных поселений) авторы обращаются к весьма отдален-

ным территориям, в частности, к Переднему Востоку (Крижевская Л.Я., 1992), и даже предполагают прямую стремительную миграцию населения из этого региона (Григорьев С.А., 1996, с.86). Полагаю, что отдельные заимствования с Переднего Востока, действительно, имели место, однако осуществлялись они, вероятно, через культуры-ретрансляторы, в качестве которых могли выступать культурные образования Большого Кавказа. Особую роль в этом процессе играли группы подвижных степных скотоводов катакомбной общности.

* * *

В заключение хотелось бы указать, что в работе не удалось избежать отдельных допущений и некоторой условности, объясняющихся ограниченностью источниковой базы и сложностью культурной атрибуции ряда комплексов. Однако даже имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют наметить основные тенденции в плане определения направлений культурных связей населения Южного Урала в различные периоды бронзового века. Материалы РБВ и СБВ очерченной территории свидетельствуют о наличии устойчивых культурных контактов с регионами, расположенными к юго-западу от Южного Урала и испытывавшими влияние Кавказского очага. Направленность культурного воздействия наиболее отчетливо прослеживается в эпоху средней бронзы, для которой можно констатировать ряд миграционных волн, одним из исходных центров которых являлось Предкавказье и сопредельные территории, при этом их роль в культурогенезе региона была весьма значительной.¹⁵

Наиболее полная и логически выдержанная классификация механизмов и сущностного содержания миграций изложена в одной из последних работ Е.Е.Кузьминой (1994, с.223-226). Данная классификационная схема, без сомнения, способна выступить в качестве методической базы для решения целого комплекса вопросов, связанных с культурными трансформациями в древности. Она стала результатом детального историографического анализа и скрупулезной проработки колоссальной фактологической базы на широком историко-этнографическом фоне.

По всей видимости, для объяснения историко-культурной ситуации в СБВ на Южном Урале наиболее приемлемой является вторая модель миграции: колонизация (лекальная миграция) в пределах зоны распространения единого хозяйст-

венно-культурного типа (ХКТ) (Кузьмина Е.Е., 1994, с.224, 225). При этом, если в основном, можно констатировать лишь отдельные элементы дивергенции, проявившиеся в самобытности приуральских памятников СБВ, то уже синташтинская культура рубежа средней и поздней бронзы демонстрирует собой яркий пример культурогенеза в результате корпоративной (обходной) миграции из различных центров.

Однако следует признать, что в отдельных случаях мы сталкиваемся с признаками миграции типа А (по Е.Е.Кузьминой), то есть из зоны более прогрессивного ХКТ, так как мигранты иногда заставляли на осваиваемой территории население с менее развитыми формами производящей экономики. Вероятно, это и стало причиной столь невыразительных проявлений местных субстратных культур, так как подобная модель миграции предполагает либо вытеснение автохтонного населения, либо его обособления с сохранением традиционного ХКТ (Кузьмина Е.Е., 1994, с.224). Абсолютизация этого аспекта проблемы, а именно акцентирование внимания на сопоставлении некоторых черт синташтинской культуры с передневосточными древностями и их интерпретация в контексте проблемы расселения ариев, привела к версии о прямой миграции из этого района (Григорьев С.А., 1996, с.86). Но такой тип миграции, по совершенно справедливому и очень тонкому замечанию Е.Е.Кузьминой (1994, с.224), следует отличать от культурного заимствования. Именно с заимствованием, к тому же опосредованным, мы, вероятно, и имеем дело на Южном Урале. Конечно, нельзя исключать возможность вовлечения в миграционный поток каких-то групп населения, являвшихся, например, носителями традиций сооружения укрепленных круглоплановых поселений и т. п., но о полном переносе культуры, что свойственно для этого вида миграции, не может быть и речи. По крайней мере, нужны очень веские аргументы для обоснования данной гипотезы.

С точки зрения общих методологических подходов к решению проблем культурогенеза в рассматриваемый период можно выделить три последовательные стадии: деструкции, кумуляции и конструкции, которые, с одной стороны, характеризуют распад ЦМП и формирование ЕАМП, как отражение динамики важнейшей области материального производства, а с другой - раскрывают характер эпохальных изменений на рубеже средней и поздней бронзы.

¹⁵ - Несомненно, в регионе фиксируется и нарастающее воздействие со стороны лесных культур. Данный вопрос здесь не рассматривается, но с учетом этого обстоятельства, можно говорить об определяющей роли миграционных процессов в культурогенезе интересующего нас времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Кузьминых С.В.*, 1994. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Арапов С.В.*, 1992. Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.
- Археология*, 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Березанская С.С.*, 1998. КМК - культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Березкин Я.Б., Калмыков А.А.*, 1998. Курганы у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Археология. Ставрополь.
- Берестенев С.И., Мартемьянов А.П., Сорочан С.Б.*, 1996. Межреспубликанская научная конференция "Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины" (Харьков, 1-3 марта 1995 г.) // РА, № 4.
- Богданов С.В.*, 1990а. Отчет о раскопках 4 курганного могильника у с.Ефимовка в Курманаевском районе Оренбургской области по Открытому листу ИА АН СССР № 375. Авторский экземпляр.
- Богданов С.В.*, 1990б. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.
- Богданов С.В.*, 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.
- Богданов С.В.*, 1999а. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья. Проблемы культурогенеза. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Богданов С.В.*, 1999б. Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.3. Оренбург.
- Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифионов В.А.*, 1991. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Бытковский О.Ф., Ткачев В.В.*, 1996. Погребальные комплексы среднего бронзового века из Восточного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.1. Оренбург.
- Васильев И.Б.*, 1975. Загадочная керамика // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Том.230. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с.Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.*, 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л.*, 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М.
- Виноградов Н.Б.*, 1995. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического института, № 1. Челябинск.
- Гей А.Н.*, 1986. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып.1. М.
- Гей А.Н.*, 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА, № 1.
- Гей А.Н.*, 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА, № 1.
- Гей А.Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.*, 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Генинг В.В., Корпусова В.Н.*, 1989. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с.Источное и с.Болотное. Киев.
- Григорьев С.А.*, 1994. Древняя металлургия Южного Урала. Автореферат дис. ... кан. ист. наук. М.
- Григорьев С.А.*, 1996. Синташта и арийские миграции во 2 тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Державин В.Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Державин В.Л., Тихонов Б.Г.*, 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА, № 3.
- Епимахов А.В.*, 1993. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докл. 12 УАС. Екатеринбург.
- Зданович Г.Б.*, 1997. Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА, № 2.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.*, 1995. Протогородская цивилизация "Страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Часть 5, книга 1). Челябинск.
- Кияшко В.Я.*, 1976. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Кияшко А.В.*, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Корневский С.Н.*, 1977. О древнем металле бассейна Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.

- Корневский С.Н.*, 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА, №2.
- Корневский С.Н.*, 1983. Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Корневский С.Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Кравцов А.Ю.*, 1992. Древнеямные погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Крижевская Л.Я.*, 1992. Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докл. 12 УАС. Екатеринбург.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Свердловск-Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996а. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы международной научной конференции. Волгоград.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996б. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в 4-1 тыс. до н. э. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996в. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.
- Логвин В.Н.*, 1995. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Часть 5, книга 1). Челябинск.
- Ляхов С.В., Матюхин А.Д.*, 1992. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Марина З.П., Феценко Е.Л.*, 1989. Новые погребения манычского типа в Днепровском левобережье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Мельник В.И.*, 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.
- Моргунова Н.Л.*, 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Моргунова Н.Л.*, 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.*, 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА, № 2.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.*, 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Нелин Д.В.*, 1995. Погребения эпохи средней бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Зауралья (материалы 3-й Международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Часть 5, книга 1). Челябинск.
- Нелин Д.В.*, 1996. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Самара.
- Отрощенко В.В.*, 1998а. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА, № 1.
- Отрощенко В.В.*, 1998б. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Орловская Л.Б.*, 1994. Цветной металл Болдыревского могильника // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Порохова О.И.*, 1992. 2 Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Потемкина Т.М.*, 1984. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Потемкина Т.М.*, 1990. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // СА, № 1.
- Потемкина Т.М.*, 1995. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА, № 1.
- Пятых Г.Г.*, 1983. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А.*, 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (2 тыс. до н. э.). Самара.
- Смирнов А.М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1965. Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Ткачев В.В.*, 1996а. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в степном Приуралье // 13 УАС. Тезисы докл. конференции. Часть 1. Уфа.
- Ткачев В.В.*, 1996б. К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург.

- Трифонов В.А., 1991а. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Трифонов В.А., 1991б. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Трифонов В.А., 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Археология и радиоуглерод. Вып.1. СПб.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Хохлов А.А., 1996. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского - в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы международной конференции. Волгоград.
- Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж., 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА, № 4.
- Черных Е.Н., 1966. История древней металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА, № 4.
- Черных Е.Н., 1997. Каргалы - крупнейший горно-металлургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытий и изучения) // РА, № 1.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Бариева Т.Б., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., 1991. Циркумпонтийская металлургическая провинция как система // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (5 тыс. до н. э. - 5 в. н. э.). Материалы международной конференции, Кишинев, 1990 г. Киев.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.
- Шарафутдинова Э.С., 1995. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (2 тыс. до н. э.). Самара.
- Шилов В.П., 1966. Погребения литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып.106. М.
- Anthony D., Vinogradov N., 1995. Horse, Wagon and Chariot Indo-European Languages and Antiquity. Vol.:69 264. September.

ПЕРИОД	ПРЕДКАВКАЗЬЕ	ПРИУРАЛЬЕ
	КУЛЬТУРА	
РБВ I	ДРЕВНЕЯМНАЯ	ДРЕВНЕЯМНАЯ
РБВ II	НОВОТИТОРОВСКАЯ	ПОЗДНЕЯМНАЯ

Рис. 1. Материалы погребений РБВ Приуралья и Северо-Западного Предкавказья: 1 - Батуриная 2 3/11; 2-4 - Днепрова 3/1; 5 - Первомайский 2/2; 6 - Батуриная 2 3/4; 7 - Верхний 1/5; 8-20 - Герасимовский 2 4/2; 21, 22, 27, 28 - Лебеди 1 3/10; 23, 26 - Брюховецкая 1 5/9; 24 - Чапаевский 26/12; 25 - Крупская 14/9; 29 - Лебеди I, к.1; 30 - Лебеди I 2/73; 31, 32 - Тамар-Уткуль 7 8/4; 33 - Тамар-Уткуль 8 5/1; 34 - Изобильное I 6/3; 35 - Тамар-Уткуль 8 4/1; 36 - Пятилетка 5/2; 37 - Трудовое 2 5/1; 38 - Хутор Барышников 5/1.

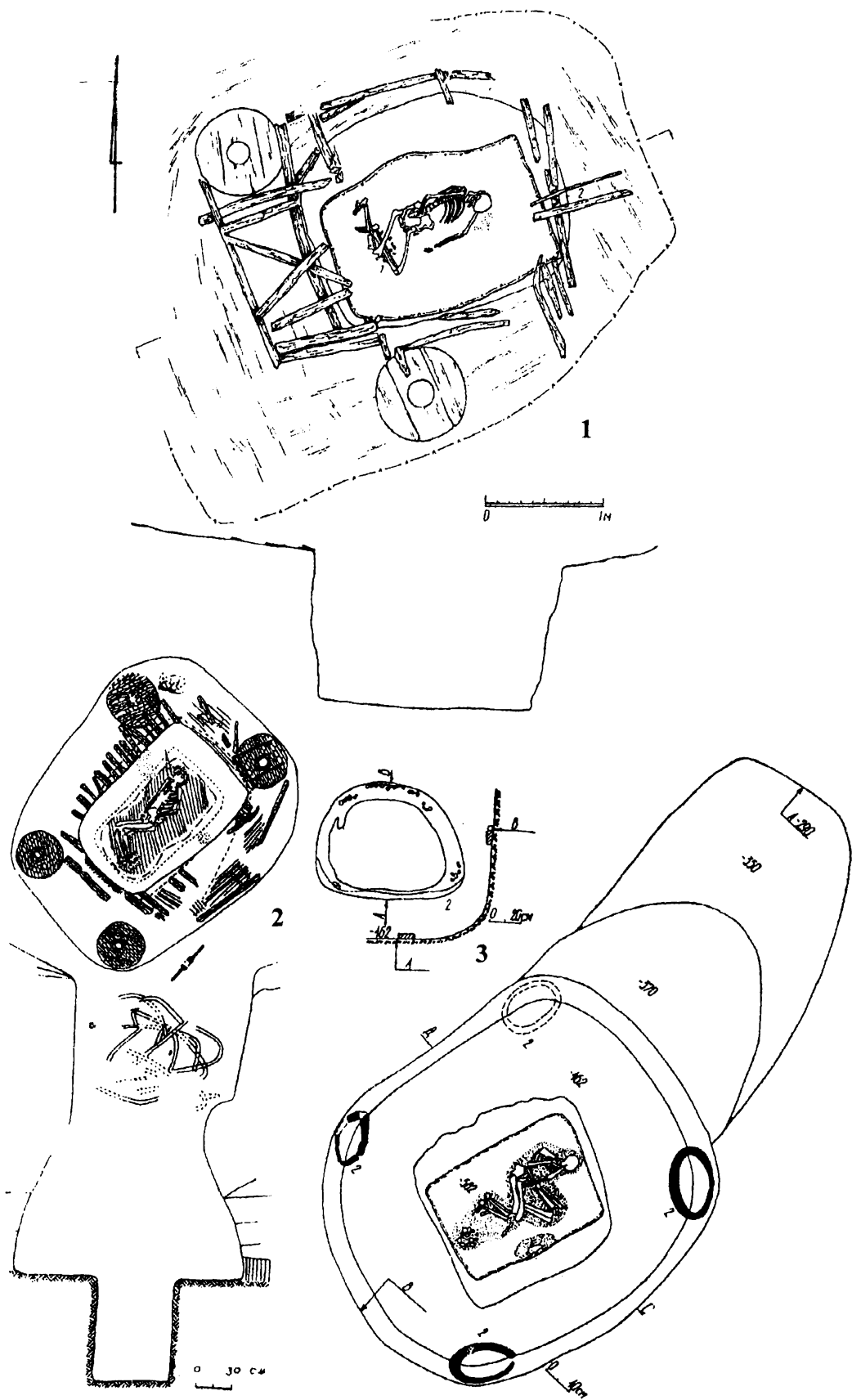

Рис.2. Планы погребений РБВ 2 с повозками и их имитациями: 1 - Лебеди 1 2/119 (Северо-Западное Предкавказье); 2 - Виноградное 3/25 (Северо-Западное Приазовье); 3 - Изобильное 1 3/1 (Южное Приуралье).

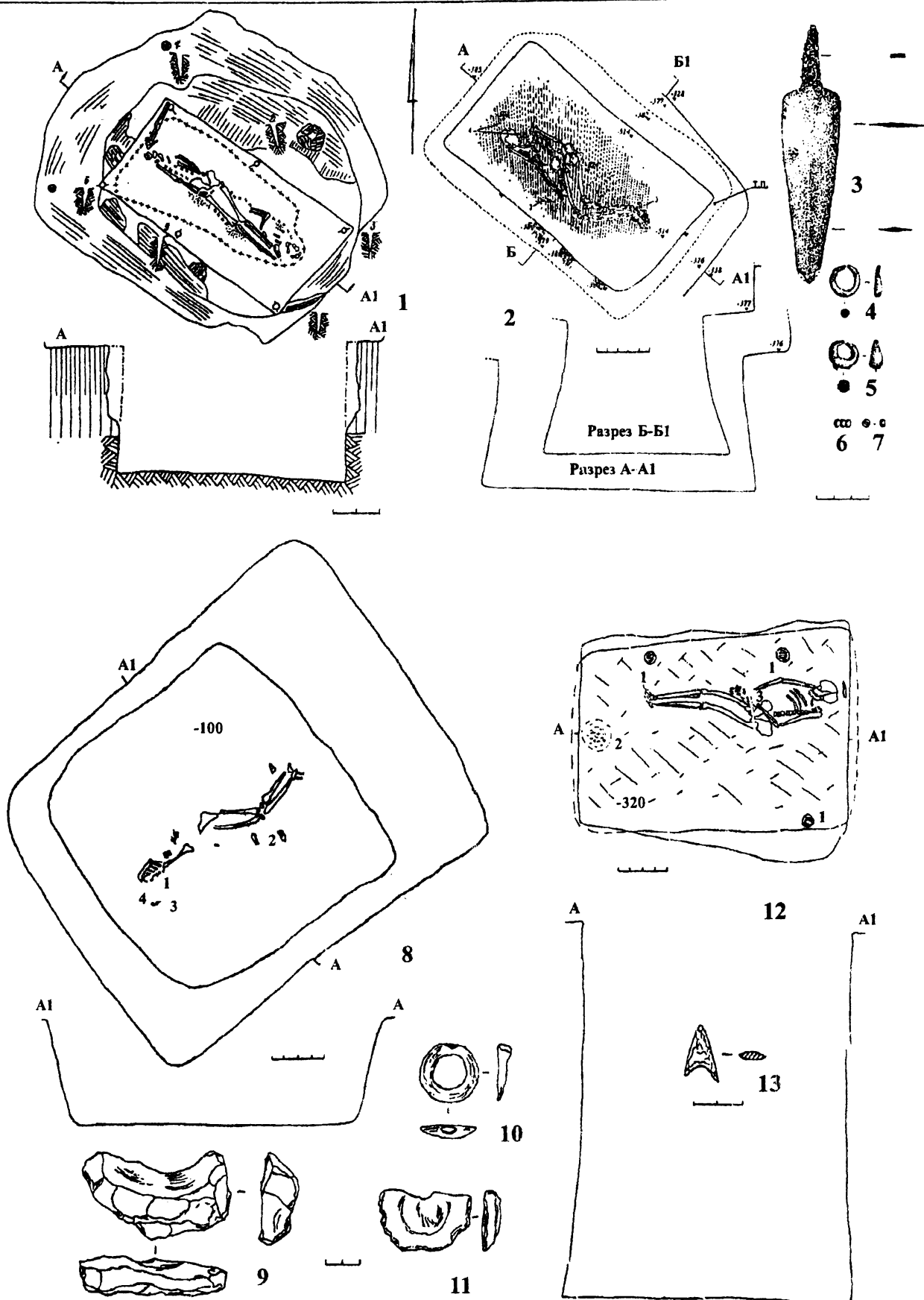

Рис.3. Погребения начального этапа СБВ в Приуралье (8-13), Прикубанье (1) и Ставрополье (2-7): 1 - Брю. хоз-вещка 3/18; 2-7 - Курган у с.Красногвардейское, п.8; 8-11 - Шаншар 1/5; 12-13 - Танаберген 2 1/14.

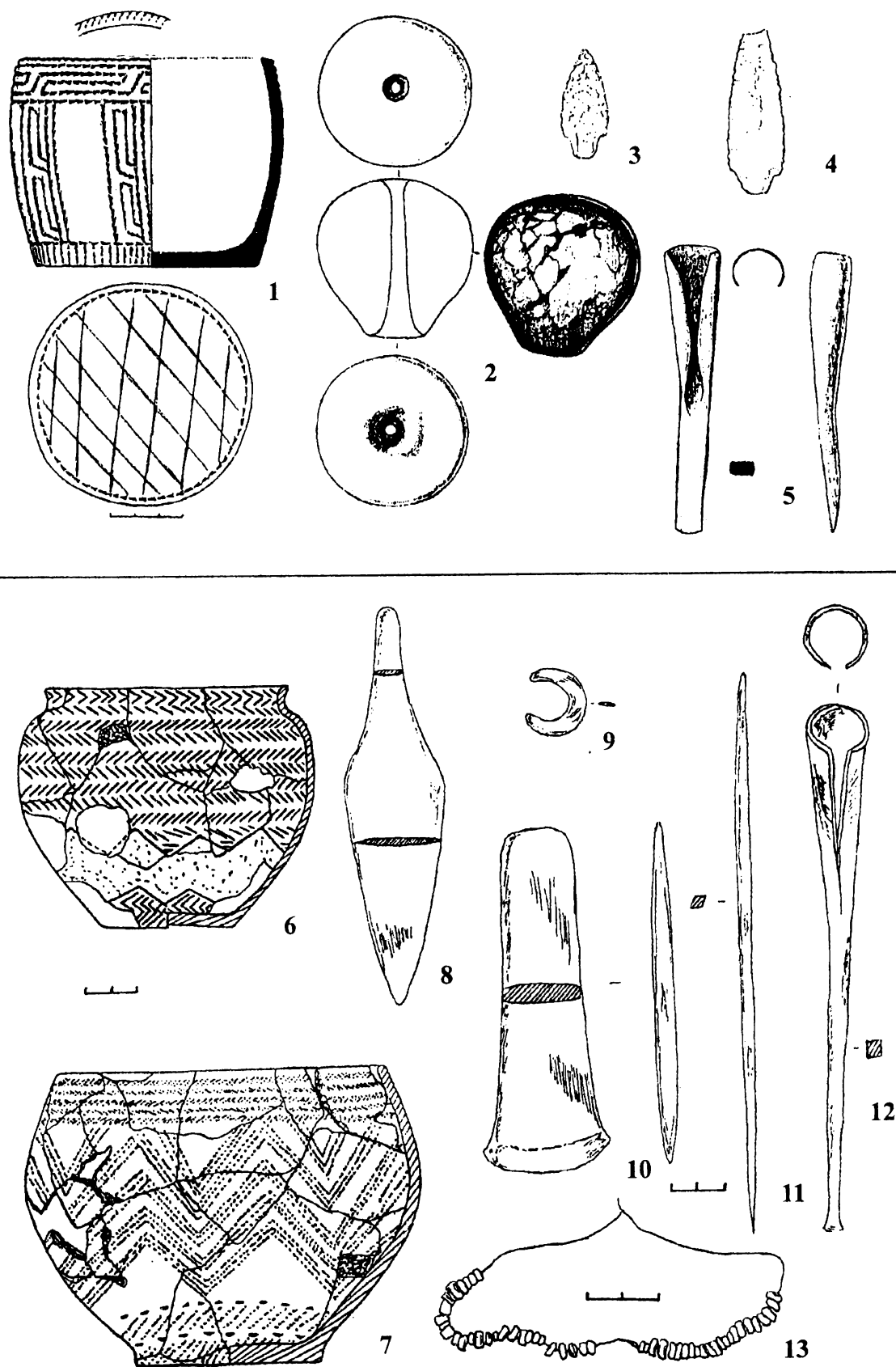

Рис.4. Инвентарь из погребений начального этапа СБВ в Приуралье: 1-5 - разрушенное погребение у д.Воздвиженка; 6-13 - Жаман-Каргала 1 1/7. 1, 6, 7 - глина, 2-4 - камень, 8-12 - медь, 13 - паста.

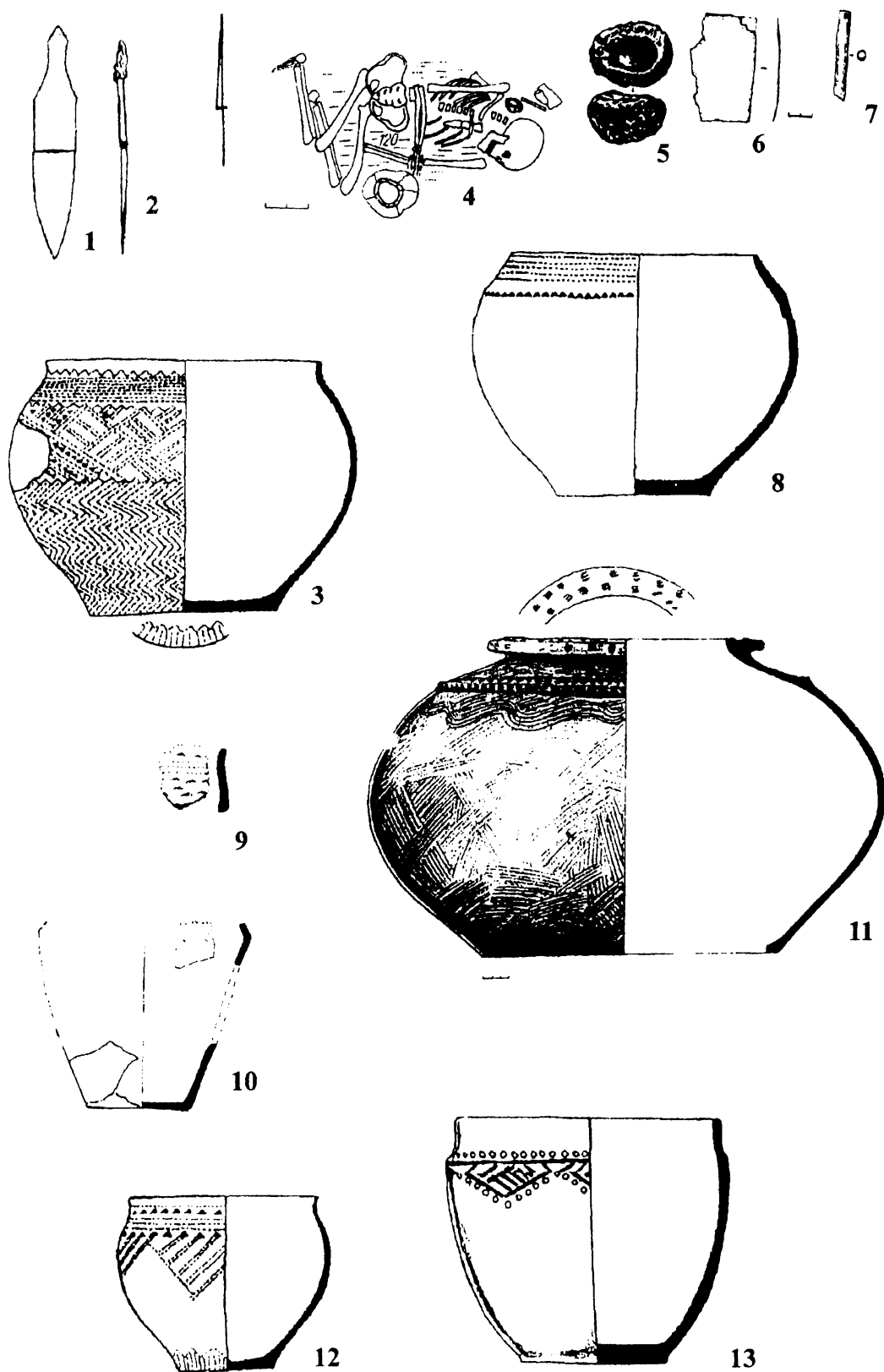

Рис.5. Культурная группа заключительного этапа СБВ в Приуралье: 1-3 - жертвенный комплекс (бофр) из к.6 мог.Герасимовка 2; 4-8 - Медведка 7/1; 9 - Хутор Барышников, к.6 (насыпь); 10 - Танаберген 2 1/156; 11 - Кардаилово 1 1/2; 12 - Болдырево 1, к.2; 13 - Хутор Барышников 6/1.

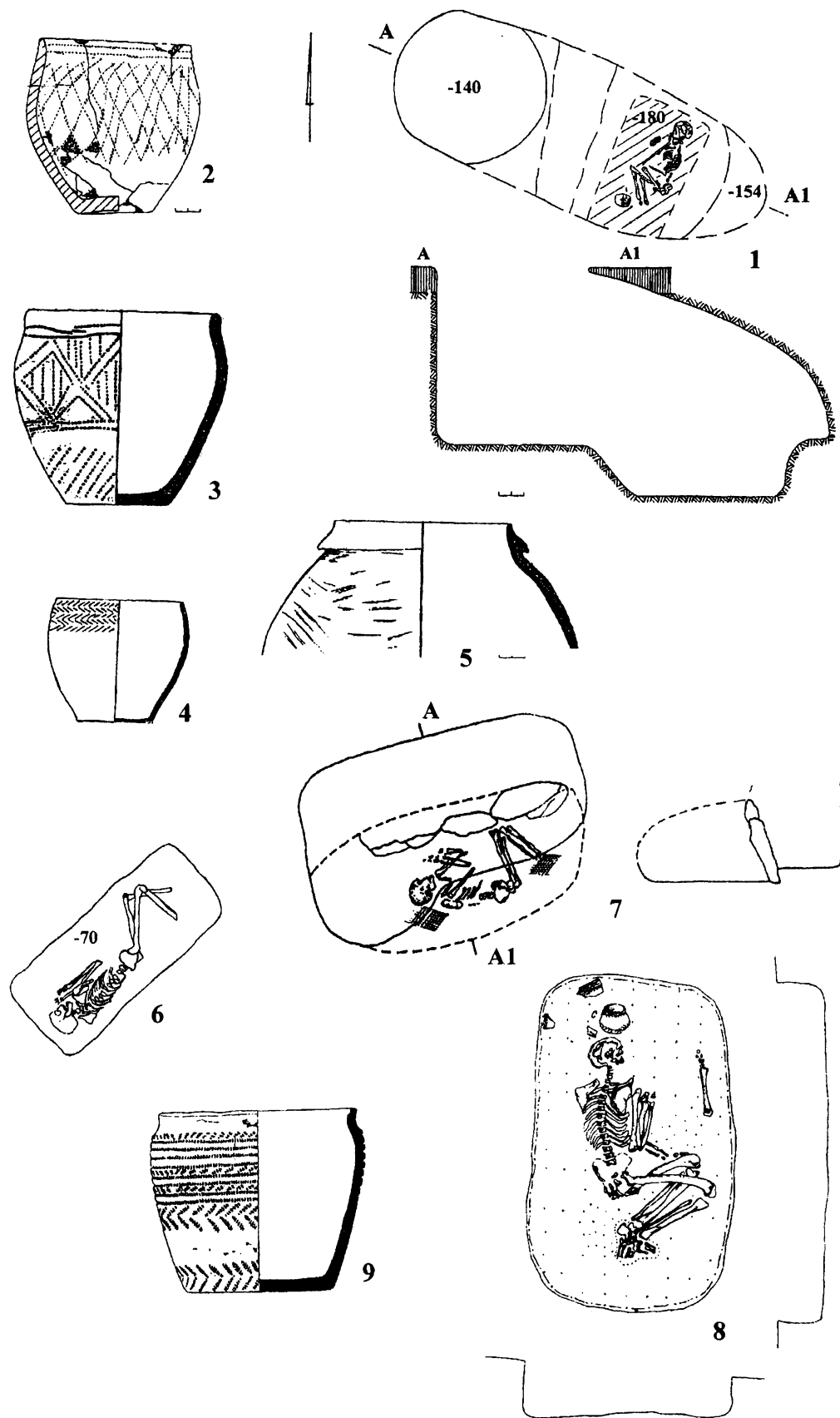

Рис.6. Культурная группа заключительного этапа СБВ в Приуралье: 1, 2 - Новотроицкий 1 4/3; 3-5 - Покровка 8 1/12; 6 - Восточно-Курайли 1 1/1; 7 - Новый Кумак 25/14; 8, 9 - Ефимовка 4 2/1.

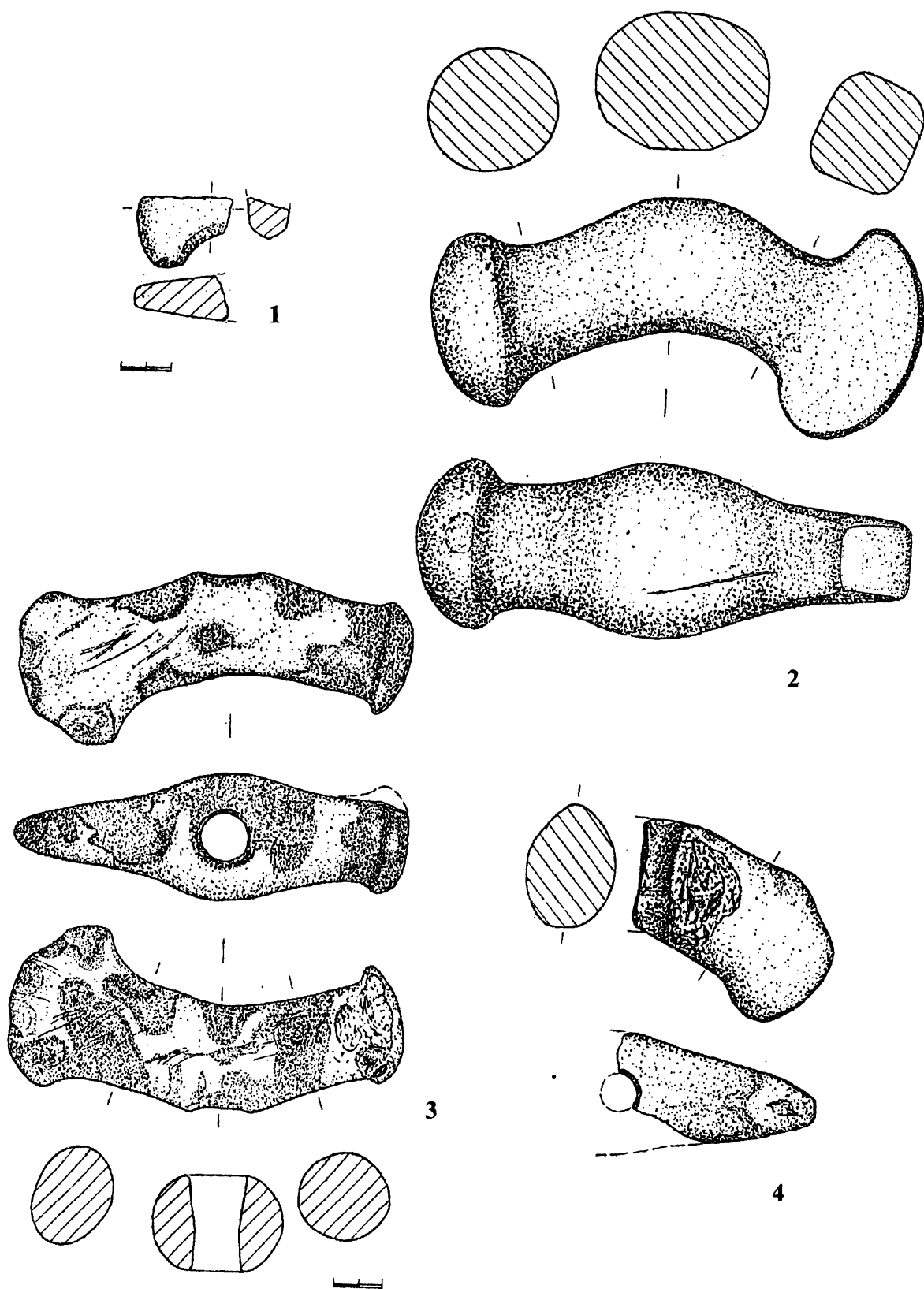

Рис.7. Каменные топоры северокавказских типов из Южного Зауралья: 1 - пос.Ольгино; 2 - г.Магнитогорск; 3 - Юргамышский р-н Курганской области; 4 - пос.Краснотал.

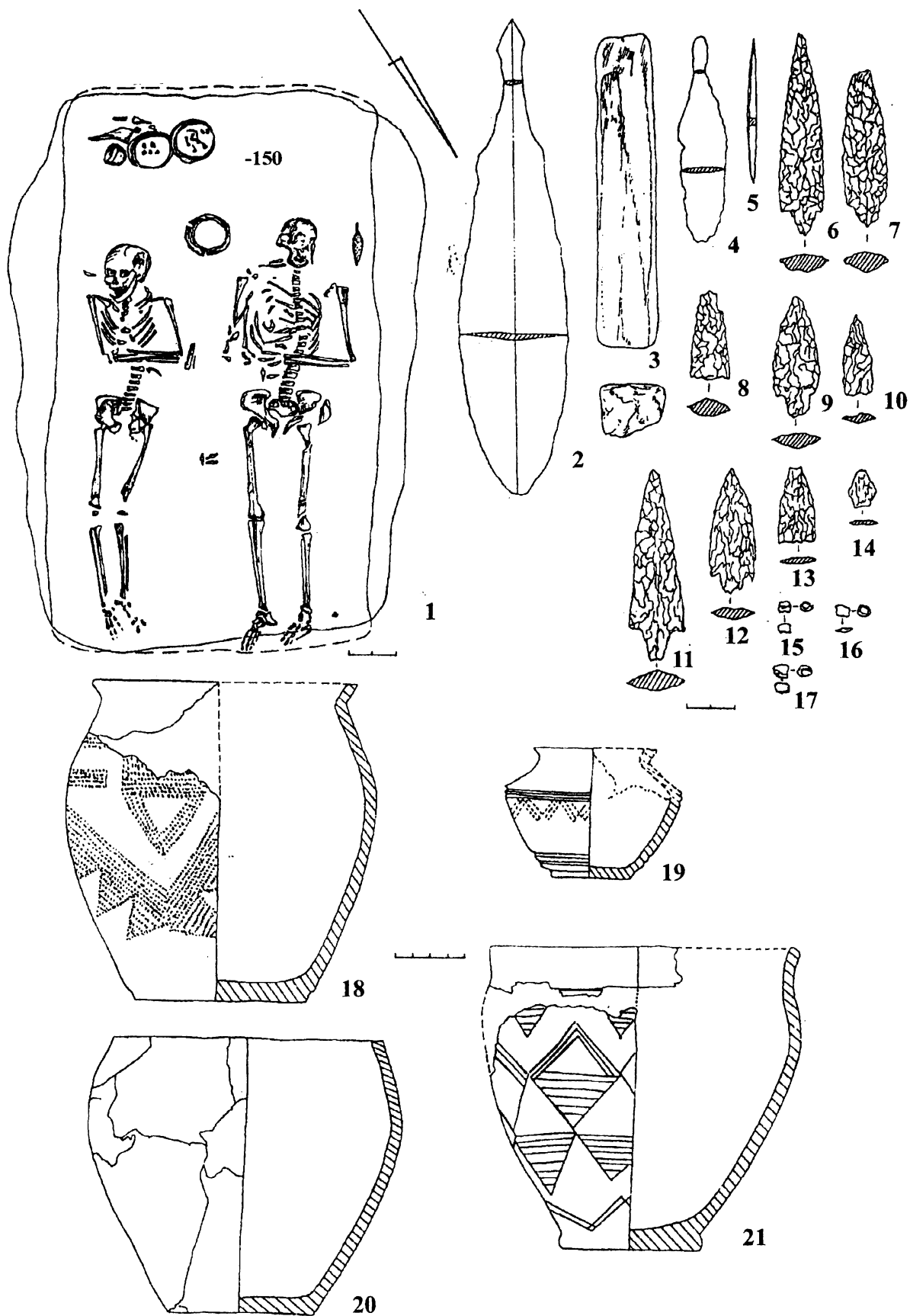

Рис.8. Синташтинская культура. Могильник Танаберген 2, курган 7. План и инвентарь погребения 21: 2, 4, 5, 15-17 - бронза; 3, 6-14 - камень; 18-21 - глина.

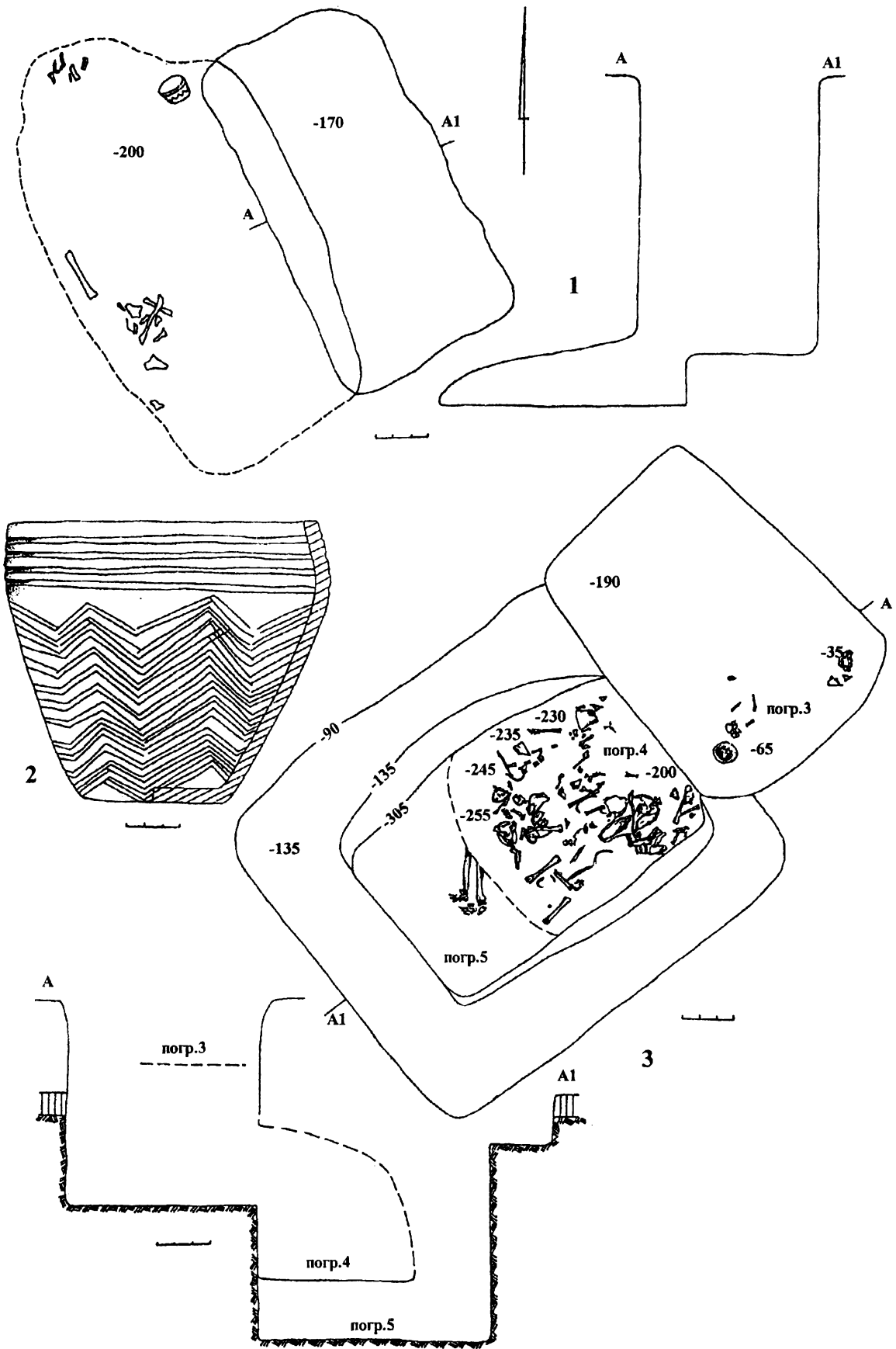

Рис.9. Погребения в подбоях и катакомбах синташтинской культуры: 1, 2 - Танаберген 2 1/10; 3 - Ишкиновка 2 1/3-5.

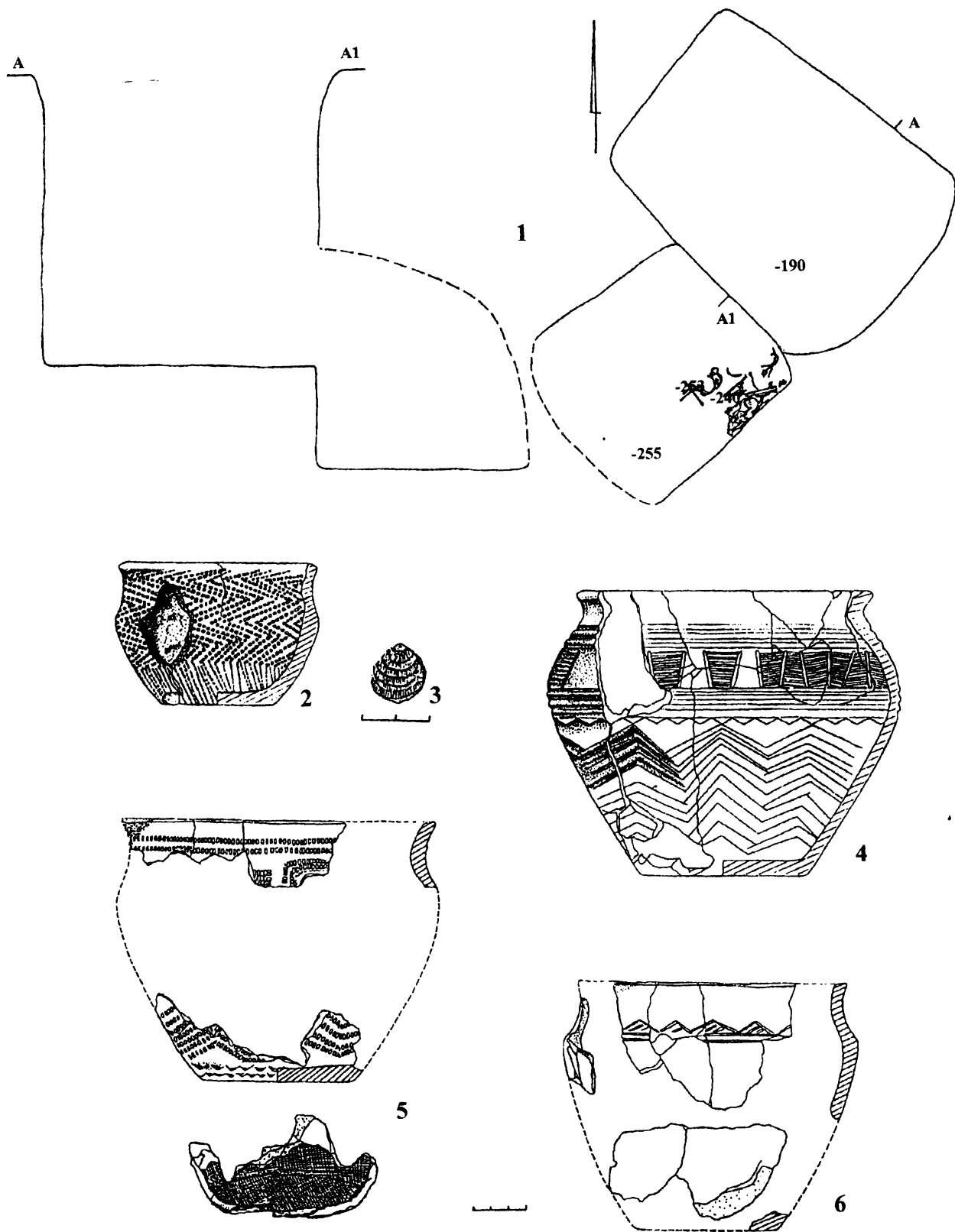

Рис.10. План разрез и инвентарь погребения Ишкиновка 2 1/4 (1, 4-6) и инвентарь из погребения Ишкиновка 2 1/3 (2, 3): 3 - раковина; 2, 4-6 - глина.

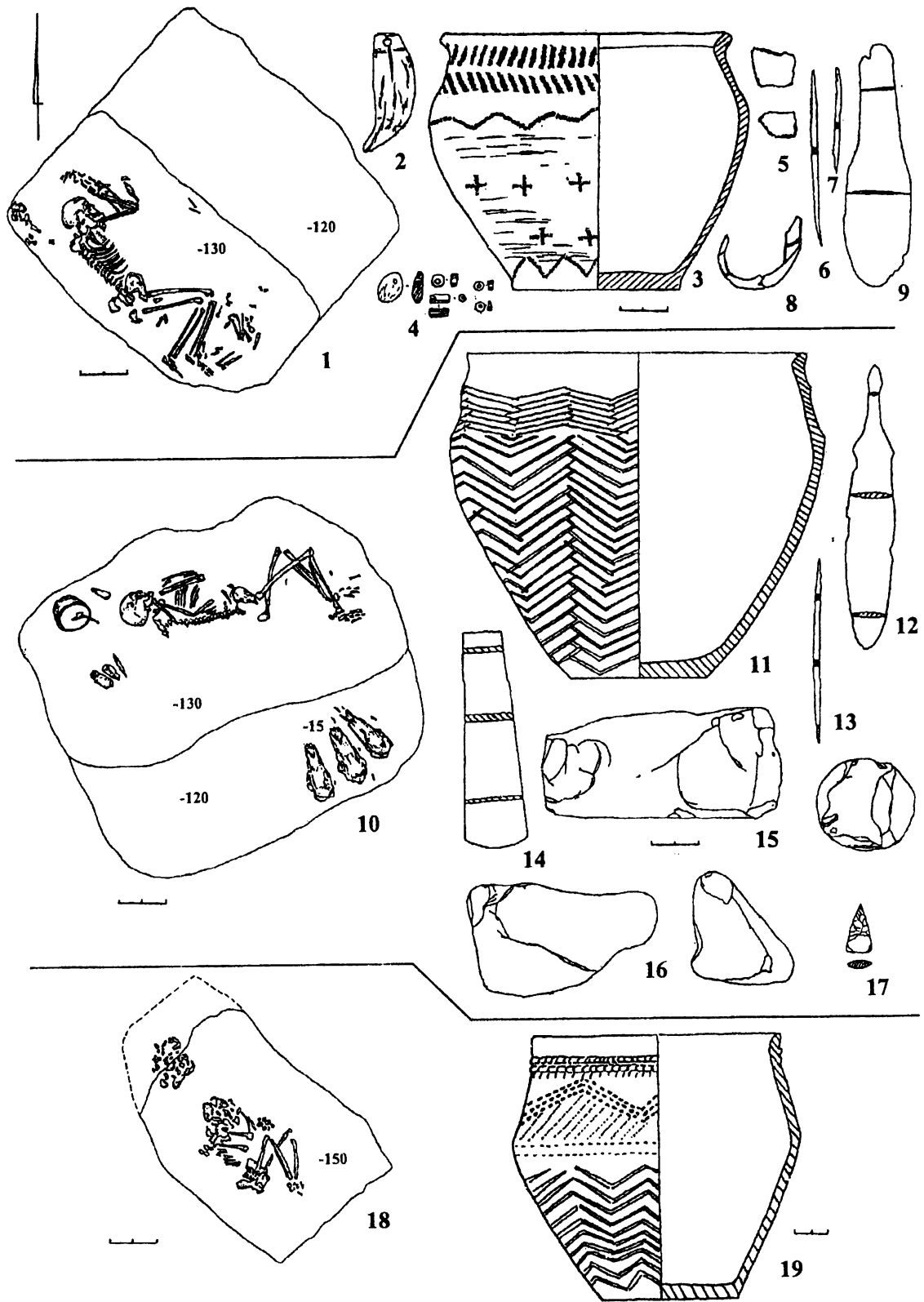

Рис.11. Погребения в подбоях синташтинской культуры: 1-9 - Танаберген 2 7/30; 10-17 - Танаберген 2 7/25; 18, 19 - Танаберген 2 7/31. 2 - кость; 4 - камень, паста; 3, 11, 19 - глина; 15-17 - камень; 5-9, 12-14 - бронза.

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ НОВОКУМАКСКОГО ТИПА

Выделение памятников новокумакского типа и одноименного хронологического горизонта (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977) вызвало в свое время оживленную реакцию в археологических кругах, как первая серьезная попытка осмысления принципиально нового культурного явления. Однако, вскоре скромные материалы кургана 25 Новокумакского могильника у г.Орск оказались в тени у Синташты и Аркаима (Генинг В.Ф. и др., 1992; Аркаим, 1995). Г.Б.Зданович писал уже о синташтинско-новокумакском типе (1988, с. 139), самарские археологи - о новокумакско-синташтинском типе, а у В.В.Ткачева речь идет о культурно-хронологическом соотношении памятников синташтинского и петровского типов (1998, с. 38). Е.Е.Кузьмина, выделив новокумакский тип, со временем переименовала его, без дополнительной аргументации, в петровский тип (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 38-40, карта IV).

Счастливей сложилась судьба «новокумакского хронологического горизонта», воспринятого специалистами (Березанская С.С., 1978, с. 83; Ткачев В.В., 1998, с. 38). Показательно, что и Е.Е.Кузьмина, переименовав тип, особо подчеркнула правомочность выделения новокумакского горизонта (1994, с. 34-35). Но и здесь терминологический консенсус нарушают самарские коллеги выводом о новом культурном пласте, включающем Новый Кумак, Синташту, Потаповку, Власовку (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 92). Попытка поместить хронологический пласт (горизонт) в некую культурную оболочку, на наш взгляд, лишь сужает его синхронизационные возможности. Еще большее возражение вызывает введение термина «единый синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт» (Зданович Д.Г., 1995, с. 63). Во-первых - ничего «единого» между Синташтой и Микенами не было по причине огромной территориальной удаленности пунктов; во-вторых - Микены уже находились в системе ранних цивилизаций, а Синташта не вышла за рамки одного из комплексных обществ первобытности; в-третьих - Микены, в отличие от скоротечной Синташты, прошли длительный путь развития и вопрос: с какими именно Микенами единить Синташту - далеко не праздный. И главное - микенские влияния (карпато-микенский орнаментальный стиль в частности) распространяются на восток уже в постсинташтинское время. Поздняя группа погребений в кургане 25 Нового Кумака это своего рода куль-

турный сигнал, посланный Синташтой во внешний мир и позволяющий выстраивать новокумакский хронологический горизонт неспешно и надежно. Поэтому история выделения и осмысления новокумакского типа представляется достаточно поучительной, чтобы в ней разобраться и учесть допущенные ошибки при работе над выделением новых типов памятников и культур.

Первоначально выделенный новокумакский тип памятников оказался культурно неоднородным. Объекты, включенные в него изначально, ныне разделены на два типа (культуры) синташтинский и петровский в работах Н.Б.Виноградова, Г.Б.Здановича, В.В.Ткачева и других исследователей. Поэтому механическое переименование новокумакского типа на петровский, никак не снимает проблему культурной пестроты памятников, собранных Е.Е.Кузьминой. Поздние погребения кургана 25 Новокумакского могильника большинство специалистов относят к памятникам синташтинской культуры. Синташта, как блестящий комплекс объектов, включающий городище и могильники, закономерно стала эпонимным и эталонным памятником одноименной культуры. Новый Кумак с его восемью погребениями средней и плохой сохранности не может составить конкуренцию Синташте в качестве эпонима и эталона. Однако вещевые комплексы кургана 25 и его узловое расположение на восточной излучине р. Урал оставляют курган 25 важнейшим хронологическим репером перехода от среднего к позднему бронзовому веку.

Подчас Новокумакский курган 25 без огорок относят к синташтинской культуре, забывая о том, что в публикации он был представлен как поликультурный стратифицированный объект. Лишь поздняя группа погребений в кургане 25 (пп. 1, 3-8, 11) относится к синташтинской культуре и этот факт всегда нужно оговаривать, приводя перечень памятников названной культуры.

О ранней группе погребений в кургане 25 (12-14) в публикации сказано мало. Основное погребение 14 трактовано как катакомбное, по наличию соответствующего сооружения, а два других остались вне культурной атрибуции (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 18-19). Н.К.Качалова, без какой-либо дополнительной аргументации, отнесла ранние погребения кургана 25 к полтавчинской культуре (1983, с. 13). В.И.Мельник, отмечая наличие катакомб в Новокумакском кургане

и могильниках Синташты, предполагает проникновение на Южный Урал «катакомбной (в культурном значении) атрибутики» (1984, с. 25). Развернутую критику попытки Н.К.Качаловой укомплектовать приуральскую группу памятников полтавкинской культуры разновременными и культурно неоднородными материалами произвел В.П.Шилов (1991, с. 132-144). Однако он не стал уточнять культурную принадлежность ранних погребений кургана 25. При столь разноречивых подходах, уместно еще раз обратиться к их атрибуции.

Основное погребение 14 совершено в катакомбе, а детское погребение 13 дозахоронено в камеру этого сооружения, так как закладная каменная плита в месте дозахоронения убрана (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 10-11, рис. 2,3). По контуру восточной стенки можно предположить, что в подбое было совершено погребение 12, где тело покойника оказалось обставленным с двух сторон каменными плитами. Во всех трех погребениях зафиксирована окрашенность частей тел умерших (голова, стопы) охрой. Все три умерших уложены в позе адорации, в средне и сильно скорченном положении, на левый бок и ориентированы к югу, с отклонениями. По совокупности признаков (наличие камерных сооружений, положение умерших на боку в позе адорации, ориентировка их головами к югу, использование охры в ритуале) погребения 12-14 могут быть отнесены к одной из позднекатакомбных культур. В таком случае курган 25 оставлен катакомбным населением и является самым восточным могильником катакомбной культурно-исторической области.

В принципе, подобный вывод должен был прозвучать еще в работе К.Ф.Смирнова и Е.Е.Кузьминой. Однако, принятый исследователями тезис об участии и влиянии культуры многоваликовой керамики на процесс сложения новокумакского типа памятников («в новокумакском горизонте выделяются следы сильного воздействия культуры многоваликовой керамики») не позволил им, в должной мере, реализовать катакомбный потенциал кургана 25 (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 29). С позиций нового знания о культурах синташтинской и многоваликовой керамики, уже можно говорить о влиянии первой на вторую, а не наоборот. Формулировка концепции волгоуральского очага культурогенеза подводит под высказанное заключение теоретическую базу (Бочкарев В.С., 1991). Изменения в формулировке названия очага: «южноуральский» (Отрощенко В.В., 1996) или просто «уральский» (Зданович Д.Г., 1999) сути дела не меняют.

Декларируя влияние культуры многовали-

ковой керамики на Новый Кумак, К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина апеллируют к погребальным памятникам Среднего Подонья (1977, с. 29-32, рис. 9). Однако Ю.П.Матвеев убедительно доказал, что захоронения с многоваликовой керамикой на Среднем Дону представляют второй период развития местной катакомбной культуры, а не культуры многоваликовой керамики. Он решительно вывел этот регион из ареала распространения последней (1980, с. 74-75) или, как более точно называет ее С.Н.Братченко, бабинской культуры (1977, с. 21-42). Археологически установлено, что культура многоваликовой керамики (бабинская) практически не распространилась на правый берег Волги в чистом виде. В то же время, памятники катакомбной общности на позднем этапе развития глубоко вклиниваются в степи Нижнего Заволжья, вплоть до Приуралья (Юдин А.И. и др., 1996, с. 122, рис. 1). Более того, высказано мнение о миграции отдельных групп катакомбного населения далеко на восток, вплоть до Хакасско - Минусинской котловины (Лазаретов И.П., 1994, с. 52-53).

Особого внимания заслуживает тот факт, что все три катакомбных погребения в кургане 25 совершены в позе адорации. Г.Г.Пярых (1989), а в последние годы и саратовские археологи (Юдин А.И. и др., 1996, с. 130) настойчиво связывают происхождение обряда адорации с погребальной практикой позднекатакомбного населения, особенно - обитателей степной зоны Волго-Донского междуречья. Однако между катакомбными и срубными погребениями на Нижней Волге ощущается определенный хронологический разрыв, вызванный слабой изученностью памятников синташтинского времени в этом регионе. В Новом Кумаке хронологический разрыв между позднекатакомбными и синташтинскими погребениями минимальный. Можно предполагать восприятие традиции погребений в позе адорации синташтинским населением от позднекатакомбного. Для раннекатакомбного населения, носителей полтавкинской и абашевской культур (участие двух последних в сложении синташтинской культуры предполагается) захоронения в позе адорации не характерны. В погребениях синташтинской культуры поза адорации представлена весомо, но это был лишь один из способов погребения умерших, наряду с вытянутым и скорченным на спине. Лишь в процессе миграции синташтинского населения на запад и сложения новой свиты археологических культур переходного к эпохе поздней бронзы периода, соответствующего новокумакскому хронологическому горизонту, способ погребения в позе адорации постепенно становится господствующим на всем юге Восточной Европы, от Урала до Карпат.

Можно предполагать определенную пренность камерных погребальных сооружений позднекатакомбного времени к синташтин-Три этом автор, в отличие от В.И. Мельни-клонен ставить в один ряд катакомбы Но-мака (кург. 25, погр. 14) и Синташты (С II,); СМ, погр. 39), поскольку первая пред-еще катакомбное время, а вторые - уже-тинскую культуру и новокумакский хроно-кий горизонт. К катакомбному времени-ся, вероятно, и подбойное погребение в-могильника Хабарное I на левом берегу р.-Новотроицк (Качалова Н.К., 1983, с. 13).-е и Новый Кумак разделяют 30-35 км. За-вание синташтинцами, а через них и пет-населением катакомбно-подбойных со-ий от носителей позднекатакомбных куль-ставляется вероятным.

Стратиграфическая ситуация кургана 25-макского могильника напоминает курганы-ского могильника на р. Сок в Самарской-ильев И.Б. и др., 1994). Только там син-цы использовали для погребальных целей-полтавкинской культуры, а не катакомб-ыпь. Число стратифицированных курганов-ем Поволжье и Приуралье невелико, но-ь, сколь бы активно не возражали против-акта уральские (Зданович Г.Б., 1984, с. 15)-ские коллеги (Васильев И.Б. и др., 1994, с.-нецов П.Ф., 1996, с. 124-126). Использова-ратиграфических наблюдений помогает-изировать историческую ситуацию пере-периода на Южном Урале и уточнить-сложения синташтинской культуры.

В связи с упоминанием Потаповского мо-а обратимся к активно обсуждаемому во-б участии носителей полтавкинской куль-формировании комплексов типа Синташты-ма. Как раз материалы Потаповских кур-бедительно свидетельствуют о том, что-ребрения потаповского типа (то есть син-ские) стратиграфически следуют за пол-кими, но прямых обрядовых и типологиче-еталл, керамика) связей между упомяну-руппами погребений выявить не удалось-енко В.В., 1998). О.В. Кузьмина, сопоста-ериалы полтавкинской и абашевской куль-ечает: «Контакты абашевской культуры с-инской культурой не фиксируются» (Ша-нова Э.С., Кузьмина О.В., 1992, с. 251).-учитывая позицию самарских археоло-стаивающих на возможности синхрониза-х культур, О.В.Кузьмина поясняет, что от-е связей «можно объяснять не разновре-гью культур, а их разной географической-ацией, обусловленной ориентацией у аба-

шевцев на лес, а у полтавкинцев на степь» (Кузь-мина О.В., Шарафутдинова Э.С., 1995, с. 219). Де-ло не в ориентации, а в полярной исходной пози-ции упомянутых групп населения, которые, про-двигаясь навстречу друг другу, заселили бассейны рек Самары и Сока в лесостепном Заволжье (Куз-нецов П.Ф., 1989, с. 65, табл. 9; Кузьмина О.В., 1992, с. 77, табл. 1). Отсутствие контактов, при-частичном совпадении ареалов, однозначно свиде-тельствует, что на Самаре и Соке полтавкинцы и абашевцы проживали в разное время.

Материалы Береговского I поселения на р. Белая в Башкортостане засвидетельствовали зале-гание керамики, сопоставимой с синташтинской, над слоем абашевской культуры и под слоем культуры срубной общности (Горбунов В.С., 1986, с. 65; Васильев И.Б. и др., 1994, с. 79-80).

Самарские исследователи ключевым фак-том в пользу синхронизации «уральской абашев-ской и уральской полтавкинской культур» счита-ют ситуацию в погр. 2 кург. 1 Александровского могильника у городища Аркаим, где в одном ком-плексе якобы выявлены полтавкинский и «типич-но уральский абашевский» сосуды (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 80). Давать какую-либо оценку этой информации до полной публикации материалов раскопок преждевременно.

Публикация ямных материалов из Урало-Тобольского междуречья, включая кург. 2 Алек-сандровского 4 могильника, позволяет предполо-жить, что появление полтавкинского компонента на Южном Урале связано не с формированием синташтинской культуры, а с более ранней мигра-цией ямного населения на восток через упомяну-тый регион (Мосин В.С., 1996, с. 48-61). Реальную-глубину древности полтавкинской культуры по-могают осознать калиброванные радиоуглеродные-даты, которые приходятся на середину III тыс. до-н. э. Лакуна между полтавкинскими и потапов-скими комплексами в абсолютных датах составля-ет не менее 500 лет (Кузнецов П.Ф., 1996а, с.56-59). Поэтому полтавкинская культура может быть-исключена из числа непосредственных участников-процесса генезиса синташтинской, хотя дожива-ние отдельных полтавкинских традиций до конца-эпохи средней бронзы возможно.

Понижение абсолютных дат полтавкин-ской культуры не исключает участия населения-лесостепного Поволжья в формировании Синташ-ты. И речь может идти не только о носителях аба-шевской культуры, чья роль в формировании син-таштинской признается едва ли не решающей. Во-всяком случае, Синташта объявляется «наследни-цей абашевских традиций» (Кузьмина О.В., 1992, с.76). Выделение Вольско-Лбищенского типа па-мятников на Средней Волге (Васильев И.Б., 1999,

с.66-114) и обнаружение аналогичных комплексов в среднем течении р. Урал позволяют ставить вопрос об участии вольско-лбищенского населения в процессе культурогенеза Синташты. Погребения вольско-лбищенского типа Оренбуржья впущены в позднейшие курганы (Богданов С.В., 1998, с. 20-22, рис. 6; 10-11).

Погребения позднего горизонта Потаповского и Новокумакского могильников, помимо их синхронности и прямой причастности к синташтинской культуре, намечают еще и главные направления культурных импульсов Синташты. Выразительнее проявляется западный импульс, прослеживаемый через синташтинские курганы Башкортостана, могильники потаповского типа в Самарской обл. и комплексы доно-волжской абашевской культуры в Подонье (Отрощенко В.В., 1997, с. 66-72). Он привел к прекращению развития уральской (баланбашской) абашевской культуры и утверждению позднейшей (доно-волжской) абашевской культуры в лесостепном Подонье. Вытеснение предшествующего населения среднедонской каткомбной культуры на запад привело к широчайшему распространению изготавливаемой ими многоваликовой керамики и формированию в лесостепном Донецко-Днепровском междуречье культуры многоваликовой керамики. Последняя распространяется в степном Подонье, Украине (кроме Полесья и Закарпатья) и Молдове.

Описанные в предыдущем абзаце события и составляют содержательную основу новокумакского хронологического горизонта, включающего синташтинскую культуру, памятники потаповского типа, доно-волжскую абашевскую культуру и ранний период культуры многоваликовой керамики. В этот горизонт уже не попадают памятники полтавтинской, катакомбных и классических абашевских культур. С другой стороны, в него еще не попадают комплексы петровской и покровской срубной культур.

Поздняя группа погребений Новокумакского кургана намечает, на наш взгляд, другое, юго-западное направление синташтинского импульса за пределы «Страны городов» (по терминологии Г.Б. и Д.Г. Здановичей). Это направление качественно отличается от западного меньшей интенсивностью и отсутствием погребений воинско-колесничих. Отсутствие оружия в синташтинских захоронениях Новокумакского кургана может показаться случайным, но его нет и в других синхронных могильниках (Ибрагимово, Герасимовка, Кордон Деркульский). Это наблюдение позволяет предположить иной, мирный характер синташтинского продвижения и влияния в степной зоне Европы. Возможно, процесс мирной трансформации в конечном счете сказался на окончательном

оформлении обряда погребения степной бережно-маевской срубной культуры, где выражена воинская функция отсутствует.

Известные автору памятники собственно новокумакского типа составляют тонкую нить от Орской излучины р. Урал и далее на запад вдоль правого берега этой реки. Среди них: Ибрагимово в Урало-Сакмарском междуречье (Иванов В.А., Исмагилов Р.Б., 1981, с.133); поселение Родниковое (Чесноковка) и могильники Герасимовка 1 и 2 в междуречье Урала и Самары (Порохова О.И., 1984, с.172-173; Порохова О.И., Богданов С.В., 1985, с.175-176; Порохова О.И., 1992, с.92-107); погр. 2, кург. 1 (кремация на месте) на Кордоне Деркульском в междуречье Урала и Волги (Рыков Р., 1927, с.65-66). Сосуд из последнего погребения, отремонтированный бронзовыми скрепами, является новокумакским. К этому типу памятников самарские археологи отнесли погр. 2, кург. 35 знаменитого Покровского могильника (Агапов С.А. и др., 1983, с.17-18; Памятники срубной культуры, 1993, с.146, табл.16,11-21), а также погр. 8 Алексеевского 2 могильника (Агапов С.А. и др., 1983, с.42, рис.10,1-12). Покровский и Алексеевский 2 могильники находятся уже на левом и правом берегах Волги, соответственно, в Саратовской обл., то есть уже в Нижнем Поволжье. Спецификой новокумакских памятников является то, что они в ареале своего распространения накладываются на позднекатакомбные.

В результате юго-западного импульса развитие степных катакомбных культур прерывается. Таким образом, формирование бережно-маевского типа памятников срубной общности в Нижнем Поволжье происходило, скорее всего, на позднекатакомбной основе с участием новокумакского компонента. Складывается новый погребальный ритуал, предполагающий скорченное положение умершего в позе адорации на левом боку, ориентированного головой к востоку. В своем зародыше он представлен погр. 8 и 11 Новокумакского кургана (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с.10-13, рис.2,2-3). Обращает на себя внимание трапециевидная форма суженной к изголовью могильной ямы погр. 8. Такая форма ямы не является случайной, повторяясь в серии престижных погребений бережно-маевской срубной культуры: Выдвиженец, кург. 2, погр. 4 (Ковалева И.Ф. и др., 1979, с.33-34, рис.8,4); Ивановка, кург. 1, погр. 3 (Антоненко Б.А. и др., 1977, с.33) и др. Трапециевидная яма в Ивановке была оформлена как кузов повозки, образованный вертикально установленными досками с колесным (солярным) знаком в торце каждой из них. В образно-знаковой системе срубной общности кузов повозки (колесницы) изображался в плане в форме трапеции (Галкин

Л.Л., 1977, рис.1; Каталог ..., 1993, рис.11,9). Эти наблюдения позволяют нам высказать предположение, что в трапециевидную форму ямы закладывалась идея погребальной повозки, призванной переправить умершего в иной мир.

История населения, оставившего памятники новокумакского типа, была быстротечной, судя по малому числу сохранившихся памятников. С востока серьезное давление оказывали носители петровской культуры, а с северо-запада происходило распространение воинственных групп населения покровской срубной культуры, которые в итоге устанавливают контроль над средним течением р.Урал. Петровско-покровские контакты ощущаются в материалах могильника Ветлянка 4 на р.Илек (Горбунов В.С. и др., 1990). Особенно интересным представляется комплекс парного погр.2, кург.14 на Ветлянке 4, совершенного в срубе, где мужчину сопровождал колчаный набор покровских костяных втульчатых наконечников стрел. Однако убит он был стрелой с кремневым черешковым наконечником, застрявшим в позвонке. Подобные кремневые наконечники зафиксированы в колчане воина-колесничего петровской культуры на могильнике Танаберген 2 (кург.7, погр. 22) в той же долине р.Илек, но уже в пределах Актюбинской обл. Казахстана (Ткачев В.В., 1998, с.50, рис.2, 4-6).

В.В.Ткачев привел аргументы в пользу хронологического приоритета синташтинских памятников перед петровскими (1995; 1998, с.40, 46). В кург. 6 Герасимовского 2 могильника основным было погр.3 (новокумакского типа), затем в курган было впущено погр. 1 (первого периода покровской срубной культуры), а последним - погр. 2 (второго периода) (Порохова О.И., 1992, с.97-99). В целом петровскую культуру можно синхронизировать с первым периодом покровской срубной культуры, а алакульскую - со вторым.

Общий облик материальной культуры позволяет включать постновокумакские памятники в среднее течение реки Урал, за исключением Орского микрорайона, в состав покровской срубной культуры. Однако, посткатакомбно-новокумакское наследие сказалось в достаточно высоком проценте погребений с восточной ориентировкой, сравнительно с преобладающей северной, наличии немногочисленных погребений в подбоях, использовании камня при оформлении гробниц и курганных насыпей. Подобные явления прослеживаются по всему фронту проникновения Покровского населения в степную зону, но лишь в Саратовском Заволжье и Приуралье оно было достаточным для утверждения покровской срубной культуры за пределами лесостепи. Западнее же покровский компонент помог оформлению бережново-маевской срубной

новокумаевской срубной культуры, а его носители были ассимилированы преобладающим посткатакомбно-многоваликовым степным населением (Отрощенко В.В., 1994, с.150-153).

Что же касается погребений покровской срубной культуры в подбоях, то их перечень не ограничивается комплексами Мурманского кургана в Ровенском р-не Саратовской обл. (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988) и погребение в кург. 2 у станции Спартак в Уральской области Казахстана (раскопки В.А.Кригера). К числу подбойных можно отнести погр. 4 и 6 в кург. 1(14) у с. Свердлово Токского р-на Оренбургской обл. (Халяпин М.В., 1998, с.58, рис.2, 1,3). В погр.4 о наличии подбоя свидетельствует овальный контур «ямы» и вогнутость северной и южной стенок. В погр. 6 в подбой вела ступенька с восточной стороны, а западная стенка камеры была округлой. Плахи в заполнении камеры располагались выше уровня перекрытия, фиксируемого по дну ступеньки. Это означает, что первоначально они перекрывали вход в камеру и лишь со временем оказались продавленными вовнутрь. Ступенька с восточной стороны фиксируется во всех четырех подбоях Мурманского кургана. Еще два подбоя удается выявить при ознакомлении с материалами раскопок Кошкинского одиночного кургана в Самарской области. Гробницы погр. 3 и погр. 6 имели ступеньку с восточной стороны, а прижатые к западной стенке подбоев умершие были придавлены материковой глиной рухнувших сводов (Багаудинов Р.С., 1986, с.3-19). Внимательное ознакомление с материалами раскопок позволит выявить еще некоторое число остатков подбойных сооружений за Волгой и в Приуралье. В.А.Лопатин и Н.М.Малов справедливо связывают наличие «срубных» подбоев с традицией, идущей от катакомбных культур (1988, с.137-138). Однако, это уже не прямое влияние, а преломленное воздействием и участием Синташты через новокумакский тип памятников.

Подводя итог оценке комплексов кург. 25 Новокумакского могильника с позиции новых археологических реалий, можно подтвердить значимость понятия «новокумакский хронологический горизонт» для синхронизации памятников переходных от среднего к позднему бронзовому веку - прежде всего синташтинской культуры - с синхронными культурами Восточной и Центральной Европы. Что же касается более локального определения «новокумакский тип памятников», то его дальнейшее использование возможно лишь после четкого размежевания не только с петровской культурой, вероятно не выходящей за границы Азии, но и с ядром синташтинской культуры в пределах «Страны городов». Новокумакский тип

памятников является, по сути, юго-западной филиацией Синташты в ареале поздних культур катакомбной области. Население, оставившее памятники новокумакского типа, сыграло определенную роль, воздействуя на позднекатакомбное сообщество, в процессе формирования бережновско-маевской срубной культуры. Особенно этот тезис касается генезиса бережновского типа памятников.

Другая (западная) филиация Синташты

была направлена в лесостепной ареал абашевских культур и привела к образованию иного (потоповского) типа памятников и доно-волжской абашевской культуры. Последние две группы стали базовыми компонентами при сложении покровской срубной культуры. Конечным же итогом этих событий стало образование срубной культурно-исторической общности, состоявшей из двух культур - покровской и бережновско-маевской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина Е.Е., Семенова А.П.*, 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г.*, 1977. О результатах работ Ивановской археологической экспедиции // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев.
- Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Багаутдинов Р.С.*, 1986. Отчет об археологических раскопках Кошкинского одиночного кургана в 1986 г. // Архив при кабинете археологии Самарского университета.
- Березанская С.С.*, 1978. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев. Т. 221.
- Богданов С.В.*, 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Бочкарев В.С.* 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Братченко С.Н.*, 1997. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
- Васильев И.Б.*, 1999. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.*, 1994. Потоповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Галкин Л.Л.*, 1977. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА, №3.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.*, 1992. Синташта. Челябинск.
- Горбунов В.С.*, 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С.*, 1990. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Препринт. Свердловск.
- Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б.*, 1990. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Зданович Г.Б.*, 1984. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Зданович Г.Б.*, 1988. Бронзовый век Урало - Казахстанских степей. Свердловск.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.*, 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск. - Ч. V, Кн. 1.
- Зданович Д.Г.*, 1995. Синташтинско-Микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и Элладский регион в XVIII-XVI вв. до н. э. // Россия и Восток ... - Ч. V. Кн. 1.
- Зданович Д.Г.*, 1999. Аркаим: древность, модерн, постмодерн // Аркаим. 1987-1997. Библиографический указатель. Челябинск.
- Иванов В.А., Исмагилов Р.Б.*, 1991. Исследования в междуречье Урала и Сакмары // АО-1980. М.
- Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах. № 1, 1993.
- Качалова Н.К.*, 1983. О локальных различиях полтавкинской культурно - исторической общности // АС-ГЭ. Вып. 24.
- Ковалева И.О., Ромашко В.А., Андросов А.*, 1979. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья III - I тыс. до н. э. Днепропетровск. Вып. 3.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно - историческая общность. Свердловск-Куйбышев.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.
- Кузьмина О.В.*, 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.
- Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С.*, 1995. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996. Еще раз об особенностях Потоповского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

- Кузнецов П.Ф., 1996а. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита - бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. СПб. Вып. 1.
- Лазаретов И.П., 1994. К вопросу о компонентном составе окуневской культуры // Материалы научной конференции. Барнаул.
- Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // Советская археология. № 1.
- Матвеев Ю.П., 1980. Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой (по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры) // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 2.
- Мельник В.И., 1984. Памятники эпохи бронзы Степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Мосин В.С., 1996. Стоянка Бурли и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Отрощенко В.В., 1994. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье. Вып. II.
- Отрощенко В.В., 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж. Часть 2.
- Отрощенко В.В., 1997. Чотирекамерні склепи синташтинської доби // Археологія, № 3.
- Отрощенко В.В., 1998. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА, № 1.
- Порохова О.И., 1992. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Порохова О.И., 1984. Раскопки памятников эпохи бронзы в Оренбургской области // АО-1982. М.
- Порохова О.И., Богданов С.В., 1995. Раскопки памятников в Оренбургской области. АО-1983. М.
- Пятых Г.Г., 1989. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда // Археология восточноевропейской степи. Саратов.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Ткачев В.В., 1995. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в Степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. - Челябинск. Ч. V. Кн. 1.
- Ткачев В.В., 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Халятин М.В., 1998. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В., 1992. Семинар «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» // РА, № 4.
- Шилов В.П., 1991. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА, № 4.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.
- Ryrov P., 1927. Die Chvalynsker Kulture der Bronzezeit an der unteren Wolga // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki. T. 1.

СОПЛА ЕВРАЗИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(к проблеме одной археологической загадки)¹

В процессе раскопок поселения Горный 1 и осмысления материалов, связанных с горно-металлургическим промыслом на Каргалах, Е.Н.Черных привлек наше внимание к парадоксальному наблюдению, а именно: практически полному отсутствию находок глиняных либо костяных сопел в слоях Горного. И это при изобилии руды, шлаков, литейных форм, металлических изделий, каменных молотков и других проявлений металлургической деятельности, зафиксированных с помощью ручной переборки слоя на площади раскопа свыше 880 кв. м. Было обнаружено два невыразительных фрагмента керамических изделий, которые могут быть отнесены к соплам лишь с большой степенью условности. Даже признав их таковыми, нам очень трудно согласовать наши априорные представления о технологии плавки, подразумевающие использование воздуходувных мехов, и грандиозные масштабы древней металлургии на Каргалах (Черных Е.Н., 1997; Черных Е.Н. и др., 1999) с ничтожным количеством найденных сопел в Горном.

Неизбежно встал вопрос о природе этого парадокса. Прояснить его - в рамках комплексного изучения Каргалинского горно-металлургического центра и поселения Горный 1 - такова была задача, поставленная перед нами Е.Н.Черных.

Для решения этой проблемы были просмотрены монографии, статьи, полевые отчеты и рукописи диссертаций, в той или иной мере связанные с изучением ПБВ. В предлагаемом обзоре мы сконцентрировались, прежде всего, на поселениях с заметными следами металлургической и металлообрабатывающей деятельности, относящихся к фазам сложения и стабилизации ЕАМП (Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1989). Всего проанализированы материалы с 62 поселений, содержащих артефакты металлургии и металлообработки. Общая вскрытая площадь на них - более 63,4 тыс. кв. м. Количество индивидуальных находок превышает 5100, причем примерно 1730 предметов может быть отнесено к металлургическому и металлообрабатывающему производствам. Достаточно равномерными группами по 8-14 поселений в обзоре представлены традиционные регионы евразийской степи и лесостепи: Подонье (Воронежская обл.), Поволжье (Самарская,

Саратовская и Волгоградская обл.), Приуралье (Башкирия), Южный Урал (Оренбургский обл.), Зауралье (Тюменская и Челябинская обл.). Северный, Центральный и Восточный Казахстан.

В плане относительной хронологии большинство учтенных поселений относится к фазе стабилизации ЕАМП (ПБВ-2) - к свитам срубной, алакульской и близких им культур. Около 10 поселений, оставленных носителями уральской абашевской, синташтинской и петровской культур (ПБВ-1), привлечены здесь для сравнения в силу своей исключительной «металлоносности».

Следует отметить, что качество и способы представления информации в привлекаемых нами разнородных источниках весьма различны. Например, в тематической монографии М.К. Кадырбаева и Ж.Курманкулова (1992) дается подробная характеристика и классификация артефактов металлургии и металлообработки ряда памятников Центрального Казахстана, в том числе упомянуты и подробно описаны сопла. Однако в книге отсутствуют рисунки многих категорий изделий (в частности тех же сопел), а также крайне необходимые для читателя сводные таблицы по количеству различных категорий находок, что значительно снижает практическую ценность данного труда.

С другой стороны, обобщающая статья Г.Б.Здановича (1997) по Аркаиму и коллективная монография о блоке памятников Синташтинского микрорайона (Генинг В.Ф. и др., 1992) содержат еще меньше данных о качественном и количественном составе артефактов. Сопла в них упомянуты лишь в порядке перечисления среди прочих находок. Обобщающие монографии М. Ф. Обыденнова (1991; 1998) содержат подробное описание и номенклатуру индивидуальных находок, сводные таблицы и прорисовки отдельных предметов, чем выгодно отличаются от многих рассмотренных нами работ.

Весьма разнится качество отчетной документации (и, по всей видимости, и самих раскопок). Например, в полевых отчетах Ю. А. Морозова и М. Ф. Обыденнова, хранящихся в Архиве ИА РАН, приведены сводные таблицы, отражающие номенклатуру и количество находок по исследованным жилищам, всем раскопам и всей вскрытой площади за полевой сезон, включая данные о ко-

¹ - Работа выполнена при содействии РФФИ (проект № 98-06-80040).

личестве костей и иного массового материала. С другой стороны, отчеты по таким эталонным и широко известным памятникам как Петровка 2, Синташта, Аркаим, Устье очень часто содержат лишь перечисление находок - в контексте описания какого-либо слоя или сооружения. Очень редко они завершаются сводными таблицами, вынуждая нас производить суммирование артефактов самостоятельно, что могло привести к искажению информации.

В последнее десятилетие доступ к регулярной и полноценной информации по памятникам за пределами Российской Федерации, но входящих в систему ЕАМП оказался затруднен. На этом фоне отрядным исключением является, например, диссертационное исследование А. А. Ткачева (1991 а-б), которое не просто заполняет информационный вакуум в отношении андроновских древностей Центрального Казахстана, но и служит примером полноценного обобщающего труда, соответствующего заявленной теме.

Ко всем памятникам, приведенным в рукописи А. А. Ткачева, приложены сводные таблицы находок, описание сооружений, фото- и графические изображения индивидуальных находок. Столь же полноценным источником явилась для нас и рукопись монографии А. С. Саврасова (1998а-б), посвященная металлообработке населения донской лесостепной срубной культуры.

Результатом просмотра этого информационного массива стало обнаружение 13 экземпляров сопел с восьми поселений ПБВ: 5 экз. - на Аркаиме (Зданович Г.Б., 1988а, с.31; 1988б, с.40; 1989, с.8,10, табл.28:3,4), по два - на Мосоловском (Пряхин А. Д., 1996, с 103-106, рис.68, 1,2) и Атасу (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 143-145), по одному - на Бережновском (Синицын И.В., 1959, с. 128, рис.38, 4), Баланбаше (Сальников К.В., АИА, Р-1, N 562, с.31), Новобуруинском (Сальников К.В., 1959, с. 180) и Мыржике (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 143-145). Из них в публикациях и отчетах есть изображения лишь шести экземпляров - из Мосоловки и Аркаима (по два), Новобуруинского и Бережновского (по одному).

Судя по этим изображениям, находкам с поселения Горный-1 в наибольшей степени соответствуют «обломок округлого в сечении глиняного предмета - возможно (разрядка наша - Д.В., С.К.), сопла», найденного в котловане жилища № 1 Мосоловского поселения и фрагмент глиняного сопла с Новобуруинского поселения. На остальных памятниках, согласно изображениям и описаниям, сопла представлены целыми формами.

Авторы раскопок вышеупомянутых поселений не сомневаются в том, что данные предметы

использовались в качестве сопел. В осторожных и гипотетических тонах выдержаны только резюме А. Д. Пряхина и А. С. Саврасова² относительно находок на Мосоловке и ряде других срубных поселений Подонья. Более того, ряд исследователей полагает, что наряду с глиняными соплами определенное распространение имели и костяные, с чем нам очень трудно согласится. По наблюдениям А. Н. Усачука (просмотревшего остеологические коллекции ряда памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа), ему ни разу не посчастливилось вычленивать в этом массиве достоверного сопла.

Как правило, экземпляры, выдаваемые за сопла, на концах не ошлакованы, а именно этот признак может определить их явное использование. По мнению Ек. Ев. Антипиной, остеологическая коллекция пос. Горный-1 (около 2 млн. экземпляров просмотренных костей) также не содержит ничего похожего на сопла. Однако, на поселении Пилипчатино-2 (Донецкий горно - металлургический центр) в подобном качестве рассматриваются обломки трубчатых костей, стесанные на концах и со следами сильного обжига, если судить по их коричневому и оранжевому цвету (Татаринов С.И., 1983, с. 40). Кроме них, глиняных сопел на памятнике не найдено, несмотря на высокий уровень металлургической активности жителей поселка, развернувших шесть плавильных на площади примерно 140 кв. м.

Хотя предлагаемый обзор еще далек от полноты, данную выборку можно считать достаточно представительной. В нее включены памятники, во-первых, общепризнанные именно как специализированные поселения металлургов - литейщиков (Усово озеро, Мосоловское, Липовый Овраг, Тюбяк, Аркаим, Атасу, Мыржик, Икпень и др.), а во-вторых, раскопанные большими площадями и на соответствующем методическом уровне, хотя число их весьма не велико. Например, из 75 памятников Приуралья, исследованных площадями от 250 кв. м (Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992, с.41), в настоящем обзоре (данные на начало 90-х гг.) рассмотрены материалы с 13 из них (около 17 %). Тем не менее ни на одном из указанных поселений, содержащих находки абашевской, срубной и межовской культур, сопел не зарегистрировано, если судить по отчетам и обобщающим работам В.С. Горбунова (1989; 1992), М.Ф. Обыденнова (1991; 1998) и его совместно с Г.Т. Обыденновой (1992).

Итак, предварительный тезис о чрезвычайной редкости сопел среди инвентаря, связанного с

² - «... что касается сопел, то бесспорных данных по ним для срубной культуры нет. Это же относится и к специализированным поселениям» (Пряхин А. Д., 1996, с.103-106; Саврасов А. С., 1998а, с.173).

металлургией и металлообработкой, был подтвержден - они составляют 0,76 % от общего числа учтенных нами находок данной категории. По нашему мнению, такая редкость имеет четыре объяснения:

- Сопла в наименьшей степени подвержены разрушающему влиянию температуры или физическому воздействию и, соответственно, реже выбрасывались.

- Сопла встречаются не на всех типах поселений и только на исследованных большими площадями.

- Сопла и их обломки могли тщательно собираться по причинам нетехнологического характера.

- Сопла могли не применяться в некоторых типах теплотехнических устройств. Рассмотрим эти допущения по очереди.

1. Многократные и независимые экспериментальные работы установили, что инструментарий кузнецов-литейщиков (плавильные чаши и тигли, сопла, литейные формы) оказался неожиданно стойким к термическим и ударным нагрузкам (Вальков Д.В., 1994). Экспериментальные работы, в которых принимали участие авторы обзора в 1986, 1990-1992 гг. (Агапов С.А. и др., 1989; Вальков Д.В., 1994) показали что тигли, по сравнению с соплами, ломаются намного быстрее. У них устье и сама емкость испытывают различное температурное воздействие - максимум приходится на устье, поэтому оно, как правило, и ошлаковано. Еще большему температурному перепаду подвержены литейные формы. Помимо термических ударов, практически весь металлургический инвентарь подвержен физическому воздействию - перемещению, ударам, падению.

В отличие от тиглей и форм, внешняя поверхность сопел при плавке ошлаковывается полностью, приобретая дополнительную прочность. Кроме того, стационарное положение сопла внутри топочной камеры так же оберегает его от повреждений. В ходе экспериментальных исследований отдельные случаи разрыва сопел происходили только при первичном обжиге из-за неправильной формовки глиняных масс.

2. Для понимания характера поселений, на которых обнаружены сопла, была сделана попытка установить иерархию т.н. «центров металлургии и горного дела». В отечественной историографии бронзового века проблемы поселенческой топографии стали исследоваться сравнительно недавно, что связано прежде всего с небольшим числом комплексно изученных археологических «микро-

районов»³. Даже привлекающие особый интерес поселения со следами металлургии и горного дела редко соотносятся между собой и с «обычными». Поэтому был проведен анализ культурного слоя 63 поселений для сравнения насыщенности их остатками горно-металлургической деятельности и остальных сфер жизни. К артефактам «огненного ремесла» отнесены литейные формы, тигли, льячки, технологическая керамика, капли, сплески и слитки металла, куски медной руды, молоты, молотки, наковальни, рудотерки, песты и, разумеется, сами сопла. К «киным» - все остальные индивидуальные находки. Введен условный коэффициент насыщенности слоя - количество находок металлургии и металлообработки (в таблицах -- «m/o») и всех остальных (в таблицах -- «всего») на 100 кв. м раскопа.

Данные о раскопанных площадях, количестве находок обеих категорий, коэффициенте насыщенности слоя и количестве сопел сведены в таблицы по соответствующим регионам. Неоднородность и неполнота источниковой базы привели к тому, что информация по ряду памятников суммировалась авторами обзора самостоятельно и напрямую зависит от характера публикаций и полевых отчетов. Однако все корректировки данных могут быть проведены только в сторону увеличения показателей и принципиально не изменяют полученных выводов. Выводы, полученные по результатам анализа, дали возможность построить разнообразные модели социально - производственных отношений и топографию поселений ПБВ. Данная обширная тема является предметом отдельного исследования, вынесенного за пределы предлагаемого обзора.

Здесь представляется лишь несколько графиков, построенных на основе коэффициентов насыщенности культурного слоя. Они показывают, что сам массив «металлургических» поселений неоднороден. Выделяется ряд памятников, на которых число предметов металлургии и металлообработки составляет 2,5-3 и выше на 100 кв. м раскопанной площади (например, Мосоловское и Усово Озеро, Баланбаш и Тюбяк, Тавлыкаевское и Устье, Атасу и Мыржик). Большинство из них несут следы обширной и многолетней производственной активности и, в соответствии с принятой терминологией, может считаться региональными «центрами металлургии и горного дела». Поселения с насыщенностью слоя 1,5 артефакта на 100 кв.м. условно отнесены к «обычным». Вероятно, их

³ - Многолетнее изучение «Страны городов» на Южном Урале, при всей экзотичности базовой концепции, является примером последовательно разрабатываемой модели пространственной структуры поселений (Зданович Г.Б., 1997).

мастера владели лишь кустарным производством ориентированным на повседневные нужды (мелкий ремонт, отливка несложных предметов, переплавка мелкого лома и небольших порций руды) и обслуживали несколько ближайших поселков. Все находки сопел связаны с поселениями первого типа, (за исключением найденных на Аркаиме), но этот памятник вряд ли ограничен сугубо производственными или бытовыми функциями.

Настоящим мы ограничимся несколькими острожными предположениями. Во-первых, можно отметить, что для «наработки» одного сопла необходимо вскрыть от 1300 кв. м. (Аркаим и Мыржик) и даже до 5500 кв. м (Мосоловское) поверхности поселений⁴. И этот показатель практически не зависит от тщательности исследовательских методик - сопла просто редко ломались и не попадали в слой. Во-вторых, их практически бесполезно искать на «обычных» поселениях - кустарное производство в каждом поселке, скорее всего, обходилось простым инвентарем и несложными теплотехническими конструкциями, следы которых археологически не фиксируются.

3. Для понимания ситуации диахронически, мы рассмотрели частоту встречаемости сопел на поселенческих и погребальных комплексах. Согласно единственному известному обзору Л.Л. Черных по данной теме, 5 сопел обнаружено на поселениях ранней и средней бронзы и 26 экз. - в погребениях катакомбной культуры⁵ (Черных Л.А., 1999). К сожалению, неизвестно общее число памятников РБВ-СБВ, просмотренных автором обзора, но его можно приблизительно определить в 1100 погребальных комплексов катакомбной культуры (В таком случае насыщенность погребений СБВ соплами составляет 199.) Соответствующие показатели на фоне более многочисленных поселений переходного периода СБВ-ПБВ и тем более ПБВ, не могут не удивлять - на 63 поселениях зафиксировано 13 экз. сопел (насыщенность - 20,6%). Еще около 7 находок происходит из богатых погребальных комплексов петровско - синташинского круга⁶ (насыщенность - не более 1,8%). Ко времени окончательного сложения свиты культур поздней бронзы сопла, и весь «кузнечный» инвентарь, полностью исключены из погребального инвентаря.

Таким образом, отмечается неуклонное убывание числа сопел от эпохи раннего бронзового века к ПБВ по абсолютным и относительным критериям. Параллельно эти находки перемеща-

ются из погребальных комплексов на поселения, что не может быть отражением случайных процессов. Различными исследователями неоднократно отмечались существенные различия в погребальном обряде «ремесленников» культурных образований среднего и позднего бронзового веков. Общее «упрощение»⁷ погребального обряда, исключение из напутственных комплексов знаков принадлежности умершего к «огненному ремеслу» (Бочкарев В.С., 1974), относят к характерным чертами классических культур позднего бронзового века Евразии - срубной и андроновской. При этом исследователи констатируют грандиозный объем горных и металлургических работ, производимый в границах этих могучих культурных образований; по всей видимости, не превзойденный за всю эру раннего металла. На фоне этих процессов происходило дальнейшее развитие специализации мастеров, усложнение производственных и социальных отношений, формирование взаимозависимой и дифференцированной системы поселений. Восприятие и обоснование этих изменений происходило через мифо-ритуальную сферу жизни древних обществ. Вполне вероятно, что выделившиеся социально и обособившиеся на укромных поселениях горно-металлургические кланы рьяно поддерживали свою эзотеричность. Ими накладывались строгие ограничения не только на места проживания мастеров «огненного ремесла», но и на распространение некоторых «высоких» технологий⁸ и соответствующего инвентаря. Таким образом, сопла вообще не выходили за пределы «металлургических центров». Несокрушимое табу на их применение могло распространяться на мир мертвых, подкрепленное вполне прагматическим соображением воспрепятствовать похищению сопел грабителями могил.

4. Соответственно вытекает вопрос о технологической возможности некоторых металлургических процессов без применения сопел. За вторую половину XX века на территории различных металлургических очагов ЕАМП найдено достаточно много следов теплотехнических сооружений (ТТС)⁹. Несмотря на заметное число экспериментальных и теоретических работ на данную тему, полной ясности по их конструкции и принципам действия, по-прежнему нет. Однако установлено, что концентрация воздушного потока и направление его, достигаемые с помощью сопел, принципиальны преимущественно для металлообработки

⁴ - На поселениях Баланбаш и Новобуриновское сопла были найдены после вскрытия 200-300 кв. м.

⁵ - По приблизительным подсчетам авторов.

⁶ - По предварительным подсчетам авторов из 410 комплексов в 6 найдены целые экземпляры.

⁷ - Ряд исследователей предпочитает говорить о «доминировании рационального мировоззрения» (Черных Е.Н., 1988).

⁸ - Например, литье в сложносоставные формы, литье со втулкой, непосредственно выплавка меди из руды, горное дело.

⁹ - На поселениях Аркаим, Устье, Атасу, Пилипчатое исследовано несколько комплексов.

вающего производства (Вальков Д.В., 1992). Для создания восстановительной атмосферы в металлургической печи важнее длительное и сильное нагнетание воздуха с помощью мехов или конструкций, использующих природную силу ветра для поддержания тяги.

В пользу этих соображений говорят достаточно убедительные реконструкции сложных металлургических печей на поселении Атасу. Воздуховодные каналы, проложенных в стенках горна, подавали воздух от мехов в самый низ камеры без использования сопел (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992). Объективности ради стоит отметить, что на том же Атасу найдено не менее 2 экземпляров сопел, но нам не известна их принадлежность к определенным производствам, ТТС или хронологическим горизонтам.

Экспериментальные работы так же подтверждают возможности металлургического производства в шахтных печах, использующих естественную тягу (Малина Я., Малина Р., 1988, с.176).

В заключение отметим, что металлургия без применения сопел помимо технологических ограничений связана определенными территориально-климатическими условиями. Для обеспечения равномерной устойчивой тяги необходимо размещать шахтные печи в зоне постоянных или

сезонных сильных ветров, на подветренных склонах холмов, на возвышенностях. Данному условию идеально соответствует Каргалинский горно-металлургический центр: сила ветра обеспечивает необходимую тягу даже в долинах

Итак, все вышеперечисленные причины безусловно взаимосвязаны и могли действовать одновременно. Однако металлургический процесс без применения сопел, помимо технологических ограничений связан с определенными территориально-климатическими условиями. Данному условию идеально соответствует Каргалинский горно-металлургический центр: сила ветра в оренбургских степях обеспечивает круглогодичную необходимую тягу даже в низинах.

Завершая обзор, авторы надеются, что осветили проблему достаточно убедительно и предложили несколько возможных объяснений. Безусловно, что все вышеперечисленные причины взаимосвязаны и могли проявляться одновременно, порождая столь разительное несоответствие количества сопел масштабам металлургических работ. Тем не менее, приходится констатировать, что наши модели не дают исчерпывающего объяснения рассматриваемому феномену. Право придать им большую аргументированность или полностью отвергнуть предоставляется читателям и дальнейшим исследователям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Кузьминых С.В., Терехин С.А., 1989. Моделирование процессов древней плавки меди // Естественнонаучные методы в археологии. М.
- Бочкарев В.С., 1974. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр). // Проблемы археологии. Л. Вып. № 2.
- Вальков Д.В., 1994. Моделирование технологии металлообработки позднего бронзового века // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: ТД. Самара.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей- Челябинск. Ч. 1.
- Горбунов В.С., 1989. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев.
- Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Зданович Г.Б., 1997. Аркаим - культовый комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья //РА.№2.
- Зданович Г.Б., 1988а. Отчет о полевых исследованиях на поселении Аркаим в Челябинской области. Т.1 //АИА, Р-1, № 13207.
- Зданович Г.Б., 1988б. Отчет о полевых исследованиях на поселении Аркаим в Челябинской области. Т.2 // АИА, Р-1, № 13208.
- Зданович Г.Б., 1989. Отчет о работах Урало-Казахстанской археологической экспедиции на поселении бронзового века Аркаим в Брединском р-не Челябинской обл. //АИА, Р-1, № 13564.
- Малина Я., Малина Р., 1988. Прыжок в прошлое. М.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата.
- Обыденнов М.Ф., 1991. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья (вторая половина II тысячелетия до н.э.). Саратов.
- Обыденнов М.Ф., 1998. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж. Кн.2.
- Саврасов А.С., 1996. Экспериментальное изучение технологии металлообрабатывающего производства // Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж. Кн.2.

- Саврасов А.С.*, 1998а. Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры: РКД. Воронеж.
- Саврасов А.С.*, 1998б. Металлообработка населения донской лесостепной срубной культуры. АДКИН. Воронеж.
- Саврасов А.С.*, 1999. Металлообработка в эпоху поздней бронзы. // www.mam.vsu.ru/~hfcV_depart/arch.html.
- Сальников К.В.*, 1959. Раскопки у села Ново-Бурино // СА, 1959. Т. XXDC-XXX.
- Сальников К.В.*, 1951. Отчет о раскопках на селище Баланбаш у с. Красный Яр на р. Белой и о разведках в 2-х районах в бассейне Белой и по рр. Большой и Малый Кызыл, притоках р. Урала, в Зауралье в 1951 г. // АИА, Р-1, № 562.
- Синицын И.В.*, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. № 60.
- Татаринов С.И.*, 1983. Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины // СА, № 4.
- Ткачев А. А.*, 1991а. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: РКД. М.
- Ткачев А. А.*, 1991б. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы. АДКИН. М.
- Черных Е.Н.*, 1997. Каргалы - древнейший горно-металлургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытий и изучения) // РА, № 1.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В.*, 1989. Евразийская металлургическая провинция как система // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. Свердловск.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В.*, 1999. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие). // РА, № 1.
- Черных Л.А.*, 1997. К проблеме функциональной интерпретации сопел и плавильных емкостей из комплексов степных АК позднего энеолита - средней бронзы. // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: (Материалы 3-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). Киев - Воронеж - Перевальск.

57 памятников

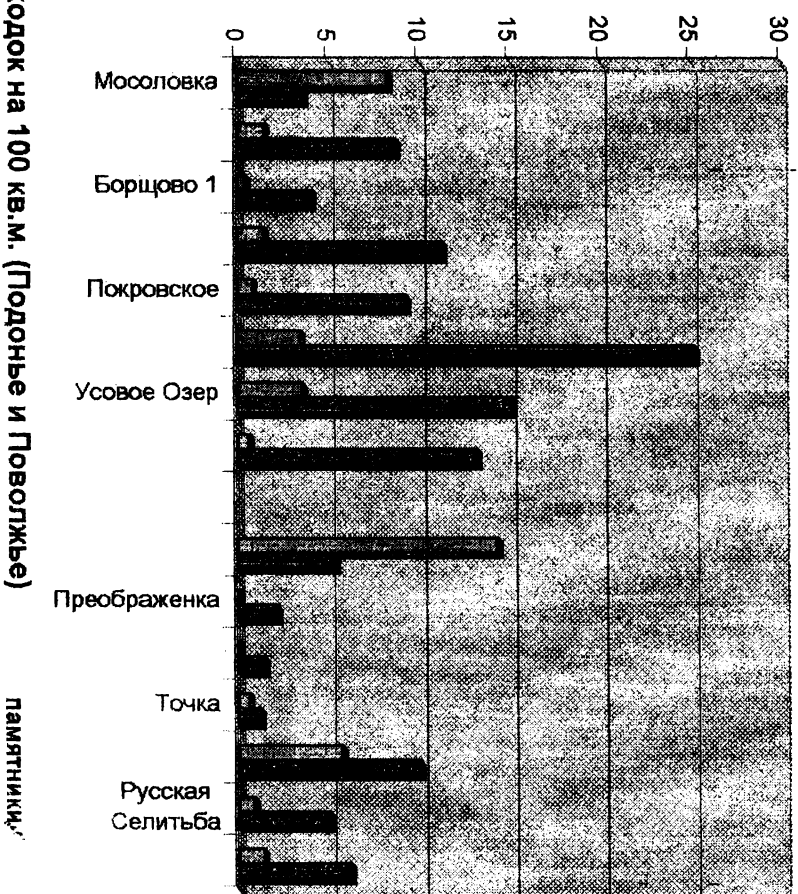
63407 кв.м. 1725 шт. 5118 ед. 13 штук

№№	Название	Регион	Раскопано	млобраб	Находки	Сопла
20	Алексеевское	Зауралье	2566	12	358	
22	Загаринка	Зауралье	430	1	27	
26	Корпино 1	Зауралье	1000	2	19	
25	Черноозерье1	Зауралье	590	0	50	
30	Язев-1	Зауралье	1342	2	123	
32	Язев-3	Зауралье	76	0	5	
40	Канай	Казахстан	717	4	116	
42	М-Красноярка	Казахстан	1200	5	206	
41	Нарым	Казахстан	1500	2	128	
43	Трушниково	Казахстан	1200	17	36	
8	Майриновка	Казахстан	936	4	81	1 сопло (?), по рис.
97	Атасу 1	Казахстан	3688	128	120	2 глин.сопла нет рис.
11	Икпень	Казахстан	2844	17	432	
96	Мырлык	Казахстан	1268	24	131	1 кост. сопло нет рис.
9	Энтузиаст-1	Казахстан	1135	9	112	
10	Энтузиаст-2	Казахстан	328	1	53	
1	Моросовка	Подонье	10968	907	405	2 глин.сопла 1 рис.
5	Боровое	Подонье	460	7	40	
17	Борщово 1	Подонье	440	2	18	
16	Левобережное	Подонье	205	3	23	
14	Перикса	Подонье	30	1	8	
3	Покровское	Подонье	476	4	44	
2	Садовое 6	Подонье	608	21	153	
12	Усовое Озер	Подонье	2400	86	363	
7	Шиловское	Подонье	2766	18	364	
90а	Абдулловское 3	Приуралье	312	7	15	
60	Аитовское 1	Приуралье		39	91	
4	Баламбай	Приуралье	201	40	26	1 глин.сопло нет рис.
6а	Берговское 1	Приуралье	931	20	34	
18	Береговское 2	Приуралье	500	19	32	
13	Вогрэсовое	Приуралье	68	1	7	
	Дуванейское	Приуралье	246	2	14	
24	Замараевское	Приуралье	446	2	5	
69	Исмагиловское	Приуралье	304	2	9	
70б	Казангуловское 1	Приуралье	404	4	30	
	Ново-Кизгановская 2	Приуралье	403	12	29	
77	Тюбяк	Приуралье	1508	111	179	
78	Чишминское	Приуралье	708	4	40	
28	Юкаликулевское	Приуралье	1308	3	62	
79б	Юмагузинское 1	Приуралье	288	5	20	
49а	Липовый Овраг	Сред.Волга	224	32	12	
37	Преображенка	Сред.Волга	1218	1	26	
39	Смеловка 1	Сред.Волга	2012	2	29	
55а	Точка	Сред.Волга	790	5	10	
46	Григорьевка 1	Сред.Волга	472	27	47	
47а	Русская Селитьба	Сред.Волга	340	3	17	
83б	Екатериновка	Сред.Волга	212	3	13	
23	Камышное 1	Ю.Урал	824	17	43	
33	Камышное 2	Ю.Урал	841	4	63	
71б	Коркино	Ю.Урал		3	67	
31	Кулевчи 3	Ю.Урал	1673	25	440	
44	Мирный 2	Ю.Урал	1140	10	46	

45	Мирный 3	Ю.Урал	625	2	19	
27	Сарафановское	Ю.Урал	467	3	17	
34	Сухореченское	Ю.Урал	314	0	6	
886	Тавлыкаевское	Ю.Урал	140	7	24	
35	Токское	Ю.Урал	80	1	2	
19	Устье	Ю.Урал	1365			
82	Ново-Мурзино	Ю.Урал	298	6	13	1 глин. сопло рис.
95	Горный	Ю.Урал	608			
99	Аркаим (все жилище)	Ю.Урал	2965	26	216	
99	Аркаим (жилыща с	Ю.Урал	671	7	45	5 глин. Сопел 2 рис.

Таблица № 1

Кол-во находок на 100 кв.м. (Подонье и Поволжье)

памятники.

■ "гузнечные"
■ все находки

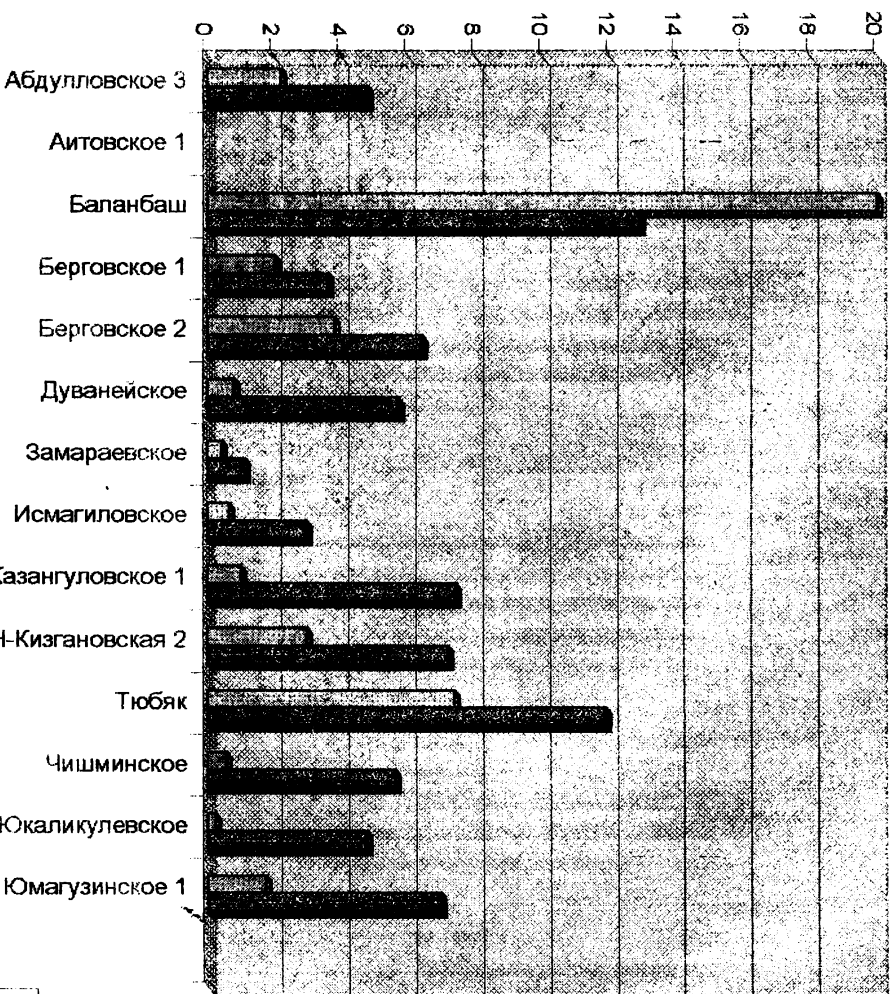
№	Название Поселение	Раскол		Артефактов на 100 кв. м.			
		кв. м.	М/о	Иных	М/о	Иных	Иных
1	Мосоловка	10968	907	405	8,3	3,69	
5	Боровое	460	7	40	1,5	8,69	
17	Борцово 1	440	2	18	0,5	4,09	
16	Левобережное	205	3	23	1,5	11,22	
3	Покровское	476	4	44	0,8	9,24	
2	Садовое 6	608	21	153	3,5	25,16	
12	Усовое Озеро	2400	86	363	3,6	15,12	
7	Шиловое	2766	18	364	0,7	13,16	
49a	Липовый Овраг	224	32	12	14	5,35	
37	Преображенка	1218	1	26	0,1	2,13	
39	Смеловка 1	2012	2	29	0,1	1,44	
55a	Точка	790	5	10	0,6	1,27	
46	Григорьевка 1	472	27	47	5,7	9,95	
47a	Русская Селитьба	340	3	17	0,9	5	
83b	Екатериновка	212	3	13	1,4	6,13	

Таблица № 2

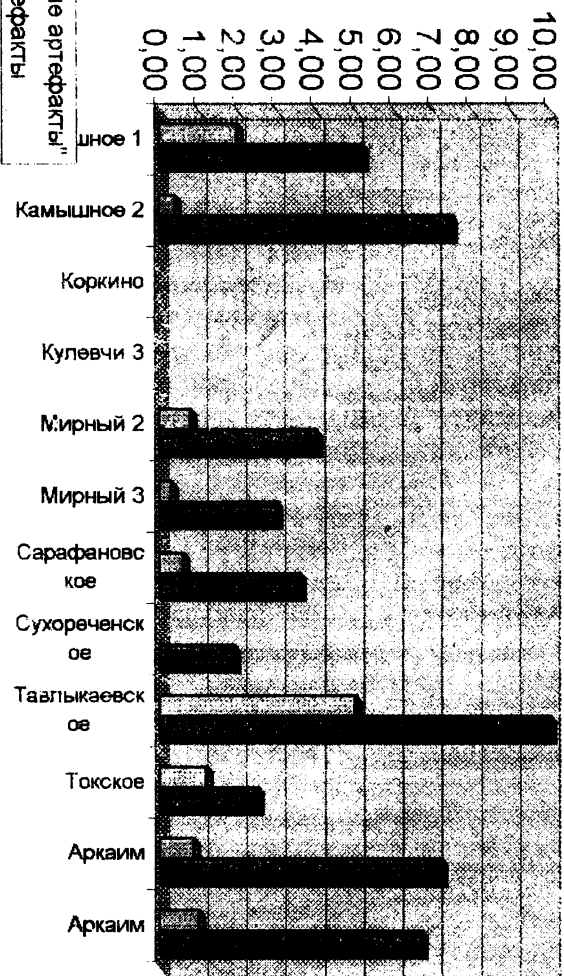
№	Название Поселение	Раскол кв.м.	Артефактов		на 100 м/о
			м/о	иных м/о	
90	Абдулловское 3	312	7	15	2,2
4	Баланбаш	201	40	26	20
6	Берговское 1	931	20	34	2
18	Берговское 2	500	19	32	3,8
	Дуванейское	246	2	14	0,8
24	Замараевское	446	2	5	0,45
69	Исмагиловское	304	2	9	0,66
70	Казангуловское 1	404	4	30	1
	Н-Кизгановская 2	403	12	29	2,98
77	Тюбяк	1508	111	179	7,36
78	Чишминское	708	4	40	0,56
28	Юкаликулевское	1308	3	62	0,23
79	Юмагузинское 1	288	5	20	1,74

Кол-во находок на 100 кв.м. (Приуралье)

■ "Кузнечный" артефактов

Кол-во находок на 100 кв.м. (Ю.Урал)

Кол-во находок на 100 кв.м. (Ц и В Казахстан)

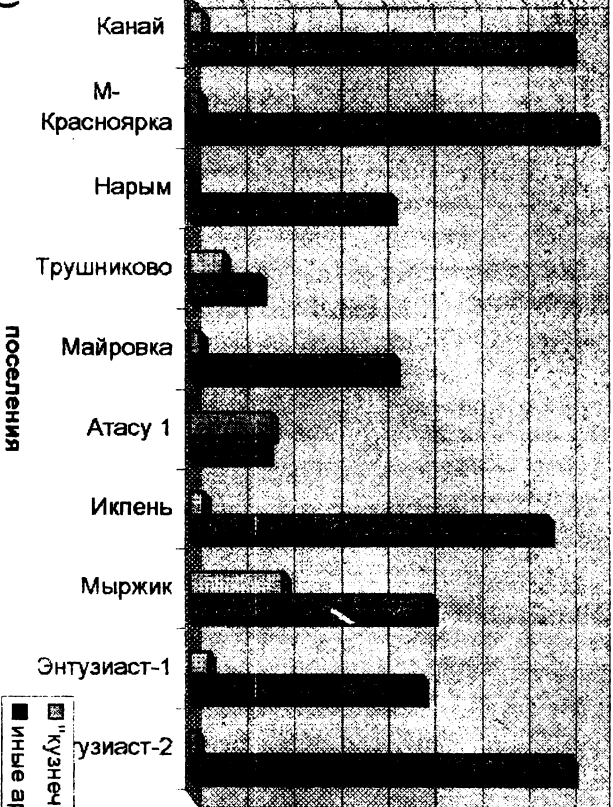

Таблица № 3

№	Поселение	Раскол кв.м.	Артефактов на 100 кв.м.			
			М/О иных	М/О иных		
23	Камышное 1	824	17	43	2	5,2
33	Камышное 2	841	4	63	0,4	7,5
71	Коркино	?	3	67	?	?
31	Кулевчи 3	?	25	440	?	?
44	Мирный 2	1140	10	46	0,8	4
45	Мирный 3	625	2	19	0,3	3
27	Сарафановское	467	3	17	0,6	3,6
34	Сухореченское	314	0	6		1,9
88	Тавлыкаевское	140	7	24	5	10
35	Токское	80	1	2	1,2	2,5
	Аркаим	2965	26	216	0,9	7,2
14	Аркаим	671	7	45	1	6,7

Таблица № 4

№	Поселение	Раскол кв.м.	Артефактов на 100 кв.м.			
			М/О иных	М/О иных	М/О иных	М/О иных
40	Канай	717	4	116	0,6	16,18
42	М-Красноярка	1200	5	206	0,4	17,16
41	Нарым	1500	2	128	0,1	8,53
43	Трушниково	1200	17	36	1,4	3
8	Майровка	936	4	81	0,4	8,65
97	Атасу 1	3688	128	120	3,5	3,24
11	Икпень	2844	17	432	0,6	15,19
96	Мыржик	1268	50	130	3,9	10,25
9	Энтузиаст-1	1135	9	112	0,8	9,88
10	Энтузиаст-2	328	1	53	0,3	16,16

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ И ФОРМАЛЬНО – ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

В последние десятилетия в процессе разведок, проведенных на территории Западного Оренбуржья, в природно-географическом отношении относящегося к территории Южного Приуралья, выявлено около 50 бытовых памятников, относящихся к эпохе поздней бронзы (Карта 1). Анализ проводился по данным 45 поселений, раскопки проводились на 12 из них. Всего было вскрыто 9 построек, в которых зафиксировано 6 очагов, 35 хозяйственных ям и колодцев, разнообразные кострища. Особняком стоит Горное селище, на котором исследовано около 20 построек (Черных Е.Н., 1997а, с. 34-48). Данные, полученные в результате разведок и раскопок, позволяют провести картографический и формально-типологический анализ поселенческих памятников по нескольким признакам: топография, площадь поселений, количество впадин от сооружений, постройки, очаги, хозяйственные ямы, кострища.

ТОПОГРАФИЯ

Поселения с территории Западного Оренбуржья располагаются по берегам следующих рек, в основном, это малые реки данного региона: 6 на р. Ток, 4 на р. Малый Уран, 4 на р. Иртек, 4 на р. Бузулук, 2 на р. Салмыш и других. Два памятника расположены по берегам старичных озер (Краснохолмское и Шляпное поселения). 58 % поселений Западного Оренбуржья располагаются в пойме рек, 25 % - на первой надпойменной террасе, 2 % - на пойменных останцах, один производственный центр, состоящий из целого комплекса поселенческих памятников на горных выработках (Каргалинские рудники).

Подавляющее большинство поселений тяготеют к пойменному типу местности - комплексу урочищ, расположенных в заливной части речных долин. Весеннее половодье и близость грунтовых вод создают в пойме своеобразную обстановку для процессов почвообразования, развития растительности и жизни животных (Мильков Ф.Н., 1970). Следовательно, концентрация поселенческих памятников в приречных поймах и надпойменных террасах связана с удобством обеспечения водой и использование пойменных земель для придомного скотоводства, а также для получения строительного материала и топлива (пойменные леса).

Особо следует выделить поселение Горное, расположенное на территории Каргалинских

рудников (Черных Е.Н., 1996; 1997; 1997а). Подобные памятники выявлены и обследованы С.И. Татариновым на отвалах и внутри рудников-разносов рудопроявления, а также рядом с разносами, интерпретируемыми исследователями как сезонные мастерские по добыче и переработке медной руды (Татаринов С.И., 1988; 1993). По мнению С.И. Татарина, "резкая обедненность водою участков, прилегающих к рудникам, как, в целом, и природно-климатический фактор не играли решающего значения при выборе места обитания древних горняков-металлургов. На первом месте у них находилась близость к медным рудам и необходимость сократить затраты сил по добыче, переработке и ее транспортировке". Главное отличие Горного поселения от подобных памятников на территории Восточной Украины заключается в том, что на Горном полностью представлены все стадии производственного цикла (добыча и обогащение руды, выплавка меди, отливка и последующая доработка орудий). Таким образом, Горное поселение представляло собой не сезонный, а постоянно действующий, по крайней мере, на развитом этапе своего существования, горно-металлургический центр. Каргалинские рудники, по всей вероятности, эксплуатировались в эпоху бронзы постоянно и непрерывно вплоть до конца II тыс. до н.э. Всего было выделено 11 участков, на которых зафиксированы скопления следов древних и старинных работ общей площадью 130-135 кв. км. На Каргалах функционировал комплекс из более чем 20 поселений (Черных Е.Н., 1997; 1997а).

ПЛОЩАДЬ ПОСЕЛЕНИЙ

Установить площадь всех поселений не представляется возможным, так как многие из них частично разрушены, либо подвергаются распахке, что затрудняет определение границ поселения. В целом, площадь колеблется от 700 кв. м до 10 тыс. кв. м и одно – площадью до 40 тыс. кв. м (Горное), хотя по данным Е.Н. Черных на этой территории расположено не одно, а несколько поселений. По площади (там, где это установлено) бытовые памятники можно подразделить на две группы:

I - от 700 до 2 тыс. кв. м (13 поселений);

II - от 5 до 10 тыс. кв. м (7 поселений).

ВПАДИНЫ.

На поселениях, где наличие впадин от котлованов построек было возможно проследить, фиксировались впадины округло-овальной формы, размерами 20-30 м и глубиной 0,3-0,5 м. Количество впадин колеблется от двух до четырех. Но, нужно заметить, что многие поселения подвергаются распашке или достаточно сильно заплыли и задерновались, и поэтому фиксация впадин является проблематичной. До раскопок на территории лишь 10 поселений визуальнo фиксировались остатки построек в виде впадин от котлованов (Родниковое – 4 впадины, Покровское – 2, Токское – 2, Ивановское – 2, Кирсановское и II Кузьминовское – по 1, и т.д.).

ПОСТРОЙКИ.

На 12 раскопанных поселениях вскрыто 9 построек. Размеры их котлованов, имеющих подпрямоугольную форму с закругленными углами, 20-10 x 7,5-2 м. Наименьшие размеры котлованов 10 x 3,2 м и 11 x 2 м у построек № 1 и № 2 Ивановского поселения, наибольшие - 20 x 7,5 м у жилища II Кузьминковского поселения. Как правило, все сооружения имеют удлиненную форму. Площадь построек колеблется от 22 до 150 кв. м. Можно выделить два типа: I - малые, площадью от 22 до 98 кв. м; II - большие, площадью от 130 до 150 кв. м. Глубина котлованов построек в материковом слое 0,3-0,5 м. Выходы из сооружений прослеживаются только в двух случаях (Кузьминки II, Покровское). Выходы на II Кузьминковском и Покровском поселениях расположены в разных частях постройки: в первом случае, в юго-западном углу (Рис. 1, 2), во втором, в восточной стенке центральной части (Рис. 1, 1). На Покровском поселении выход из жилища был оформлен в виде коридора-тамбура длиной 1 м и шириной около 2 м (Порохова О.И., 1989, с. 60-61). Постройки на поселениях можно подразделить на жилищно-хозяйственные, хозяйственные и производственные (Лопатин В.А., 1992, с. 55-74; Горбунов В.С., 1992, с. 81-91).

К сооружениям, имевшим хозяйственное назначение можно отнести I тип (малые постройки), их на поселениях Западного Оренбуржья пять (Родниковое, постройка № 1 (Рис. 2, 2), Покровское, постройка № 2 (Рис. 2, 1), Ивановское – постройка № 1 и № 2, Токское – постройка № 1). Как правило, они не имеют очагов или кострищ, на дне котлованов не фиксируются столбовые ямки, что свидетельствует, вероятно, о наличие легкой каркасной конструкции данных построек. На территории хозяйственных сооружений располагаются от трех до шести хозяйственных ям, в том числе и глубокие ямы-колодцы, которые расположены в

каждой постройке, независимо от ее функционального назначения.

К типу производственных построек относится сооружение Токского поселения, где обнаружены следы металлургической деятельности. В большом количестве здесь обнаружены куски медной руды, медного шлака, оплавленные камни песчаника. Рядом с каменной кладкой колодца были найдены две каменные "ванны". Одна из них представляла собой каменный монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были обнаружены на поселении металлургов эпохи бронзы в Донбассе (Татаринов С.И., 1988, с. 99, Рис. 4, 2). Обычно они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды. Следы металлургической деятельности в виде находок кусков руды, шлаков, сплесков, капелек и слитков меди, литейных форм, а также бронзовых орудий обнаружены на более чем 15 поселениях позднего бронзового века Западного Оренбуржья.

К жилищно-хозяйственным сооружениям относятся две постройки на II Кузьминковском (Рис. 1, 2) и Покровском поселениях (постройка № 1, Рис. 1, 1). К этому типу относятся самые большие по площади постройки. Они, как правило, разделены на две части: в одной фиксировался вещевой материал - жилая часть помещения; в другой - хозяйственные ямы - хозяйственная часть. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались, в большинстве своем, в жилой части помещения. Располагались ямки по периметру постройки и в центре. Вероятнее всего, именно в этой части была каркасно-столбовая конструкция с двускатной крышей. Хозяйственная же часть, вероятно, имела легкую каркасную конструкцию, следы от которой не сохранились. Вдоль стенок обеих построек прослеживалась полоса золистого грунта (на Покровском поселении - вдоль западной стенки; на II Кузьминковском - по периметру жилой части постройки). Подобный тип жилища - полужемлянка с двускатной кровлей - получил распространение в эпоху развитой и поздней бронзы на огромной территории лесостепной и степной полосы Евразии от Центральной Европы до Западной Сибири. Социальная функция, архитектурно-планировочные решения и строительная техника поселений и жилищ различных культур зоны степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы едины, что отражает, во-первых, сходство уровня хозяйственно-экономического развития, во-вторых, общность домостроительных традиций, восходящих к неолиту-неолиту (Кузьмина Е.Е., 1988, с. 31-37; 1994, с. 83-85) Особо выделяется "жилищно - производст-

анный комплекс" поселения Горного (Черных Н., 1996, 1997а). Исследованный комплекс состоял из пяти частей: жилое помещение, плавильный двор, рудный двор, сакральная штольня и яма для свалки отходов. Жилище, плавильный и рудный дворы, по существу, представляли соединенные между собой отсеки. Весь комплекс был углублен в глинистый грунт до глубины 1-1,5 м, то есть, по сути, представлял собой огромную полуямлянку. Жилое помещение занимало центральное место в этом комплексе, размерами около 12 x 5 м. Жилище рядом своих признаков легко выделялось среди иных частей комплекса. Его отличал хорошо сохранившийся, утоптаный, ровный ямляной (глинистый) пол. Другим признаком жилого долговременного помещения была массивная земля. Ее конструкция представляла ивовый плетень, обмазанный относительно толстым слоем глины. Плавильный двор вплотную примыкал к спаду к жилому помещению, от этого сектора его отделял слегка выраженный глинистый порожек.

Производственным сооружением является глиняная платформа, которая представляет в какой-то мере уникальное для срубной культуры инобитное сооружение, служившее базой для размещения двух очагов или печей для обработки металла. Основу платформы составляет массивная насыпь плотной глины мощностью до 1 м.

Совершенно иные строения, относятся к раннему этапу существования поселения (раннезубное время). Это маленькие и своеобразные шахтообразные жилища. 14-15 жилищ образовали правильный круг диаметром 12-14 м (Черных Н., 1997а, с. 41-46).

ОЧАГИ И КОСТРИЩА.

В постройках жилищно-хозяйственного и производственного типов отмечены кострища и очаги. Кострища фиксируются в виде прокаленной гунта в местах расположения костров; очаги - в виде выложенных из камней площадок. На II узьминковском и Токском поселениях на территории построек выявлено по одному кострищу. На Покровском поселении зафиксирован очаг (Рис. 3), который располагался в северной части жилища и имел вытянутую овальную форму. Южная часть очажного углубления была покрыта тонким слоем золы с углями. На остальной части плоского на ямы вертикально поставленными небольшими песчаниковыми камнями выложены четыре ячейки различного диаметра (от 30 до 70 см), перекрытые сверху каменными плитками. На камнях сохранился нагар. Другой очаг этого же поселения располагался за пределами жилища. Диаметр очажной ямы 1,6 м, глубина 0,7 м, она была заложена мелкими камнями и золой. Еще один

очаг, располагавшийся вне постройки, обнаружен на Ивановском поселении. Он представлял собой сооружение, сложенное из бесформенных известняковых камней, которые, видимо, скреплялись раствором глины. Под камнями и среди них обнаружено большое количество углей, золы и обожженных костей животных. На поверхности вышеописанной глиняной платформы поселения Горного были обнаружены следы двух очагов-печек, где проводились разогрев и расплавление меди. Один из них представлял собой относительно крупную прокаленную по дну и бокам плоскую ямку овально-округлой формы, размером 70 x 80 см, внутри которой, равно как и вокруг нее, оказалось большое количество древесного угля, а также обломков толстостенных ошлакованных плавильных тиглей. Другой очаг представлял собой скопление пережженных обломков песчаника с подмазками в несколько слоев из сильно обожженной глины или суглинка. Конструкция очага напоминает корытообразное углубление, видимо, предназначенное для помещения в полость углубления литейных форм.

Е.Е. Кузьмина выделяет очаги шести типов (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 80-81). Соотнеся данную типологию с материалами поселений Западного Оренбуржья, можно сделать вывод, что чаще всего встречаются очаги I и IV типов. Например, очаги I типа (открытый круглый или овальный костер диаметром 0,7-3 м) исследованы на II Кузьминковском и Токском поселениях, а IV типа (двухкамерный производственный очаг) - на Покровском поселении. Пока только на Горном поселении четко выделяются очаги VI типа (металлургические печи).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ.

Всего на поселениях обнаружено 35 хозяйственных ям. Среди них выделяются овальные, округлые и подпрямоугольные. К овальным относятся 55 %; к округлым - 41 %; к подпрямоугольным - 4 %. Размеры ям колеблются: округлые - диаметром от 0,6 до 3 м, овальные - 0,8 - 3 x 0,4-2,5 м, глубина от уровня материка - от 0,5 до 3,1 м. Наиболее глубокие ямы (Рис. 3), имевшие достаточно крупные размеры относятся к категории колодезь (7 ям). Почти все колодези имели деревянное перекрытие, о чем свидетельствуют столбовые ямки и золистая прослойка, вероятно, сооружения обрушивались в результате пожара, 4 ямы имели каменные кладки, укреплявшие стенки колодезь. Подобные ямы с зафиксированы на петровско-алакульских памятниках (Зданович Г.Б., 1988; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 78-82). Ямы располагались как в жилых, так и в хозяйственных сооружениях. Глубокие ямы (две), имевшие глубину

на 0,6 м меньше, чем колодцы и не заливавшиеся водой, служили, вероятно, хранилищем для зерна. Более мелкие ямы использовались как хранилища для мясных или иных продуктов, содержащихся в сосудах, так как в засыпке ям найдены кости животных, развалы сосудов. Подобные ямы могли использоваться и как хранилища для бытовых предметов или иметь производственное назначение. В заполнении таких ям отмечены куски медного шлака, медной руды, костяные трубочки, лощила, пряслица.

* * *

Анализ поселений позднего бронзового века Западного Оренбуржья по формальным признакам (площадь, количество строений и т.д.) позволил с известной долей условности выделить две группы. Первая группа - малые поселения, вторая группа - большие. Общим признаком для обеих групп является расположение в непосредственной близости от реки, полуземляночный тип построек. По другим признакам на большей части поселенческих памятников затруднительно проследить особенности планиграфии построек, их взаимосвязи, а также процессов создания и функционирования, так как ни одно поселение не было раскопано полностью. В.С. Горбунов предлагает типологию стационарных памятников и строений, в основу которой положены их функциональные признаки и конструктивные особенности (Горбунов В.С., 1992, с. 81-83). Большая часть поселений в Западном Оренбуржье соотносится с типом ГС (группа строений). К этому типу относятся Покровское, Родниковое, Ивановское поселения, несомненно, что к этой же группе относятся II Кузьминковское и Токское, но на их территории раскопано по одной постройке, а большая часть поселений в разной степени разрушена, а поэтому вполне вероятно существование двух и более строений. К группе ХКЦ (хозяйственно-культурных центров) относится поселение Горное, на террито-

рии которого содержатся строения как жилого, так и хозяйственного характера. Данный комплекс характеризуется развитой производственной инфраструктурой - металлургическим и металлообрабатывающим производством.

В настоящее время на территории Южного Приуралья выделяется Каргалинский горно-металлургический комплекс (срубный), в Южном Зауралье - аналогичный ему Еленовско-Ушкаттинский горно-металлургический комплекс (алакульский), представлявшие собой, по сути, локальные металлургические очаги (Черных Е.Н., 1996; Халыпин М.В., 1997). С этими памятниками по масштабам производства сопоставимо Мосоловское поселение срубной культуры на р. Битюг в Воронежской области (Пряхин А.Д., 1993; 1996). Самым массовым материалом на поселениях является керамика, анализ которой позволил определить их культурную принадлежность. Можно выделить однослойные поселения, содержащие срубный (I Кинзельское и т.д.) или срубно-алакульский (Покровское, Краснохолмское и т.д.) материал и многослойные (Родниковое) поселения, содержащие керамику абашевского, петровского, срубно-алакульского, федоровско - черкаскульского и валикового типов. Рассматриваемые постройки Родникового и Ивановского поселений относятся к срубной культуре, а жилище II Кузьминковского поселения к общности культур валиковой керамики. Подавляющее большинство поселений Западного Оренбуржья эпохи поздней бронзы относятся к срубной культуре.

Дальнейшее изучение бытовых памятников позднего бронзового века на территории Оренбургского Приуралья позволит получить более четкую и целостную картину жизни древнего населения и восстановить процессы освоения данного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск.
- Кузьмина Е.Е., 1998. Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Лопатин В.А., 1992. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно - европейской степи. Выпуск 3. Саратов.
- Мильков Ф.Н., 1970. Словарь-справочник по физической географии. М.
- Порохова О.И., 1989. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.
- Пряхин А.Д., 1993. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн.1. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов - литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн.2. Воро-

неж.

Татаринов С.И., 1988. Сезонное жилище горняков – металлургов эпохи бронзы у сел. Пилипчатино в Донбассе // СА, № 4.

Татаринов С.И., 1993. Древний металл Восточной Украины. Очерки реконструкции горного дела, металлургии и металлообработки в эпоху бронзы. Артемовск.

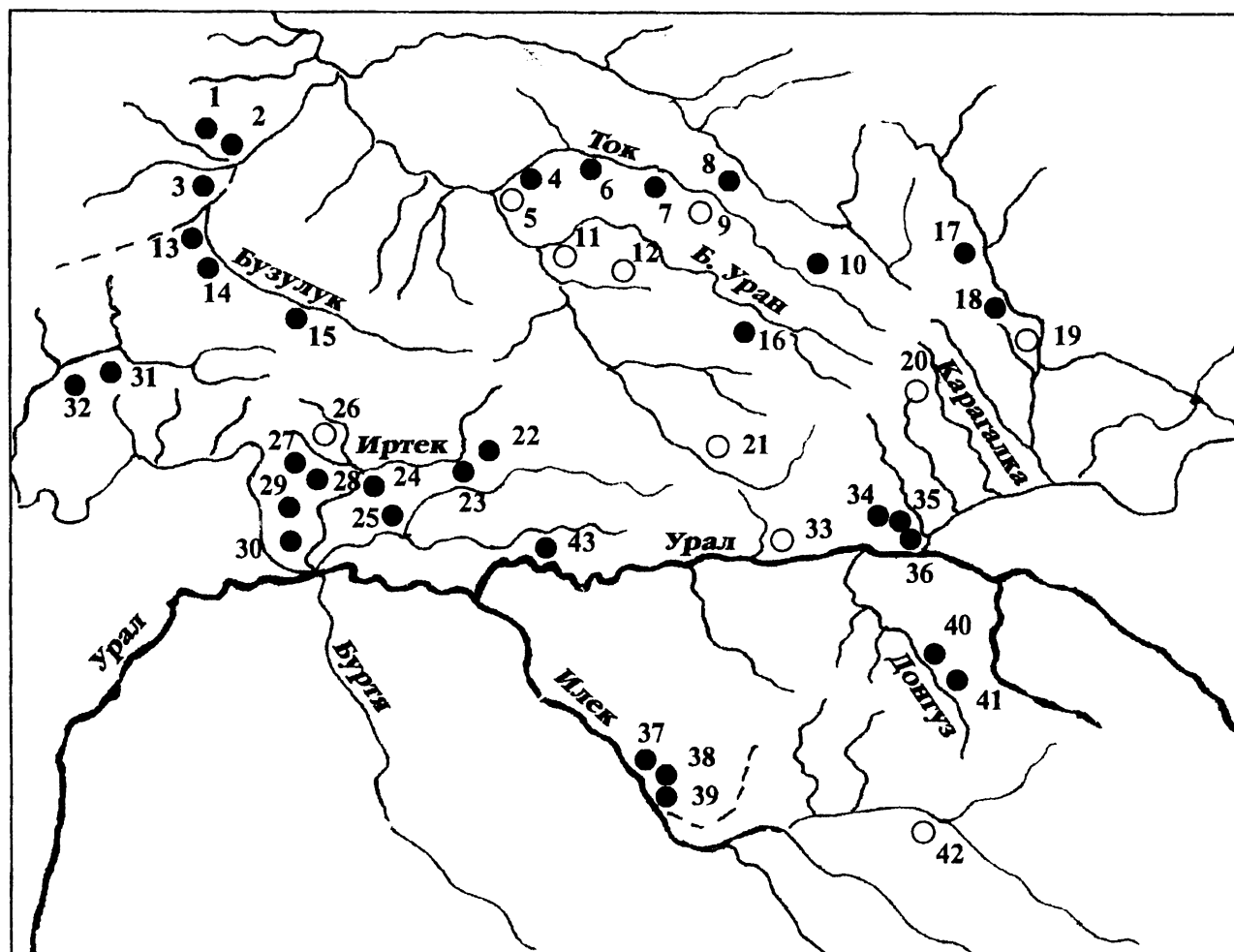
Халяпин М.В., 1997. Металлопроизводство эпохи поздней бронзы Южного Урала // Тезисы докладов региональной конференции молодых ученых и спе-

циалистов. Ч.1. Оренбург.

Черных Е.Н., 1996. Каргалинский горно - металлургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть I. Уфа.

Черных Е.Н., 1997. Каргалы - крупнейший горно-металлургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытий и изучения) // РА, № 1.

Черных Е.Н., 1997а. Каргалы. Забытый мир. М.

Карта 1. Поселенческие памятники Западного Оренбуржья эпохи поздней бронзы (по материалам разведок и раскопок). 1 – Ромашкино, 2 - I Родионовское, 3 - I Андреевское, 4 – I Сухореченское, 5 - II Сухореченское, 6 - Васильковское, 7 - Кристалка, 8 - Преображенка, 9 - Токское, 10 - Пушкинское, 11 - Сорочинское, 12 - I-III Кинзельские, 13 - II Андреевское, 14 - Байгоровское, 15 - Васильевское, 16 - Яиковское, 17 - Кристалка, 18 - I Булановское, 19 – II Булановское, 20 - Горное, 21 - Покровское, 22 - Герасимовское, 23 - Морели, 24 - Болдыревское, 25 - Бородинское, 26 - II Кузьминковское, 27 - III Кузьминковское, 28 - I Иртекское, 29 - II Иртекское, 30 - Раннее, 31 – Первомайское, 32 - Маевское, 33 - Родниковое, 34 - I Краснополье, 35 - II Краснополье, 36 - III-IV Краснополье, 37 - I Привольненское, 38 - II Привольненское, 39 - III-IV Привольненские, 40 - "Красный Яр", 41 - Донгузское, 42 - Тамар-Уткуль, 43 - Шляпное.

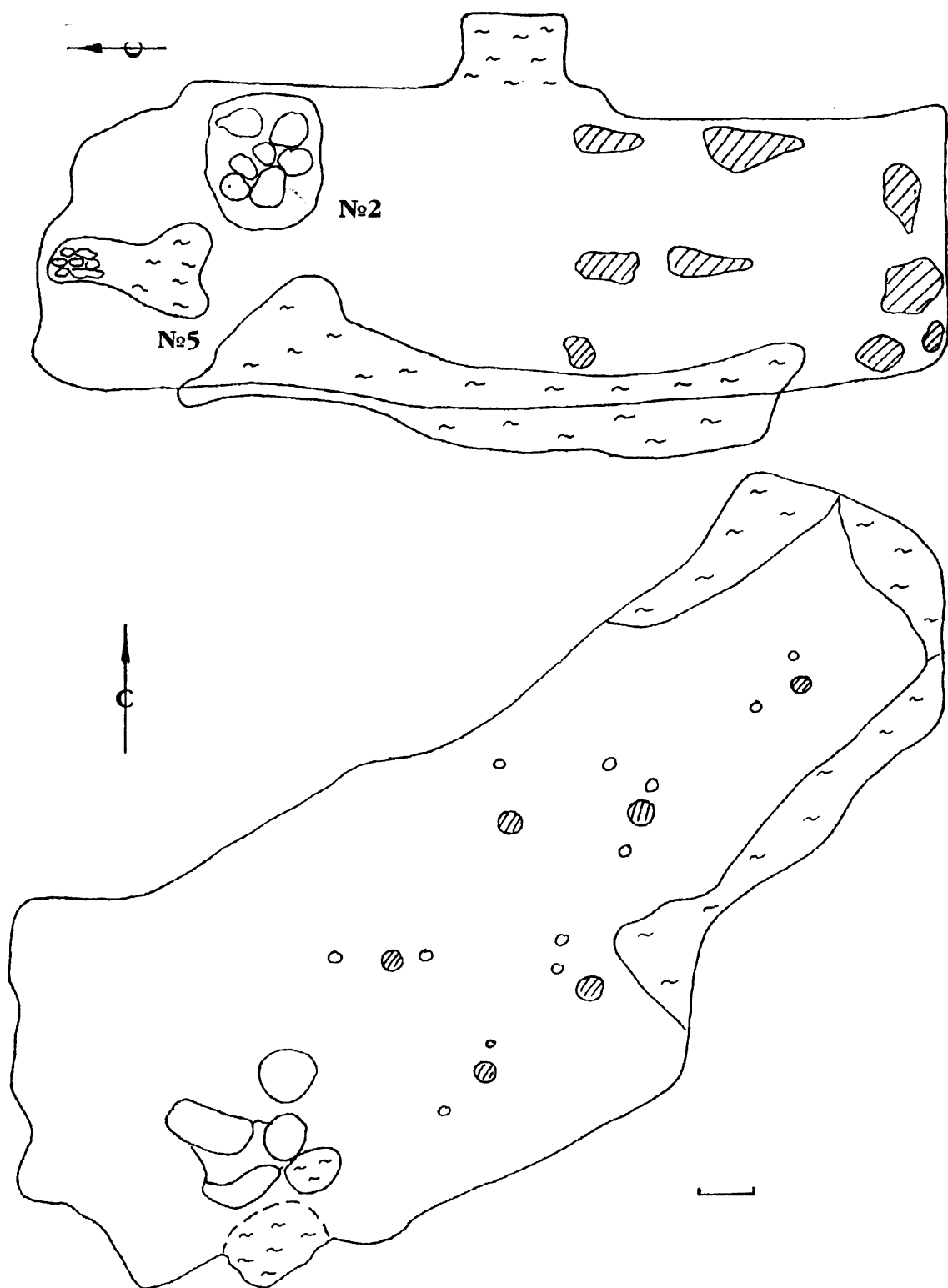

Рис. 1. Планы жилищ. 1 - Покровское (постройка № 1), 2 - II Кузьминковское.

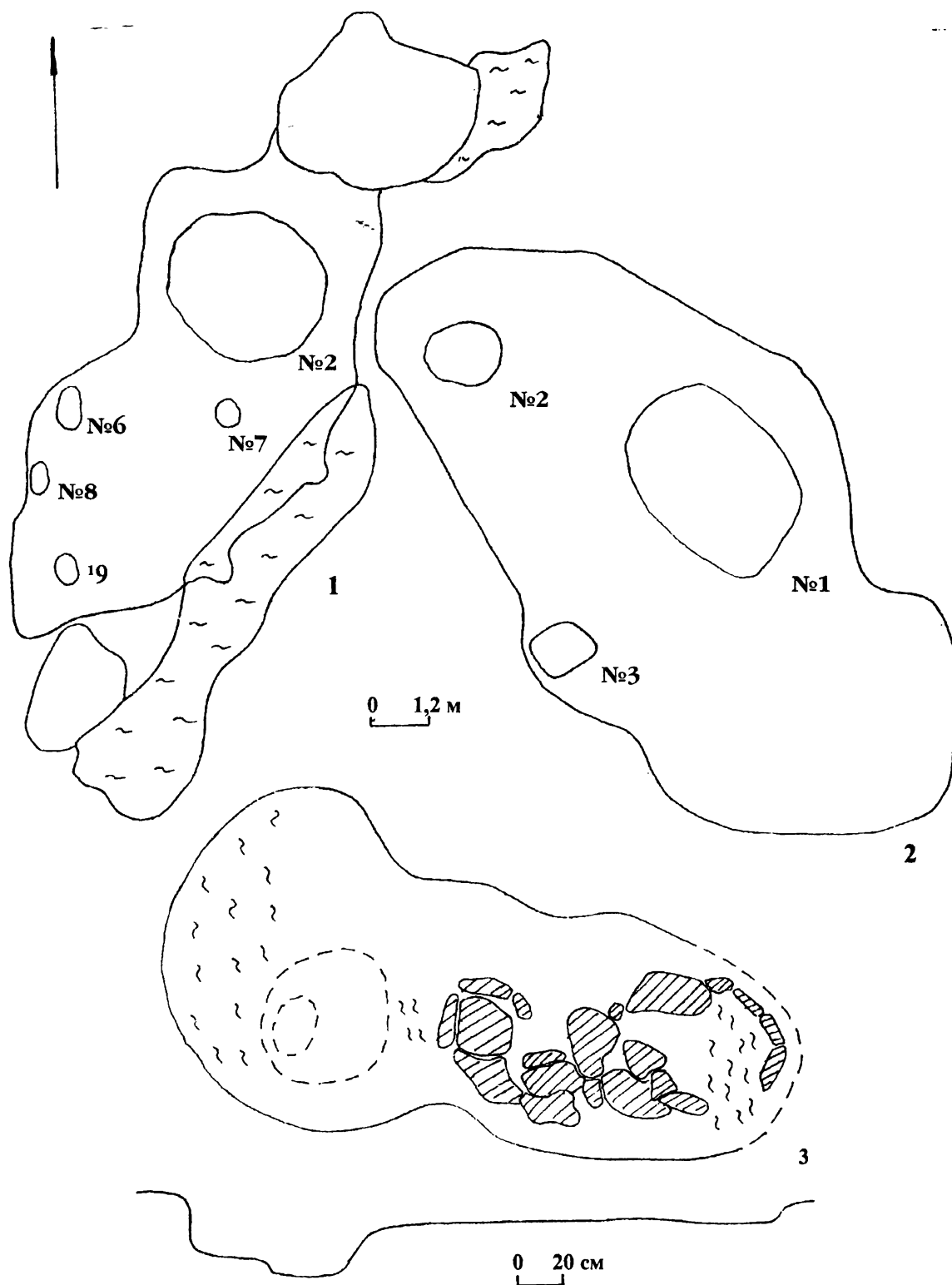

Рис. 2. Планы хозяйственных сооружений. 1 - Покровское (постройка № 2), 2 - Родниковое (постройка № 1), 3 - Покровское (очаг).

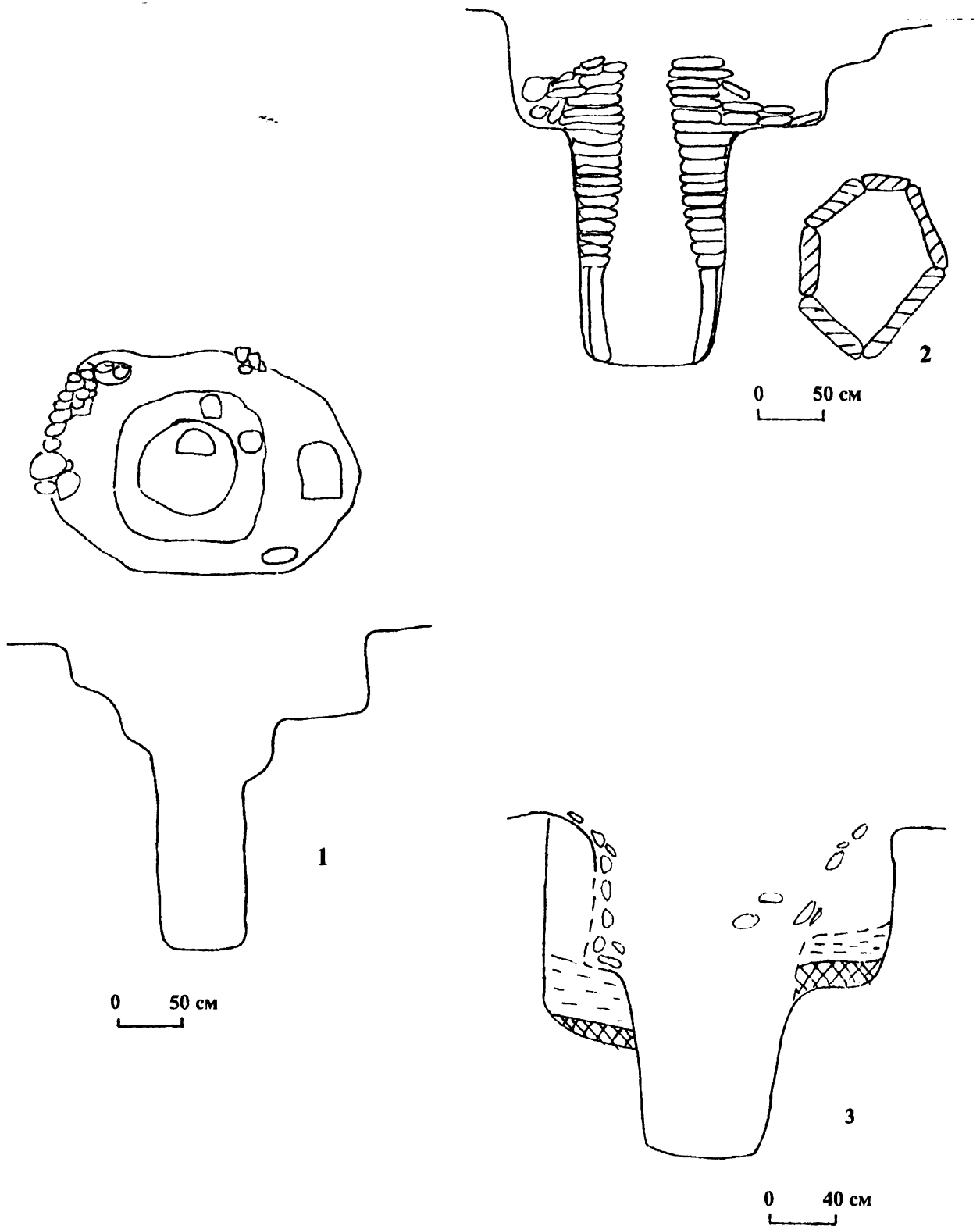

Рис. 3. Ямы-колодцы. 1 - Покровское (яма № 2, постройка № 2), 2 - Покровское (яма № 2, постройка № 1), 3 - Родниковое (яма № 3, постройка № 1).

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ РЕНТГЕНОСТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА В
ИССЛЕДОВАНИИ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ**

Исследования технологии древних производств последние десятилетия стали немыслимы без применения разнообразных физико - химических методов. Особенно широкое распространение они получили при решении проблем древнего металлургического производства. Сюда следует отнести, в первую очередь, спектральный и химический анализы, применяемые для определения состава шлаков и металлов, а также металлографию и минералогию, которые используются для определения их структуры и фазового состава. На сегодняшний день по этим основным методам имеется довольно обширная литература (Черных Е.Н., 1970; Рындина Н.В., 1969; Колчин Б.А., Сагпаева Т.А., 1966).

Можно говорить о том, что они уже достаточно прочно вошли в арсенал археологии, и сегодня без них немыслима работа, связанная с историей древней металлургии. Удобство этих методов заключается в относительной их дешевизне, простоте и доступности, что позволяет охватывать анализом значительные серии предметов.

Занимаясь вопросами технологии получения меди в древности и разрабатывая методическую основу исследования, я также исходил из этих принципов. Поэтому в качестве основных методов, используемых мной, выступают спектральный анализ и оптическая минералогия древних шлаков и руд (Григорьев С.А., 1988; 1995). Они наиболее просты и информативны. Однако в ходе работы пришлось столкнуться с отдельными проблемами, которые выходили за рамки возможностей данных методов, и которые все же хотелось разрешить.

Одной из таких проблем явилось выяснение температур, достигаемых в ходе плавки древних руд из поселений эпохи бронзы и раннего железного века Урала и Казахстана. Определение температуры проводилось с помощью минералогического анализа. Основой для этого явилась фиксация минералов, расплавившихся в ходе металлургического процесса. Оплавляющийся в ряде случаев магнетит свидетельствовал, как будто, в пользу довольно высоких температур. Однако сохранялось допущение, что он просто растворялся под воздействием расплава при более низких температурах.

К настоящему моменту завершено исследование металлургии синташтинско-абашевского

времени (Григорьев С.А., 1995; 1996). При этом основной базой исследования были шлаки и руды зауральских городищ типа Синташты и Аркаима. В результате исследования было установлено, что температуры, получаемые в ходе плавки, обычно колебались в пределах 1300-1400°C. С целью проверки этих данных серия образцов была подвергнута рентгеноструктурному анализу.

Рентгеноструктурный метод определяет, преимущественно, фазовый состав вещества на основе выяснения характеристик его кристаллической решетки (Скоков Ю.А., 1983). Кристаллы различных минералов отличаются друг от друга сингонией или, проще говоря, формой кристаллической решетки, а также расстоянием и углами между ее плоскостями. Метод основан на том, что при прохождении рентгеновских лучей с определенной длиной волны дифракция их наблюдается только в том случае, если пучок лучей находится под определенным углом к отражательной плоскости. В случае соблюдения этого условия эффект дифракции фиксируется в виде линий на рентгенограмме, что позволяет определить угол между плоскостью решетки и лучом. Далее с помощью расчетов и работы с таблицами выясняются межплоскостные расстояния и интенсивность отражений исследуемого вещества. Соотнесение полученных данных со значениями таблиц - достаточно кропотливая работа, поскольку определители содержат от 1000 до 32000 веществ. Кроме того, работа может быть затруднена из-за погрешностей метода и неточности измерений. Однако в случае, если типы возможных фаз известны, фазовый анализ упрощается. В частности, мне при дешифровке рентгенограмм очень помогло то, что проанализированные полировки были предварительно рассмотрены под микроскопом. В тех случаях, когда линия указывала на два вещества, учитывались другие полученные линии. Отдельные вещества из-за малого их количества в образце могут быть и вовсе не зарегистрированы приборами. Поэтому следует иметь в виду, что этот метод имеет свои ограничительные пределы. Увеличив продолжительность исследования образцов можно избежать многих из перечисленных недостатков, однако тогда мы потеряем в объеме работы и статистической достоверности археологических реконструкций. Поэтому при дешифровке рентгенограмм я исключил из полученных данных те, которые не

дублировались другими линиями, вызывали сомнения или двойную трактовку. Тем не менее, полученные результаты представляются мне небезынтересными.

Всего исследованию было подвергнуто 40 образцов шлака. Образцы с уральских рудников Таш-Казган, Бакр-Узяк и Гумешки четко датировать не представляется возможным. Шлак с болгарского рудника Ай-Бунар датируется, вероятно, античным временем, хотя масштабные работы на этом руднике осуществлялись уже в энеолите. Шлак с притобольского поселения Коршуново I был найден на поверхности и может относиться к ранней бронзе или раннему железу. Образцы с поселения Синташта датируются периодом СБВ 2, а шлаки с поселений Вишневка I, Петровка II, Новоникольское I и, возможно, Саргары датируются петровским временем, то есть началом периода поздней бронзы, хотя для последнего образца не исключена и более поздняя датировка. Шлаки казахстанских поселений Тельмана XVI, Мыржик, Атасу, Ак-Мустафа и зауральских Шандаша, Кипель, Убаган, Язеву III относятся к эпохам поздней и финальной бронзы. Наконец, серия шлака происходит с зауральских городищ раннего железного века - Воробьево, Даутовское I, II (Иткуль), Бакальское. В приводимой ниже таблице результатов рентгеноструктурного анализа образцы расставлены в первоначально предполагаемом хронологическом порядке. Крестиком в ней помечены те вещества, которые выявлены в результате анализа. В ходе его проводилась идентификация семи основных веществ: трех модификаций кварца (кварц, тридимит, кристобалит), соединений железа (вюстит, гематит, магнетит) и меди. Рентгенограммы образцов № 53 (Ак-Мустафа) и 37 (Даутовское I) четких линий не дали и были отнесены к аналитическому браку.

Данные, полученные по железистым соединениям, требуют более сложной интерпретации. Их нельзя отрывать от результатов минералогического анализа.

Наиболее же интересным оказалось распределение модификаций кварца по выделенным хронологическим группам. Во всех образцах с рудника Таш-Казган присутствует исключительно кварц. В образцах с поселения Синташта наряду с кварцем встречается, как правило, тридимит. Прочие образцы содержат, за редким исключением (образцы № 32, 33, 67, 90, 92, 96, 97), не только эти модификации, но и кристобалит. Это предоставляет в наше распоряжение дополнительные температурные реперы. Согласно диаграмме Феннера (Дир У.А. и др., 1966; с. 221), тридимит образуется при остывании от температурного промежутка 867 - 1470°C, а кристобалит - при остывании

от температур свыше 1470°C. При температурах 1670 - 1700°C кварц расплавляется и при остывании образует кварцевое стекло, которое этим видом анализа в силу его аморфности зафиксировано быть не может.

Таким образом, шлаки Таш-Казгана образованы при температурах до 867°C. Синташтинские образцы укладываются в температурный промежуток 867 - 1470°C, что соответствует температурным определениям, полученным с помощью минералогического анализа. Материалы же поздней и финальной бронзы, а также раннего железного века свидетельствуют в пользу того, что, начиная с петровского времени, металлургия Евразийской металлургической провинции использует технологию, позволяющую достигать температур, превышающих 1470°C, но не достигающих 1670 - 1700°C. Отдельные редкие образцы, полученные при более низкой температуре, могли образоваться на периферии печной полости или являться продуктом бракованной плавки. Наличие в большинстве образцов как высокотемпературных, так и низкотемпературных модификаций объясняется, по-видимому, непродолжительностью плавки, особенно в ее высокотемпературной стадии.

Переход в эпоху поздней бронзы к высокотемпературным технологиям был обусловлен рядом обстоятельств. Синташтинская металлургия базировалась на сравнительно легкоплавких окисленных рудах в ультраосновных серпентинизированных породах южноуральского происхождения (Григорьев С.А., 1995, с.125; 1996, с.114-116). Резкое последующее расширение рудной базы провинции, переход к более тугоплавким рудам в кварцевых жилах и в кварцевых песчаниках вызвал необходимость повышения температур. Достичь этого можно было, в основном, за счет интенсификации дутья. В результате появляются двухкамерные мехи. Воздух в эти мехи подкачивается нижней камерой (Агапов С.А. и др., 1989, с. 105). Верхняя же, благодаря тяжелой крышке, осуществляет непрерывную подачу воздуха в печь. Используя два однокамерных меха добиться такого ровного дутья было невозможно.

На мой взгляд, двухкамерные мехи хорошо зафиксированы в ряде археологических памятников. Изготавливались они из дерева и кожи, поэтому сохраниться не могли. Однако, как показали проведенные нами экспериментальные исследования (Григорьев С.А., Русанов И.А., 1995), чтобы обеспечить поддув в нижнюю часть печи необходимо выкапывать углубление для нижней камеры мехов. Это обеспечивало также оптимальный наклон верхней крышки в рабочем режиме. Археологически это фиксируется в виде углубленных восьмеркообразных печей. Подобные конструкции

известны на петровском памятнике Семиозерки II, в петровско-алакульских слоях поселения Синташта, позднебронзовых поселениях Донбасса и Казахстана (Пилюпчатино, Атасу), памятниках раннего железного века Урала и Тувы (Татаринов С.И., 1977; Кадырбаев М.К., 1983; Сунчугашев Я.И., 1975; Бельтикова Г.В., 1981; 1988; Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е., 1984; Евдокимов В.В., Григорьев С.А., 1996, с.124-126).

Синташтинская металлургия двухкамерных мехов практически не знала. Печи, обнаруженные на поселениях этого времени, представляли собой небольшие наземные куполообразные сооружения (Григорьев С.А., 1995, с.123). Среди десятков исследованных печей лишь одна, на поселении Аркаим, может претендовать на наличие двухкамерных мехов. И хотя это может позволить говорить о том, что честь этого изобретения принадлежит синташтинским металлургам, общей картины этот случай не меняет.

Сделанные выводы позволяют с новой стороны подойти к соотношению синташтинской и петровской металлургии. Ранее считалось, что эти культуры синхронны и укладываются в один хронологический горизонт (Зданович Г.Б., 1989, с. 83). Однако серия историко-металлургических критериев этому противоречит.

Если основой синташтинской и абашевской металлургии являлись мышьяковистые бронзы, уходящие своими корнями в предшествующую эпоху и в стереотипы Циркумпонтийской металлургической провинции, то уже для петровской металлургии они не характерны. (Черных Е.Н., 1970, с.109-112; 1987, с. 138, 139; Кузьминых С.В., Черных Е.Н., с.346-351). Здесь используется уже относительно более поздняя химико - металлургическая группа ЕУ и вместе с чистой медью начинают распространяться оловянистые бронзы.

Как уже было сказано, петровская металлургия добывается более высоких температур благодаря применению двухкамерных мехов. Таким образом, технологические стереотипы сближаются с последующими этапами евразийской металлургии.

Это, безусловно, не исключает возможности сосуществования на определенном этапе синташтинской и петровской металлургии, что сказывалось на морфологии изделий и других признаках культуры. В пользу подобного сосуществования

свидетельствует и использование металлургами Семиозерок II руды месторождения в ультраосновных породах, эксплуатировавшегося синташтинцами (Евдокимов В.В., Григорьев С.А., 1996, с. 126 -129). Но в целом, петровская технология знаменует собой уже новый этап в развитии металлургии.

В заключение мне хотелось бы остановиться на возможностях применения рентгеноструктурного анализа в археологии. В первую очередь, этот анализ может использоваться в тех случаях, когда образец нельзя подвергать механическому воздействию, что неизбежно при химическом и металлографическом анализе, или если анализируемого вещества слишком мало. Рентгеноструктурный метод позволяет выявить фазовый состав, воздействуя на поверхность образца, либо на порошок.

Большие возможности открываются также при исследовании керамики. Для изучения ее минерального состава более важна, безусловно, петрография, но для уточнения отдельных вопросов, например, различения кварца и тридимита, может вполне пригодиться и этот метод.

Но наиболее широкое применение рентгеноструктурный анализ может найти при исследовании древней металлообработки. В металлографических исследованиях цветных металлов этот анализ позволит выявлять тип твердого раствора, особенно в многокомпонентных сплавах, определять их неоднородность, остаточные напряжения, возникающие при ковке. Все это в состоянии дать в руки исследователя новые технологические характеристики.

При исследовании железных изделий рентгеноструктурный метод может помочь определить количество остаточного аустенита в стали и содержание в нем углерода, определить содержание углерода в мартенсите и количество распавшегося мартенсита, выяснить полноту закалки изделия и обезуглероживания поверхности, провести анализ карбидных фаз.

Таковы возможные области применения рентгеноструктурного метода в археологии. При этом следует учитывать, что он может являться лишь вспомогательным, поскольку более сложен и менее информативен, чем традиционные методы, применяемые сегодня при анализе древних технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Запов С.А., Кузьминых С.В., Терехин С.А., 1989. Моделирование процессов древней плавки меди // Естественные научные методы в археологии. М.

Бельтикова Г.В., 1981. О зауральской металлургии VII - III вв. до н.э. // ВАУ, вып. 15. Свердловск.

- Бельтикова Г.В., 1988. Памятник металлургии на острове Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е., 1984. Городище Думной горы - место специализированного металлургического производства (предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Григорьев С.А., 1993. К вопросу об изучении древнего металлургического производства // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург.
- Григорьев С.А., 1988. О методах реконструкции древнего металлургического производства // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (тезисы докладов). Барнаул.
- Григорьев С.А., Русанов И.А., 1995. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
- Григорьев С.А., 1996. Металлургические комплексы поселения Синташта // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Григорьев С.А., 1995. Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Культура древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й международной научной конференции "Россия и Восток: проблема взаимодействия". Ч. V, кн. 2. Челябинск.
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж., 1966. Породообразующие минералы. Т.4. М.
- Евдокимов В.В., Григорьев С.А., 1996. Металлургические комплексы поселения Семиозерки П // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Зданович Г.Б., 1989. Феномен протогородской цивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Кадырбаев М.К., 1983. Семилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Колчин Б.А. Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей // КСИИМК. Вып. 30. М.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1985. Спектроаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притоболья. М.
- Рындина Н.В., 1969. Раннетрипольская обработка меди // СА, № 3.
- Сатпаева Т.А., 1966. Приложение // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Скоков Ю.А., 1983. Рентгеноструктурный анализ // Металловедение и термическая обработка стали. Т. 1. М.
- Сунчугашев Я.И., 1975. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.
- Татаринов С.И., 1977. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА, № 4.
- Черных Е.Н., 1987. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. М.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

Таблица результатов рентгеноструктурного анализа образцов шлака.

№ образца	памятник	1 ¹	2	3	4	5	6	7
1	Синташта	+	+	?	?	?	+	+
5	Синташта	+				?	?	
7	Синташта	+	+			+	+	+
43	Синташта	+	+		+		+	+
83	Синташта	+		?	+	+	?	
87	Синташта		+			?	+	?
98	Таш-Казган	+						
99	Таш-Казган	+						
10	Таш-Казган	+						
01	Таш-Казган	+						
54	Вишневка I		?	+	+	+		

¹ 1 – кварц; 2 – тридимит; 3 – кристобалит; 4 – вюсит; 5 -- гематит; 6 – магнетит; 7 – медь.

Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала

12	Петровка II	+	+	+	+	?		?
46	Новоникольское	+		+	+		+	
44	Саргары	+	?	+		?		+
49	Тельмана XVI	+	+	+	+	?	+	?
27	Мыржик	+	+	+	+	+	?	+
19	Атасу				+			
53	Ак-Мустафа							
90	Шандаша	+	?	?	+			
91	Шандаша	?	?	+	+			
76	Убаган			+				
32	Кип ель	+	+		+	?	+	?
81	Язеве III				+			
92	Бакр-Узяк	+						
93	Бакр-Узяк	?		+				
94	Бакр-Узяк	?		+	+	+		
95	Бакр-Узяк	+	+	+			?	
96	Бакр-Узяк	+		?			+	
67	Коршуново I	+				+	+	
68	Воробьево	+		+				
69	Вопобьево	+		+	+		+	
34	Даутовское I	+	+	+			+	+
35	Даутовское I			+	+	+		+
36	Даутовское I		?	+	+		+	+
37	Даутовское I							
38	Даутовское II	+	?					
39	Даутовское II	+		+		+	+	+
33	Бакальское	+			+	+	?	
97	Гумешки	+				?		
102	Ай-Бунар	+	+	+	?	+	+	

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАСКОПОК МНОГОМОГИЛЬНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

По устоявшейся традиции погребальные комплексы, имеющие надмогильные сооружения, определяются как курганы. Разнородность конструкций, скрывающихся за сегодняшним их видом, констатирована довольно давно (Грязнов М.П., 1961), но это обстоятельство так и не было реализовано терминологически. В отношении синташтинских памятников термин «курган» представляется особенно неудачным ввиду многоэтапной истории формирования «насыпи» и функционирования площадки на протяжении некоторого временного промежутка. Однако в дальнейшем для краткости я буду вынужден использовать именно это определение, понимая, что содержательно ближе «погребально-поминальный комплекс» (Ольховский В.С., 1986).

При подготовке работы мне хотелось представить элементы методики, которые применены в ходе исследования кургана 4 могильника Каменный Амбар-5 (Карталинский район Челябинской области). Внимание будет сосредоточено на одном аспекте памятника - особенностях его архитектурного облика. Надмогильные сооружения синташтинских курганов являются суммой руинированных конструкций могильных ям, что создает реальные возможности для уяснения стратиграфической позиции каждой из ям, но серьезно осложняет ведение раскопок.

При выработке методики учитывались следующие моменты. Во-первых, надежно установлена традиционная планировка подкурганной площадки наиболее сложных синташтинских некрополей: в центре обычно размещены 1-2 наиболее крупных могильных ямы, в пределах круглой площадки, ограниченной ровиком (иногда валиком), на расстоянии 4-6 м располагаются по кругу могильные ямы, обращенные длинными сторонами к центру. Во-вторых, многоэтапный характер возведения «насыпи» требует максимально возможного количества стратиграфических наблюдений. Нередки и впускные погребения. Таким образом, избранная методика должна была решить следующие основные задачи: уяснить порядок возведения отдельных сооружений, установить все ли могильные ямы снабжались надмогильными конструкциями, не производилась ли досыпка пространства между отдельными сооружениями после завершения функционирования площадки.

Параметры надмогильного сооружения (высота около 1 м и визуальный диаметр - 30 м) не

оставляли сомнения в том, что площадка содержит несколько погребальных конструкций.¹ Поэтому была избрана методика, отличная от традиционной. Разбивка произведена от самой высокой точки насыпи, размечен круговой раскоп по ее визуальным границам диаметром 30 м с оставлением перпендикулярных центральных бровок. Кроме центральных бровок в круговой раскоп была вписана квадратная сетка из дополнительных восьми бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 1, 2).

Первоначально с целью экономии времени и сил было задумано использовать модифицированный метод бегущей траншеи, практически отказавшись от бровок (Матвеев А.В., 1998). В таком варианте планировалось производить разборку надмогильного сооружения по квадратам и фиксировать стенки. Однако, в конечном итоге, от этого пришлось отказаться, поскольку никакой реальной выгоды такая практика не давала и выноска грунта осуществлялась за пределы раскопа.

В дальнейшем центральные бровки сохранялись до полного освобождения площадки, остальные снимались с таким расчетом, чтобы облегчить графическую и фотофиксацию по мере отработки отдельных участков. Во всех случаях для промежуточных бровок фиксировался фас с напольной стороны. Некоторые неудобства выверки профилей, связанных с этой особенностью фиксации, с лихвой окупались удобством работы в поле и возможностью варьировать порядком снятия бровок. Некоторые из профилей, казавшихся наиболее принципиальными, были сохранены на всем протяжении вплоть до выборки ям. Наименее информативными оказались центральные бровки ввиду тотального разрушения ограблением и деятельностью норных животных. Фактически в них удалось зафиксировать только периферийные участки и фрагменты развала надмогильных сооружений. Полагаю, что увеличение количества профилей было бы мало полезным и только затруднило изучение планиграфии кургана.

В нумерации был использован опыт раскопок кургана 6 (С1) Синташтинского могильника, где с учетом круговой планировки было принято наименование 8 секторов (Генинг В.Ф. и др., 1992,

¹ - Одно-двухмогильные синташтинские курганы не редкость (Генинг В.Ф. и др., 1992; Епимахов А.В., 1996; Боталов С.Г. и др., 1996; Зданович Г.Б., 19995), но их параметры существенно уступают многомогильным комплексам: высота не превышает 0,5 м.

с. 246). Опыт раскопок этого кургана показал, что введение дополнительных радиальных и кольцевых бровок не слишком эффективно, поскольку воспользоваться ими по существу не удалось. Видимо, введение нетрадиционной нумерации в. м. их раскопках было ошибкой, которая правда, не повлияла, на конечный результат. Возможно, стоило просто использовать поселенческую схему.

Снятие насыпи осуществлялось вручную горизонтальными по 20 см с зачисткой и фиксацией планов на каждом уровне и занесением всех находок на план. В первую очередь были исследованы периферийные сектора. Уже на этом этапе выяснилось, что границы раскопа подлежат расширению в южных и юго-западном секторах 4, 5 и 6, что позволило оконтурить могильные ямы 1, 2 и 15. Стало понятно, что не следовало ограничивать длину дополнительных бровок, т. к. за их пределами остались стратиграфически поздние ямы 1 и 15.

Полученная в планах информация оказалась довольно скудной. Правда, могильные ямы хорошо оконтуривались уже на уровне погребенной почвы. Единственным достойным упоминания фактом является форма надмогильного сооружения м.я. 14. Белый суглинок, залегающий непосредственно под дерном, судя по составу, был подвергнут специальной обработке и уложен по краям ямы, повторяя ее контуры. То есть, развал сооружения был не округлым, как зачастую рисуют в реконструкциях, а подквадратным.

Оставление многочисленных разрезов позволило проследить процесс разрушения индивидуальных сооружений над некоторыми из могильных ям и их стратиграфическую позицию друг относительно друга. В числе ям, не снабженных надмогильными сооружениями, все детские погребения, а также стратиграфически поздние ямы. Несмотря на то, что в ряде случаев установлена микрохронология памятника, его датировка в рамках существующих представлений о финале средней бронзы едина.

Организация подкурганной площадки традиционна для синташтинских памятников Южного Зауралья (рис. 1, 1). В центре локализовалась единственная крупная могильная яма (№ 9), практически все остальные (м.я. 3-6, 8, 11, 12, 14) с разной степенью точности вписаны в круговую планировку. Из этого числа выбивается стратиграфически поздняя группа погребений (1, 2, 7, 10, 15, 17). Требуется упоминания и достаточно красноречивый факт сохранения места для возведения второй центральной ямы. Расположение парных погребальных конструкций в центре - одна из характерных черт синташтинской погребальной архитектуры. В данном случае традиция не была

реализована полностью, но возможность ее воплощения была сохранена строителями. Думаю, это обстоятельство позволяет предполагать не одновременность возведения центральных конструкций и в других синташтинских курганах. Дополнительным, хотя и косвенным свидетельством в пользу данного заключения может служить различие в ориентировке и размерах центральных конструкций в других синташтинских курганах. Только для двух детских погребений (13 и 16) осталась неясной их стратиграфическая позиция.

Необходимо отметить наличие кольцевого ровика, диаметр которого по внешнему краю составил около 25 м. Его ширина - менее метра, глубина в материке - 0.4-0.6 м. Сооружение рва не было завершено в южном секторе, где расстояние между его окончаниями - более 14 м. Кроме того, он имеет четыре разрыва-«прохода» шириной до 1 м в восточном, северо-северо-западном и юго-западном секторах. Для изучения характера заполнения в западной половине были сделаны дополнительные разрезы рва, в том числе два продольных. Полученные данные свидетельствуют, во-первых, о преднамеренном характере «разрывов», т.к. стенки окончаний во всех зафиксированных случаях вертикальные. Во-вторых, в одном случае (м.я. 2) документально установлено, что к моменту сооружения стратиграфически «поздних» ям ров был практически заполнен гумусом. В-третьих, для северной периферии подкурганной площадки выявлены случаи подчистки рва в период функционирования комплекса.

Индивидуальная фиксация находок из насыпи позволила выявить обрядовую черту, которая ранее не фиксировалась. В противоположных секторах, на периферии насыпи; за пределами рва обнаружены фрагменты одного сосуда, видимо, преднамеренно размещенные таким образом. Кроме того, за пределами рва сделаны находки кристалла раухтопаза и керамического пряслица.

Есть еще одно обстоятельство, на котором хотелось бы акцентировать внимание. При исследовании могильных ям графическая фиксация в некоторых случаях выполнялась в масштабе 1:5, но даже в нем оказалось затруднительно отразить все тонкости. В качестве примера обратимся к м.я. 15 (рис. 2, 2). Несмотря на сравнительно скромные размеры, она содержала индивидуальное детское погребение, сопровождаемое сложно организованным жертвенником. Данный жертвенник был сформирован на уровне перекрытия из голов и ног 6 особей овец, три из которых были рогатыми, три - комолыми. Головы были установлены на основании вдоль стенок ямы с соблюдением порядка чередования комолых и рогатых особей. Затем, между ними и, отчасти, поверх были размещены ноги

с мягкими тканями. Конечности отчленились по середине запястья. Головы отчленились между первым и вторым позвонком отрубанием (во внутреннем канале атлантов есть отбитые фрагменты вторых позвонков). От части атланты были отчленены. Проломы в затылочной части могли быть причиной смерти.*

Графическая фиксация в традиционном масштабе оказалась просто невозможна, но даже при укрупнении детализация оказалась недостаточной. Например, только в ходе разборки было выяснено, что не соблюдался какой-либо порядок в размещении правых и левых ног, а также передних и задних. Необходимость столь подробной фиксации кажется неочевидной, но, в конечном

счете; без нее невозможна реконструкция процессуальной стороны погребальной обрядности.

Очевидно, что избранная методика раскопок оправдала себя только частично. Надежно установлена микрохронология памятника (рис.2, 1), установлен факт отсутствия надмогильных сооружений над детскими могилами и стратиграфически поздней группой погребений, совершенных уже в тот момент, когда основная площадка завершила функционирование, а курган приобрел вид, близкий современному. Остался без ответа вопрос о производстве работ по досыпке межмогильного пространства. Хотелось бы надеяться, что описанный опыт будет бесполезен и позволит коллегам не повторять те ошибки, которые уже сделаны автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992.* Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т.1. Челябинск.
- Грязнов М.П., 1961.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях Отделения исторических наук АН СССР. М.
- Епимахов А. В., 1996.* Курганный могильник Солнце II - некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Зданович Д.Г., 1995.* Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
- Матвеев А.В., 1998.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
- Ольховский В. С., 1986.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА, № 1.

* – Полевые палеозоологические определения выполнены Д.И.Ражевым (ИИА УрО РАН), которому автор рад высказать слова благодарности за совместную работу.

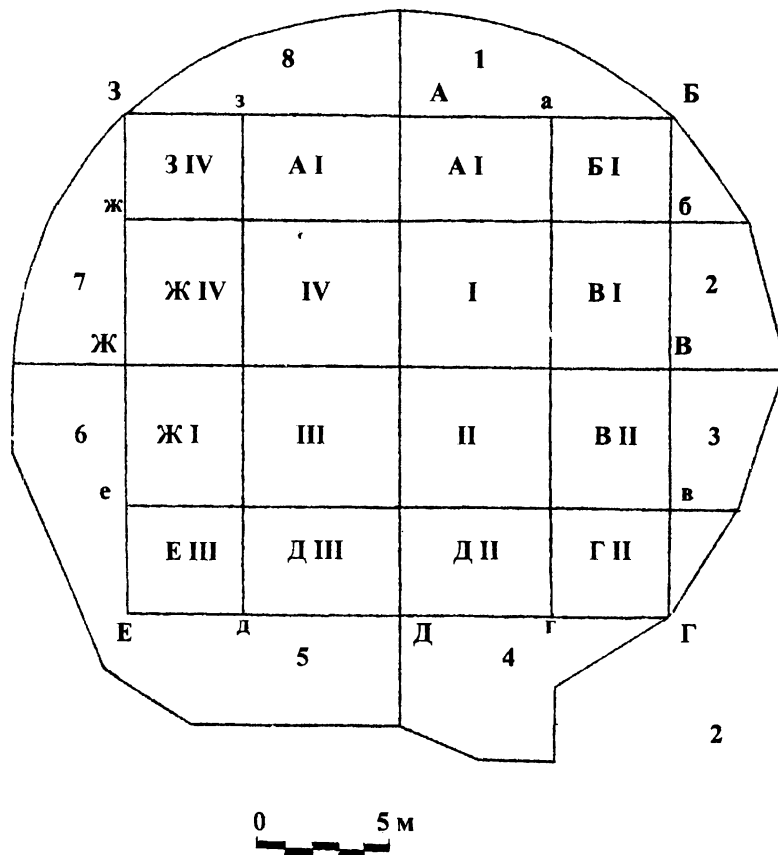
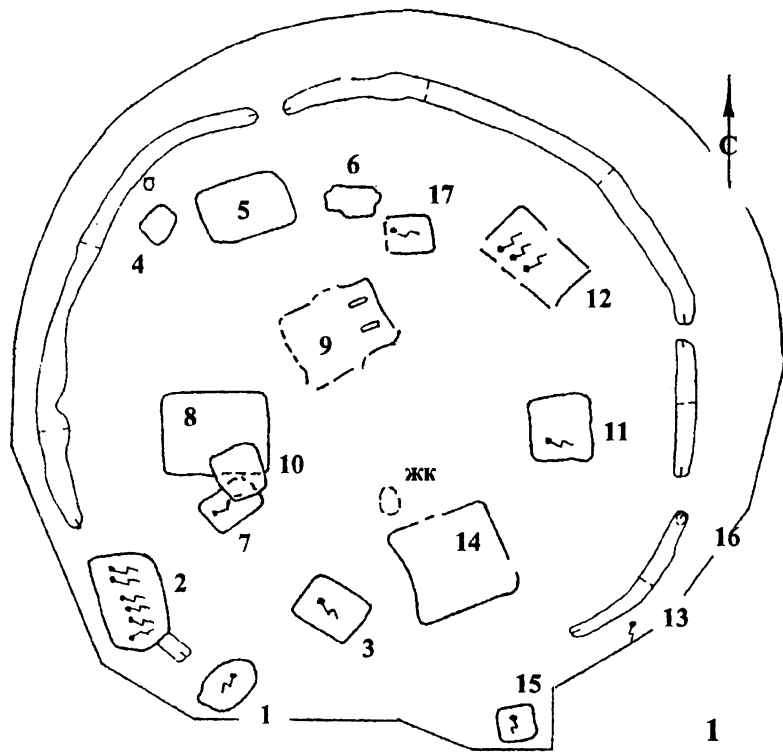

Рис.1. 1 – план кургана 4 могильника Каменный Амбар-5; 2 – схема нумерации раскопа могильника Каменный Амбар-5.

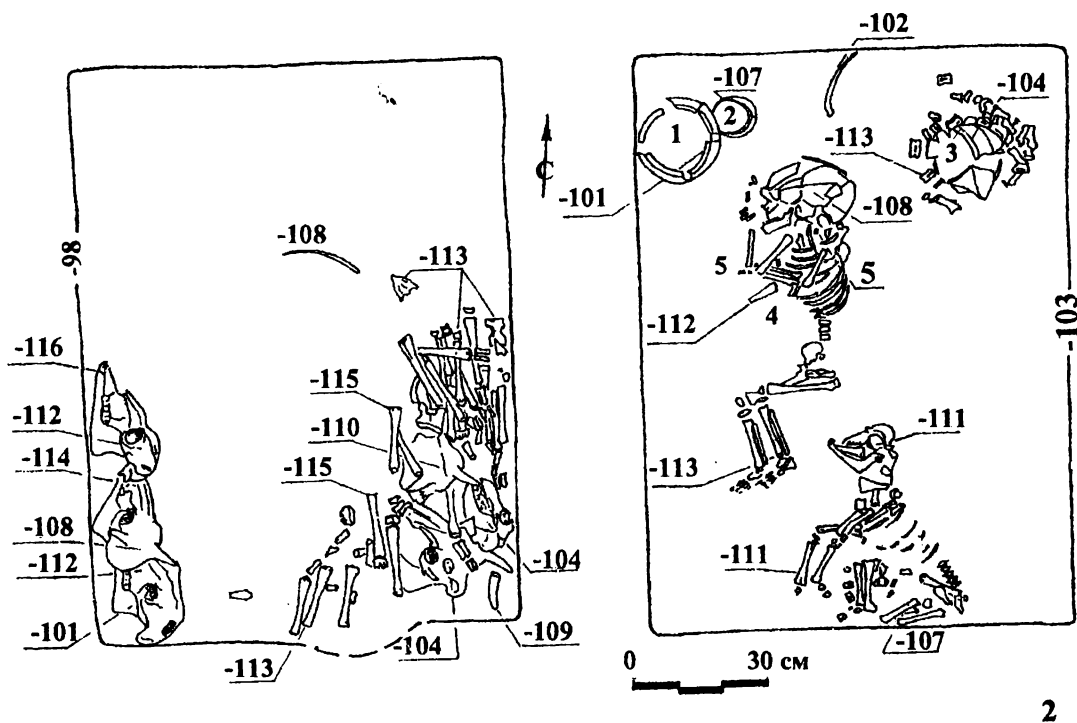
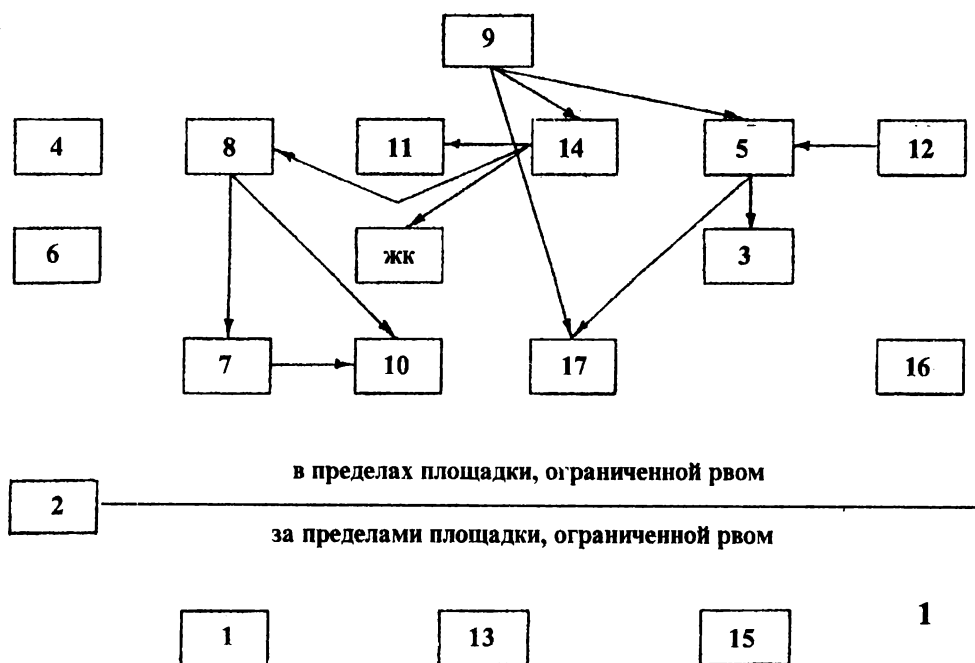

Рис.2. 1 – схема стратиграфических позиций погребальных сооружений кургана 4 могильника Каменный Амбар-5; 2 – план могильной ямы 15 кургана 4 могильника Каменный Амбар-5.

НОВЫЕ АБАШЕВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОРЕНБУРЖЬЯ

Летом 1998 г. отрядом археологической экспедиции Оренбургского госпедуниверситета¹ проводились раскопки у с. Белозерка Октябрьского района Оренбургской области. В районе с. Белозерка к настоящему моменту известно 2 одиночных кургана и 6 курганных могильников. Экспедицией ОГПУ был частично исследован I Белозерский курганный могильник, в котором раскопано 3 кургана.

Памятник был открыт в 1987 г. разведочным отрядом ОГПИ под руководством Л.В. Елатанцевой и фигурировал под названием «I Ивановский курганный могильник»². Тогда было открыто 9 насыпей. В 1997 г. отрядом под руководством Д.В. Мещерякова составлен уточненный план некрополя, в котором зафиксировано всего 13 курганных насыпей (Рис.1,1)³. Курганы №7, 8, 9 (по нумерации Л.В. Елатанцевой) оказались большими сурчинами. Отметим, что местность изобилует множеством групп сурчин. Для удобства нумерация Л.В. Елатанцевой была изменена, а данный памятник переименован в «I Белозерский курганный могильник». Это связано с тем, что, во-первых, с. Ивановка почти прекратило свое существование (осталось два дома), а во-вторых, в Октябрьском районе Оренбургской области есть еще одно село Ивановка, возле которого также найдены памятники археологии.

I Белозерский курганный могильник расположен на высокой первой надпойменной террасе левого берега старицы р. Салмыш, которая протекает в 0,4 км юго-юго-западнее, в 2 км к северо-востоку от северо-западной окраины с. Белозерка и в 0,8 км к юго-востоку от с. Ивановка. 13 курганных насыпей, диаметром 8-20 м и высотой 0,1-1 м, расположены компактной группой на краю террасы. Насыпи задернованы. С севера к могильнику примыкает пашня, юго-западнее, около курганов, проходит грунтовая дорога. Недалеко от дороги, в 250-300 м к северо-западу от памятника, расположено христианское кладбище жителей с. Ивановка. Площадка террасы в сторону реки имеет естественный наклон, поэтому размещение па-

мятника на ее склоне вызывает особый интерес, так как подобная топография для погребальных памятников довольно нетипична. В 30 км юго-западнее от памятника начинаются обширные поля месторождений медистых песчаников, древние шахты, штольни и выработки Каргалинских рудников. Местность изобилует многочисленными выходами камня, плитняка.

Насыпи курганов округлые в плане, с пологими склонами, более оплывшие к юго-западу, в сторону естественного понижения террасы. Наивысшие точки насыпей смещены к северу от центра.

Насыпи раскапывались вручную, методом кольцевых траншей. Для изучения стратиграфии и структуры насыпей курганов оставались две взаимоперпендикулярные бровки шириной 0,2-0,4 м, ориентированные по сторонам света. Стратиграфия всех курганов близка: 1) дерн, темно-серый, местами черный, гумус, мощностью 10-35 см; 2) насыпь, серый гумус с довольно равномерными затеками черного гумуса, обильными включениями известнякового щебня и плитняка, мощностью до 50 см; 3) погребенная почва, черно-коричневый гумусированный суглинок с языками красной глины, мощностью 18-30 см (курган 4), или известняковый плитняк с включениями темно-коричневого и черного суглинка, мощностью 15-20 см (курганы 9 и 10); 4) материк, красная глина (курган 4) или известняковый плитняк с прослойками белесо-желтой глины (курганы 9 и 10). Слой 3 в курганах 9 и 10 определен как погребенная почва с некоторой долей условности, так как, по видимому, над ним в древности гумусированная прослойка была весьма незначительна.

Подобная структура курганных насыпей может быть связана с растрескиванием почвы во время зимних морозов или, что более вероятно, с сооружением насыпей из дерновых блоков длиной 25-40 см. Все насыпи потревожены землеройными животными. Шурфовка за пределами насыпей показала, что ниже плитняка на 0,3-0,5 м залегает плотный слой темно-зеленой глины с белыми включениями, обильно насыщенный известняковым щебнем. Отмечаемые различия в характере материка под насыпями курганов, видимо, объясняются тем, что курган 4 находится ближе к краю площадки террасы и слой красной материковой глины в нем имеет намывное происхождение.

¹ Начальник Оренбургской археологической экспедиции д.и.н. Н.Л. Моргунова.

² Елатанцева Л.В. Отчет об археологических разведках по рекам Салмыш и Самара в Оренбургской области в 1987 г. по Открытому листу № 413 // Архив ИА РАН.

³ Мещеряков Д.В. Отчет об археологических разведках в Октябрьском районе Оренбургской области в 1997 г. по Открытому листу № 653 // Архив ИА РАН.

Курган 4 (Рис.2). Диаметр насыпи 16 м, высота с северной стороны 38 см, с южной – 66 см. Под насыпью прослежены участки могильного выкида, лежавшего на погребенной почве. Наиболее крупные участки могильного выкида были прослежены в южной половине кургана. На профиле бровки выкид фиксировался в виде линзы красноватой глины длиной до 1,3 м и толщиной до 0,2 м. Отмечено снятие погребенной почвы до материка почти по всей окружности кургана. По всей видимости, взятые дерн и грунт использовались для сооружения насыпи кургана. Позднее из-за оплыва насыпи участки со снятой погребенной почвой оказались занесенными смытой с кургана землей. Часть таких участков осталась за пределами насыпи, что отчетливо фиксировалось в виде небольшого понижения уровня современной поверхности вокруг кургана 4 (Рис.3,1).

В насыпи и под ней, в кольцевой траншее с внешним радиусом 8 м и внутренним радиусом 4 м, выявлена мощная каменная конструкция в виде сплошной кольцевой ограды из известняковых плит, как поставленных на ребро, так и лежавших с наклоном к центру подкурганной площадки. Последние, видимо, служили для облицовки подножия кургана, укрепления насыпи. Часть плит в южной половине ограды имела наклон наружу, что отражает основное направление оплыва, срыва насыпи кургана. Изученная конструкция с радиусом 5-7 м от 0 довольно плотно насыщена камнем, местами с кладкой каменных плит в 3-5 слоев. В ограде сохранились плиты размерами до 1,2-2 x 1-1,2 м и толщиной до 8-9 см. Можно полагать, что первоначально насыпь кургана имела диаметр 11,5-12 м.

В 5,86 м к северо-востоку от 0 на глубине 0,49 м от 0 найден обломок ребра животного (?). В 7,25 м к юго-юго-востоку от 0 на глубине 0,8 м от 0 обнаружен обломок трубчатой кости коровы или лошади. В бровке, в 0,9 м к северу от центра кургана, на глубине 0,85 м от 0 найдено ребро человека. В 3,1 м к северо-востоку от 0 на глубине 0,6 м от 0 обнаружено еще одно ребро человека (в норе грызуна). Под насыпью было выявлено 3 сооружения из камня (выкладка и 2 ящика), примыкавшие к ограде, и основное захоронение в центральной части кургана. Из планиграфических и стратиграфических наблюдений следует, что все сооружения под насыпью одновременны.

Выкладка располагалась в 4 м к западу от 0 и состояла из 4 слоев каменных плит размерами до 0,5 x 0,4 м. Часть из верхних плит оказалась раздроблена. Выкладка имела на глубине 0,35-0,5 м от 0 размеры 1 x 0,75 м и ориентировку по оси

восток-запад. Под плитами ничего не обнаружено.

Каменный ящик 1 (Рис.5) находился в 4,4 м к северо-востоку от 0 и состоял из 5 плоских известняковых плит толщиной до 4-5 см. Три плиты составляли продольную стенку ящика, одна плита торцевую и одна плита являлась крышкой, перекрытием всей конструкции. Размеры плит стенок 0,3-0,4 x 0,32-0,45 м, размеры плиты перекрытия 1,05 x 0,48 м. Плиты стенок, по всей видимости, были врыты в погребенную почву. Плита перекрытия, там, где не было каменных стенок, краями опиралась на древнюю поверхность. Ящик ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. В плане каменный ящик имел подпрямоугольную форму, как, возможно, и яма, которую он перекрывал. Границы и параметры этой ямы не прослежены, так как она была вырыта в погребенной почве. Заполнение ящика состояло из черного гумусированного суглинка с редкими вкраплениями золистого грунта. У самого дна, на глубине 0,79 м от 0, отмечено округлое скопление золистого грунта и золы размерами 9 x 10 см, толщиной 2-3 см. Дно ящика зафиксировано на уровне материка, на глубине 0,81 м от 0. В заполнении и на дне найдено 12 фрагментов от лепного глиняного сосуда. Еще 1 фрагмент этого сосуда обнаружен в норе, к юго-юго-западу от ящика, в 2,6 м северо-восточнее центра кургана.

Сосуд (Рис.9, 1) баночной формы с утолщенным венчиком и прикрытым устьем. Реконструируемые размеры сосуда: высота около 11 см, диаметр горла около 15 см, диаметр дна 7,5 см. В глиняном тесте примесь толченых раковин, шамота и органики, фактура керамики рыхлая. Поверхность сосуда коричневая с темно-бурыми пятнами. В верхней части тулова сформованы 3 неглубоких желобка. В верхнем желобке нанесен ряд овальных вдавлений. Ниже желобков по всему тулову сосуд был орнаментирован горизонтальной «елочкой», состоящей из оттисков мелкозубчатого штампа.

Каменный ящик 2 (Рис.6) располагался в 4,3 м к юго-востоку от 0, вплотную примыкая к ограде насыпи. Состоял из 11 плоских известняковых плит и мелких раздробленных плиток. Размеры плит 0,3-0,7 x 0,15-0,4 м, толщина 2-3 см. В плане конструкция подквадратной формы, с каменными стенками со всех сторон и многослойным перекрытием. Ящик ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Границы и параметры ямы, перекрытой каменным ящиком, точно не установлены ввиду того, что яма была вырыта в погребенной почве, а заполнение ящика практически ей идентично. Судя по слегка завалившимся плитам стенок, ящик имел размеры 0,5-0,55 x 0,58-

0,62 м. Дно ящика зафиксировано на уровне материка, на глубине 0,78 м от 0. В заполнении ящика найдены два глиняных сосуда плохой сохранности. Один из них рассыпался при снятии, другой же был раздавлен еще в древности частично провалившимся перекрытием.

Сосуд 1 (Рис.9,3) – острореберный горшок с утолщенным отогнутым наружу венчиком и ребром на внутренней стороне венчика. По ребру в середине тулова наклеплены шишечки диаметром 1,3-1,4 см, толщиной 0,3-0,4 см. Сосуд восстановлен. Высота сосуда 12,1-12,2 см, диаметр горла около 12 см, диаметр тулова по ребру (без шишечек) 13,5 см, диаметр дна 6 см. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, тщательно заглажена. В глиняном тесте обильная примесь мелкотолченых раковин, керамика рыхлая и слоистая. Сосуд полностью орнаментирован геометрическими композициями. Орнамент подразделяется по зонам парами неглубоких желобков, которые нанесены на шейке и чуть ниже ребра по тулову. В верхней части тулова прочерчены наклонные отрезки и углы из четырехрядных линий, заключенные между рядов мелких семечковидных вдавлений. Ряд таких вдавлений проходит по ребру и вокруг наклепных шишечек. Отрезки аналогичных вдавлений имеются в нижней части тулова. Выше и ниже ребра проходят два ряда уголкового треугольного вдавления. В придонной части и ниже желобков прочерчены трехрядные углы. Основу орнамента в нижней части тулова составляют четырехрядные ромбы и углы, нанесенные мелкозубчатым штампом.

Сосуд 2 (Рис.9,2) полностью не восстанавливается. Данный сосуд плоскодонный, возможно, подколоколовидной формы, в верхней части тулова три ряда желобков треугольного сечения. Диаметр дна 7-8 см, толщина стенок 0,4-0,5 см. В глине обильная примесь толченых раковин, керамика рыхлая, слоистая. Поверхность светло-коричневого цвета, орнаментирована рядом и отрезками точечных подовальных вдавлений, между которыми прочерчены пяти-шестирядные углы и наклонные отрезки линий.

В юго-восточном секторе подкурганной площадки, в 0,4 м к юго-востоку от центрального репера, обнаружено скопление каменных плит и плиток на площади 1,3 x 0,75 м, фиксировавшееся начиная с глубины 0,5 м от 0 и вплоть до уровня погребенной почвы. По всей видимости, это часть перекрытия центрального захоронения, выброшенная при ограблении. В 1 м к востоку-северо-востоку от 0 на глубине 0,74 м от 0 найдены угольки, лежавшие на куске тлена от коры, и остатки обугленного дерева.

Погребение 1 (Рис.7,1-3) располагалось в центре кургана. Контуры погребения фиксировались, еще начиная с глубины 0,83 м, по верхушкам отдельных каменных плит, которые облицовывали стенки могильной ямы, но точные границы погребения не определялись, так как были изрезаны норами грызунов. Захоронение совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,48 x 1,5 м на глубине 0,91 м и размерами 2,34 x 1,55 м по дну. Яма глубиной 1,42 м от 0 (0,6 м от материка), ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Погребальная камера имела каменное оформление. Ее стены в два слоя были облицованы плоскими плитами и большими камнями из известняка. Из таких же плит было сделано мощное перекрытие, вероятно, опиравшееся на какое-то перекрытие из дерева. В несколько слоев плиты лежали в юго-восточной половине ямы. Заполнение ямы представляло собой гумусированный суглинок темно-серого цвета с включениями материковой глины красного цвета, встречались угольки, кусочки дерева, прослойки белесого тлена. Под последним слоем плит в южном углу могилы заполнение состояло из гумусированного суглинка коричневого цвета. Между плит облицовки стен ямы грунт очень плотный и твердый, темно-серый суглинок, возможно, использовался как связующий раствор для скрепления плит. На дне ямы, по всей ее площади, отмечен обильный органический тлен белесого цвета, вероятно, от растительной подстилки, а также найдены два куса желтой охры (?) и кусок мела диаметром 2-2,5 см. Погребение ограблено, а также разрушено сурками. В засыпи ямы встречались разрозненные кости скелета взрослого человека (женщины?). У юго-восточной стенки могилы на дне найдены лежавшие компактно (сочлененные?) кости предплечья, лопатка, ключица, ребра, позвонки. Судя по их расположению, эти кости, видимо, от левой части скелета. На лопатке и ключице найдены 4 бронзовых украшения (желобчатые височные подвески и пронизи) с остатками кожаного шнура (Рис.10,6-9). Одна бронзовая желобчатая височная подвеска (Рис.10,5) в полтора оборота обнаружена в норе (юго-восточная стенка могилы). В северо-западной части ямы, засыпи, на глубине 1,2 м от 0, найдены остатки украшения из 4 бронзовых витых пронизок, свернутых из круглой в сечении проволоки, нанизанных на кожаный шнурок (Рис.10,1-4). В заполнении ямы обнаружены крупные фрагменты от шейки горшечного сосуда подколоколовидной или острореберной формы (Рис.10,12). Венчик сосуда утолщенный, с внутренним ребром. Диаметр горла около 18 см. В глиняном тесте примесь

толченых раковин и шамота, фактура керамики достаточно плотная. Поверхность сосуда коричневого цвета, снаружи пятна нагара черного цвета, тщательно заглажена. На шейке сосуда сформованы три желобка, в нижнем из которых нанесен ряд семечковидных вдавлений. Венчик украшен насечками в виде зигзага. Под желобками мелкозубчатым штампом нанесен ряд меандров в виде геометрических стилизованных «уточек», перед «головами» которых сделаны каплевидные вдавления. Ниже меандров нанесен ряд небольших семечковидных вдавлений.

Курган 9 (Рис.4,1). Диаметр насыпи более 12 м, высота с северной стороны 9 см, с южной – 33 см. Под насыпью прослежен могильный выкид лежавший на погребенной почве кольцом вокруг центра подкурганной площадки, на расстоянии 1,5-1,8 м от 0. С юга кольцо выкида незамкнуто. Могильный выкид представлял собой известняковый плитняк с включениями светло-коричневого суглинка и белесо-желтой глины, шириной 1-1,4 м, мощностью 10-25 см (Рис.4,2). Под насыпью кургана, в кольцевой траншее с внешним радиусом 6 м и внутренним радиусом 3 м, выявлены остатки каменной конструкции в виде ограды из известняковых плит, поставленных на ребро. Радиус конструкции составляет 4,5-5 м. Наиболее мощные участки обнаружены в южной половине кургана. Часть плит имеет наклон внутрь ограды, часть завалилась наружу. Видимо, это связано со смывом земли с насыпи, в основном, к югу. В юго-западном секторе подкурганной площадки, на расстоянии 4,5 м от 0 к юго-западу, на глубине 0,37 м от 0 зафиксирована плотная выкладка из 2-4 слоев плит размерами 2,14 x 0,85 м, вытянутая по линии северо-запад – юго-восток, имевшая наклон внутрь ограды. В ограде сохранились каменные плиты размерами до 0,8 x 0,9 м, толщиной до 5-6 см. Исходя из размеров ограды, насыпь кургана была, вероятно, около 10 м.

В 4 м к северо-западу от 0 на глубине 0,4 м от 0 найдено 10 фрагментов черепа человека. В северо-западном секторе кургана, в радиусе до 1,5-2 м от 0, на глубине 0,4-0,5 м от 0 прослежен плотный слой черного грунта с белыми вкраплениями («пестроцвет»). Твердый слой, вероятно, затечного характера.

Погребение 1 (Рис.8,1) располагалось в центре подкурганной площадки, единственное под насыпью. На фоне материкового плитняка выделялось своим черноземным заполнением. На уровне материка могильное пятно имело подовальные очертания размерами 2,7 x 2 м. На глубине 0,65 м от 0 могильная яма приобрела подпрямоугольную форму размерами 2,5 x 1,95 м. Яма

глубиной 1,13 м от 0 (0,48 м от материка), ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Стенки могилы очень неровные, буквально прорубленные в материковом плитняке, под плитами сильно изрезаны норами грызунов. Заполнение ямы представляло собой черный гумус, насыщенный мелким щебнем. В северо-западном углу и вдоль северо-восточной стенки могильной ямы заполнение более твердое, затечного характера. В засыпи встречался белый тлен в виде вкраплений и прослоек, попадались камни и плитки мелких размеров. На глубине 0,94 м от 0 ближе к северному углу обнаружена большая каменная плита 0,55 x 0,45 м, толщиной 2 см. В центре ямы на глубине 0,89 м от 0 найдены фрагменты костей черепа человека. Дно представляет собой очень плотный и твердый слой темно-зеленой глины с белыми включениями и известняковым щебнем. Погребение оказалось полностью ограблено. Вероятно, грабительская яма в северо-западной части погребения некоторое время была открытой, так как заполнение могилы здесь носило затечный характер. Погребение, очевидно, было перекрыто каменными плитами, часть которых провалилась, а большая часть была выброшена при ограблении. Остатки перекрытия найдены на могильном выкиде в северо-западном секторе кургана.

Курган 10 (Рис.1,2). Диаметр насыпи около 12 м, высота с северной стороны 11 см, с южной – 31 см. Прослежен могильный выкид из погребения 2, известняковый плитняк с прослойками темного гумусированного суглинка и включениями материковой глины, который охватывал его с трех сторон, оставаясь незамкнутым с юго-запада. В профиле выкид фиксировался в виде линзы толщиной 10-17 см и шириной 0,5-1 м (Рис.3,2). В насыпи встречался щебень и отдельные плиты из плитняка размерами до 0,75 x 0,5 м, толщиной до 5-6 см. Плиты облицовывали насыпь кургана, играя роль символической оградки. На каменной плите в северо-западном секторе, на глубине 17 см от 0, обнаружены нижняя челюсть и зубы коровы. Под плитой в юго-восточном секторе, на глубине 0,34 м от 0, найден развал лепного глиняного сосуда очень плохой сохранности, который лежал на боку или вверх дном.

Сосуд (Рис.10,11) баночной формы с закрытым устьем и утолщенным венчиком. Примерные размеры горла сосуда 12,5-13 см, толщина стенок 0,4-0,9 см. В глиняном тесте обильная примесь толченых раковин, фактура керамики рыхлая. Фактически же сосуд рассыпался почти полностью, не реконструируется. Цвет поверхности сосуда коричнево-черный, с бурыми пятнами, внут-

ри следы черного нагара. Срез устья украшен угловыми вдавлениями в форме равносторонних треугольников. В верхней части тулова сосуд орнаментирован горизонтальной «елочкой» и зигзагом, нанесенными гладким штампом. Сосуд был отремонтирован бронзовой скобкой, изготовленной из проволоки прямоугольного сечения толщиной 2-3 мм (Рис.10,10).

В насыпи, в юго-западном и, в основном, в юго-восточном секторах встречались разрозненные обломки человеческих костей (ребра, трубчатые кости, фрагменты черепа). В юго-восточном секторе, в 7,7 м к востоку-юго-востоку от 0, на глубине 0,5 м от 0 обнаружены кусочки гнилого дерева и древесная труха.

Под насыпью кургана были выявлены каменная выкладка, яма и два погребения. Все сооружения располагались вытянуто по линии северо-восток – юго-запад. Судя по планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, все сооружения под насыпью являются одновременными.

Выкладка располагалась в северо-восточном секторе кургана, в 2,1 м к северо-востоку от 0. Состояла из 3-4 слоев крупных известняковых плит размерами до 0,8 x 0,5 м, толщиной 6-12 см. Часть верхних плит кладки оказалась раздроблена. Выкладка неправильной подтрепещиевидной формы, размерами на уровне погребенной почвы 2,6 x 1,8 м, была вытянута по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Под самнями ничего не обнаружено.

Яма неправильно-овальной формы с неровными краями обнаружена в 2,2 м к юго-западу от 0. Яма размерами 1,2 x 0,6 м, глубиной 5-7 см от уровня материка, была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Заполнение ямы состояло из чернозема. Следов захоронения не обнаружено.

Погребение 1 находилось в 0,3 м к северо-востоку от центрального репера кургана. Яма прямоугольной формы с неровными краями была выдолблена в плитняке. Яма размерами 1,77 x 1,35 м, глубиной 10-12 см от уровня материка, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Засыпь ямы состояла из чернозема. Находок в ней не нашлось.

Погребение 2 (Рис.8,2) располагалось в центре подкурганной площадки. Совершено в могильной яме прямоугольной формы, с неровными краями, глубиной 0,95 м от 0 (0,27 м от уровня материка) и размерами по дну 2,36 x 1,3 м. Яма была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Стенки могилы сильно изрезаны норками рысунов. На уровне погребенной почвы яма была открыта каменными плитами, которые, воз-

можно, лежали на деревянной основе из жердей или плах. Заполнение могильной ямы состояло из чернозема с включениями известнякового щебня. В насыпи встречались прослойки органического тлена и древесная труха, также были обнаружены разрозненные кости коровы и две человеческие кости. В юго-западном углу могилы, на ее дне, находились обломки нижней челюсти и зубы коровы. Вещей нет. Погребение, по всей видимости, подверглось ограблению еще в древности. Остатки каменного перекрытия частично провалились, частично оказались выброшены из могилы.

Таким образом, в результате раскопок в трех курганах I Белозерского могильника было исследовано 3 каменных выкладки, 2 каменных ящика, 4 центральных погребения и яма. Каменные выкладки, возможно, являлись составными элементами внемогильных конструкций. Каменный ящик 1 кургана 4, по всей видимости, тоже представлял собой погребальную камеру, в которой захоронение было совершено по обряду кремации. Трупосожжение в таком случае совершено на стороне. Каменный ящик 2 кургана 4 мог являться символическим погребением (кенотафом) или же захоронением младенца, скелет которого не сохранился. Следует отметить возможность интерпретации каменных ящиков кургана 4 в качестве ритуальных (жертвенных) комплексов. Яма, исследованная в юго-западном секторе кургана 10, видимо, также предназначалась для захоронения, но так и не была доведена до готовности, ее стенки и дно остались недооформленными.

Во всех изученных центральных погребениях курганов, за исключением погребения 1 кургана 10, безусловно, имелись следы ограбления, совершенного вскоре после захоронения. Можно констатировать, что грабители знали, где им следует копать, и очень точно входили в могильные ямы. Вполне вероятно, грабители являлись участниками захоронений и поэтому можно предполагать ритуальный характер ограбления, хотя возможны и иные объяснения. Подобные случаи уже отмечались исследователями и для эпохи средней бронзы Южного Урала это не редкость (Горбунов В.С., 1986, 1992; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992; Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995; Епимахов А.В., 1996).

Изученные курганы I Белозерского могильника объединяет широкое использование камня для оформления могильных и внемогильных конструкций, проявление культа огня, ориентировка всех погребальных сооружений по линии северо-запад – юго-восток и т.д. Это дает основание полагать, что данные курганы оставлены одной родовой группой.

По погребальному обряду и инвентарю все исследованные захоронения относятся к уральской абашевской (баланбашской) культуре эпохи средней бронзы, хотя по ряду черт они сопоставимы и с синташтинскими комплексами. Исходя из конструктивных особенностей, по классификации В.С. Горбунова, все исследованные насыпи I Белозерского могильника следует отнести к типу Б – курганам с каменными (круговыми) оградками, а могильные ямы – к типам а3 (погребения курганов 9 и 10) и в2 (центральное захоронение кургана 4) (Горбунов В.С., 1986, с.36-37,40). В погребении кургана 4 зафиксировано наличие растительной подстилки, на дне ямы найдены мел и охра. Посыпку дна могил мелом, золой, углем, устройство растительных подстилок в абашевских захоронениях Южного Приуралья относят к ритуальным реминисценциям предшествующего времени (Горбунов В.С., 1986, с.44; 1992, с.147). Крайне редко в абашевском погребальном обряде отмечается также использование охры (I Старо-Ябалаклинский могильник 1/1, 4/1) (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с.12,14). Эта архаическая традиция обычно связывается с ямной погребальной практикой (Горбунов В.С., 1986, с.44).

Нестандартным для абашевцев является сооружение каменных ящиков, неуглубленных в материк (курган 4). Такая практика позднее довольно широко распространяется среди культур андроновской общности. В данном случае, логично предположить дальнейшее развитие в среде уральских абашевцев традиции каменного оформления материковых погребальных камер, хотя нельзя и полностью исключать возможность инокультурного воздействия. В синхронное и более раннее время камень широко применялся в погребальной практике различных культур Предкавказья и Кавказа (майкопской, дольменной, северокавказской, триалетской и др.), Минусинской котловины, Алтая и Тувы (афанасьевской и окуневской). Каменные ящики, как и оформленные деревом или камнем могильные ямы, видимо, отражают одну и ту же общую идею «запечатанной» погребальной камеры. В индоевропейской традиции, как в индоиранской, так и древнеевропейской, подобные погребальные сооружения обычно отождествляются с жилищем. «Запечатанные» погребальные камеры являются как бы моделями настоящих жилищ, своего рода домами мертвых (М. Бойс, Е.Е. Кузьмина и другие). В русле этой традиции небезынтересно сопоставление погребально-поминальной практики абашевской культуры и круга культур боевых топоров. Много общих черт в погребальном обряде и материальной культуре (прежде всего в наборе металлического ин-

вентаря и керамике) обнаруживается при детальном сравнении всего комплекса культурных стереотипов абашевского и фатьяно-балановского населения. Таким образом, если предположить, что усложнение абашевского погребального обряда связано не только с его определенным саморазвитием, но и с инокультурным воздействием, то нельзя игнорировать и контакты с культурами боевых топоров. На определенные генетические связи между абашевским и фатьяно-балановским населением в свое время указывал К.В. Сальников (Сальников К.В., 1954), хотя вопрос происхождения абашевской культуры еще далек от своего разрешения.

К сожалению, ни в одном погребении I Белозерского могильника не удалось обнаружить *in situ* ни одного целого непо потревоженного костяка и достоверно определить его первоначальное положение. Плохая сохранность костяков при ингумации, даже с учетом возможных случаев ограблений, характерна для культур абашевской общности, в погребальной практике которых отмечены случаи вторичных захоронений, трупосожжений, а также других сложных ритуальных норм (Евтюхова О.Н., 1961; Горбунов В.С., 1986, 1992; Кузьмина О.В., 1992).

Погребальный инвентарь немногочислен и представлен керамикой и металлическими изделиями.

Вся посуда лепная, с преобладающей примесью в глиняном тесте толченых раковин в сочетании с мелкотолченым шамотом и органикой. Вследствие этого фактура керамики чаще рыхлая и неплотная. Поверхность сосудов тщательно заглажена. В типологическом отношении керамический материал представлен баночными сосудами закрытых форм, острореберным с налестами и подколоколовидными горшками (Рис.9,1-3; 10,11,12). Все сосуды имеют характерное утолщение венчика и желобки на тулове, горшки – четко выраженное внутреннее ребро. Посуда орнаментирована горизонтальной «елочкой», многорядными отрезками, углами, ромбами, зигзагами, меандрами, а также вдавлениями треугольной, семечковидной и каплевидной форм. Преобладает нанесение орнамента с помощью мелкозубчатого штампа и процерчивания. Керамика I Белозерского могильника относится к уральской абашевской (Горбунов В.С., 1986, с.32-34; Кузьмина О.В., 1992, с.29-35), хотя определенные параллели имеет и с синташтинско-потаповской посудой, видимо, в силу того, что абашевский субстрат явился одним из компонентов сложения самой синташтинской культуры.

Металлический инвентарь состоит из бронзовых украшений (желобчатые височные

подвески в полтора оборота, круглые в плане, и витые пронизи) и скобки (скрепки), предназначенной для ремонта треснувшего глиняного сосуда. В данном случае лишь украшения (Рис.10,1-9) выступают достаточно надежным этнографическим индикатором, встречая наиболее многочисленные аналогии в абашевских материалах Среднего Поволжья и Южного Урала (Горбунов В.С., 1986, с.50; Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с.126, Рис.ХI, 1,4,5,9,12; Кузьмина О.В., 1992, с.51-53, Табл.36,39 и т.д.).

Своеобразными реперами для определения хронологической позиции исследованных курганов I Белозерского могильника выступают находки острорезерного сосуда с налепными шишечками (каменный ящик 2 кургана 4) и баночного сосуда, отремонтированного бронзовой скобкой (насыпь кургана 10). Такие находки, в основном, характерны для достаточно узкого временного интервала, конечной стадии среднего бронзового века. Уральская абашевская (баланбашская) культура датируется XVII-XVI вв. до н.э. (Горбунов В.С., 1986, с.66-68), хотя, в связи с наметившимся удревнением всей свиты культур бронзового века Старого Света, видимо, возможно понижение ее нижней границы до XVIII в. до н.э. (Горбунов В.С., 1992, с.138). Следовательно, I Белозерский курганный могильник входит в хронологически единый пласт погребальных памятников среднего бронзового века (горизонт щитковых псалиев), из которых наиболее яркими некрополями являются Синташта, Потаповка, Власовка, Филатовка, Селезни и т.д. (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994; Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995; Моисеев Н.Б., 1996; Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998). В плане культурном наибольшую степень сходства с комплексами I Белозерского курганного могильника отчетливо демонстрируют материалы уральских абашевских (баланбашских) памятников Башкортостана, например, IV Баишевского, Береговского, III Красногорского, Набережного, I Старо - Ябалаклинского и Чукраклинского могильников, а также II Нурдаuletовского кургана (Пряхин А.Д., Горбунов В.С., 1979; Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., 1985; Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М., 1989; Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991; Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1996). Их объединяют небольшие насыпи, наличие каменных оградок, захоронения в простых ямах, использование камня в оформлении

погребальных камер, распространенная ориентировка по линии северо-запад – юго-восток, проявления выраженного культа огня, растительные подстилки, меловые подсыпки, характерная керамика и инвентарь. Небезынтересно сопоставление комплексов I Белозерского могильника с материалами погребений среднего бронзового века Ново – Петровского кургана в Башкирском Зауралье, сочетающих в себе синташтинские и уральские абашевские черты (Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф., 1995, с. 59-62; с. 64, Рис.2).

Из абашевских материалов Оренбуржья отметим, наряду с I Белозерским могильником, многослойное Родниковое поселение, на котором зафиксировано залегание на одном стратиграфическом уровне абашевской и петровской керамики. Эти памятники расположены в степи, что, в общем, нехарактерно для абашевских племен, привычной экологической нишей которых являлась лесостепная зона.

Наиболее показательно в этом плане расположение I Белозерского могильника в долине, текущей в меридианальном направлении, р. Салмыш (правый приток р. Сакмары). Река Сакмара в свою очередь впадает в р. Урал. Некрополь находится на склоне первой надпойменной террасы, в своеобразном степном коридоре, в окружении лесостепного массива. Этот миграционный коридор, уходящий далеко вглубь современного Башкортостана, достаточно активно функционировал, начиная с древности и до средневековья (Иванов В.А., 1995). Таким образом, I Белозерский курганный могильник, по всей видимости, маркирует пути меридиональных перемещений абашевского населения в степь. Несколько позднее это документируется наличием в памятниках ветлянского типа определенного абашевского компонента, в какой-то мере определившего их специфику (Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б., 1990, с.35-37; Горбунов В.С., 1992а, с.181-182). Пока еще открыт вопрос о причинах миграций абашевцев в степную зону. Можно предположить, что своеобразным толчком к этому, несомненно, многостороннему процессу послужил сейминско-турбинский импульс, принесший не только комплекс новаций в металлургии, но и ознаменовавший наступление в Северной Евразии новой деструктивной эпохи и, как следствие, нестабильность социумов и миграции различных этнокультурных групп населения, порой на весьма значительные расстояния (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., 1985.* Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч.1. Челябинск.
- Горбунов В.С., 1986.* Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., 1992.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Горбунов В.С., 1992А.* Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М., 1989.* Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.
- Горбунов В.С., Денисов И.В., Исмагилов Р.Б., 1990.* Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Евтюхова О.Н., 1961.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. №97. М.
- Епимахов А.В., 1996.* Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Иванов В.А., 1995.* Динамика «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе в эпоху древности и средневековья // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Кузьмина О.В., 1992.* Абашевская культура лесостепного Волго-Уралья. Самара.
- Моисеев Н.Б., 1996.* Дисковидные псалии из Селезневской парной курганный группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1996.* Памятники бронзового века Южного Урала. Уфа.
- Пряхин А.Д., Горбунов В.С., 1979.* Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998.* Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.
- Сальников К.В., 1954.* Абашевская культура на Южном Урале // СА, XXI.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Сунгатов Ф.А., Сафин Ф.Ф., 1995.* Исследования курганных могильников в Зауралье в 1991 г. // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Выпуск I. Уфа.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско - турбинский феномен). М.

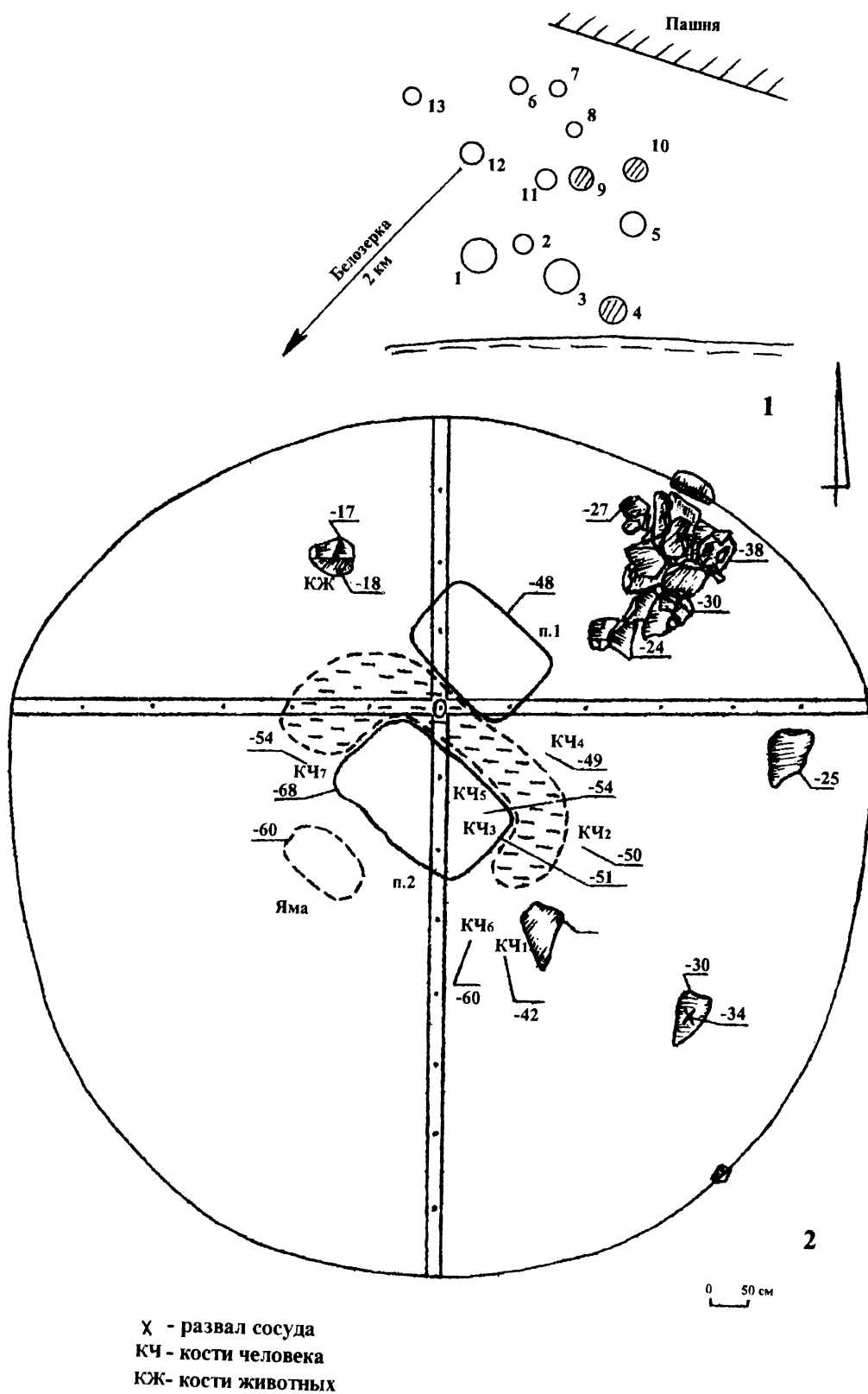

Рис. 1. 1 – Белозерский курганный могильник. Общий план. 2 – Курган 10. Общий план.

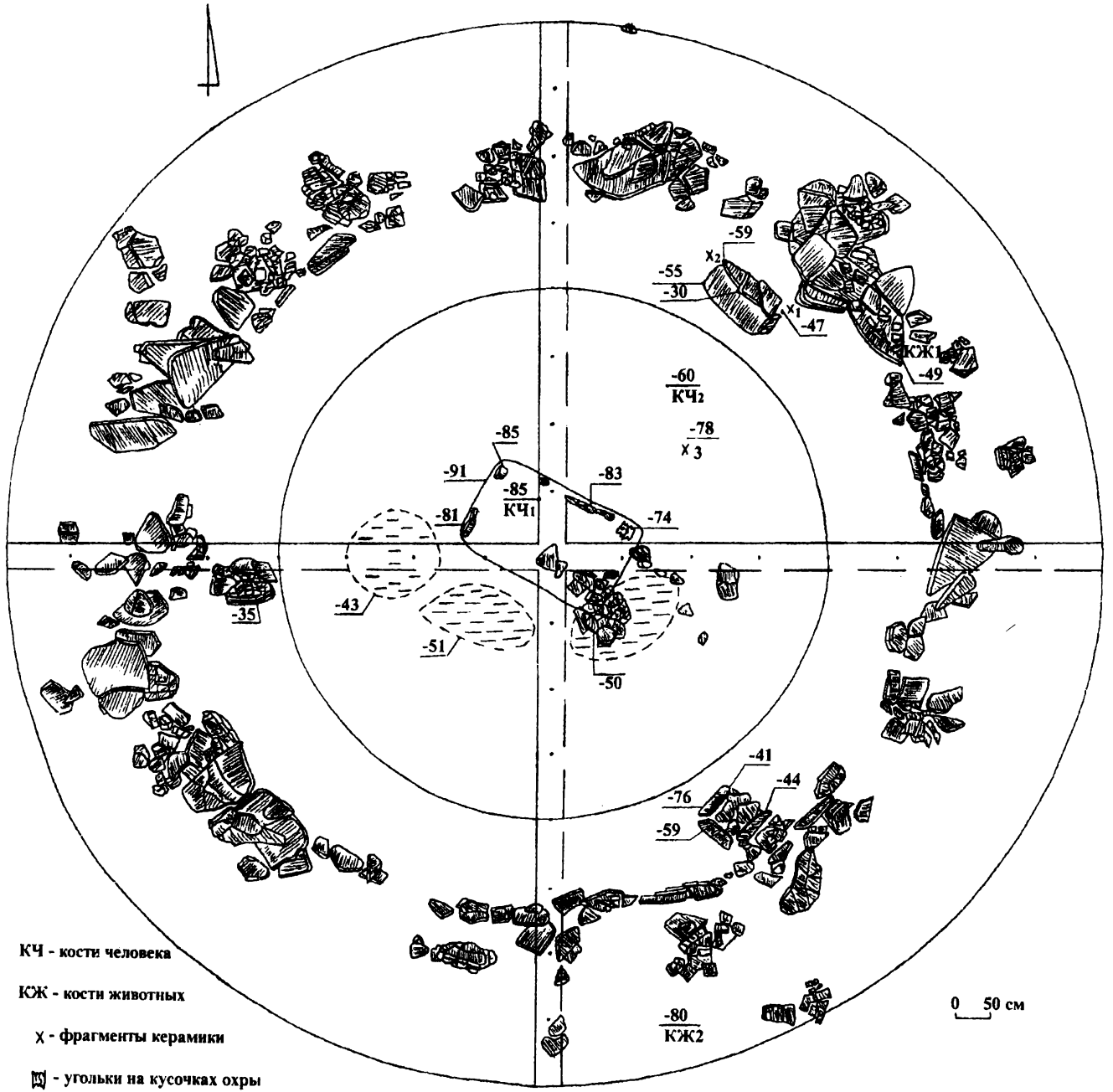

Рис.2. Курган 4. Общий план.

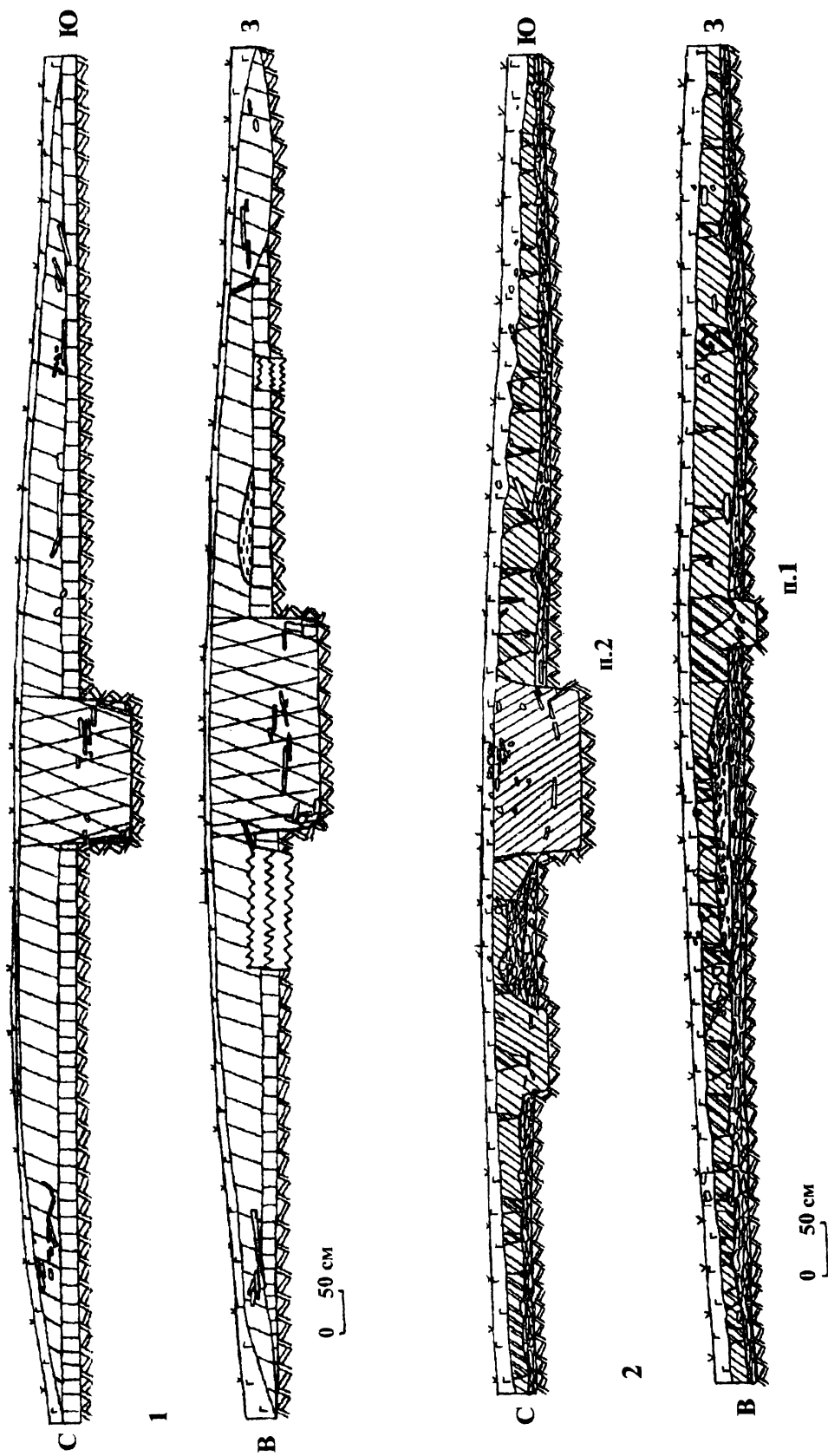

Рис.3. Профили бровок: 1 – курган 4; 2 – курган 10

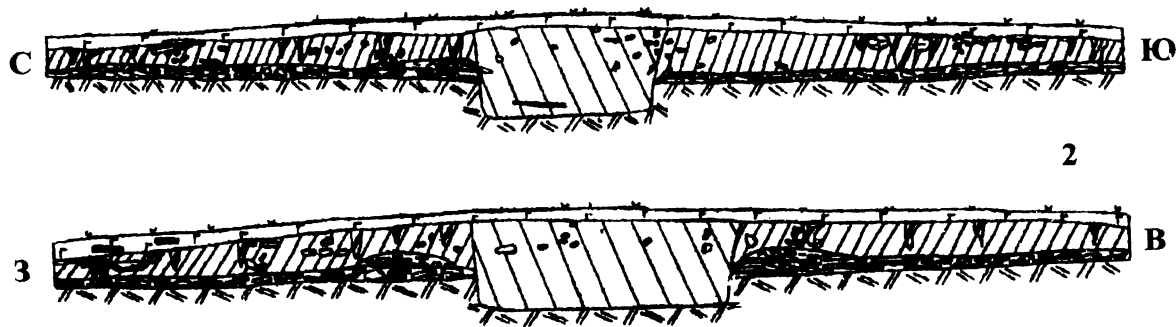
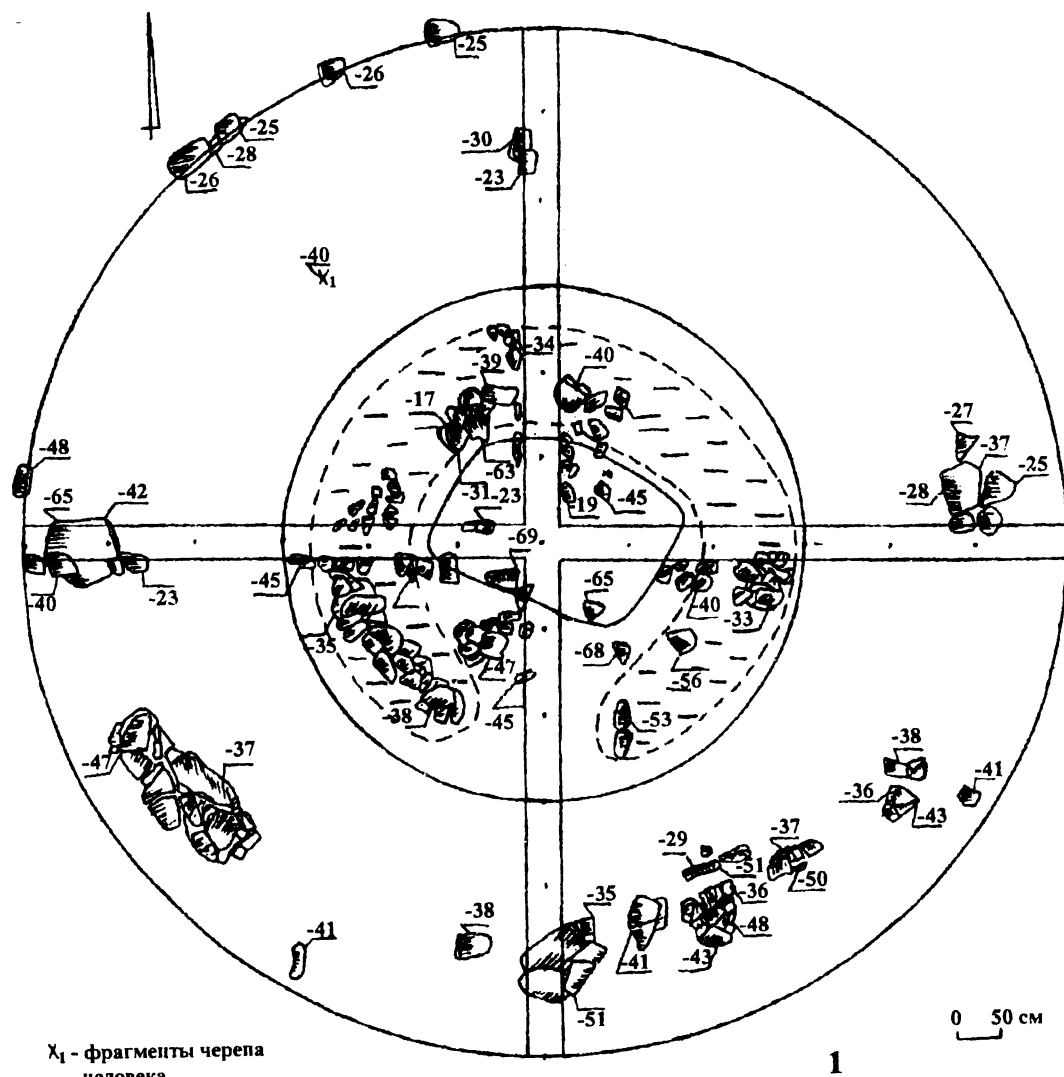

Рис.4. Курган 9: 1 – общий план; 2 – профили бровок.

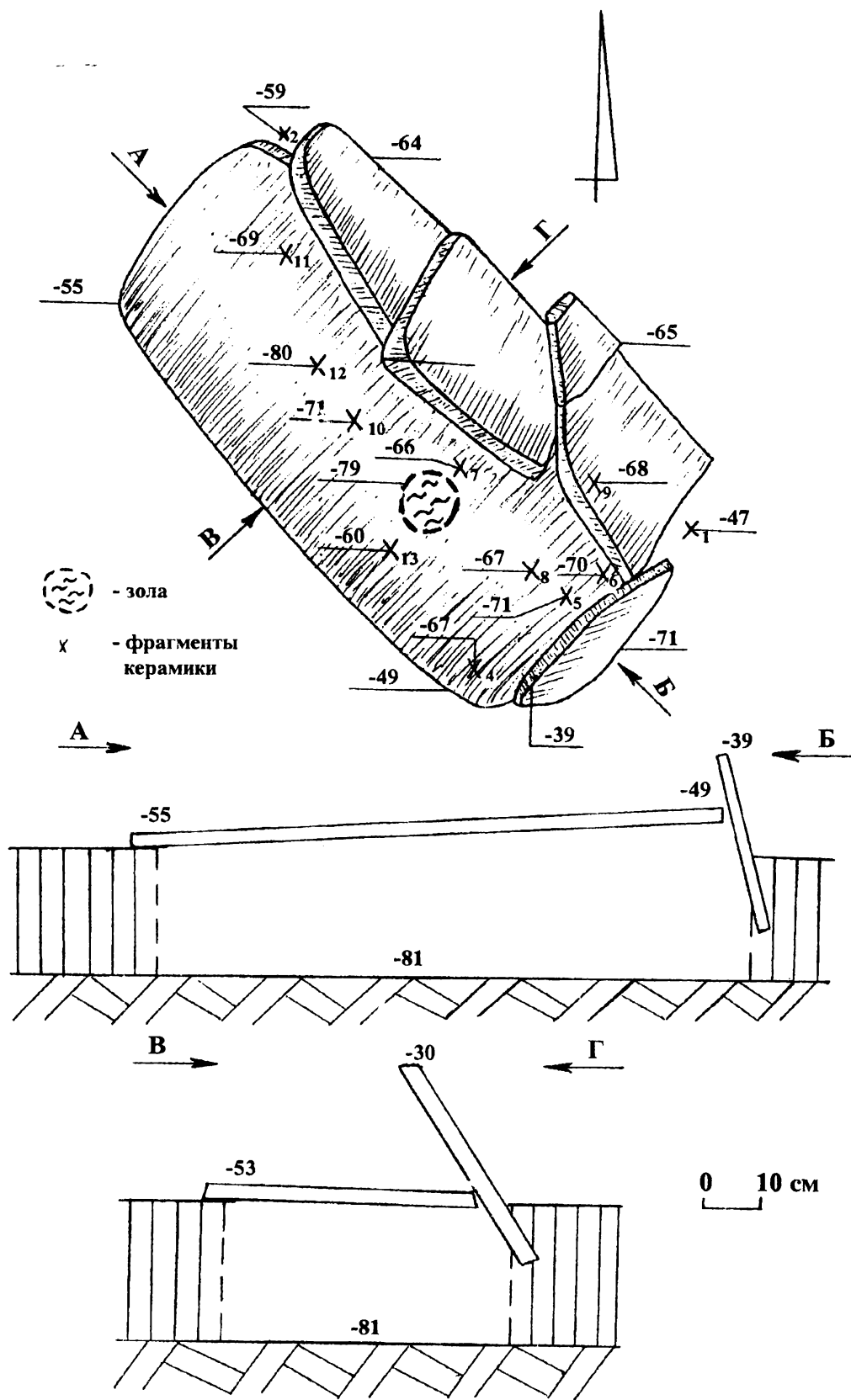

Рис.5. Курган 4, каменный ящик 1. План.

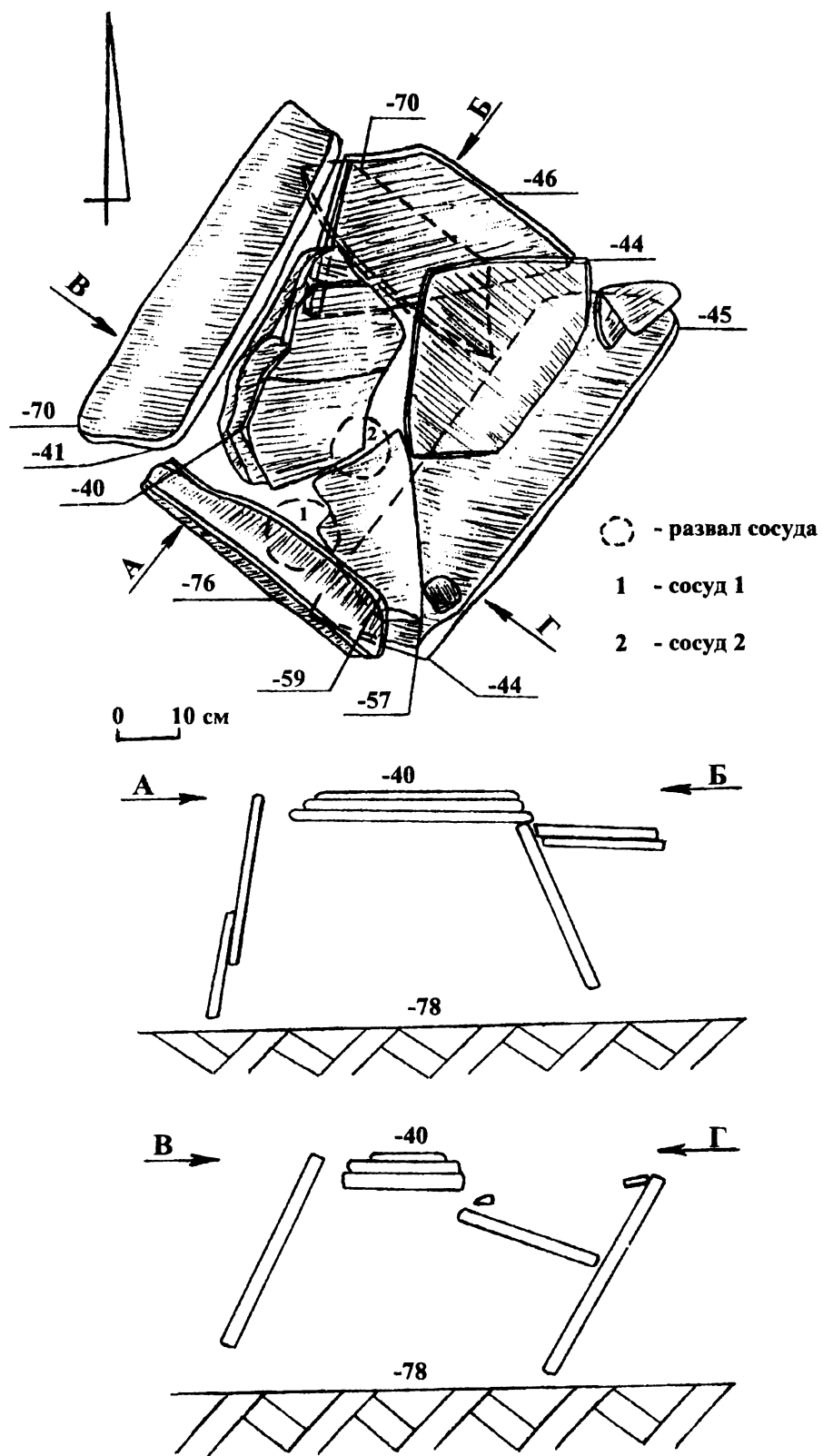

Рис.6. Курган 4, каменный ящик 2. План.

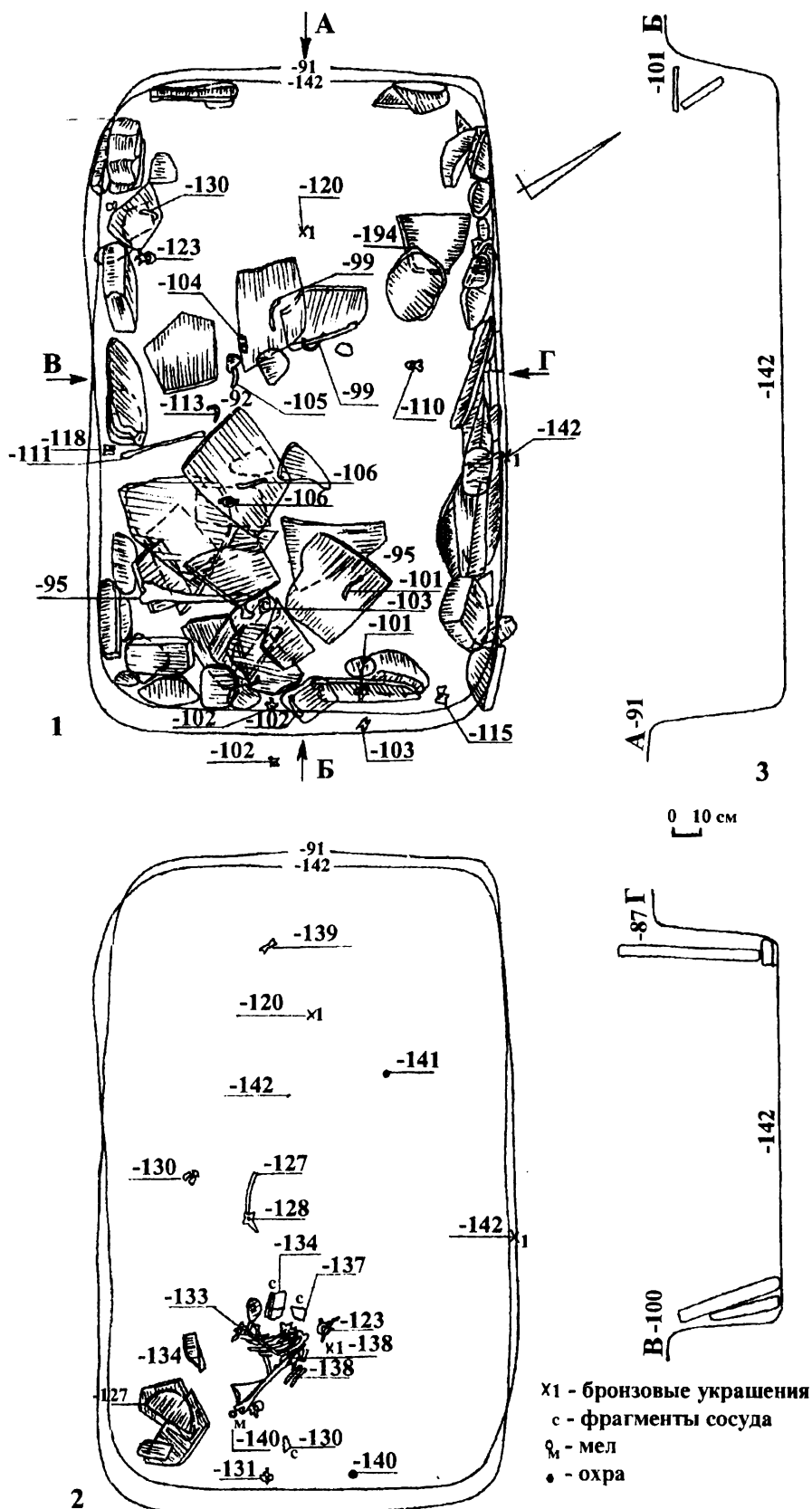

Рис.7. Курган 4, центральное погребение: 1 – горизонт 1, 2 – горизонт 2; 3 – профили

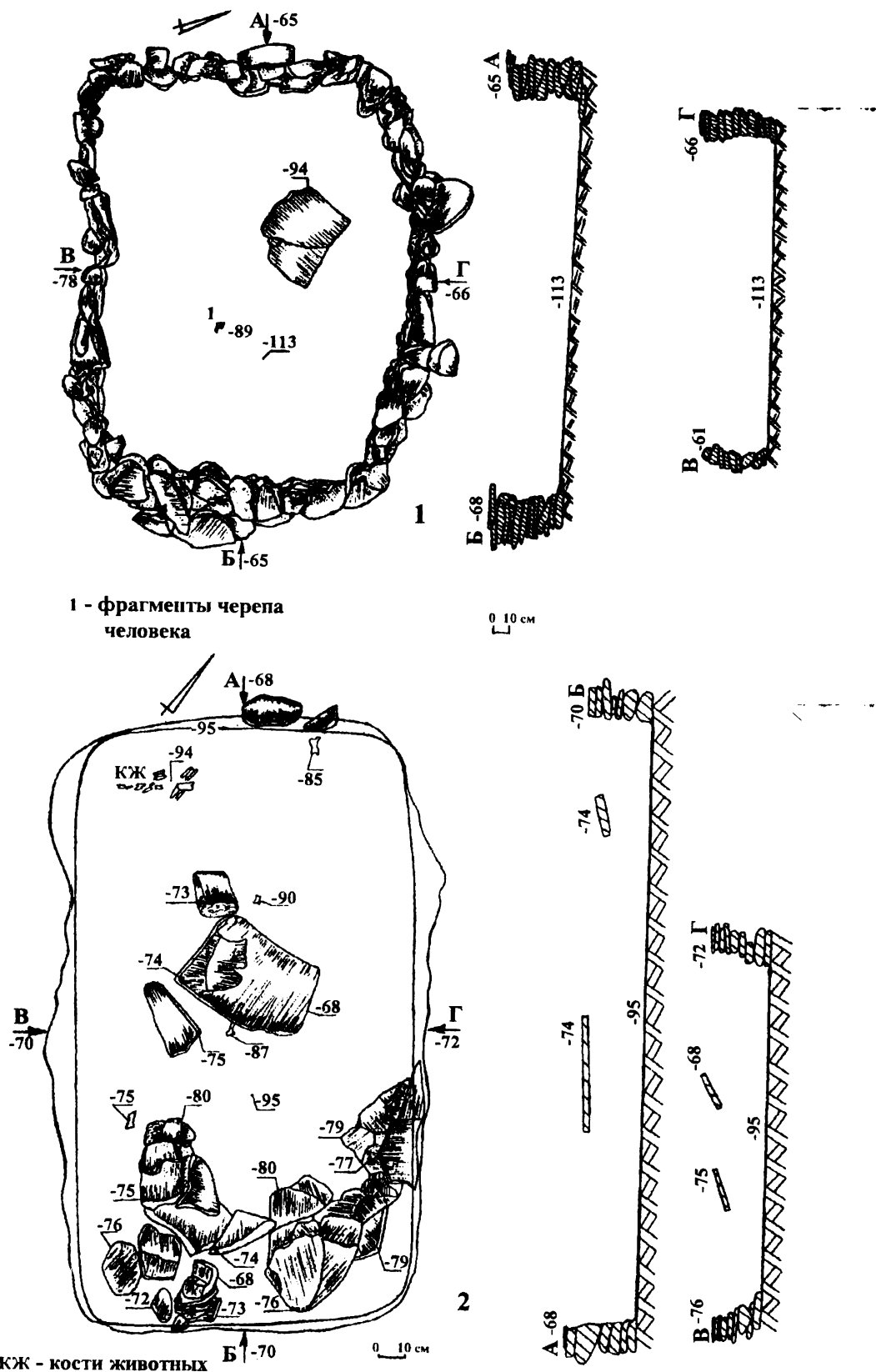

Рис.8. Планы и профили погребений: 1 – курган 9; 2 – курган 10, погребение 2.

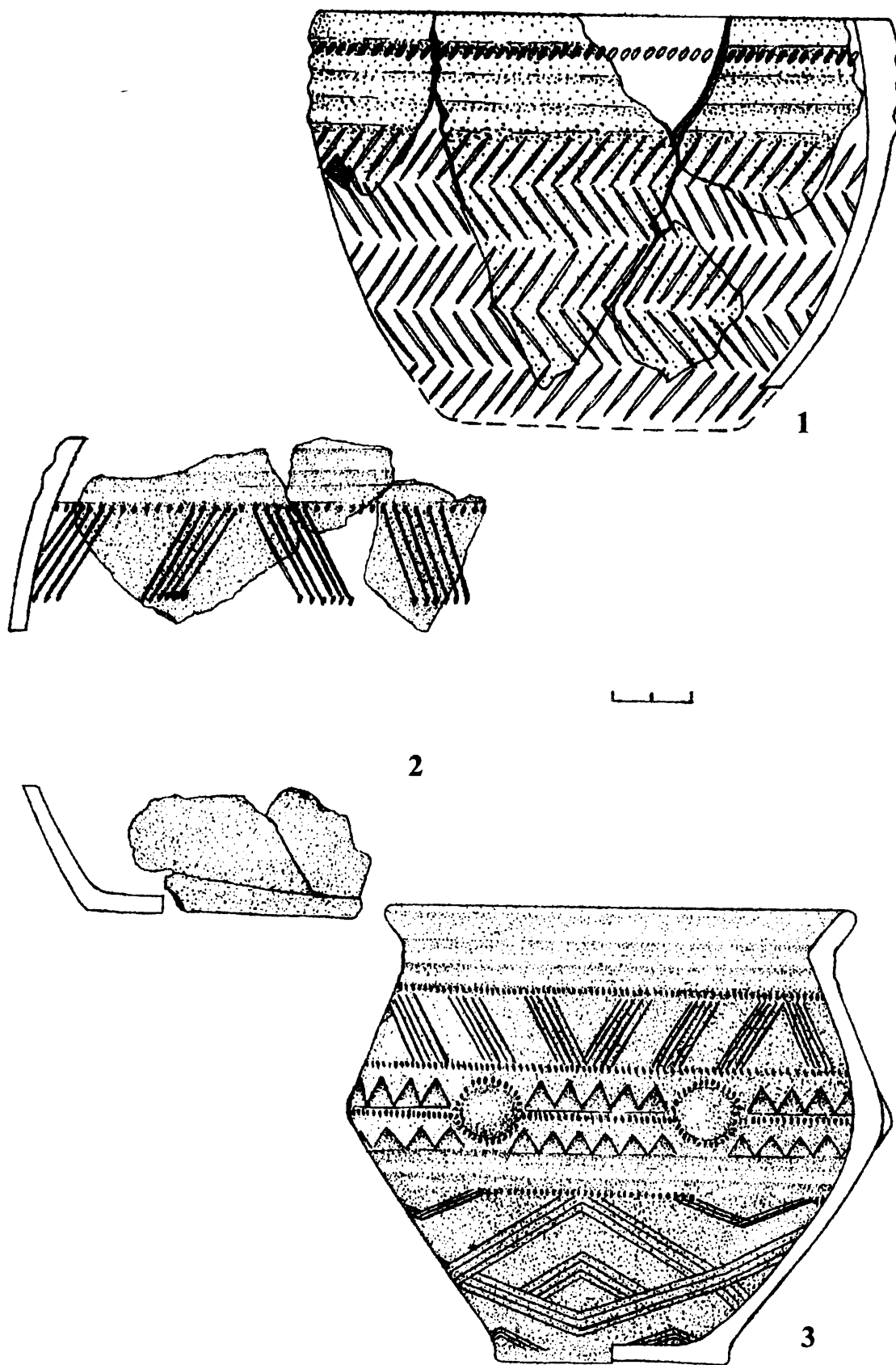

Рис.9. Глиняные сосуды: 1 – курган 4, каменный ящик 1; 2, 3 – курган 4, каменный ящик 2.

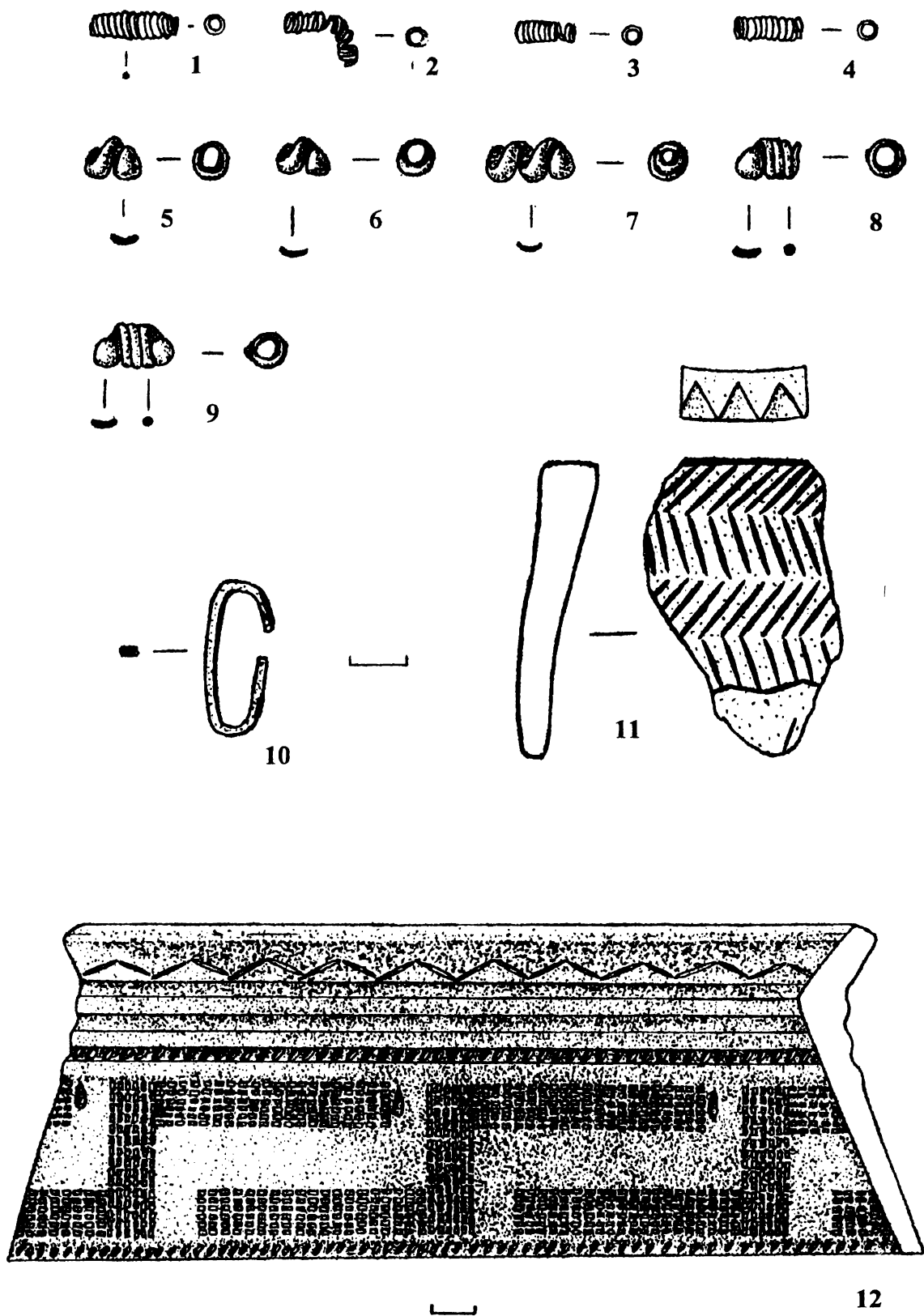

Рис.10. Вещевой инвентарь: 1-9, 12 – курган 4, центральное погребение; 10,11 – курган 10, насыпь. 1-10 – бронза; 11,12 – глина.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ШИБАЕВО-I: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (предварительная публикация)

Последнее время ознаменовано повышенным интересом к проблемам конца средней - перехода к поздней бронзе, связанным с изучением памятников синташтинского, потаповского, фила-товского типов. В этой связи появление новых источников, характеризующих указанный период, требует скорейшего их введения в научный оборот. Данная статья посвящена, в первую очередь, публикации синташтинских материалов, происходящих с поселения Шибаето-I, на котором в течение сезонов 1997-1999 гг. Челябинский областной краеведческий музей проводил исследования.

Поселение Шибаето-I находится в 1.8 км к ССВ от с.Шибаето Еткульского района Челябинской области, на юго-восточном берегу оз. Доловое. Памятник расположен в зоне южной лесостепи с березовыми колками и луговыми степями. Озеро Доловое площадью около 0.5 км² является проточным, расположенным в русле реки Чумляк. Поселение локализуется на мысовидном широтно ориентированном дефиле шириной до 0.25 км между озером и заболоченной низиной на высоте над урезом воды в озере до 2,5 м. Площадка памятника распаивается, подъемные сборы были сделаны на площади около 50 тыс.м². На незатронутом распахом периферийном участке поселения у берега озера были зафиксированы расположенные компактной группой на площади 35x40 м три округлые в плане впадины, интерпретированные предварительно как жилищные. Их диаметр 10-14 м, глубина 0,25-0,5 м.

Общая площадь раскопа составила 501 м². Мощностъ культурного слоя на раскопанном участке поселения составляла 0.3-0.75 м. Раскоп 1997 года был заложен над одной из впадин. Результаты раскопок показали, что первоначальное определение впадины как жилищной было ошибочным - она образовалась в результате проседания грунта в полости трех расположенных рядом колодцев. Культурный слой на этом участке относится к алакульской, федоровской, саргаринской культурам. Данных об их стратиграфическом соотношении получено не было. Раскопы 1998-99 гг. затронули межжилищное пространство с достаточно чистым алакульским слоем.

Атрибуция находок из подъемных сборов и раскопа позволила заключить, что, хотя отдельные предметы относятся к энеолиту, активное обживание площадки памятника осуществлялось носителями различных культур эпохи бронзы: синташтинской, петровской, алакульской, фодо-

ровской, саргаринской. Наблюдения за распределением находок на площади поселения показали, что синташтинская и петровская керамика встречалась, в основном, на наиболее возвышенной части памятника на высоте 2-2,5 м над современным урезом воды. Ее находки ближе к озеру единичны. Алакульская и федоровская керамика фиксировалась на всей территории поселения, саргаринская - лишь в прибрежной полосе.

С поселения происходит значительная коллекция бронзовых предметов, включающая, в частности четыре серпа (из них три отнесены к синташтинско-петровскому времени (рис.3, 2, 3, 6), обломки двух ножей-кинжалов (рис.3, 4, 5), бронзовый втульчатый крюк (рис.3, 1). Имеется большая серия каменных орудий: песты (рис.4, 3-5), терочки (рис.4, 4), молоток (рис.4, 1), наконечники стрел и др. Особо следует упомянуть найденный в раскопе в алакульском слое обломок орнаментированного в «микенском» стиле шиткового псаля (рис.4, 2), изготовленный, судя по всему, из рога лося (любезное определение Л.Л.Гайдученко).

Характеризуя синташтинские находки, следует подчеркнуть, что, хотя эта керамика и происходит в основном из подъемных сборов, представлена она не единичными фрагментами, а целой серией (рис.1, 1-11; 2, 1-6). Массовость синташтинской керамики позволяет утверждать, что площадка памятника достаточно интенсивно обживалась в это время. К синташтинскому времени может быть отнесена и находка характерного бронзового крюка. Достаточно полная сводка подобных изделий была в свое время сделана В.С.Горбуновым (Горбунов В.С., 1992, с.121-123). Можно согласиться с мнением этого автора, что появление втульчатых крюков на Южном Урале связано с катакомбным воздействием.

Таким образом, Шибаето-I является самым северным синташтинским поселением - ранее граница их распространения фиксировалась в 100 км к югу, по реке Уй. Примечательно, что при выборе места для поселения был реализован стереотип размещения синташтинских городищ по берегам рек - Чумляк является первой рекой к северу от Уя, при этом в междуречье этих рек имеется значительное число озер. Вряд ли столь далекое продвижение на север осуществлялось носителями синташтинской культуры на начальных этапах освоения Южного Зауралья. Расширение первоначальной синташтинской ойкумены, маркируемой

зафиксированными методом дешифрирования аэрофотоснимков городищами (Зданович Г.Б., Батанина И.М., 1995), видимо, связано со временем ее достаточно полного освоения и может быть объяснено исходя из особенностей хозяйственной деятельности. Распространение синташтинской культуры на восток и юго-запад документируется наличием могильников (но не поселений) в Северном и Западном Казахстане (Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н., 1992; Ткачев В.В., 1998) - этот процесс может быть связан с ведением скотоводческого хозяйства, обеспечением экспорта металла. Вместе с тем, поиск новых пастбищ к северу, на более залесненных территориях, представляется маловероятным. Не было в этом направлении и значительных потребителей синташтинского металла.

На мой взгляд, освоение северных территорий было связано с металлургией и металлообработкой, как ремеслами, играющими значительную, если не определяющую, роль в жизни синташтинского социума (Виноградов Н.Б., 1995, с.25). Косвенно в пользу этого предположения свидетельствуют значительное число металлических предметов, находки каменных изделий, интерпретированные как орудия металлургии и металлообработки (рис.4, 1, 3-5) неясной культурной атрибуции, следы высокотемпературных технологий, относящиеся к более позднему времени, - сильно ошлакованный фрагмент петровского сосуда из подъемных сборов (рис.2, 7), массовые находки керамического шлака в алакульских и федоровских слоях раскопа. Если наличие выходов медесодержащих пород в районе локализации поселения геологически не зафиксировано, то стимулом для освоения северных залесненных территорий мог быть поиск топливной базы. Как показывают исследования специалистов, фактор наличия необходимой древесины играл одну из определяющих ролей в организации металлургии

и металлообрабатывающего ремесел (Черных Е.Н., 1997, с.66-69).

Вопрос о месте Шибаво-I в системе синташтинских древностей решается в зависимости от наличия или отсутствия фортификации на нем, что может быть выяснено последующими стационарными работами. Для синташтинских поселенческих памятников укрепления фактически обязательны, поэтому есть все основания предполагать их наличие и на Шибаво-I. В таком случае о нем можно говорить как об однопорядковом с остальными синташтинскими городищами. С другой стороны, ни полевые наблюдения, ни данные дешифрирования аэрофотоснимков (И.М.Батанина) укреплений не документируют, что, впрочем, может объясняться многолетней распашкой площадки поселения. Если же предположение о наличии укреплений не подтвердится, то Шибаво-I может быть признано поселением вторичного порядка, упоминания о которых имеются в литературе (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с.54-55). Однако в данном случае признание иерархии поселений не может служить доказательством значительной социальной стратификации синташтинского общества, поскольку ближайшее городище (Черноречье III) располагается в 120 км к ЮЮЗ от Шибаво-I, и говорить о тесной политической связи между ними затруднительно. Вторичный порядок поселения может быть достаточно убедительно объяснен потребностями хозяйственного освоения территории (Зданович Д.Г., 1997, с.15)

Разумеется, дальнейшее исследование синташтинской проблематики может внести существенные коррективы в изложенные суждения. Одним из шагов в данном направлении должно стать планируемое изучение синташтинского слоя поселения Шибаво-I. Также хотелось бы отметить, что его многослойный характер несет возможность после будущих раскопок прояснить спорные аспекты культурогенеза эпохи бронзы Южного Зауралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Н.Б., 1995. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Исторические науки. Вестник Челябинского государственного педагогического института. №1.
Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
Зданович Г.Б., Батанина И.М., 1995. «Страна городов» - укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII-XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования.

Поиски. Открытия: Труды заповедника «Аркаим». Научно-популярная серия. Челябинск.
Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия», часть V, книга I. Челябинск.

Зданович Д.Г., 1997. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск.

Капиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н., 1992. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Ткачев В.В., 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.

Черных Е.Н., 1997. Каргалы. Забытый мир. М.

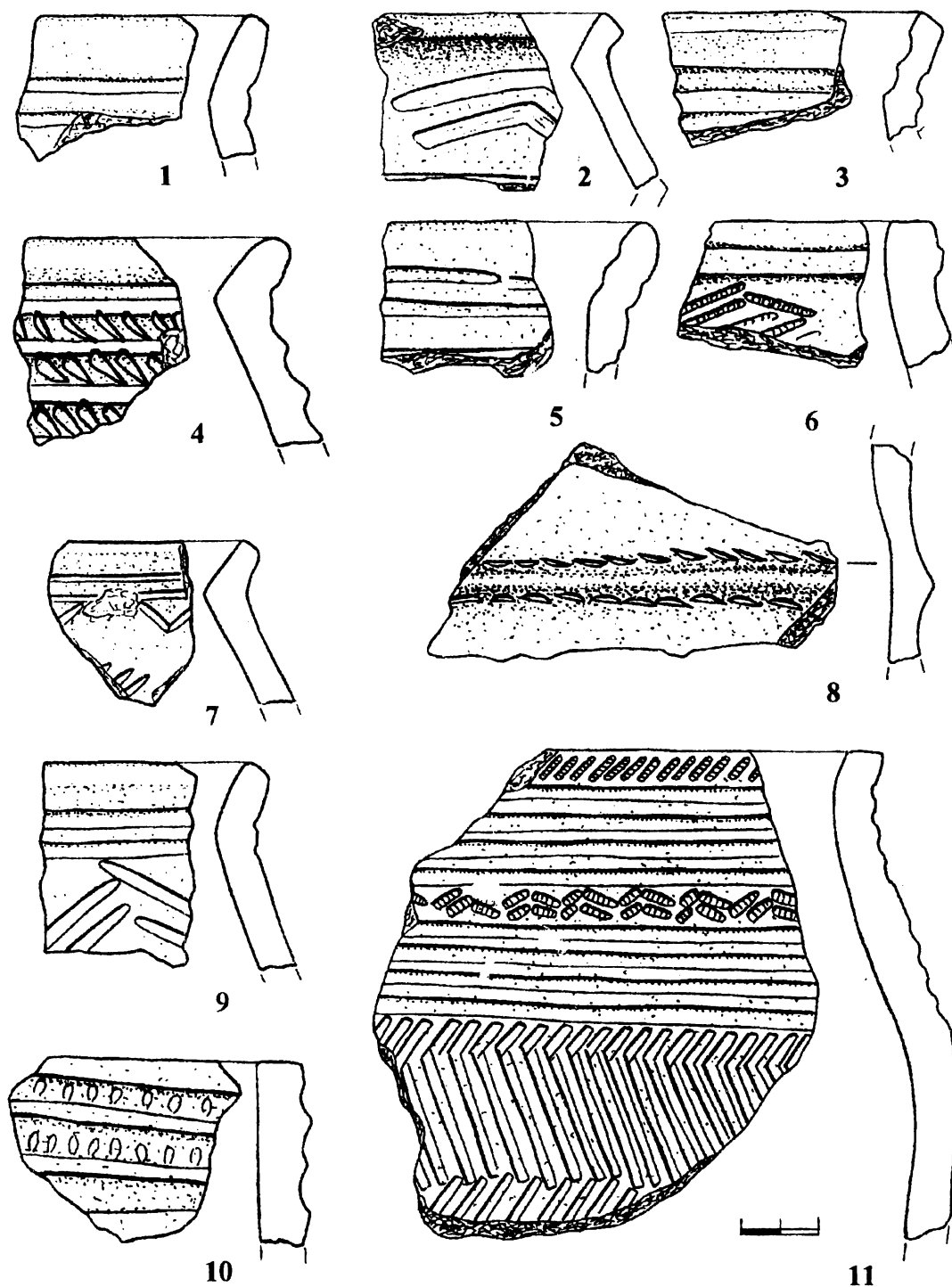

Рис.1. Поселение Шибаво-1. Находки. 1-11 - керамика.

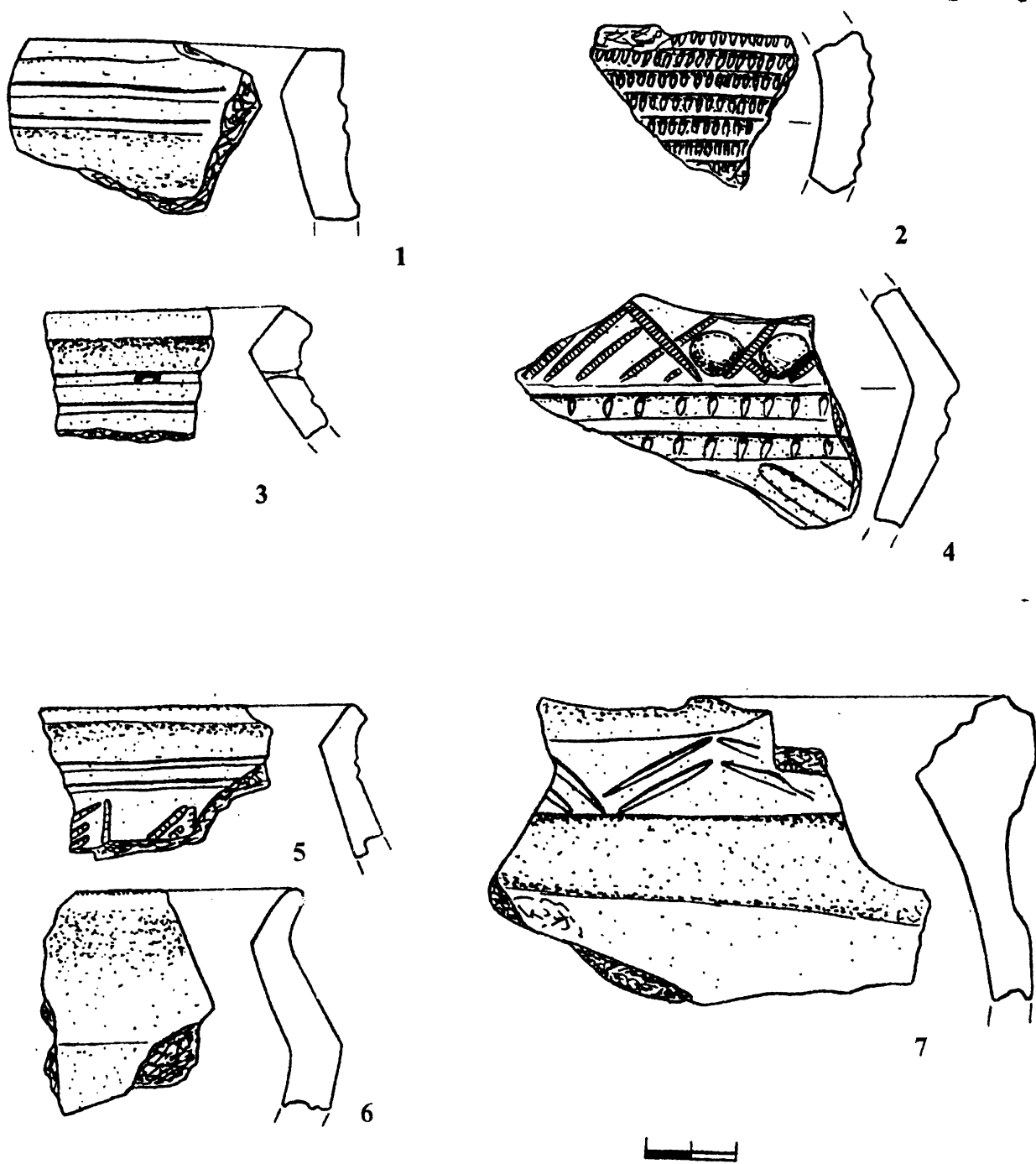

Рис.2. Поселение Шибаетово-1. Находки. 1-7 - керамика.

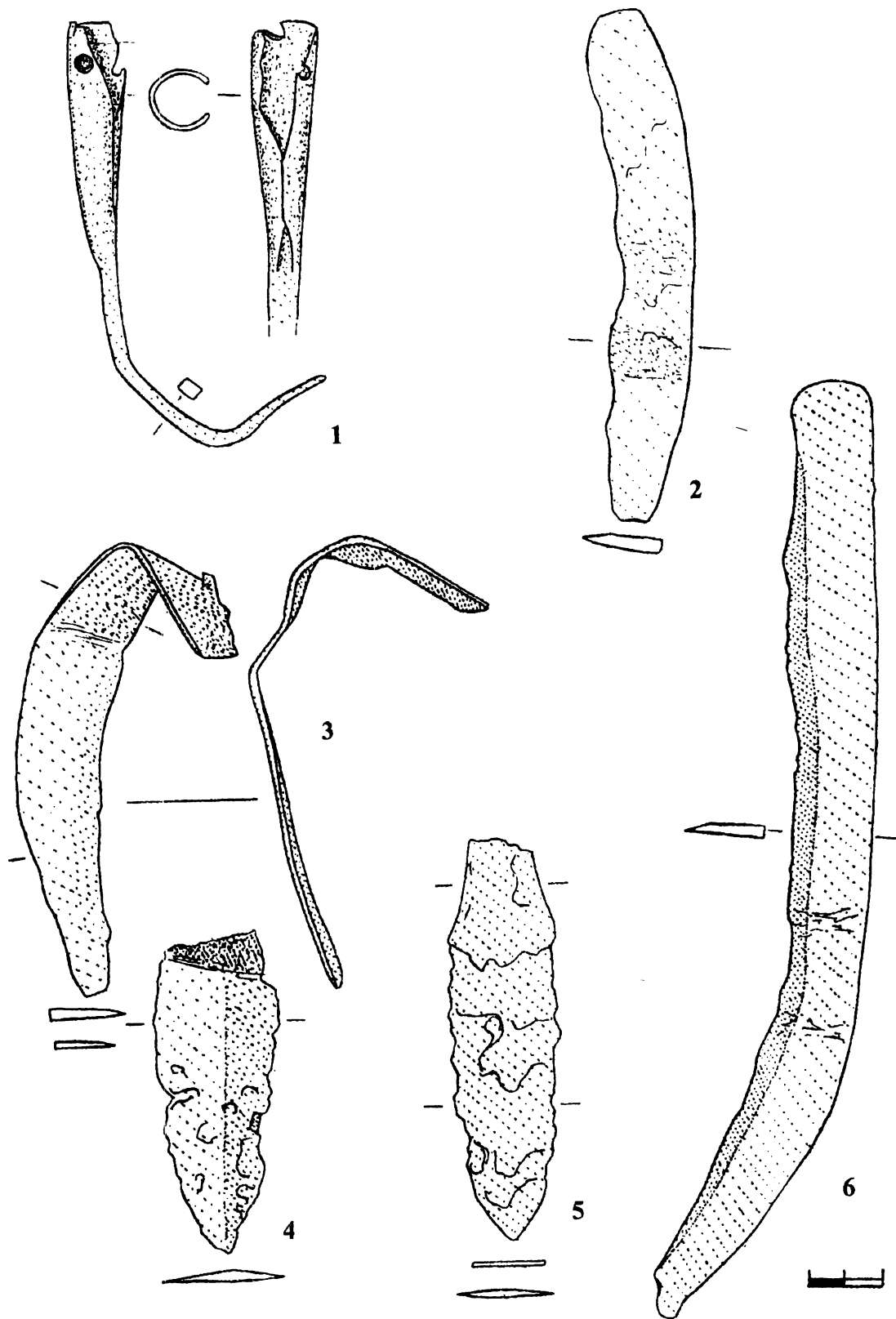

Рис.3. Поселение Шибаетово-1. Находки. 1-6 - бронза.

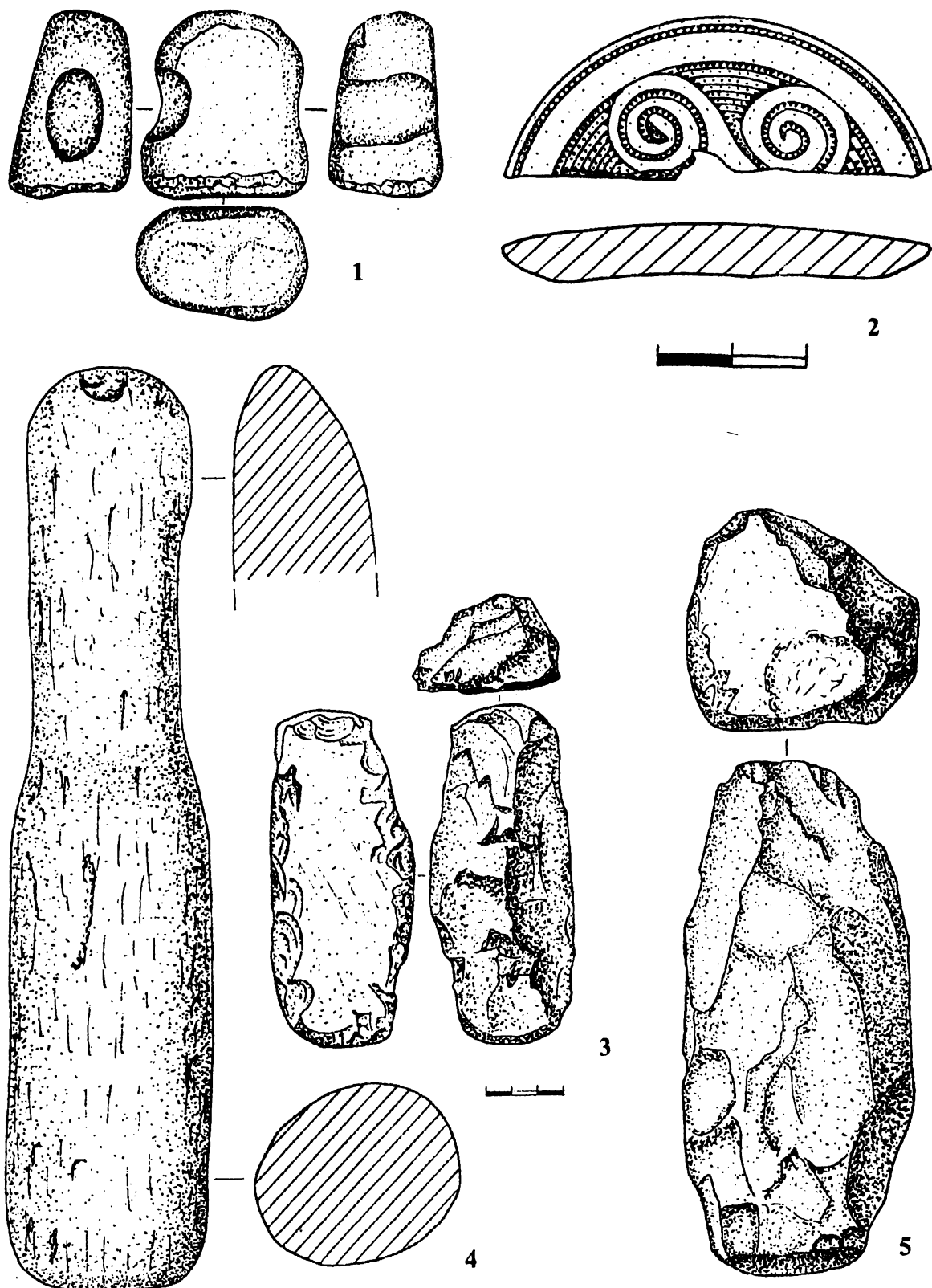

Рис.4. Поселение Шибаво-1. Находки. 1, 3-5 - камень, 2 - рог.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Интенсивные исследования, проводившиеся в восточных районах Оренбургской области в 60-70-х годах уходящего столетия, позволили, в свое время, достаточно успешно наметить подходы к решению вопросов периодизации и хронологии культурных образований бронзового века в регионе, обозначить локальную специфику памятников этого времени, характер и направленность культурных взаимодействий (Сорокин В.С., 1966; Сальников К.В., 1967; Федорова-Давыдова Э.А., 1964; 1973; Кузьмина Е.Е., 1963; 1994; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977 и др.).

Однако впечатляющие по масштабам и научной значимости работы в степном Приуралье (особенно на памятниках ямной культуры), а также в Южном Зауралье, в зоне основной концентрации укрепленных поселений синташтинской культуры (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991; 1994; Богданов С.В., 1999; Генинг В.Ф. и др., 1992; Зданович Г.Б., 1997; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995 и др.), практически не затронули промежуточную территорию. Между тем исключительная перспективность данного района в плане изучения проблематики эпохи бронзы не вызывает сомнения.

Настоящая работа имеет целью введение в научный оборот немногочисленной, но довольно выразительной серии погребальных комплексов бронзового века, исследованных археологической экспедицией Орского краеведческого музея под руководством С.Н.Заседателевой в 70-90-е гг.

Новоорский I могильник.

Могильник открыт в 1974 году экспедицией Института археологии АН СССР под руководством К.Ф.Смирнова. Расположен он справа от шоссе Орск – Новоорск (38 км) на небольшой возвышенности «Золотая горка». Академической экспедицией раскопан один курган (№ 1) (Смирнов К.Ф., 1974). Материалы бронзового века содержал только один курган, исследованный археологической экспедицией Орского краеведческого музея в 1987 году.

Курган 11 являлся самым северным в могильнике. Он расположен на естественном подъеме левого берега небольшого рукава р. Кумак. Насыпь диаметром 20 м, высотой 0,44 м, состоявшая из плотной серой супеси, почти полностью распыхана и едва заметна на местности.

Курган раскапывался вручную методом полного сноса насыпи с оставлением двух перпендикулярных бровок шириной 0,3 м, ориентированных по сторонам света (рис.1, 1). Раскоп доведен до уровня залегания погребенной почвы на глубину 0,45 м. На глубине 0,25 м в юго-восточном и центральной части всех остальных секторов появились первые признаки могильного выброса, лежавшего на погребенной почве и достигавшего по мощности 0,2 м. Юго-западный сектор он занимал практически полностью.

При снятии насыпи в северо-восточном секторе, в 6,2 м от центра, на глубине 0,25 м обнаружены путовые кости лошади (рис.1, 1). В северо-западном секторе, в 8,7 м к ЗСЗ от центра, на глубине 0,25 м обнаружены фрагменты керамики (рис.1, 1). Среди них части венчика, шейки плечиков, верхней части тулова и один фрагмент придонной части (рис.2, 2). Венчик округлый, горловина слегка расширяется, дно плоское. На шейке расположен орнамент, нанесенный гладким штампом. У самого венчика расположен ряд косо заштрихованных треугольников с вершинами, обращенными вверх. Ниже треугольников идут три горизонтальные линии, под которыми пространство заполнено ромбами, соединенными в цепочку. Заканчивается орнамент тремя горизонтальными линиями, расположенными при переходе шейки в плечики. Внешняя поверхность хорошо заглажена, серо-коричневого цвета. Глина с примесью талька. Рядом с фрагментами керамики обнаружено три ритуальных гальки черного цвета (рис.1, 1).

В кургане обнаружено девять захоронений, семь из которых перекрывают друг друга. Эпохой бронзы датируется лишь одно погребение 7, являвшееся основным.

Могильная яма располагалась в 2,5 м юго-западнее центра (рис.1, 1). Она имела прямоугольную форму и размеры 3,65 x 2,3 x 1,3 м, ориентирована длинными сторонами по линии ЮЗ-СВ (рис.1, 2). В яме на глубине 1,07 м обнаружены остатки погребальной камеры в виде мощного трехвенцового сруба и обвалившегося перекрытия из бревен (береза) и плах, лежавших поперек ямы (рис.1, 2). Погребение ограблено, вероятно, в древности. Ограбление произошло с юго-западного конца. Именно в этой части дерево, за исключением некоторых фрагментов, отсутство-

вало. На дне и в засыпи на разных глубинах встречались разрозненные кости не менее двух человек. В северо-восточной половине плахи лежали ровными рядами, за исключением северо-западного угла, который был разрушен впускным погребением 5. На плахах у северо-восточной стенки по центральной оси ямы в два ряда лежали кости двух лошадей (черепа и кости конечностей) (рис.1, 2).

На дне ямы под плахами ничего не было, кроме сочлененных костей голени и стопы, лежащих под одной из плах по центру ямы. К сожалению, характер расположения костных останков не позволяет точно определить ориентировку костяков в могиле.

Инвентарь:

1. Ножевидная пластина (рис.2, 5) обнаружена в центре ямы (рис.1, 2).
2. Маленькие тонкие полоски бронзы найдены в 20 см севернее ножевидной пластинки (рис.1, 2).
3. Фрагмент овальной бронзовой желобчатой подвески в полтора оборота (рис.2, 3) обнаружен в юго-восточном углу ямы (рис.1, 2).
4. Недалеко от нее найдена (рис.1, 2) найдена пастовая бусина в виде колечка (рис.2, 4).
5. В юго-западном конце ямы (рис.1, 2) на разной глубине обнаружены фрагменты трех сосудов, которые удалось склеить почти на половину (рис.2, 1, 6, 7).

Деревянная конструкция занимала часть могильной ямы. Сверху ее засыпали могильным выбросом, оставшуюся часть которого разровняли вокруг ямы (рис.1, 1).

Могильник «Четыре мара» (вторая группа).

Группа расположена на краю возвышенно-го плато левого берега р. Кумак, в 2–3 км юго-восточнее ж/д разъезда «Ударник», в 440 м западнее цепочки курганов 1-й группы, обнаруженной М.Г. Мошковой (1958) в 1958 году.

Группа состоит из 26 курганов диаметром от 10 до 25 м, высотой от 0,3 до 1,0 м. С эпохой бронзы связано сооружение двух курганов из числа исследованных экспедицией Орского краеведческого музея в 1987-90 гг. При этом из насыпи кургана 7 происходят лишь отдельные фрагменты керамики (рис.4, 12, 13), в то время как сам комплекс был полностью разрушен впускным захоронением. Можно констатировать использование огня в погребальной церемонии.

Курган 11 располагался в 220 м западнее кургана 1. Земляная насыпь сильно распахана и едва заметна на местности. Высота 0,2 м. Курган раскапывался вручную методом полного сноса насыпи с оставлением двух перпендикулярных бровок шириной 0,3 м, ориентированных по сторонам света. Границы кургана просматривались

нечетко. Раскоп был взят 12 м. Дерновый слой составлял 0,1 м, затем перепаханная насыпь мощностью 0,4 м. Погребенная почва (серо-коричневая супесь) вышла на глубине 0,5 м. Ее мощность 0,2 м. Материк (супесь светло-желтого цвета) вышел на глубине 0,7 м (рис.3, 1). При снятии насыпи в центре кургана обнаружено кольцо могильного выброса шириной 0,65 до 1,25 м с разрывом шириной 1,7 м в ССЗ части. Могильный выброс мощностью до 0,15 м лежал на уровне погребенной почвы.

После окончательной зачистки раскопа за пределами кольца могильного выброса во всех секторах на коричневом фоне погребенной почвы зафиксировано по одному темному пятну. Расчетка показала, что это неглубокие ямы с сужающимися стенками, внутри которых ничего не было обнаружено. Возможно, это ровики, из которых брали землю для сооружения кургана. Диаметр его не превышал 7 м.

1-й ровик располагался в 3,7 м к ЮЮЗ от центра (3,5 x 1,35 x 0,2-0,3 м) и был вытянут длинными сторонами по линии ЗСЗ - ВЮВ;

2-й ровик – в 3,05 к СЗ от центра. Он был вытянут по линии ССЗ - ЮЮВ и имел размеры: 2,75 x 1,2 x 0,3 м;

3-й ровик – в 2,8 м севернее центра (1,75 x 1,0 x 0,2 м) вытянут по линии З - В;

4-й ровик – в 2,5 м к ЮВ от центра (1,6 x 1,0 x 0,1 м) вытянут по линии ЮЗ – СВ.

В кургане обнаружено два погребения.

Погребение 1 (основное) располагалось в центре кургана (рис.3, 1). Могильная яма, большая часть которой находилась в юго-западном секторе, имела прямоугольную форму с выгнутыми длинными сторонами и была ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ (2,7 x 1,9 x 0,41 м). Вдоль южной стенки на глубине 0,15 м – ступенька шириной до 0,3 м (рис.3, 2). Северная стенка полого спускалась ко дну, вышедшему на глубине 0,41 м. Размеры ямы по дну: длина – 2,7 м, ширина в юго-западном конце – 1,24 м, в северо-восточном – 0,9 м, по центру – 1,18 м.

В восточной половине ямы на дне обнаружены раздробленные кости ног, таза, крестцовые позвонки человека, лежавшие в анатомическом порядке (рис.3, 2).

Инвентарь:

1. Фрагменты глиняного сосуда № 1 – в юго-западном углу, у южной (в 0,9 м от юго-западного угла) и северной (в 1,18 м от северо-западного угла) стенок (рис.3, 2). Полностью сосуд не восстанавливается, но большую часть формы проследить можно (рис.3, 3). Он имел горшковидную форму с хорошо вычлененным массивным дном. В верхней части сосуда имеется орнамент, нанесенный глад-

ким штампом по горлу и верхней части тулова. Он состоит из завершенных треугольников, заштрихованных справа налево и заключенных между лентами узких горизонтальных углублений. Верхняя лента состоит из трех углублений. Нижняя лента, вычленяя плечико, переходит на верхнюю часть тулова и состоит из четырех углублений. Далее идет зигзагообразная лента, состоящая из квадратиков, заштрихованных косыми линиями слева направо и справа налево, чередующихся между собой. Вершины этого зигзага усечены нижней горизонтальной линией. Внешняя поверхность сосуда красноватого цвета с серыми пятнами неровного обжига. Глина с примесью песка и талька. Диаметр дна 13,2 см.

2. Фрагмент глиняного сосуда (рис.3, 5): часть горловины и верхней части тулова найдена среди фрагментов сосуда № 1 (рис.3, 2). Слегка отогнутое горло с прямым широким венчиком переходит в тулово через уступ. На одном из фрагментов в центре горловины имеется сквозное отверстие. Обе поверхности фрагментов серого цвета. Глина с примесью песка, талька.

3. Сосуд глиняный № 2 стоял в ЗСЗ-м углу ямы (рис.3, 2). Он имеет горшковидную форму со слабо выраженным уступиком на плечиках, хорошо выраженным дном (рис.3, 4). Венчик округлый. В верхней части сосуда имеется орнамент, нанесенный методом протасенной гребенки и расположенный в двух зонах: по горлу и верхней части тулова. В первой зоне он состоит из горизонтально расположенных заштрихованных слева направо ромбов, заключенных между двумя лентами из четырех горизонтальных параллельных линий. Орнаментальные зоны разделяет свободное пространство. Во второй зоне – горизонтальная лента из четырех параллельных линий, ниже которой идет чистый меандровый узор, состоящий из четырехполосной ленты. Поверхность хорошо заглажена, серого цвета. Глина в изломе черная, с примесью песка, частиц талька. Высота сосуда 27,4 см, диаметр венчика 25,5 см, тулова 27,6 см, дна 14 см.

4. Сосуд глиняный № 3 стоял рядом с предыдущим сосудом (рис.3, 2). Он имеет горшковидную форму с сильно отогнутым наружу горлом, переходящим через уступ в тулово, плоским дном с поддоном, округлым венчиком (рис.3, 6). Сосуд украшен орнаментом, выполненным гладким штампом по плечикам, верхней части тулова и у дна. По плечикам и дну идут заштрихованные треугольники, основания которых разделяет горизонтальная линия, идущая по границе уступа. Верхние треугольники заштрихованы справа налево, нижние – слева направо. У самого дна – треугольники, обращенные вершинами вверх и за-

штрихованные справа налево (по два штриха в каждом). Основания треугольников подчеркивает горизонтальная линия. На одной из сохранившихся частей горловины имеется сквозное отверстие. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета. Глина в изломе черная с примесью шамота и небольшого количества талька. Высота сосуда 9,8 см, диаметр венчика 11,2 см, наибольший диаметр тулова 12,1 см, диаметр дна 7,7 см.

5. Нож бронзовый с намечающимся перекрестием и достаточно широким приостренным черешком (рис.3, 8) лежал в 0,18 м левее сосуда № 2 (рис.3, 2). Длина ножа 18,8 см. Двоковыпуклая в сечении ручка имеет длину 5,3 см, ширину от 0,7 до 1,8 см и переходит в перекрестие в виде уступа. Обоюдоострое ромбовидное в сечении лезвие отделяется от перекрестия неглубокими выемками. Длина лезвия 11,6 см, ширина – от 0,7 до 3,3 см. Через ручку и лезвие с обеих сторон проходит ребро.

6. Нож бронзовый (рис.3, 7) – 0,6 м к ВСВ от сосуда № 3 (рис.3, 2). Широкая (2 см) и короткая (2,6 см) рукоятка через округленные уступы плавно переходит в обоюдоострое лезвие, имеющее наибольшую ширину в средней части. В плане нож напоминает форму тела рыбки. Лезвие в сечении линзовидное. На ручке сохранились остатки дерева, свидетельствующие о насадке деревянной рукоятки.

7. Кусочек дерева, вероятно, рукоятки – возле ножа № 2.

При проверке дна других вещей не обнаружено.

Погребение 2 (впускное) располагалось севернее погребения 1 (рис.3, 1). Яма яйцевидной формы была ориентирована длинными сторонами по линии ВСВ – ЗЮЗ. Длина ямы по верхнему краю 2,1 м, ширина по центру – 1,51 м, в западном конце – 0,8 м, в восточном – 0,5 м. Длинные стенки ямы постепенно сужались до глубины 0,2 м, образуя пологие уступы шириной до 0,15 м. Высота их над уровнем дна 0,1 м. По всей вероятности, это результат разрушения ямы во время грабежа. Дно вышло на глубине 0,3 м. Размеры ямы по дну составили: 2,01 x 0,8 м (от ВСВ к ЗЮЗ). От скелета человека найдены только мелкие фрагменты ребер, позвонков и тазовых костей (рис.4, 1).

Инвентарь:

1. Сосуд глиняный № 1 стоял в юго-западном углу ямы (рис.4, 1). Он имеет прямо срезанный венчик с округлыми углами, прямое горло, переходящее в тулово с наибольшим диаметром в верхней части, и плоское дно (рис.4, 2). На внешней поверхности орнамент, выполненный мелким зубчатым штампом в двух зонах: по горлу и верхней части тулова. В первой зоне он состоит из зигзагообразной ленты из трех параллельных, заключен-

ной между двумя горизонтальными лентами: в две (верхняя) и три (нижняя) параллельных. Во второй зоне (верхняя часть тулова) – заштрихованные справа налево треугольники, расположенные вершинами вверх и заключенные между двумя горизонтальными лентами в три параллельных. Между орнаментальными зонами – свободное пространство. Высота сосуда – 27,4 см, диаметр венчика – 23,6 см, наибольший диаметр тулова – 27,4 см, диаметр дна – 13,1 см.

2. Сосуд глиняный № 2 стоял справа от сосуда 1 (рис.4, 1). Он имеет горшковидную форму с ровно срезанным широким венчиком, прямым горлом, плавно переходящим в тулово, и вычлененным дном (рис.4, 11). На горловине и верхней части тулова – орнамент, выполненный гребенчатым штампом. Он состоит из двух линий заштрихованных справа налево треугольников, соединенных между собой вершинами и заключенных между двумя горизонтальными лентами из трех параллельных. На середине горловины в двух местах просверлены друг против друга два отверстия. Глина комковатая с примесью песка, небольшого количества мелких частиц талька, в изломе черная. Высота сосуда 8,3 см, наибольший диаметр тулова 9,8 см, диаметр венчика 9 см, дна – 6,3 см.

3. Сосуд глиняный № 3 стоял у стенки в 0,3 м севернее сосуда № 2 (рис.4, 1). Он имеет горшковидную форму с широким округлым венчиком, слегка отогнутым наружу горлом, переходящим в тулово через слабо выраженный уступчик, хорошо вычлененное дно на поддоне (рис.4, 10). Орнамент, нанесенный гладким штампом в сочетании с прочерченными полосами, расположен в трех зонах. По горловине идут равнобедренные заштрихованные справа налево треугольники, расположенные вершинами вверх. Треугольники подчеркивает небольшой валик, образованный двумя горизонтальными линиями, между которыми по валику нанесены группы (от трех до семи) косых насечек. По верхней части тулова (вторая зона) проходит лента из 4-х горизонтальных прочерченных линий. Ниже – лента из заштрихованных справа налево ромбов, соединенных между собой, вершины которых касаются верхней горизонтальной линии. В одном месте была сделана попытка нанести второй ряд таких ромбов вплотную к первому. Третья зона – поддон орнаментирован лентой из четырех прочерченных линий. Внешняя поверхность хорошо заглажена, серого цвета. Глина плотная в сломе черная с примесью очень мелкого песка. Высота сосуда 16,4 см, диаметр венчика 18,6 см, наибольший диаметр тулова 19,7 см, диаметр дна 9 см.

4. Бронзовое шило лежало рядом с сосудом № 2 (рис.4, 1). Один конец его сужен и ровно срезан,

на нем видны следы деревянной рукояти. Второй конец заострен (рис.4, 8). Длина шила 7,5 см, сечение квадратное от 0,25 до 0,4 см.

5. Бронзовый нож лежал в 0,07 м севернее сосуда № 2 (рис.4, 1). Обоюдоострое лезвие плавно переходит в короткую трапециевидную рукоять (рис.4, 9).

6. Бронзовые пластинчатые подвески (рис.4, 5-7) – в 0,07 м южнее сосуда № 3 (рис.4, 1).

7. Фрагменты бронзовых желобчатых браслетов (рис.4, 3, 4) найдены в 0,18 м к ВЮВ и в 0,26 м к ВСВ от бронзовых подвесок.

При проверке дна других вещей не обнаружено.

Новокумакский могильник.

Курганы могильника расположены группами на возвышенности между восточной окраиной г.Орска и пос./Новый Кумак Новоорского района Оренбургской области на протяжении 7-8 км. Восточную группу этого могильника исследовала в 1958, 1959, 1962 годах Оренбургская экспедиция ИА АН СССР и Оренбургского краеведческого музея под руководством М.Г.Мошковой (1962; 1972). Строительство завода транспортных прицепов привело к необходимости дальнейшего исследования могильника. Эту задачу успешно выполнила экспедиция ИА АН СССР под руководством К.Ф.Смирнова в 1971-1973 гг. (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977; Смирнов К.Ф., 1978). В 1979 году исследование некрополя было продолжено экспедицией Орского краеведческого музея при участии экспедиции Уральского пединститута под руководством В.А.Кригера. Небольшие спасательные работы были также проведены Орским краеведческим музеем в 1980 и 1985 годах. Материалы бронзового века зафиксированы на четырех объектах.

Курган 1 (северо-западная группа) диаметром 18,6 м, высотой 0,88 м находился на склоне надпойменной террасы в 20 м от территории «Орскводстроя». Насыпь хорошо заметна на местности, в центре имела едва заметное уплощение. Южная пола кургана разрушена дорогой.

Раскапывался курган бульдозером путем полного сноса насыпи с оставлением меридиональной бровки шириной 0,5 м. Уровень раскопа доведен до погребенной почвы (на глубину 0,8 м) с северной стороны в западном секторе прослежен ровик шириной 1 м (рис.5, 1).

Погребение 2 (основное). В центре кургана после снятия центральной части бровки обнаружено два белых прямоугольных пятна. Проверка показала, что это могильный выкид из ямы, которая располагалась в 0,5 м от центра (рис.5, 1). Ориентирована она по линии СВ – ЮЗ, длина 2,2 м, ширина 0,9 м. На дне могильной ямы на глуби-

не 0,25 м (от уровня раскопа) разбросаны кости человека: в северо-восточном конце – фрагменты черепной коробки, кости рук, ребра, в центре – газовая кость, нижняя челюсть, кости ног (рис.5, 2).

Инвентарь:

1. В юго-западном конце ямы в 0,8 м от стенки стоял лепной плоскодонный горшок. Высота сосуда 28 см, диаметр дна 11 см, горла 25,5 см, наибольший диаметр тулова 28 см (рис.5, 3). Раздутое в верхней части тулово уступом отделено от широкого прямого горла со слабо выделенным воротничком шириной 3 см. Поверхность сосуда красноватого цвета орнаментирована в два пояса. Первый пояс расположен по воротничку и состоит из прорезных равнобедренных заштрихованных треугольников вершинами вверх. Второй – по плечикам сосуда. Он состоит из косы прорезных насечек, трех прорезных горизонтальных линий и горизонтально расположенных заштрихованных ромбов, соединенных между собой вершинами. Орнамент нанесен очень небрежно. Тесто в изломе черное, с примесью шамота.

2. В северо-восточном конце ямы, среди костей рук, шейных позвонков обнаружено 28 бронзовых (рис.5, 4) и 45 пастовых бусин диаметром 4-5 мм (рис.5, 5).

В июле 1985 года в Орский краеведческий музей поступили фрагменты керамики, обнаруженные школьниками в 7-м микрорайоне завода тракторных прицепов. При обследовании местности обнаружено два погребения эпохи бронзы. В зоне второго и третьего местонахождения керамики следов курганов выявить не удалось, так как траншеи по теплотрассе, на отвалах которых найдены фрагменты, к тому времени уже залили бетоном.

Кольцо 27 располагалось на краю юго-восточной стенки котлована дома № 16 в 7-м микрорайоне ОЗТП. Оно полностью разрушено строителями. Сохранилось лишь несколько камней, лежащих дугой над могильной ямой. Яма ориентирована по линии СВ – ЮЗ. Судя по сохранившейся части, она имела прямоугольную форму с закругленными углами. Длина равна 1,5 м. Срез прошел почти по диагонали ямы, поэтому наиболее вероятная ширина ее 0,8 м. Глубина 0,35 м. На дне ямы скорченно на левом боку лежал скелет человека (рис.6, 1). Череп и кости рук отсутствовали. Лишь фрагмент нижней челюсти найден у самого среза. Вероятно, эти кости были выброшены при рытье котлована. Под костями голени обнаружены кости согнутых ног еще одного костяка, лежавшего на правом боку (рис.6, 1).

Инвентарь:

По рассказам школьников, в срезе котлована, в районе описываемого погребения, они обнаружили фрагменты двух сосудов:

1. Небольшой сосудик баночной формы. Высота сосуда 9,5 см, диаметр венчика 9,4 см, дна – 5,2 см (рис.6, 3). Внешняя поверхность покрыта орнаментом в виде горизонтальных полос и заштрихованных треугольников, расположенных в три зоны. Первая зона расположена в верхней части сосуда, под самым венчиком. Она состоит из заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх, и горизонтальной линии в основании треугольников. Вторая зона расположена по центру тулова и состоит из двух рядов заштрихованных треугольников, заключенных между двумя горизонтальными линиями. Между собой их разделяет третья горизонтальная линия. Третья зона расположена у самого дна и состоит из заштрихованных треугольников, смотрящих вершинами вверх. Внешняя и внутренняя поверхности прокалены до кирпично-красного цвета. В изломе глина черная. В тесте заметна примесь шамота.

2. Лепной плоскодонный горшок. Высота сосуда 20 см, диаметр дна 11,5 см, горла – 20,8 см. Раздутое в верхней части тулово через уступ переходит в широкое горло с узким прямо срезанным венчиком (рис.6, 4). На внешней поверхности нанесен прорезной орнамент, расположенный двумя зонами. Первая зона расположена в верхней части горловины, у самого венчика. Она состоит из четырех прорезных линий (по две снизу и сверху), между которыми заключены заштрихованные треугольники. Вторая зона расположена в верхней части тулова. Она восстанавливается приблизительно. По середине уступа проходят две горизонтальные линии. Ниже них расположен зигзаг (?) из трех прорезных линий, к которому примыкает ряд меандров. Внешняя и внутренняя поверхности красновато-серого цвета. В изломе глина черная с примесью песка и талька.

3. Под позвончиком (рис.6, 1) обнаружен фрагмент тонкой бронзовой пластинки с тремя продавленными желобками, подчеркнутыми небрежно гравированными тонкими линиями (рис.6, 2).

Кольцо 28 располагалось в непосредственной близости от первого: северо-западная часть его примыкала к юго-восточной стороне первого. Размеры его: 2,0 x 2,4 м, ширина каменного слоя от 0,13 до 0,5 м. Состояло оно из плитняка разных размеров (от 15 до 50 см). Внутри кольца следов ямы не обнаружено.

Инвентарь:

1. В засыпи внутренней части кольца найдены фрагменты глиняного сосуда горшечной формы со скошенным наружу венчиком, хорошо вычленен-

ной шейкой и плоским дном (рис.7, 1). Орнамент расположен по шейке и верхней части тулова. Под венчиком – косо заштрихованные треугольники вершинами вверх, ниже – четыре неглубокие каннелюры, далее чередуются наклонные изогнутые и ровные широкие полосы с поперечной штриховкой. Внешняя и внутренняя поверхности черепка хорошо прокалены до желтовато-оранжевого цвета. Внутри глина черного цвета. Она довольно плотная, но лежит слоями. Хорошо просматривается примесь талька.

Местонахождение 29. В 26 м южнее кольца 28 среди отвала земли, вынутой из траншеи теплотрассы, обнаружены:

1. Фрагменты глиняного сосуда высотой 14,6 см, диаметром дна 10,7 см, венчика – 16 см. Широкое, слегка скошенное внутрь горло с узким прямо срезанным венчиком отделено от тулова небольшим уступчиком (рис.7, 2). Равномерно раздутое в верхней (на 2/3-их) части тулово переходит в плоское дно. На внешней поверхности сосуда нанесен орнамент, расположенный в три зоны. Первая зона – по горловине под самым венчиком расположены треугольники из ряда косых вдавлений (5 вдавлений образуют один треугольник), нанесенных методом протасенной гребенки. Вторая зона – на верхней части тулова по уступу идут три горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым штампом. Ниже – косо заштрихованные треугольники, нанесенные методом протасенной гребенки. Основание у них отсутствует. Третья зона – у дна ряд вертикальных вдавлений гладким штампом. Верхняя поверхность хорошо заглажена.

2. Фрагменты глиняного сосуда высотой 26,3 см, диаметром дна 13 см, венчика – 26 см. Сосуд имеет горшечную форму (рис.7, 4). Верхняя часть его украшена орнаментом, расположенным в две зоны. Первая зона – по верхней части горловины идут два ряда вдавленных треугольников, расположенных в шахматном порядке вершинами друг к другу. Нанесены они гладким штампом. Снизу и сверху их обрамляют по две горизонтальных линии, сделанные гребенчатым штампом. Вторая зона расположена по верхней части тулова. Она состоит из трех горизонтальных линий, нанесенных гребенчатым штампом, ниже которых идут три ряда косо заштрихованных и чистых ромбов, расположенных в шахматном порядке. Внешняя поверхность сосуда хорошо заглажена.

3. Фрагмент тонкой бронзовой пластинки (рис.7, 3).

* * *

Описанные погребальные комплексы неоднородны как в культурном отношении, так и с точки зрения определения их хронологической позиции. Более ранними и, вероятно, синхронны-

ми друг другу являются погребения из Новоорского I могильника и могильника «Четыре мара». Следует отметить ряд архаичных черт в обряде, наследующих традиции синташтинской культуры. В планиграфии это выражается в соблюдении стандарта размещения одной, либо двух ям с престижным набором инвентаря, в центральной части подкурганной площадки, что характерно для поздних синташтинских комплексов и целой свиты постсинташтинских культурных образований в Урало-Казахстанском регионе. На правомерность подобных сопоставлений недвусмысленно указывают конструктивные детали могил: низко опущенные заплечики («Четыре мара», к.11), оформление погребальной камеры в виде трехвенцового сруба и мощного деревянного накатника в придонной части ямы (Новоорский I, 11/7), на котором располагался жертвенник в виде черепов и костей конечностей лошади, что также сопоставимо со стереотипами синташтинской погребальной обрядности. Не противоречат приведенным выше наблюдениям характер ингумации и традиция совершения парных захоронений, зафиксированные в рассматриваемых памятниках.

Достаточно надежными хронологическими реперами являются металлические предметы, обнаруженные в погребениях указанных некрополей. В целом, наследуя основные каноны синташтинских металлургических традиций, они представляют собой следующий этап эволюции отдельных типов изделий, при сохранении их стандартной номенклатуры. Особенно показательны в этом плане ножи и гарнитур украшений. Так нож с намечающимся перекрестием из погребения Четыре мара 11/1 (рис.3. 8) имеет уже более широкий черешок, навершие которого лишь слегка приострено, в отличие от синташтинских ножей, обычно с узким черешком и змеевидной (ромбической) головкой. Два других ножа из этого могильника отличаются очень большой шириной черешка, причем весьма незначительных продольных размеров (рис.3, 7; 4, 9), что сближает их с сейминскими, у которых черешок и вовсе отсутствует, хотя в данном случае можно говорить только о принципиальном сходстве. Более поздними представляются и детали украшений. Особенно отчетливо это демонстрируют браслеты из погребения Четыре мара 11/2 и подвеска из могилы Новоорский I 11/7 (рис.2, 3; 4, 3, 4). Они относятся к категории узкожелобчатых, пришедших на смену массивным широкожелобчатым украшениям синташтинского времени. Кроме того, подвеска из новоорского погребения имела овальную в плане форму, занимая промежуточное положение между округлыми желобчатыми подвесками в полтора оборота, распространенными на рубеже эпох ранней и средней

бронзы, и более поздними подвесками вытянутых пропорций (восьмеркообразными), типичными для алакульских и срубных памятников развитого этапа.

Таким образом, описанные курганы из могильников Новоорский I и «Четыре мара» следует отнести к начальному этапу позднего бронзового века. Для уточнения места рассматриваемых погребальных комплексов в рамках данного хронологического горизонта, а также выяснения их культурной атрибуции, важное значение имеет керамика.

Глиняная посуда из могильника «Четыре мара» достаточно надежно может быть идентифицирована с кожумбердынской. Это обстоятельство хорошо согласуется с другими системными компонентами погребальной обрядности, в том числе с достаточно специфическими этнографическими показателями, какими, например, являются украшения. Детали наконечника (рис.4, 5-7), являются типичными категориями находок в алакульских памятниках и, несомненно, восходят к синташтинским ювелирным традициям (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998). Это справедливо также и в отношении желобчатой височной подвески из Новоорского могильника (рис.2, 3). Любопытный сюжет намечается при сопоставлении миниатюрных сосудов с отверстиями, которые впервые получили распространение в абашевских памятниках и выступили в качестве весьма устойчивой категории находок в ряде культур, унаследовавших абашевские традиции гончарного производства (синташтинская, покровская). Причем помимо традиционного остросереберного горшочка (рис.3, 6), уже не имевшего характерного для более ранних образцов внутреннего ребра на отгибе венчика, в коллекции присутствует сосудик, воспроизводящий в миниатюре наиболее статистически массовый тип кожумбердынской посуды (рис.4, 11). В

плане синхронизации важное значение имеет тот факт, что кожумбердынская керамика была обнаружена в могильнике Близнецы в степном Приуралье в комплексе с копьем псевдосейминского типа с литой втулкой (Федорова-Давыдова Э.А., 1960).

Несколько иначе обстоит дело с керамической коллекцией из Новоорского могильника. Наряду с характерным горшком с уступчатым плечом (рис.2, 2) в ней присутствуют остросереберные сосуды с трехчастным профилем, а также горшок, напоминающий покровские (рис.2, 1, 6, 7). Подобная посуда более характерна для памятников солылецкого типа степного Приуралья (Ветлянка IV, Восточно-Курайли I и др.), испытывавших срубное воздействие (Горбунов В.С., 1992; Кузьмина Е.Е., 1994; Ткачев В.В., 1998). Встречена близкая керамика и в Южном Зауралье, в поздних погребениях Большекараганского могильника, в которых раннесрубная атрибутика тоже представлена достаточно выпукло на фоне петровских традиций (Боталов С.Г. и др., 1996).

И, наконец, «классический» этап памятников кожумбердынского типа представляют публикуемые материалы из Новокумакского могильника.

Таким образом, немногочисленная, но достаточно информативная серия погребальных комплексов, полученная в результате исследований, проводившихся археологической экспедицией Орского краеведческого музея в Восточном Оренбуржье, в определенной мере, позволяет проследить динамику культурного развития в регионе в эпоху поздней бронзы, наметить основные направления культурных контактов. Будущие исследования позволят более детально рассмотреть перечень вопросов, поставленных в настоящей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов С.В., 1999. Древнейшие курганные культуры Степного Приуралья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Горбунов В.С., 1992. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Зданович Г.Б., 1997. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА, № 2.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация "Страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Часть 5, книга 1). Челябинск.

- Кузьмина Е.Е.*, 1963. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятник каменного и бронзового веков Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.*, 1991. Древняя культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА, № 2.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.*, 1994. Памятники древней культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Мошкова М.Г.*, 1958. Отчет о работе Оренбургского археологического отряда летом 1958 года. Орск. Архив, 441.
- Мошкова М.Г.*, 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г.Орска // МИА, № 115. М.
- Мошкова М.Г.*, 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г.Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА, № 153. М.
- Сальников К.В.*, 1967. Очерки древней истории южного Урала. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1974. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции 1974 года. Фонды ОКМ.
- Смирнов К.Ф.*, 1978. Орские курганы ранних кочевников // Ранние кочевники Южного Приуралья. Уфа.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Сорокин В.С.*, 1966. Андроновская культура. Памятники Западных областей. САИ. Вып. В 3-2. М-Л.
- Ткачев В.В.*, 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н.*, 1998. Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск.
- Федорова-Давыдова Э.А.*, 1960. Андроновское погребение XV-XIII в. до н. э. // ТГИМ. Т. XXXVII. М.
- Федорова-Давыдова Э.А.*, 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ, Т. II.
- Федорова-Давыдова Э.А.*, 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

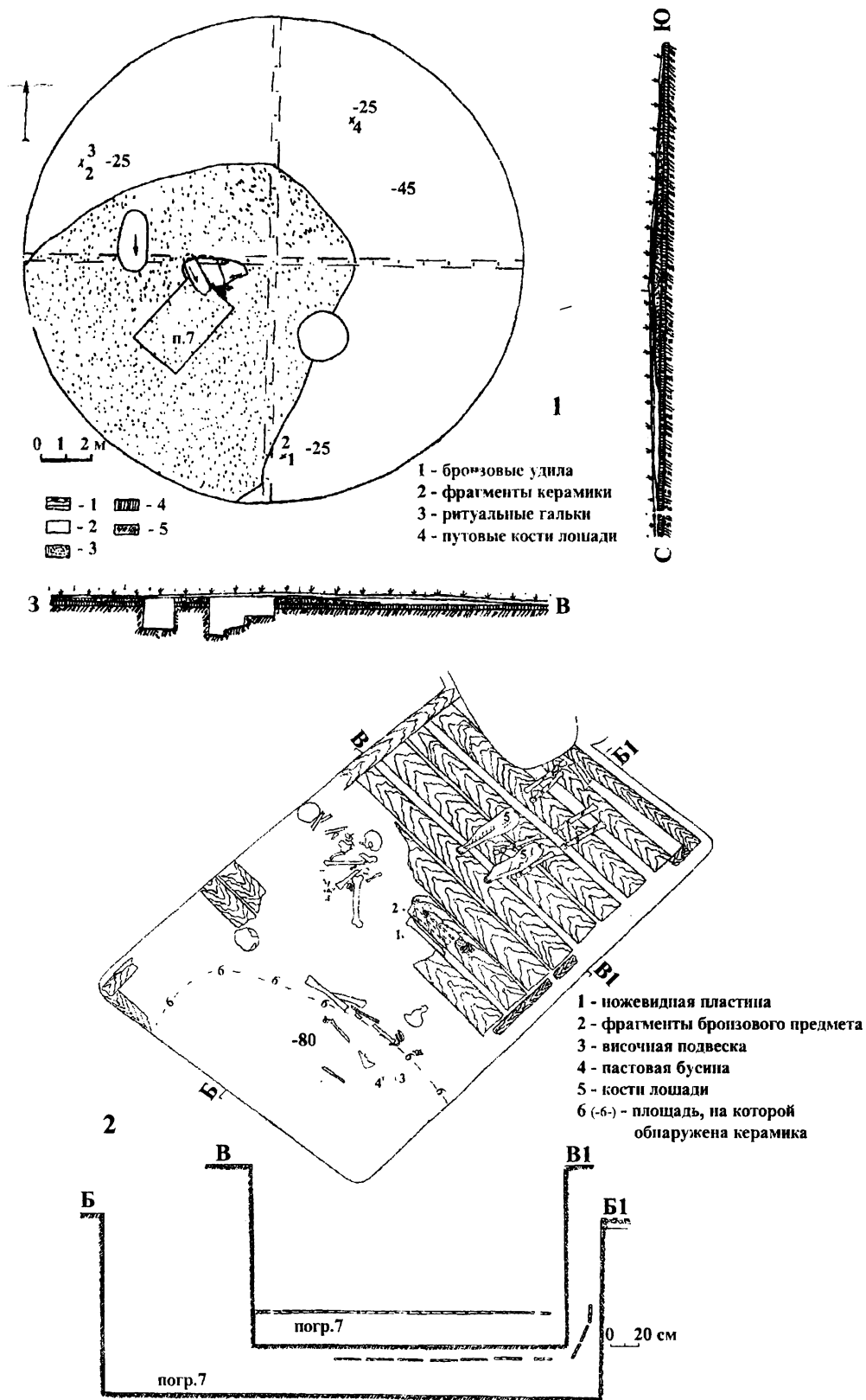

Рис.1. Новоорский I могильник, курган 11. 1 – план и профили бровок кургана: 1 – дерновый слой, 2 – насыпь, 3 – могильный выброс, 4 – погребенная почва, 5 – материк; 2 – план и разрезы погребения 7.

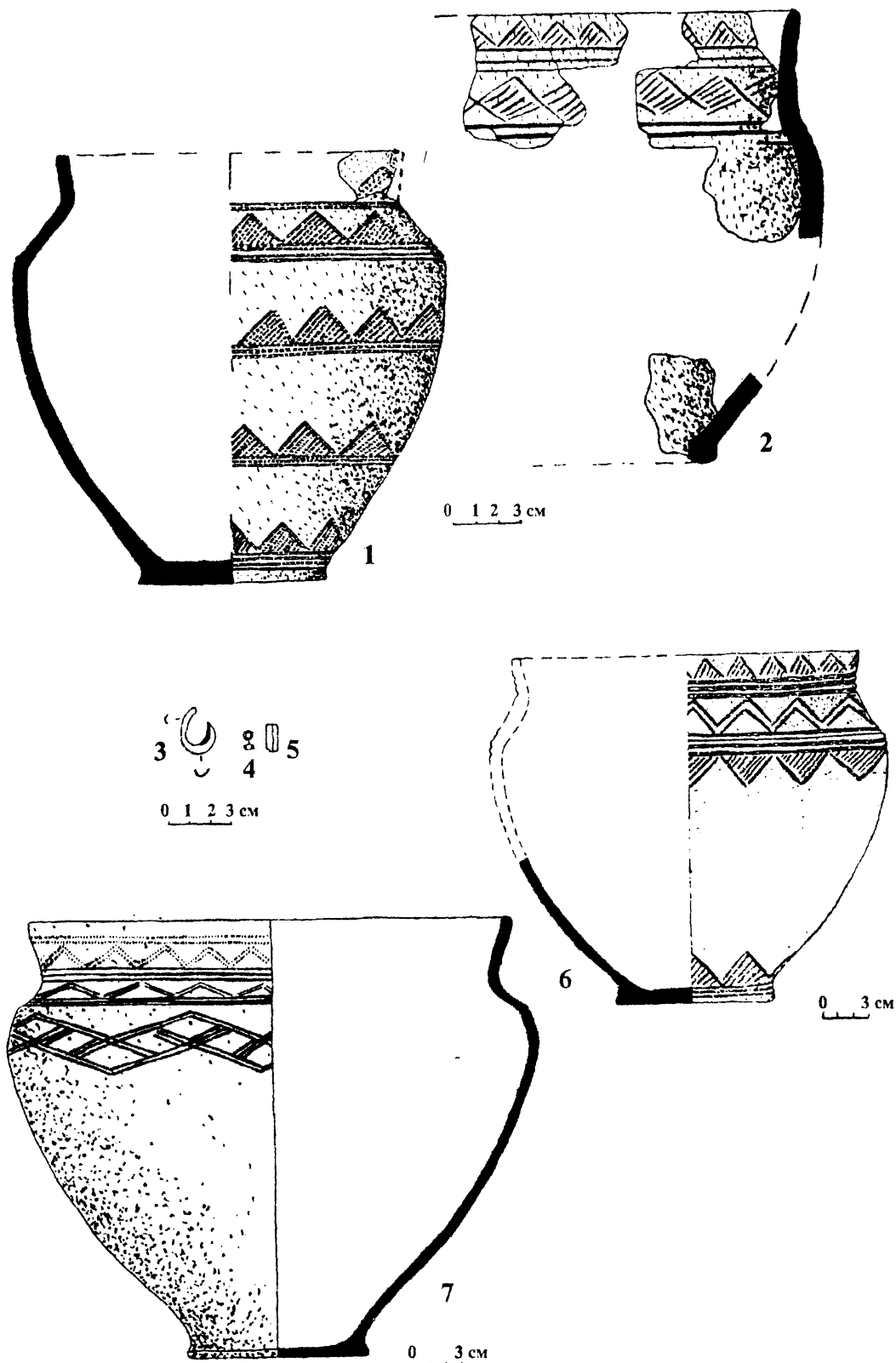

Рис.2. Новоорский I могильник, курган 11. Инвентарь из погребения 7: 1, 2, 6, 7 -- глина; 3 -- бронза; 4 -- глина; 5 -- кремнь.

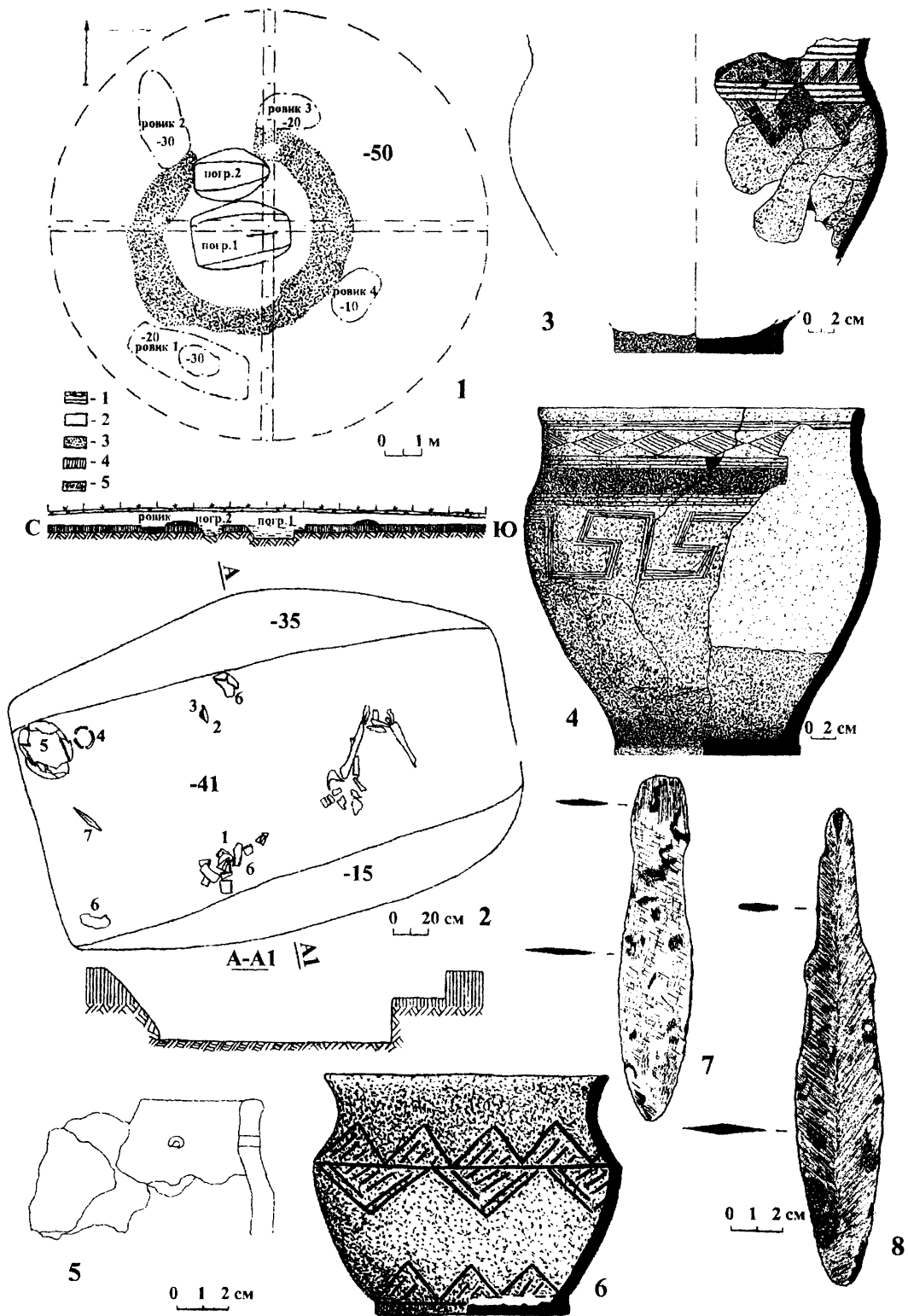

Рис.3. Могильник «Четыре мара», курган II. 1 – план и профили бровок кургана: 1 – дерновый слой, 2 – насыпь, 3 – могильный выброс, 4 – погребенная почва, 5 – материк; 2 – план и разрез погребения 1; 3-8 – инвентарь из погребения 1: 3, 4, 5, 6 – глина, 7, 8 – бронза.

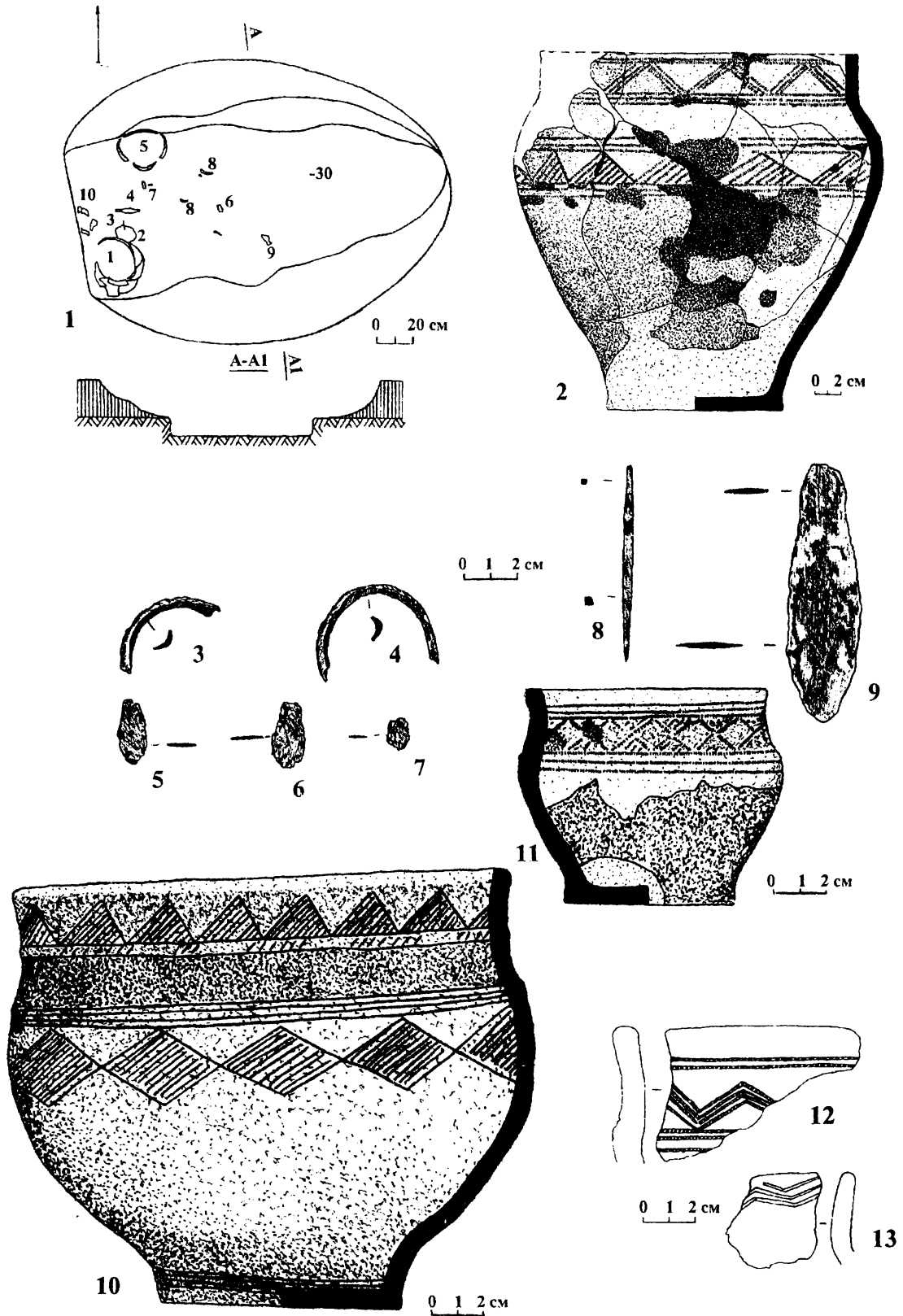
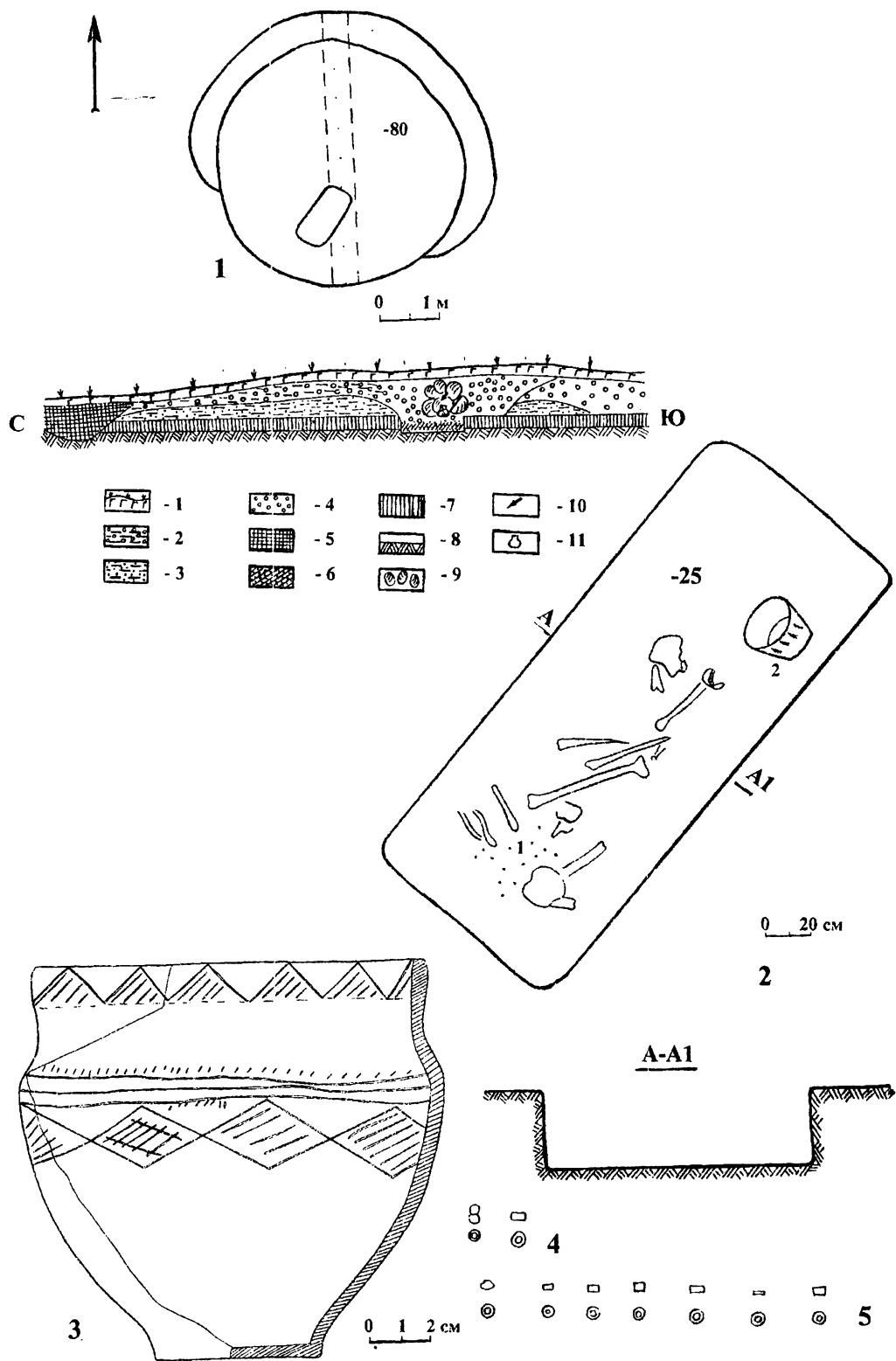

Рис.4. Могильник «Четыре мара». 1 – курган 11, план и разрез погребения 2; 2-13 – курган 11, инвентарь из погребения 2: 2, 10, 11 – глина, 3-9 – бронза; 12, 13 – курган 7, керамика.

5. Новокумакский могильник, курган 1 (северо-западная группа). 1 – план и профиль кургана: 1 – гумус, 2 – серая супесь с галькой, 3 – серая супесь, 4 – светло-желтая супесь с галькой, 5 – заполнение ровика, 6 – заполнение могильной ямы, 7 – погребенная почва, 8 – материк (белая супесь), 9 – «балбалы», 10 – каменный наконечник, 11 – глиняный сосуд; 2 – план и разрез погребения 2: 1 – бусы, 2 – глиняный сосуд; 3-5 – инвентарь из погребения 2: 3 – глина, 4 – бронза, 5 – паста.

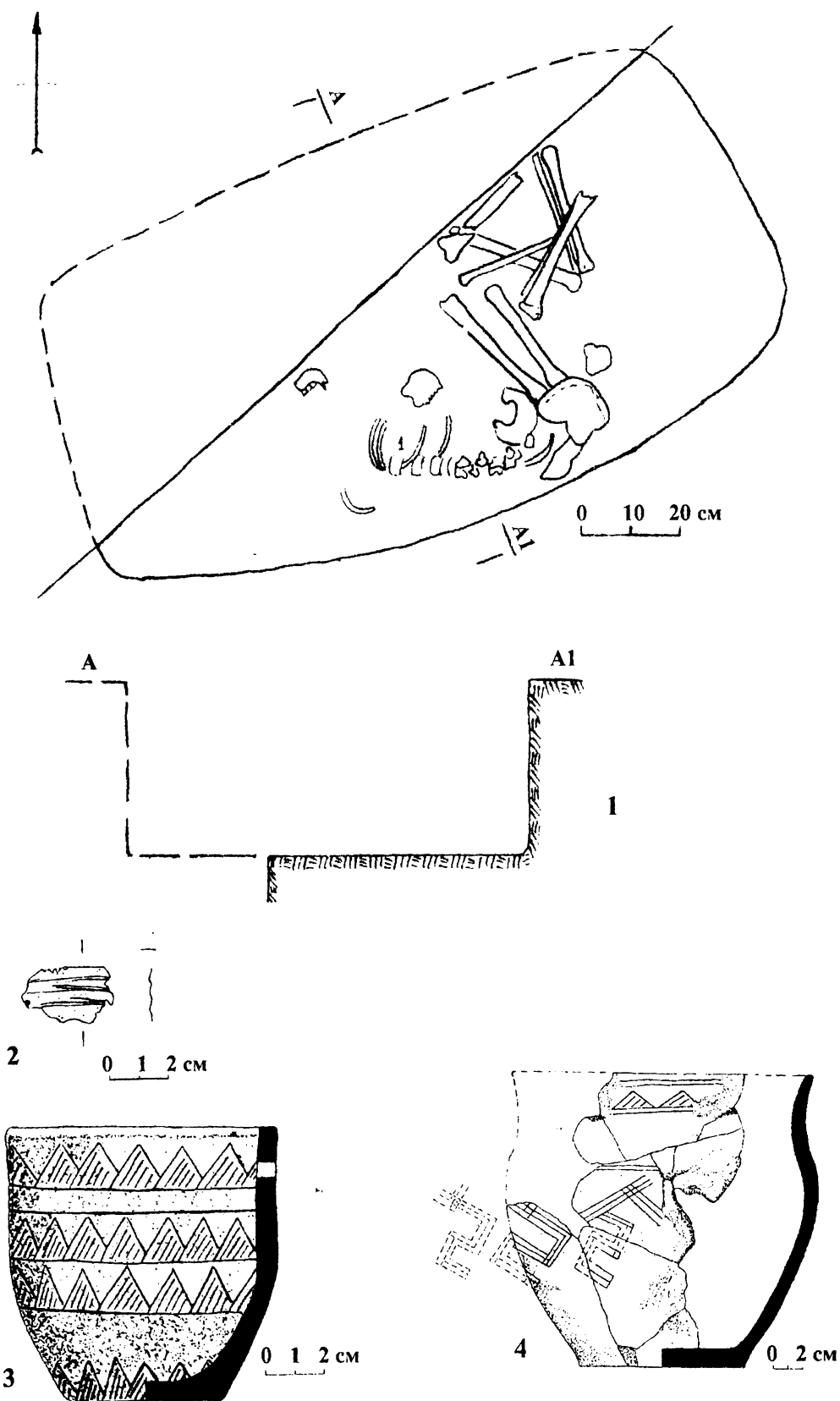

Рис.6. Новокумакский могильник, кольцо 27. 1 – план и разрез погребения; 2-4 – инвентарь из погребения: 2 – бронза, 3, 4 – глина.

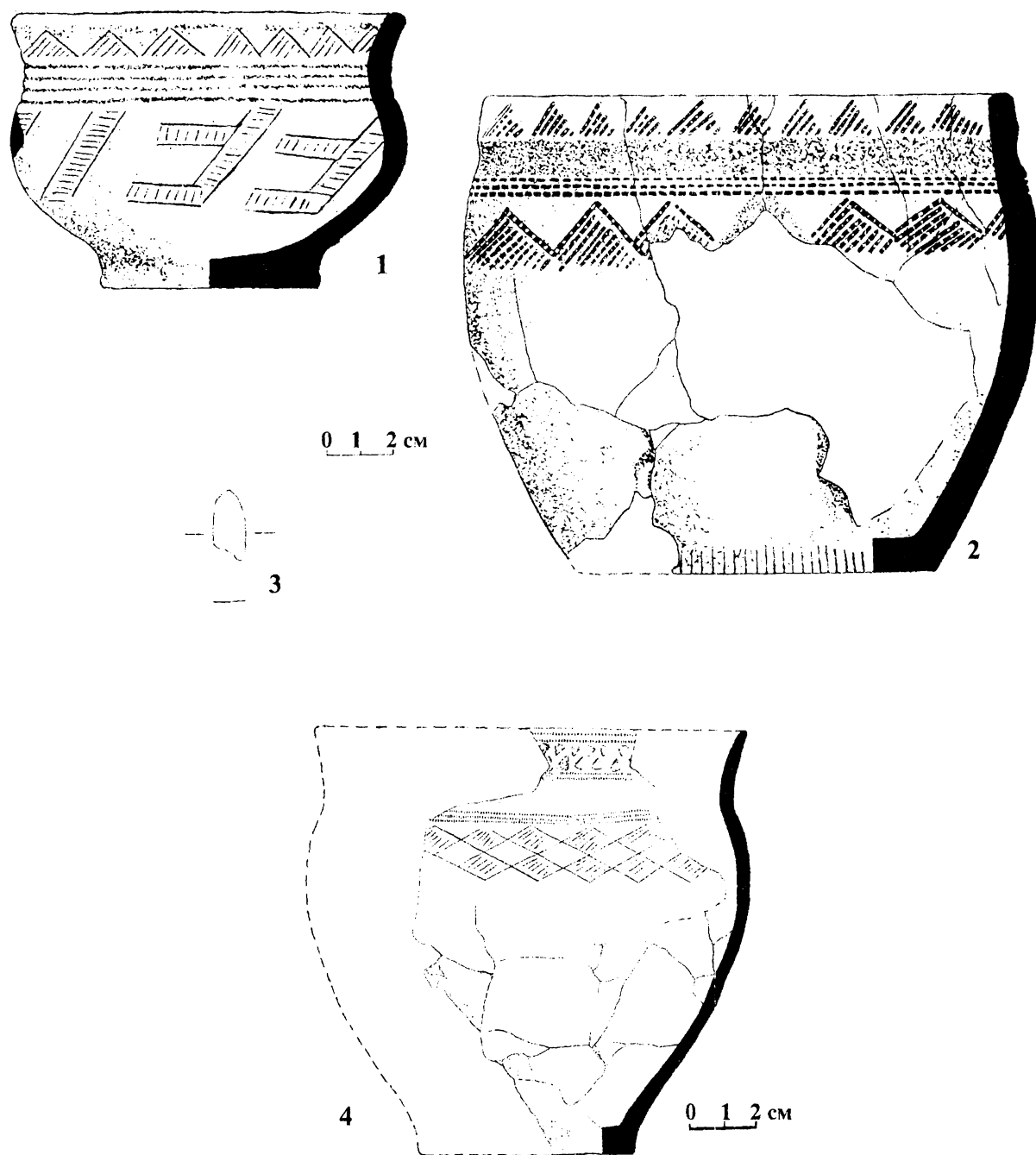

Рис.7. Новокумакский могильник. 1 – кольцо 28, глиняный сосуд; 2-4 – местонахождение 29: 2, 4 – глина, 3 – бронза.

РАСКОПКИ ХМЕЛЕВСКОГО И МАЛОКАЯЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

Целью данной работы является публикация еще не введенного в научный оборот материала позднего бронзового века с территории Восточного Оренбуржья.

В 1989 году Орская археологическая экспедиция проводила свои работы в Гайском районе Оренбургской области на предмет выявления и исследования разрушающихся памятников археологии. В процессе данной работы были произведены раскопки погребальных памятников на двух древних некрополях, расположенных в 12 км друг от друга.

Хмелевский могильник.

Группа находится на правом берегу реки Чебакла, в 2 км ЗЮЗ-ее села Хмелевка (центральная усадьба с/х "Губерлинский"). Могильник состоит из 23 видимых насыпей и расположен на краю первой надпойменной террасы, которая с северной стороны защищена руслом реки, а с южной - горными склонами Губерлинского хребта. Большая часть насыпей земляная с включением камня, диаметром от 5 до 30 м и высотой 0,1 - 1,7 м. Территория некрополя периодически расплывалась, поэтому часть насыпей, возможно, разрушена полностью. Вершины более крупных курганов уплощенные со следами грабительских воронок.

Экспедицией исследовано два наиболее поврежденных кургана, а также на северной окраине могильника, на пашне вскрыты небольшие площади, на поверхности которых зафиксированы бессистемные скопления камней (следов погребений не выявлено).

Курган 1. Диаметр - 11 м, высота - 0,33 м. Насыпь полностью земляная, на поверхности которой местами были видны отдельные камни (рис.1, 1). Курган неоднократно расплывался.

Под насыпью выявлено кольцо из камней различной величины, лежавших плашмя на уровне древнего горизонта (отдельные были углублены на 0,05 м¹). Диаметр кольца 3,7 м, ширина 0,55-2,1 м. Западная часть повреждена распашкой.

В центре выявлен ящик, разрушенный в результате ограбления. Многие камни потревожены и лишь некоторые, поставленные на ребро, углублены в погребенку на 0,15 м. Ящик размером 4,05x2,65 м по внешним границам был ориентиро-

ван по линии ЮЗ-СВ (рис.1, 1). Обряд погребения был совершен на древнем горизонте. Ложе имело прямоугольную форму размером 1,1 x 2,1 м, погребение разграблено.

В засыпи ящика, около южного края, на глубине 0,3 м обнаружено прокаленное пятно красно-оранжевого цвета размером 0,3 x 0,4 м. Также в засыпи найден обломок верхней челюсти взрослого человека и фрагмент керамики, который являлся частью тулова большого сосуда с заглаженными поверхностями (рис.1, 2). На наружной стороне видны следы орнамента, нанесенного гребенчатым штампом, в виде широкой горизонтальной ленты. Затем - незавершенный равнобедренный треугольник, расположенный вершиной вниз и заштрихованный справа - налево. Ниже - элементы меандровидного узора. В глине примесь органики и песка.

Курган 8. Диаметр - 6,5 м, высота - 0,28 м. Видимая насыпь также земляная, с выступавшими на поверхность камнями и периодически распаханная. Наиболее пострадала южная часть кургана (рис.1, 3).

Под насыпью выявлено кольцо из камней, лежавших плашмя на уровне древнего горизонта и вкопанных в предматериковый грунт на 0,05 м. Диаметр кольца 7 м, ширина 0,5- 1 м. Его западная часть была лучше заметна на поверхности.

В центре располагался каменный ящик, который в последствии был разрушен грабежом и распашкой. По отдельным камням, сохранившимся в первоначальном положении (были вкопаны в погребенку как плашмя, так и ребром на глубину до 0,05 м), удалось определить СВ -ЮЗ ориентировку ящика (рис.1, 4). Следов могильной ямы не обнаружено. Ложе, видимо, также имело прямоугольную форму размером 1,4 x 0,65 м. На поверхности ложа были найдены разрозненные кости скелета взрослого человека и остатки инвентаря. По расположению костей можно сказать, что погребенный лежал головой на ЮЗ. Сопровождающий инвентарь состоял из:

- восьми бронзовых кольцевидных бус, семь из которых битрапечиевидные и одна прямоугольная в сечении (рис.1, 6);

- крупного плоскодонного сосуда 1 горшечной формы с округлым плечиком (рис.1, 7). Высота сосуда - 24,7 см, диаметр венчика - 28 см,

¹ - Все глубины даны от уровня погребенной почвы.

тулова – 34 см, днища - 14,4 см. Сосуд украшен по горлу двумя широкими горизонтальными поясками, выполненными гребенчатым штампом, между которыми располагался зигзаг из трех-четырех резных линий. На переходе плечика в тулово - горизонтальный пояс, а по тулову - рисунок в виде ряда повторяющихся меандровидных фигур. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. Поверхность залощена, в глине толченый слоистый минерал белого цвета;

- трех фрагментов от сосуда 2 с залощенной поверхностью. Один фрагмент являлся частью горла с плавно профилированным плечиком (рис.1, 5). Орнамент нанесен гребенчатым штампом: по горлу - в виде двух горизонтальных поясков, между которыми тоже проходил зигзаг из трех параллельных линий, на переходе плеча в тулово - горизонтальный пояс. На остальных двух фрагментах тулова орнамент в виде параллельных прорезных линий (рис.1, 5). Глина комковатая, но плотная с примесью шамота, толченой раковины и органических частиц.

Малокайлинский могильник.

Этот памятник расположен на возвышенном плато, в 1 км западнее правобережья реки Малая Каяла и в 11 км восточнее села Хмелевка. Группа плохо заметна на местности и состояла из 14 надмогильных сооружений диаметром 2 – 7 м, высотой 0,2 - 0,5 м в виде каменных оград, площадок и земляных насыпей с камнем. Самый большой курган расположен севернее основной группы и имеет вокруг насыпи ровик шириной до 1 м.

Нами исследованы две ограды, площадка и один земляной курган с кольцевой оградой, разрушаемых проселочной дорогой.

Площадка 1. Диаметр - 3,6 м, высота до 0,09 м. Сооружена из плит, положенных плашмя. В центре прямоугольная могильная яма с округлыми углами размером 0,95 х 0,8 м и глубиной 0,35 м, ориентированная по линии С-Ю (рис.2, 1). Следов погребения не обнаружено, лишь в засыпи ямы найден обломок трубчатой кости.

Ограда 2. Диаметр – 4 м, высота до 0,19 м, ширина ограды - 0,55 - 1,25 м. Сооружена из камней, лежащих плашмя на погребенке (рис.2, 2). Внутри кольца, в южной половине - асимметричная овальная яма размером 1,17 х 1,8 м, ориентированная по линии З-В (рис.2, 2). Могила разграблена в древности.

На дне ямы разрозненные кости скелета взрослого человека, по расположению которых можно предположить, что погребенный лежал головой на запад (рис.2, 3).

Среди костей находился следующий инвентарь:

- бронзовый овальный браслет с разомкнутыми концами, треугольный в сечении (рис.2, 6);

- бронзовая проколка, квадратная в сечении 0,3 х 0,3 см, длиной 3,9 см. Черешок обломан (рис.2, 5);

- плоскодонный вазообразный сосуд 1 с уступчиком на плече (рис.2, 7). Высота - 14,2 см, диаметр венчика - 17,2 см, тулова – 18 см, дна - 8,2 см. Орнамент нанесен гребенчатым штампом: по горлу - в виде двух горизонтальных поясков, между которыми заключены заштрихованные справа - налево косые и прямоугольные треугольники, по тулову - горизонтальный пояс с примыкающим к нему сложным меандровидным узором. Поверхность залощена, в составе глины песок;

- плоскодонный сосуд 2 горшечно-баночной формы с чуть заметным вычленением плечика и дна (рис.2, 8). Высота - 22,3 см, диаметр венчика – 22 см, тулова - 23,2 см, дна - 13,4 см. По горлу кончиками пальцев нанесен орнамент в виде равнобедренных заполненных треугольников, опущенных вершинами вниз. Поверхность обновлена тонким слоем глины и хорошо заглажена, в глине крупные частицы талька;

- раковина «*rektunkulus aralensis roman*» с отверстием в замковой части (рис.2, 4), диаметр до 3,6 см;

- бронзовый фрагмент круглый в сечении, возможно, от второго браслета.

Ограда 4. Сооружена из крупных камней, уложенных плашмя на уровне древнего горизонта, образующих в плане квадрат неправильных очертаний, ориентированный углами по сторонам света (рис.3, 2). Ее размеры – 4,38 х 4,78 м, ширина - 0,25 - 1,1 м. Во внутреннем контуре выявлена почти квадратная могильная яма (2,42 х 2,41 м) с той же ориентацией (рис.3, 1). Ее глубина - 0,45 м. Погребение разрушено в древности.

Среди камней ограды найдены фрагменты сосуда 1 баночной формы со слегка скошенным вовнутрь горлом и вычлененным дном (рис.3, 4). Высота - 24,8 см, диаметр венчика - 20,7 см, тулова - 23,6 см, дна - 15,8 см. Орнамент прочерченный: по горловине - в виде наклонных справа - налево линий, затем две горизонтальные каннелюры (нижняя образует уступчик на плече), ниже, по верхней части тулова - крупная горизонтальная слочка, идущая справа - налево. Поверхность сосуда обновлялась, в глине примесь кварцевого минерала и талька.

На дне ямы обнаружены потревоженные кости скелета и раздавленный череп молодого человека, лежавший на правом виске. Среди костей найдены два фрагмента древесного угля. Инвентарь состоял из:

- крупного плоскодонного горшковидного сосуда с выраженным уступчиком (рис.3, 3). Высота - до 21,2 см, диаметр венчика - 23,7 см, тулова - 25,6 см, дна - 12,8 см. Сосуд украшен по горлу завершенными тупоугольными треугольниками, заштрихованными справа - налево (выполнены резной техникой) и заключенными между двумя горизонтальными лентами (выполнены гребенчатым штампом). Ниже уступчика, по плечу - горизонтальная лента, которой своими вершинами касается упрощенный вариант меандра, нанесенный по тулову гребенчатым штампом. Поверхность хорошо заглажена, в глине большое количество частиц талька.

Курган 6. Представлял собой невысокую (до 0,18 м) земляную насыпь диаметром 6 м, с выступавшими из нее камнями (рис.4, 1). Под насыпью оказалось кольцо (диаметр 4,2-5,25 м, ширина 0,75-1,25 м) из камней, лежавших плашмя на погребенной почве. В центре - прямоугольная яма с округлыми углами размером 0,88 x 1,55 м и глубиной 0,65 м, ориентированная по линии ССВ - ЮЮЗ. На уровне погребенки края ямы оконтурены камнями, лежавшими плашмя (рис.4, 1).

На дне ямы обнаружен скелет взрослого человека, лежавший скорченно на левом боку, головой на ЮЮЗ. Часть костей повреждена грызунами.

Слева от погребенного, в головах, стоял крупный плоскодонный сосуд горшечной формы с округлым плечиком (рис.4, 3). Высота - до 23,8 см, диаметр венчика - 22,9 см, дна - 13 см, тулова - до 25,3 см. Горшок украшен по горлу линией заштрихованных справа - налево прямоугольных и тупоугольных треугольников (выполнены гладким штампом), заключенных между двумя горизонтальными лентами (выполнены гребенчатым и гладким штампом). Ниже по плечу - горизонтальная лента (гребенчатый штамп), а затем по тулову сложный меандровидный узор. (гребенчатый и гладкий штампы), вершинами касающийся верхней ленты. Поверхность заложена. Глина неоднородна, с включением крупных частиц талька, песка и дресвы, возле таза найдена нижняя часть створки раковины «*rektunkulus aralensis roman*» (рис.4, 4), а в ССЗ-ой части ямы - два небольших фрагмента дерева без следов обработки.

Характеризуя конструктивные особенности раскопанных памятников, хотелось бы акцентировать внимание на том, что визуально структура надмогильных сооружений Хмелевского могильника практически идентична - каменные ограды с земляной насыпью внутри. Хотя окончательный ответ может дать только полное, целенаправленное его изучение. Малокаядлинский же могильник включает в себя сочетание различных типов

погребальных сооружений - каменные площадки, округлые и подквадратные каменные ограды, земляные насыпи с каменным кольцом по основанию. Однако эта варибельность никак не отражается в хронологическом плане на погребальном обряде и инвентаре.

Еще одной отличительной чертой является тип погребальных усыпальниц. В Хмелевском - каменные ящики без углубления в материк, в Малокаядлинском - могильные ямы. Разнообразна и их ориентировка: если в первом случае - это линия СВ - ЮЗ, то во втором она самая разнообразная.

Исходя из письменных сведений в Ригведе, мы фиксируем существование у индоиранцев обычая, возведения земляной насыпи или каменной ограды над могилой (Ригведа, X). В нашем случае прослеживается сочетание обоих надмогильных конструкций, а каменные ящики выполняли двойную функцию - своего рода дома мертвых и изоляция тела умершего, дабы не осквернить «святую» землю (Кузьмина Е.Е., 1986).

Полная или частичная разрушенность могил не дает возможности четко проследить позу и ориентировку погребенных. Исключением является курган 6 Малокаядлинского некрополя, где погребенный лежал в позе адорации на левом боку головой на ЮЗ. Не противоречит этой ориентировке и предположительная реконструкция по костным останкам в кургане 8 Хмелевского могильника. В западный сектор головой, вероятно, были уложены покойные из оград 2 и 4 Малокаядлинской группы.

Во всех случаях прослеживается ингумационный способ захоронения. Наличие прокаленного пятна в могиле кургана 1 в Хмелевке трудно связать с кремацией покойного, так как она ограблена, а сохранившиеся костные останки не несли на себе следов воздействия огня. Можно предположить, что данный прокол связан с одним из многочисленных ритуалов, широко распространенных в среде индоиранских племен (Ригведа, X; Бойс М., 1994 и др.).

Безусловно, данные надмогильные конструкции, способ погребения, поза (скорченно на левом боку) и ориентировка покойных (головой на ЮЗ) в Хмелевских и Малокаядлинских курганах аналогичны алакульским памятникам Восточного Оренбуржья и сопредельных территорий.

Соответствует этой хронологической группе и найденная посуда. Всего обнаружено 4 целых, 2 развала и 4 фрагмента от 2 горшков. Морфологически они делятся на несколько типов: горшечный, вазобразный, горшечно-баночный и баночный. Три последних встречены только в Малокаядлинском некрополе. Главнотипологические горшковидные сосуды крупных размеров

найжены в погребениях с земляной насыпью и каменной оградой по основанию (Малокаляинский, с.б; Хмелевский, к.1(?) и к.8). Посуда с уступчиком на плече характерна для погребений Малокаляинского могильника, причем на банке из ограды роль уступчика выполняет широкая каннелюра. Техника нанесения узоров разнообразна: средняя и мелкозубчатая гребенка, резные линии и пальцевые вдавления. Орнаментальные композиции сосредоточены в двух зонах: в верхней части сосуда по горлу, и по плечикам, вкупе со средней частью гулова, разграниченные пустым пространством. Мотивы декора и сочетания раппортов самые разнообразные.

В качестве отощителя глиняной массы использовались песок, крупнодробленый кварц, слоистый белый минерал, органика, дресва, раковина и тальковая крошка, которая, кстати, зафиксирована только в тесте Малокаляинских сосудов и является отличительной чертой уральской кера-

мики (Кузьмина Е.Е., 1994). Вся выявленная керамика близка сосудам кожумбердинского типа (Кривцова-Гракова О.А., 1948; Федорова-Давыдова Э.А., 1973; Кузьмина Е.Е., 1994; Матвеев А.В., 1998).

Широко были распространены в алакульское время подвески из раковин, бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, а также бронзовые бусы и шилья, подобные найденным в наших комплексах.

Проведенный обзор вышеперечисленных артефактов, позволяет атрибутировать оба памятника как алакульские. Прослеженные же различия в обряде и инвентаре, такие как подпрямоугольная ограда, плавнопрофилированная посуда с использованием мелкозубчатого штампа в ее орнаментации и др., характерны для памятников кожумбердинского типа, относящихся в то же время к алакульской линии развития (Кузьмина Е.Е., 1994).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бойс М., 1994. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.
Кривцова-Гракова О.А., 1948. Кожумбердынский могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М.
Кузьмина Е.Е., 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.
Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.
Ригведа., 1972. Избранные гимны. М
Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

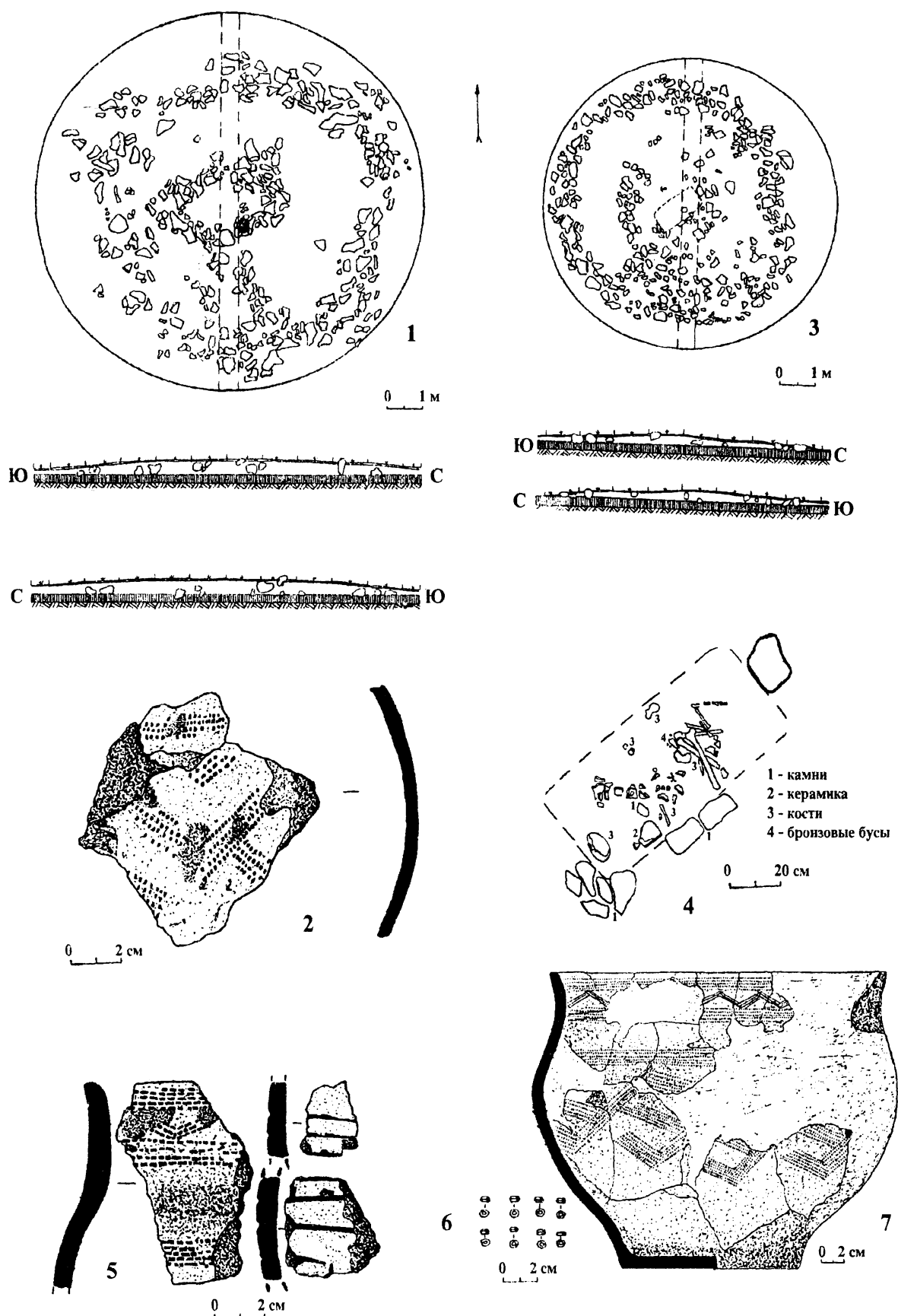

Рис.1. Хмелевский могильник: 1, 2 -- курган 1; 3-7 – курган 8.

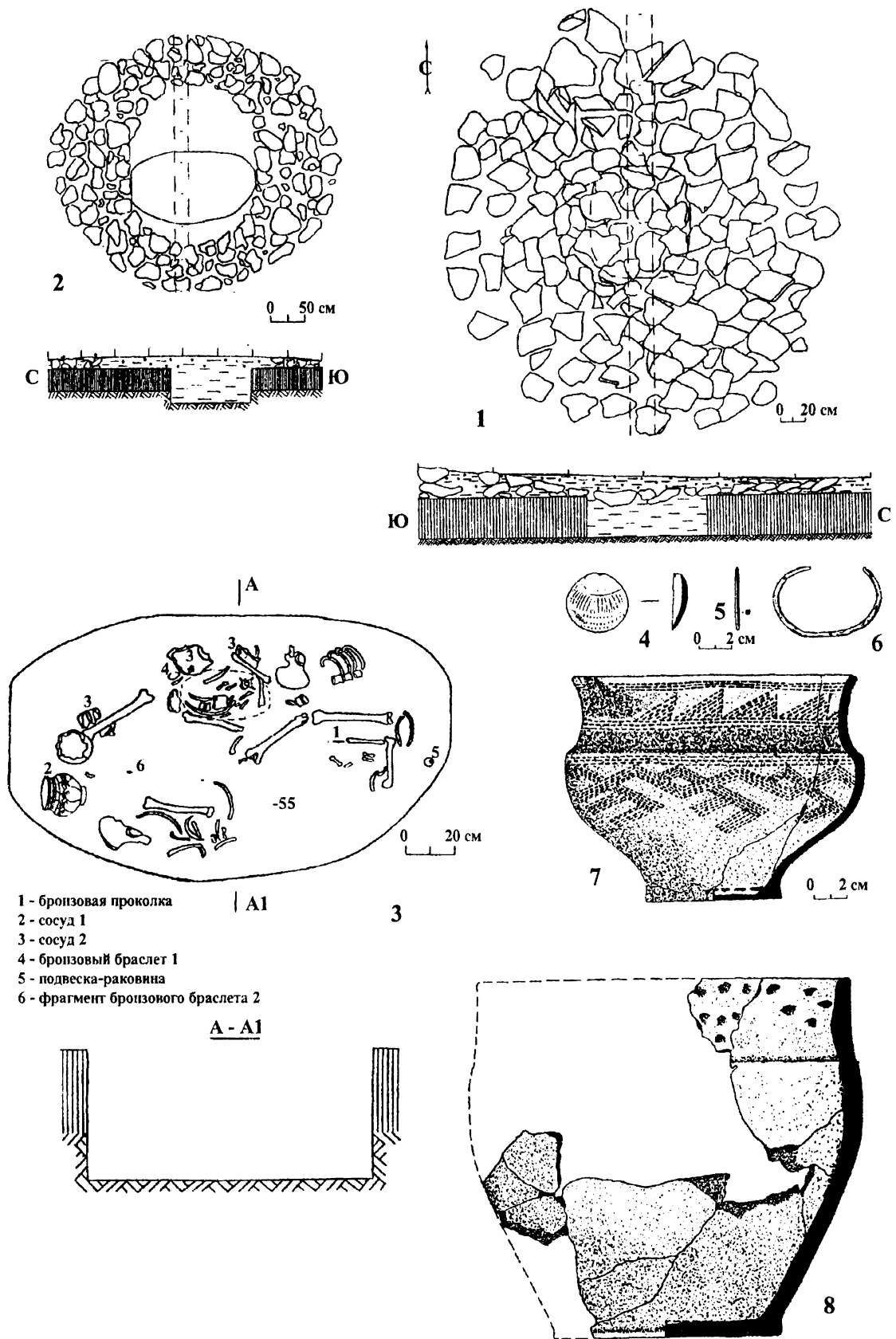

Рис.2. Малокайалинский могильник: 1 -- площадка 1; 2-8 – ограда 2.

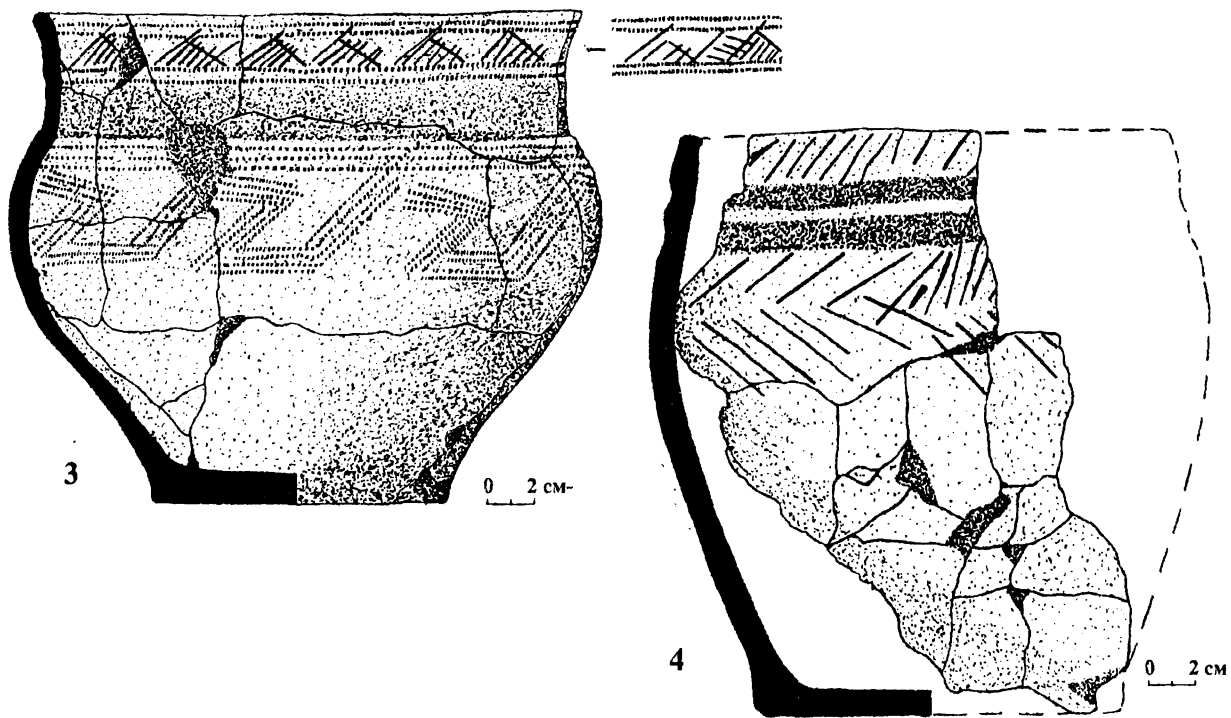
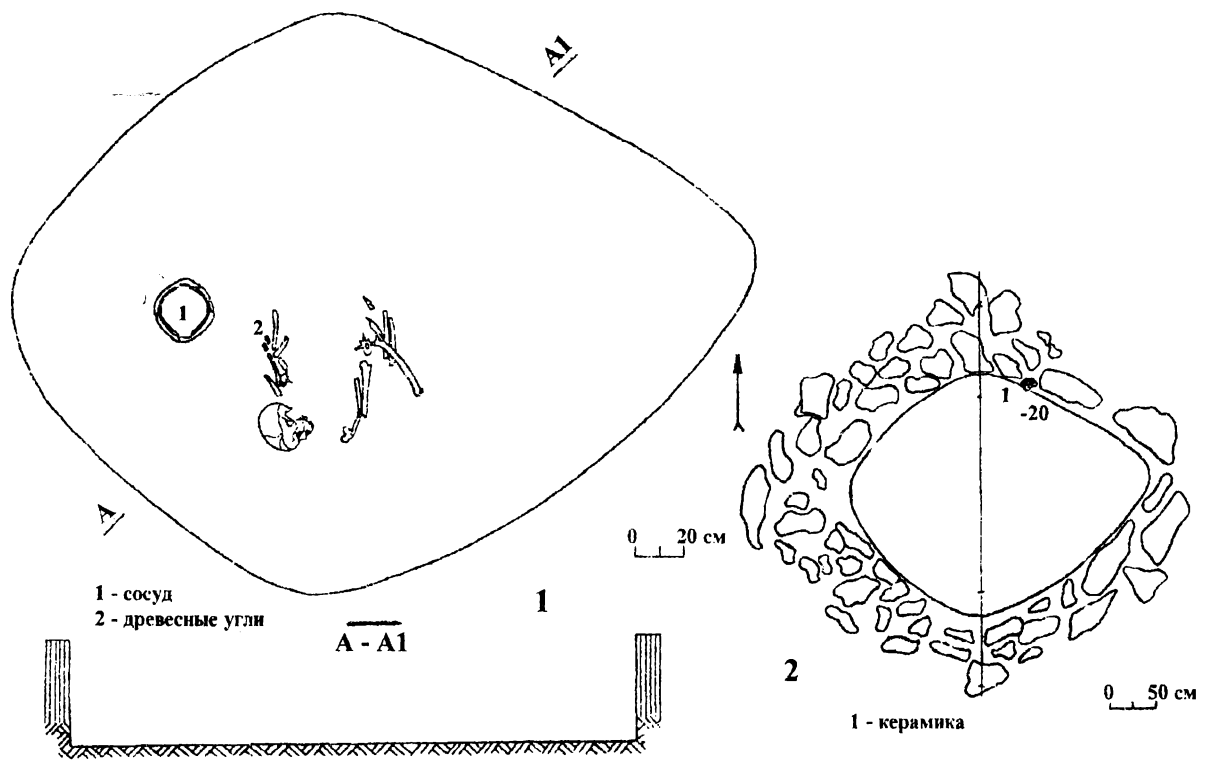
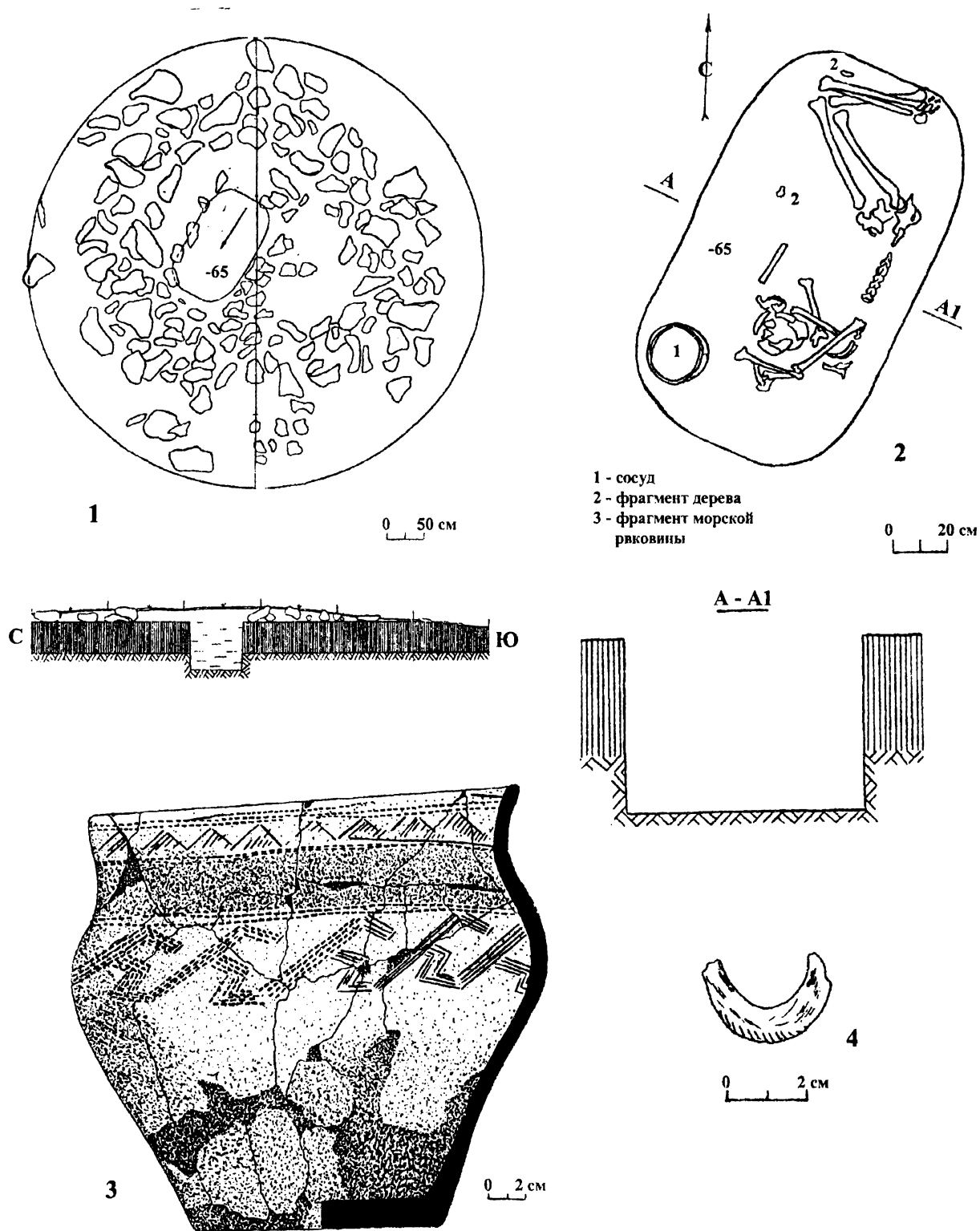

Рис.3. Малокаядлинский могильник: 1-4 – ограда 4.

ис.4. Малокаялинский могильник: 1-4 – курган 6.

КУРГАНЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С ПОЛУОСТРОВА МАНГЫШЛАК.

Бронзовый век Восточного Прикаспия, через территорию которого с глубокой древности осуществлялись связи между населением оазисов Среднеазиатского междуречья и юго-западной Туркмении, с одной стороны, Поволжья, Урала и Северного Казахстана, с другой стороны, до сих пор недостаточно изучен. Вместе с тем, значение археологических памятников этого контактного региона для решения ключевых вопросов формирования ряда культур эпохи бронзы Евразии очевидно. С этой точки зрения введение в научный оборот результатов последних исследований мангышлакских памятников, должно представлять несомненный интерес для специалистов, занимающихся этими проблемами.

В 1982 - 1993 гг. в районе г. Актау проводились исследования большого могильника, расположенного по краю невысокого понтического плато на северной городской окраине. Могильник состоит из нескольких курганных групп и отдельно стоящих курганов разных эпох. Его общая протяженность около 7 км. В 1982 г. Волго-Уральской экспедицией ИА АН СССР был исследован курган из юго-западной части могильника, стоявший на верхнесарматской террасе Каспия (в данной публикации обозначен, как курган 1). В 1989 - 1993 гг. Мангистауским отрядом Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА НАН Республики Казахстан были раскопаны еще три кургана, расположенные в средней части могильника. В этой же части могильника были обнаружены три менгира и жертвенная площадка, составляющие с курганами 3 и 4 единый погребально-поминальный комплекс. Курганы до начала работ представляли собой развалины наземных каменных конструкций, как правило, ограбленных еще в древности, и содержали мало датирующего материала. Поэтому, при их исследовании большое внимание (особенно на трех последних курганах) уделялось характеру расположения плит в развалах конструкций, проводилась их тщательная зачистка и последующая послойная разборка с фиксацией на планах каждого слоя развала, нивелировка отдельных плит и их скоплений. Все это в последующем позволило, несмотря на значительную разрушенность памятников, сделать обоснованные выводы относительно их конструктивных особенностей.

Курган 1¹ до начала работ представлял собой каменно-земляную насыпь диаметром 12 м, высотой 0,6 м. Ее восточная часть была нарушена земляными работами. При зачистке верхней части насыпи были найдены человеческие кости и развал лепного горшка (рис.1) от впускного погребения раннего железного века. Горшок имел тулово с четко выраженным уступом плеча; углощенный венчик, отогнутый наружу; плоское дно без закраины. Орнаментирован бессистемными расчесами. На горле два сквозных отверстия. Тесто черное с примесью шамота; обжиг неровный; цвет поверхности от черного до светло-коричневого. Сосуд имеет аналоги в савроматских керамических комплексах Устюрта VII - V вв. до н.э.

Полная расчистка кургана показала, что он представлял собой сложное сооружение из 2-х концентрических оград с погребальной камерой в центре (рис.1). Диаметры оград составляли 3 и 8 м. Внутренняя ограда сохранилась лучше. Она была сложена плитами размерами до 0,4 м в диаметре в технике тычка, т. е. торцевыми сторонами наружу. Вторая ограда была в худшем состоянии, сложена горизонтальной кладкой из средних и мелких плит известняка. В северо-западном секторе в пространстве между оградой располагался завал из блока плит длиной около 1,5 м. Возможно, это была какая-то разрушенная часть погребального сооружения (колонны, столпа) на данном этапе исследований, не поддающаяся реконструкции.

Захоронение было совершено на уровне древнего горизонта в погребальной камере, сложенной горизонтальной кладкой из плит известняка небольшого размера. Западная сторона камеры была ограничена цельной плитой трапециевидной формы с округлым верхом размерами 0,75 x 1,1 м. Камера имела подпрямоугольную форму, размеры ее составляли 1,2 x 1,45 м. Верхнего перекрытия не сохранилось. Камера ориентирована длинными сторонами по линии В-З. Погребение сохранилось плохо. Поза сильно скорченная, на правом боку, головой на восток. Погребального инвентаря из камеры не зафиксировано.

При зачистке камней развала конструкции и на уровне древней поверхности было найдено большое количество кремня и неолитической накольчатой керамики, вероятно, из разрушенного

¹ - Авторы благодарят начальника Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР полевого сезона 1982 г. Л.Л. Ганкина за любезное разрешение опубликовать материалы по кургану 1.

емляными работами еще в древности, неолитического культурного слоя.

Курган 2 был расположен в 2,5 км на северо-восток от кургана 1, в 500 м от края плато, имел насыпь диаметром 6 м и высотой 0,1 м. После расчистки был обнажен развал погребального сооружения, разборка которого показала, что в центре его располагалась ограбленная погребальная камера из 7 плит, врытых вертикально в древнюю поверхность на глубину 0,1-0,12 м (рис.2; для наглядности на планах курганов 2 - 4 показана разобранная их западная часть и контуром обозначены границы развала конструкции). Погребальная камера первоначально имела подовальную форму с округлой восточной стороной и западной стенкой из цельной плиты. Размеры камеры - 1x1,5 м, высота стенок - 0,4-0,65 м. Верхнего перекрытия не сохранилось. Захоронение, как и в кургане 1, было совершено в камере на уровне древнего горизонта. От погребенного сохранились лишь позвоночный столб и кости ног. Судя по их расположению, покойник был сильно скорчен, положен на правый бок, головой на восток. Рядом с остатками тазовых костей лежал маленький фрагмент лепной керамики.

Камеру окружала овальная кладка из массивных плит, уложенных горизонтально на древнюю поверхность. Размеры овала - 2,4 x 3,2 м, ширина кладки - 0,5-0,55 м. Разборка завалов камня между камерой и кладкой показала, что плиты здесь залегали под острым углом к кладке и представляли сползшую и развалившуюся часть ограды, поставленной первоначально на вышеописанную кладку из массивных плит. Судя по объему камня, ограда была невысокая - 0,6-0,7 м. Возможно, существовала еще одна ограда, о чем косвенно свидетельствуют массивные плиты на периферии развала конструкции, зафиксированные на одинаковом удалении от центра камеры, а также обнаруженные здесь же три небольшие плиты, врытые ребром в древнюю поверхность и удаленные друг от друга на расстояние 6,7 м, а от центра камеры - на 3,7 м. В плане они образуют равнобедренный треугольник, возможно, служивший для разметки второй ограды.

В юго-западном секторе за первой оградой на уровне древней поверхности отмечено очажное пятно диаметром 0,2 м и мощностью слоя 0,05 м, а также фрагменты лепного сосуда, от профиля которого сохранилась лишь часть дна. В пространстве между камерой и первой оградой при разборке были обнаружены фрагменты стенок и венчика гонкостенного сероглиняного станкового сосуда с трещинами. На всей площади раскопа найдено 3 изделия из кремня - 1 осколок, 2 пластины со второй обработкой.

На кургане были также обнаружены 4 плиты с поперечно проточенными по бокам и середине плит желобками. Местоположение плит было связано с кладкой первой ограды или ее развалами. Самая маленькая плита размерами 0,1 x 0,2 x 0,25 м лежала около камеры в юго-восточном секторе, самая большая размерами 0,15 x 0,47 x 0,7 м располагалась в нижнем ряду кладки первой ограды, остальные (размеры - 0,1 x 0,3 x 0,4 м и 0,15 x 0,35 x 0,5 м) были найдены в развале юго-восточного сектора за первой оградой (рис.2).

Курганы 3 и 4, а также 3 менгира и жертвенная площадка, как уже было сказано выше, представляли собой отдельный погребально-поминальный комплекс, расположенный на небольшой площади размерами 500 x 900 м приблизительно в километре на северо-восток от кургана 2 (рис.3). Обнаружение этого комплекса стало возможным, благодаря дополнительным обследованиям местности около курганов 3 и 4, что, к сожалению, было невозможно сделать около курганов 1 и 2, располагавшихся среди мусорных куч городской свалки.

Курган 3 располагался у края плато в небольшой седловине и до начала работ представлял собой насыпь диаметром 5 м, высотой 0,2 м. После снятия верхнего слоя обнажился развал каменного сооружения, сильно пострадавшего от действия времени, грабителей и выборки камня. От конструкции сохранились остатки погребальной камеры и кольцевой кладки вокруг нее диаметром 6 м. (рис.4).

Тщательная послойная зачистка и разборка погребального сооружения позволили установить, что оно имело довольно сложную конструкцию. Погребальная камера была сооружена на небольшой округлой площадке материковой скалы, предварительно вычищенной от слоя древнего грунта мощностью около 0,1 м. Затем на площадке был устроен из поставленных на длинное ребро плит известняка ящик подпрямоугольной формы. Размеры ящика - 0,7 x 1,6 м, высота стенок - 0,65 м. По всему периметру ящик был укреплен с внешней стороны на высоту стенок каменной кладкой шириной до 0,7 м и, таким образом, был как бы «утоплен» в округлой каменной платформе диаметром около 2,5 м. Сверху ящик, скорее всего, перекрывался большими плитами. Длинными сторонами он был ориентирован по линии В-3.

Погребение, совершенное в нем, было сильно разрушено. Кости скелета взрослого человека встречались на всех уровнях песчаного заполнения ящика. Его небольшие размеры позволяют предположить, что захоронение было скорченным. Покойник был положен, скорее всего, головой на запад, поскольку именно в этой части

ящика были найдены челюсть и кости черепа человека, в восточной части ящика - кости ног. В северо-западном углу обнаружен лепной горшок плохой сохранности (рис.6, 2). Помимо него в заполнении ящика найдена дисковидная плитка известняка (рис.7, 4).

Вокруг погребальной камеры на вышеуказанной кладке из массивных, горизонтально уложенных плит была сооружена каменная ограда, высотой около 0,7 м, диаметром 6 м. Она была выполнена в технике 2-х рядной кладки с последующей забутовкой, т.е. по краям кладки-фундамента были уложены 2 ряда плит, а пространство между ними заполнено мелким камнем, землей и щебнем. Возможно, использовались и глинистые растворы; так как плотные глинистые заполнения между камнями фиксировались по всему развалу конструкции.

С восточной стороны ограда имела вход шириной около 1 м. Основанием для такого вывода послужило обнаружение на большой плите кладки-фундамента, расположенной с восточной стороны, пятен прокалов от горевших там костров. Любопытно, что вход в ограду располагался строго по одной линии с торцевыми сторонами погребальной камеры, т.е. по линии В-3. Рядом со входом по внешнюю сторону ограды найдены обломки пряслица из стенки лепного сосуда и абразива из плитки мелкозернистого песчаника (рис.7, 3, 5).

С сооружением ограды связаны находки 4 плит с проточенными поперек желобками, подобные находкам на кургане 2. Две из них располагались в северо-западном секторе: одна в нижнем ряду кладки ограды, другая - за оградой среди развала камней, что заставляет предполагать, что она также находилась в кладке ограды (рис.4; 9, 1, 2). Еще две плиты обнаружены в завале камней внутри ограды.

За пределами ограды прослежены следы от поминальных тризн в виде зольных пятен и фрагментов керамики, около них сконцентрированных. Три зольных пятна фиксировались на уровне древней поверхности в северо-западном секторе, одно - в юго-восточном. Еще один костер горел на небольшой площадке из камня в северном секторе (рис.4). Зольники имели в диаметре 10 x 15 см, мощность зольников составляла до 10 см. Около зольников северо-западного сектора были найдены фрагменты лепной керамики от 3 сосудов, в юго-восточном - мелкие фрагменты лепняка, непригодные для типологического анализа. Фрагменты орнаментированного лепного сосуда были найдены в юго-западном секторе за стеной ограды (рис.7, 1). Помимо керамики в развалах конструкции обнаружены 12 изделий из кремня.

Во время последующих обследований площади около кургана в 75 м на восток строго против входа в ограду кургана 3 было расчищено основание разбитого менгира 1. Он был врыт в древнюю поверхность на глубину 0,2 м и заклинен для устойчивости мелкими плитами (рис.10, 3). Рядом с основанием лежала средняя часть менгира (его верхней части найти не удалось), которая вместе с основанием составляла плиту подпрямоугольной формы, уплощенную, размерами 0,2 x 0,6 x 0,85 м. Узкими торцевыми сторонами менгир был ориентирован по линии С - Ю, причем север менгир фиксирует по Полярной Звезде. На расстоянии 1,7 м от южного торца менгира на древнем горизонте отмечены следы от костра - зольное пятно диаметром 0,3 м, мощностью 0,05 м.

Курган 4 стоял в глубине плато в 175 м на ЮВ от кургана 1. До начала работ это было скопление бессистемно торчащих из земли плит диаметром 7 м. Первоначальная расчистка дала развал большой каменной конструкции. Следующими работами была обнажена платформа овальной формы из больших плит, уложенных горизонтально на невысокой земляной площадке в 1-2 ряда (рис.5, разрезы). Высота платформы от уровня древнего горизонта около 0,4 м. В центре ее располагалась погребальная камера, оказавшаяся непотревоженной. В нетронутom состоянии сохранились и две плиты верхнего перекрытия размерами 0,1 x 0,63 x 1,4 м и 0,1 x 0,5 x 1,2 м. Плиты были положены поперек камеры, причем южная плита сломана пополам.

Погребальная камера представляла собой неглубокую овальную яму с наклонными стенками. Стенки ямы имели по всему периметру облицовку из 17 плит, поставленных в 1-2 ряда. Одиннадцать плит составляли внешний ряд облицовки. Размеры камеры по верхнему краю 0,8 x 1,4 м, глубина ямы - 0,4 м. Дном ей служила скала. Длинной осью яма ориентирована по линии С - Ю. Погребение было совершено на дне ямы, плохо сохранившиеся кости лежали в анатомическом порядке. Поза сильно скорченная, на левом боку, головой на юг, лицом на запад. Кисть правой руки на боку, левой - у колена. В юго-западном углу ямы перед лицом покойного был поставлен лепной сосуд (рис.6, 3).

Вокруг платформы с погребальной камерой наблюдался развал из больших и средних плит, уклон залегания которых показывал, что они сползли с края платформы (рис.5, разрез А - А1). Часть этих плит располагалась в западинах глубиной от 0,08 м до 0,2 м от уровня древнего горизонта, окружавших платформу по всему периметру, и, возможно, связанных с сооружением земляной площадки под нее. Значительное число плит в за-

вале, их многорядное компактное расположение свидетельствовало о том, что на краю платформы стояла стенка-ограда. Ее предположительная высота 0,5 м, ширина - 0,6 м (рис. 5, разрез Г - Г1).

В северо-восточном секторе около внешнего края платформы залегал дугообразно блок плит, представляющий развал какой-то конструктивной части (столпа?) из стенки-ограды на платформе (рис.5, разрез Г - Г1). В заваленном блоке найдена плита с желобком размерами 0,12 x 0,3 x 0,45 м (рис.9, 3). Вторая плита размерами 0,07 x 0,22 x 0,25 м обнаружена западнее среди камней развала в том же секторе (рис.9,4).

Вокруг платформы фиксировались остатки второй внешней ограды в виде каменных завалов, расположенных в радиусе около 3 м от центра камеры. Нивелирование микрорельефа показало, что внешняя ограда стояла на невысоком валу, высотой около 0,1 м (рис.5, разрезы). Ограда имела округлую форму диаметром 6 м.

В северо-западном секторе под плитами завала зафиксированы 2 зольных пятна: одно округлой формы диаметром 0,3 м, мощностью слоя 0,1 м (в нем найден фрагмент лепного сосуда), другой - овальной формы, размерами 0,1 x 0,18 м, мощностью слоя 0,06 м. Судя по расположению, костры, оставившие зольники, горели в пространстве между платформой и внешней оградой.

Находки основной массы керамического материала были сделаны в восточном секторе на уровне древнего горизонта и среди камней завала. Керамика представлена фрагментарными остатками 13 лепных сосудов, выделенных по характеру теста (рис.6, 1, 4, 5; рис.8, 1-4, 6, 7, 9-11). Помимо керамики в восточном секторе найдены изделия из кремня: концевой скребок, сечение пластины, продолговатый кусок кремня с оббивкой по краям, кусок кремня без обработки, а также изделие из известняка округлой формы (рис. 8, 5, 8, 12-14).

Как уже было сказано, в непосредственной близости от курганов 3 и 4 были обнаружены менгиры и жертвенная площадка. Менгир 1 был связан с курганом 3, менгиры 2 и 3 располагались несколько обособленно. Менгир 2 располагался на приблизительно одинаковом расстоянии от курганов 3 и 4: в 180 м на ЮЗ от кургана 3 и в 210 м на З от кургана 4. Первоначально на поверхности фиксировалась лишь часть менгира. После зачистки обнажилась цельная, грубо обработанная плита известняка размерами 0,18 x 0,8 x 1,5 м, завалившаяся плоской стороной на север. Его верхняя часть имела косо подработанный край с острым углом 75°, нижняя часть заужена, подтреугольной формы (рис.10, 1, 2). У основания менгира были зачищены плиты-клинья, придававшие ему устойчивость при установке в вертикальное положение.

Благодаря их сохранности, удалось достаточно точно установить первоначальное положение менгира и его ориентацию по сторонам света. Он был расположен торцами по линии ЮВВ - СЗЗ. При этом его торец с острым углом «смотрел» на ЮВВ (азимут 117°30'), в направлении, которое в этих широтах совпадает с точкой восхода солнца на горизонте в дни зимнего солнцестояния.

На расстоянии 0,9 м от восточного торца менгира находились 2 зольных пятна овальной формы диаметрами 0,43 x 0,38 м, мощностью зольника - 0,05 - 0,07 м.

В 3-4 м от менгира 2 на поверхности земли были найдены 2 известняковые плиты со следами обработки. Первая плита имела по центру одного края пропилен подпрямоугольной формы размерами 3 x 4 см (рис.9, 6). Противоположный конец плиты был заужен и служил, вероятно, основанием, которое закапывали в землю. Размеры плиты 0,15 x 0,65 x 0,94 м. Вторая плита имела форму высокой трапеции и была по всему поперечнику опоясана тщательно пропиленным желобком. Размеры плиты - 0,15 x 0,47 x 0,65 м (рис.9, 5). Еще две плиты с подобными тщательно пропиленными желобками были найдены: 1) в 250 м на юг от менгира 2; 2) в 125 м на восток от менгира 3 (рис.9, 7, 8).

Менгир 3 был обнаружен в 900 м на СВВ от кургана 3. От него сохранилась лишь нижняя часть в виде обломка большой плоской плиты, вкопанной в землю на глубину 0,2 м от уровня древней поверхности и подклиненной небольшими плитами (рис.10, 4). Торцевыми сторонами плита ориентирована по линии В - З (азимут восточного торца 81°). Таким образом, менгир 3 своим восточным торцом был направлен на точку восхода солнца на горизонте в дни весенне-осеннего равноденствия.

В 350 м на СВВ от кургана 3 на небольшом возвышении местности находилась жертвенная площадка (рис.3). Она представляла собой небольшую оградку (диаметр 1,8 м) округлой формы из вертикально установленных плит размерами до 0,9 м в поперечнике, подпертыми с внешней стороны небольшими плитами. Из больших плит ограды сохранилось только три и плиты-подпорки от остальных плит. Слой заполнения оградки на всю глубину от уровня древней поверхности до подстилающей скалы был серо-пепельного цвета, слегка золистым. По всей видимости, оградка была местом возжигания больших ритуальных костров.

На северо-востоке оградки имелся вход (разрыв) размером до 0,9 м. Напротив него, на расстоянии 1,5 м, располагалась яма округлой формы глубиной 0,3 м от уровня древней поверхности. Яма была заполнена плитами разного раз-

мера, сползшими с краев ямы. Среди камней при зачистке найдены фрагменты лепной керамики, не обожженные кости. На востоке и юго-востоке от оградки на расстоянии 1-2 м обнаружены 2 сильно вытянутых зольных пятна с фрагментами керамики и пережженными косточками. Приблизительные размеры пятен 0,07 x 0,3 м. Еще один зольник размером 0,14 м в диаметре располагался в 0,8 м от оградки на ЮЮВ.

* * *

Для датировки исследованных объектов и определения их культурной принадлежности анализ полученных материалов проводился по следующим направлениям: 1) керамика, 2) погребальные сооружения и погребально-поминальная обрядность, 3) культовые объекты.

Керамический материал, пригодный для типологического анализа представлен 20 сосудами, из которых два являются инокультурными. Это фрагментарно представленный сероглиняный станковый сосуд с лощением из кургана 2, происхождение которого, вероятно, связано с раннеземледельческими центрами Южной Туркмении, и лепной сосуд раннего железного века из впускного погребения кургана 1. Остальные 18 сосудов происходят из курганов 3 и 4: две целые формы найдены в погребальных камерах курганов 3 и 4, фрагментарные остатки остальных сосудов найдены в развалах конструкций и на уровне древнего горизонта около зольников.

По способу изготовления вся анализируемая посуда лепная, плоскодонная, невысокого качества. Тесто на изломе черное с примесью шамота, толченой раковины или без примесей. Поверхности коричневатого цвета разных оттенков, в пятнах от неравномерного обжига на костре. Толщина стенок 0,5 - 0,7 см.

Для актауской керамики характерны приземистые пропорции: высота стенок меньше или равна диаметру устья сосудов. Вся посуда имеет плавные профили, днища с закраиной.

Среди целых и графически восстанавливаемых форм можно выделить 2 типа посуды - банки и горшки. Банки представлены 3 экземплярами 2-х видов. К первому может быть отнесена банка с прямыми стенками, с середины тулова уходящими к днищу, из погребальной камеры кургана 4 (рис.6, 3). Ко 2-му виду - 2 банки с сильно раздутым туловом, мягко переходящим к днищу. Одна происходит из погребальной камеры кургана 3 (рис.6, 2), другая - из развалов конструкции кургана 3 (рис.6, 1). Оба вида банок широко представлены в культурах эпохи поздней бронзы обитателей евразийских степей.

К горшкам могут быть отнесены 3 частично восстановленные формы (рис.6, 4, 5; 7, 1), 4

фрагмента венчиков (рис.7, 2; 8, 1-3). Горшки имеют плавно отогнутые венчики, в 2-х случаях - полочковидные, плавной формы профили, сильно раздутые тулова, днища с закраиной. Близкие актауским горшкам формы можно найти в позднефедоровской посуде из уральских могильников Путиловская Заимка II, Приплодный Лог I, Туктубаево, Кинзерский (Зданович Г.Б., 1988, с.91-100, рис.40), в саргаринско-алексеевских и черкаскульско-межовских комплексах (Зданович С.Я., 1984, с.79-96; 1983, с.69-80), в керамике III - IV групп из поздних слоев поселений Центрального Казахстана - Атасу, Мыржик, Ак-Мустафа (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с.186-214), в посуде срубных поселений Волго-Уральского междуречья (Памятники срубной культуры, 1993).

Любопытные аналоги имеет актауская керамика в поселенческой посуде Южного Приаралья. Банки 2 вида из актауского комплекса своими высокими округлыми плечами близки тазабагыбским сосудам типа 3 (согласно классификационной схеме М.А.Итиной (1977, с.116, рис.65)), актауские горшки обнаруживают сходство с сосудами типа 4 приземистыми формами, короткими шейками и сильно раздутыми туловами (там же). Тазабагыбские сосуды типа 3 исследователи связывают со срубно-андроновскими комплексами Орско-Актюбинского района и Башкирии, посуду типа 4 - с позднекельтиминарскими и раннесуярганскими комплексами, имеющего много общего с гончарными традициями южных областей Средней Азии (Итина М.А., 1977, с.117). Общие с актаускими, формы горшков есть в керамических комплексах единственного исследованного тазабагыбского грунтового могильника Кокча 3 (Виноградов А.В. и др., 1968, с.146-147, рис.37, 4, 8; 38, 6), датированного XIII - XI вв. до н.э. Орнаментация актауской керамики относительно бедна. Из 18 сосудов орнаментировано 8 (44%). Рисунок декора полностью восстанавливается только для 2-х сосудов (рис.6, 2, 4). В обоих случаях он представляет орнаментальные полосы из горизонтально прочерченных линий, косой насечки и «елки», расположенных ниже венчика. В остальных случаях рисунок более сложен по построению. Он состоит из геометрических элементов - треугольников, ромбов, зигзагов. Декор размещен, как правило, на шейке и тулове сосудов (рис.6, 5; 7, 1; 8, 1, 4, 7). Для нанесения декора использовались следующие технические приемы: нарезка, насечка, короткие плоский и веревочный штампы, в одном случае - ямочные вдавления в придонной части.

В целом, актауская керамика обнаруживает сходство с керамическими комплексами культур заключительного этапа андроновской культурно-исторической общности (позднефедоров-

скими, саргаринскими материалами), поздними керамическими комплексами эпохи поздней бронзы центрального Казахстана, а также Приаралья. Некоторые общие формы, бедность декора, его отдельные элементы, технические приемы сближают актаускую керамику со срубными материалами Волго-Уральского междуречья. По хорошо датированным аналогам Урала, Северного Казахстана и Южного Приаралья керамический материал из актауских захоронений правомерно отнести к периоду XIII-XI вв. до н.э.

Этим хронологическим рамкам не противоречат результаты анализа остального актауского материала, прежде всего погребальных сооружений. Погребальные конструкции Актауского могильника объединяет ряд общих черт, несмотря на значительное своеобразие каждой из них. Все они представляют собой каменные сооружения наземного типа, сложены из местных пород известняка, имеют общее архитектурное решение - погребальную камеру, окруженную одной или двумя оградками округлых форм. Строительные приемы, использованные при их возведении, довольно однообразны. Это горизонтальные кладки из «дикого» необработанного известняка, с последующими забутовками пустот мелким камнем, щебнем, землей, глинистыми растворами.

Принципиальная разница между конструкциями обнаруживается только в устройстве погребальных камер: 1) на курганах 1 и 2 захоронения совершены в наземных каменных ящиках с большой цельной плитой в западной стенке, 2) на курганах 3 и 4 погребальные камеры помещены в невысоких округлой формы каменных платформах, 3) камеры курганов 1-3 ориентированы длинными сторонами по линии В - З, кургана 4 - по линии С - Ю.

В целом в актауских памятниках ярко выражена традиция сооружения погребальных каменных гробниц для умерших соплеменников, характерная в Урало-Казахстанском регионе для захоронений андроновской культурно-исторической общности. Близкими им аналогами выступают центральноказахстанские погребальные сооружения нурынского (федоровского) типа из могильников Акшатау, Бугулы I, Ботакара и др. (Маргулан А.Х. и др., 1966, с.71-91) и более поздние, раннебегазинского времени - Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, Бугулы II, представляющие собой дальнейшее развитие андроновской погребальной архитектуры (Маргулан А.Х. и др., 1966, с.160-196). Даты вышеуказанных могильников Центрального Казахстана определяются рамками XIII - XI вв. до н.э.

Основные характеристики погребального обряда, наблюдаемые в актауских захоронениях,

не выпадают из традиций андроновской культурно-исторической общности, в частности, и культур эпохи бронзы степного пояса Евразии, в целом. Погребения совершены по обряду ингумации, в сильно скорченной позе на правом или левом боку. Различная ориентация погребальных камер и умерших (широтная, головой на В - в курганах 1 и 2, головой на З в кургане 3; меридиональная - головой на Ю в кургане 4) не представляется явлением исключительным для андроновских захоронений, несмотря на укоренившийся взгляд связывать их только с западными ориентировками. Восточные ориентировки отмечаются исследователями на алакульских памятниках (Зданович Г.Б., 1988, с.143; Потемкина Т.М., 1983, с.14), южные ориентировки не редкость в Центральном Казахстане (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с.86-99; Ткачев А.А., 1989, с.85-95). Любопытно, что восточные ориентировки в сочетании с южными и каменными погребальными сооружениями наблюдаются в культурах поздней бронзы степей Северного Причерноморья (Шарафутдинова И.Н., 1982). В Восточном Прикаспии восточная ориентировка костяков в скорченной позе на боку в тесных ямах овальной формы с наземными каменными конструкциями отмечается только на туркменских памятниках Патма-сай, Каралемата-сай (Большие Балханы) и Гызылкум, Парау I, II (западная часть подгорной полосы Копет-Дага). Их исследователь А.М.Мандельштам отнес их к позднему этапу срубной культуры, опираясь на 2 признака - восточную ориентировку костяков и керамику (Мандельштам А.М., 1966; 1967).

Что касается погребального инвентаря, то он в актауских захоронениях беден и ограничивается керамикой, изделиями из камня и кремня.

Достаточно выразительны следы поминальной обрядности в виде зольников от костров и связанных с ними остатков сосудов. С поминальной обрядностью, скорее всего, связана и жертвенная площадка с оградкой из камней, размещенная между менгирами 1 и 3. Подобные площадки с оградками в диаметре от 1,5 м до 3 м и зольниками внутри них хорошо известны на могильниках эпохи бронзы Центрального Казахстана (Маргулан А.Х. и др., 1966, с.154-159).

О близких идеологических представлениях племен эпохи поздней бронзы Южного Урала, Центрального Казахстана и Восточного Прикаспия говорит общая для этих районов традиция установки менгиров в виде грубо обработанных плит (Зданович Г.Б., 1988, с.147; Маргулан А.Х., 1979, с. 275-296). Около актауских менгиров, как и около центральноказахстанских, найдены следы кострищ, которые, по мнению А.Х.Маргулана, являются следами поминальной обрядности, в древно-

сти тесно связанной с годовыми календарными праздниками, отмечающими наступление того или иного времени года и связанного с ним цикла хозяйственных работ (Лобачева Н.П., 1986, с.25-29). Довольно точные астрономические привязки актауских менгиров к точкам горизонта, связанным с восходами и заходами солнца в дни весенне-осеннего равноденствий (менгир 3) и зимнего солнцестояния (менгир 2), положением Полярной Звезды (менгир 1), позволяют видеть в них простейшие астрономические инструменты, которыми в древности пользовались для слежения за движением солнца и, возможно, других звезд и планет.

Весьма интересны находки в конструкциях погребальных сооружений и около менгиров плит с желобками по торцу и периметру. Всего их обнаружено 13: 4 - в кургане 2, 4 - в кургане 3, 2 - в кургане 4, 1 - около менгира 2, 2 - в разных точках исследованной площади около курганов 3 и 4. Характер пропиловки желобков очень разный - от тщательно выполненных на отдельных плитах, до небрежных. В настоящее время не совсем ясно предназначение этих плит. Возможно, это технические приспособления, которые по неизвестному нам обычаю закладывались в фундаменты оград и стены с восточной и западной стороны конструкций (на курганах 2 и 4 плиты были найдены с восточной стороны, на кургане 3 - с западной).

Прямых аналогов плитам с желобками в Восточном Прикаспии и примыкающих к нему регионам нет, за исключением, может быть, находки в Волго-Уральском междуречье на поселении Чесноково предмета размерами приблизительно 13 x 23 см из камня с поперечным желобком в нижней части, обозначенного исследователями, как фаллический предмет (Памятники срубной культуры, 1993, таб.69, 13).

В плане интерпретации более интересно сравнить актауские плиты с якорными камнями, найденными на Нижнем Днепре (Шаповалов Г.И., 1990, с.152, рис.1-3). По своим размерам и поперечно расположенным желобкам они очень близки. Якорные камни, подобные днепровским, появились в бассейне Средиземного моря в эпоху бронзы (Шаповалов Г.И., 1990, с. 151).

Как версию, можно высказать предположение, что плиты с желобками являлись примитивной имитацией в камне человеческих жертвоприношений, которые, как известно, в древности совершались при закладке различных построек для прочности (Зеленин Д.К., 1937, с.3-79; Алексин В.А., 1986, с.152-153).

Обыкновенно, в качестве строительной жертвы использовали младенцев или маленьких детей. С развитием общества человеческие жерт-

воприношения заменили животными, ритуальной пищей или изображениями человека. Возможно, в нашем случае вместо человека (ребенка) использовали его грубое изображение в камне. Такое предположение позволяет идентифицировать желобки на плитах с изображением пояса, который, как известно, один из древнейших маркеров антропоморфных плит (Формозов А.А., 1980, с.107-108; Ольховский В.С., 1989, с.55). Данная трактовка, безусловно, носит характер рабочей гипотезы, требующей дальнейших полевых и теоретических исследований.

Подводя итоги сравнительного анализа материалов актауских погребальных комплексов, можно сказать, что они обладают многими общими признаками в керамическом материале, архитектуре погребальных сооружений, использовании строительных и других технических приемов, обрядовой практике, что позволяет считать их едиными в хронологическом и культурном плане. Широкий круг вышеприведенных аналогов позволяет определить их дату XIII - XI вв. до н. э. Сложнее решить вопрос о культурной принадлежности этих памятников по причине малой изученности эпохи поздней бронзы в Восточном Прикаспии. Выше уже упоминалось об отнесении в 60-е годы А.М.Мандельштамом близких актауским погребальным сооружениям туркменских памятников с восточной ориентировкой костяков к позднему этапу срубной культуры. Позже его выводы разделили Е.М.Виноградова и Е.Е.Кузьмина при обосновании путей проникновения в эпоху поздней бронзы срубных племен из Приуралья в восточный Прикаспий вплоть до раннеземледельческих центров Южной Туркмении (Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986, с.129-131). Они также отнесли туркменские памятники к племенам срубной культуры, дополнив формулировки А.М.Мандельштама указанием на андроновское (федоровское) влияние на эти племена.

Авторы данной работы считают, что это несколько прямолинейное решение вопроса о культурной принадлежности прикаспийских памятников. Более внимательное рассмотрение совокупности туркменских и актауских материалов обнаруживает их большую связь с андроновским миром, чем простое воздействие. Широкое применение камня в качестве строительного материала, мастерское владение строительными приемами, развитая архитектура погребальных конструкций - все это свидетельствует о том, что их создание было не инновацией, а многовековой традицией для прикаспийских племен эпохи поздней бронзы. Не выдерживает критики аргумент о восточной ориентировке, так как она в строго широтном варианте, наблюдаемом в Восточном Прикаспии,

характерна только для раннего этапа срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (Качалова Н.К., 1985, с.33; Мыськов Е.П., 1991, с.145-163), на памятниках которого ярко выражены традиции погребального обряда позднеполтавкинских и катакомбных племен. Вполне возможно, что восточная ориентировка костяков в прикаспийских погребениях является не проявлением поздних контактов со срубниками, а общих с этой культурой корней. Относительно керамики, то, отмечая присутствие срубных элементов в керамике Восточного Прикаспия

нельзя не замечать ее большую близость керамическим материалам культур финальной бронзы Урало-Казахстанского региона, сложившихся на андроновской основе, и среднеазиатской керамике не только позднего, но и более раннего времени.

Учитывая все выше сказанное, нужно признать, что решение вопроса о культурной принадлежности своеобразных прикаспийских памятников эпохи поздней бронзы, а также их генезиса, требует дальнейшего расширения существующей источниковедческой базы и представляется поэтому, делом будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алекшин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1968. Древнейшее население низовий Аму-Дарьи. М.
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало - Казахских степей. Свердловск.
- Зданович С.Я., 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Зданович С.Я., 1983. Происхождение саргаринской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Зеленин Д.К., 1937. Тотем-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Тр. ИААЭ. Т.15, вып.2. Этногр. сер. М.-Л.
- Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья II-I тыс. до н. э. // ТХЭ, т.Х. М.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата.
- Качалова Н.К., 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Лобачева Н.П., 1986. К истории календарных обрядов у земледельческих народов Средней Азии // Древние обряды, верования и культы Средней Азии. М.
- Мандельштам А.М., 1967. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. Вып.112.
- Мандельштам А.М., 1966. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. Вып.108.
- Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Мыськов Е.П., 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА, №4.
- Ольховский В.С., 1989. Оленные камни (к семантике образа) // СА, №1.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье, 1993. САИ. В 1-10. Т.1. Саратов.
- Потемкина Т.М., 1983. Алакульская культура // СА, №2.
- Сорокин В.С., 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА, №120. М.-Л.
- Ткачев А.А., 1989. Новые погребальные памятники эпохи поздней бронзы - средневековья Сары-Арки // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Формозов А.А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
- Шановалов Г.И., 1990. О памятниках судоходства на Нижнем Днепре в скифское время // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
- Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.

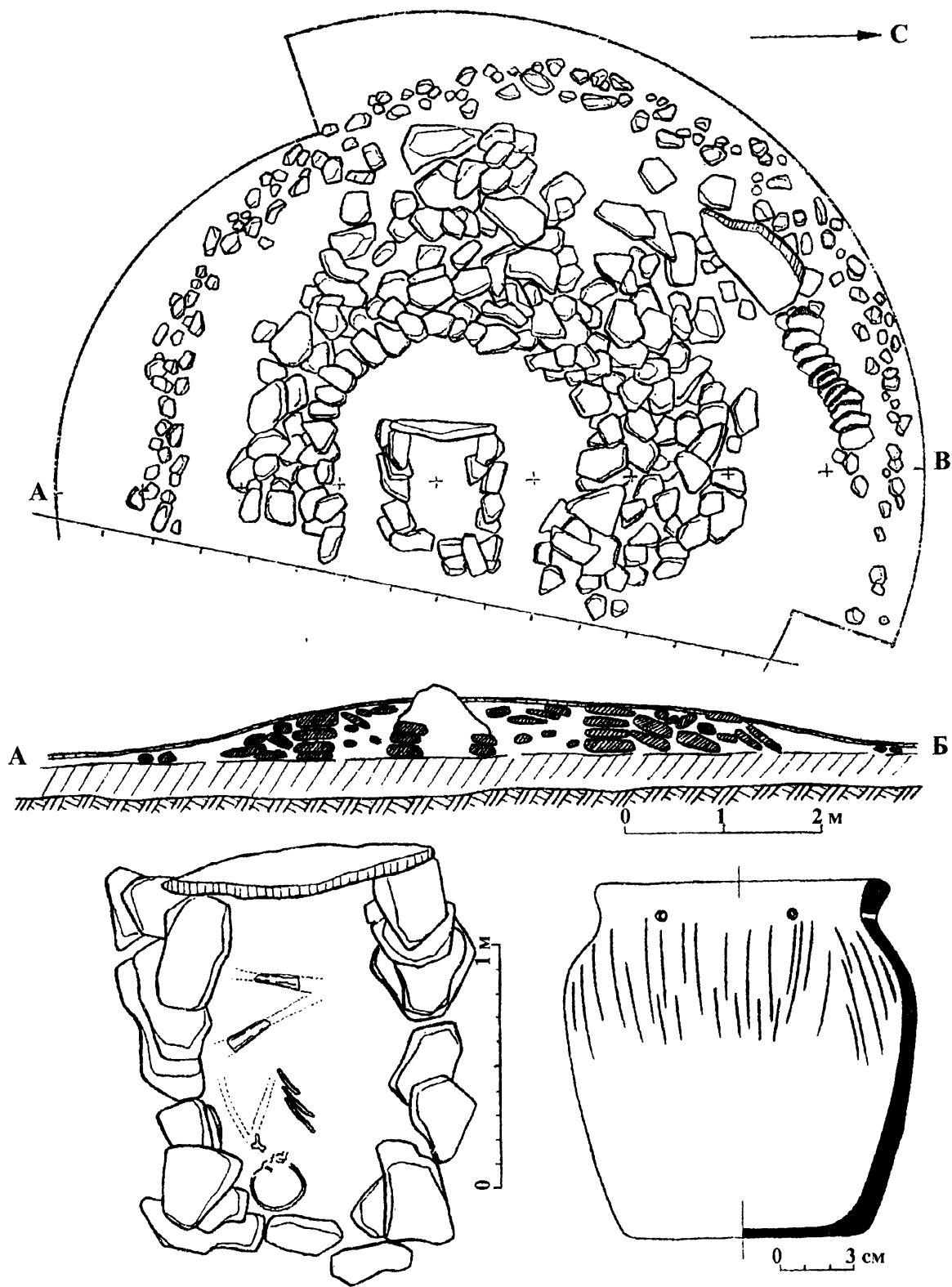
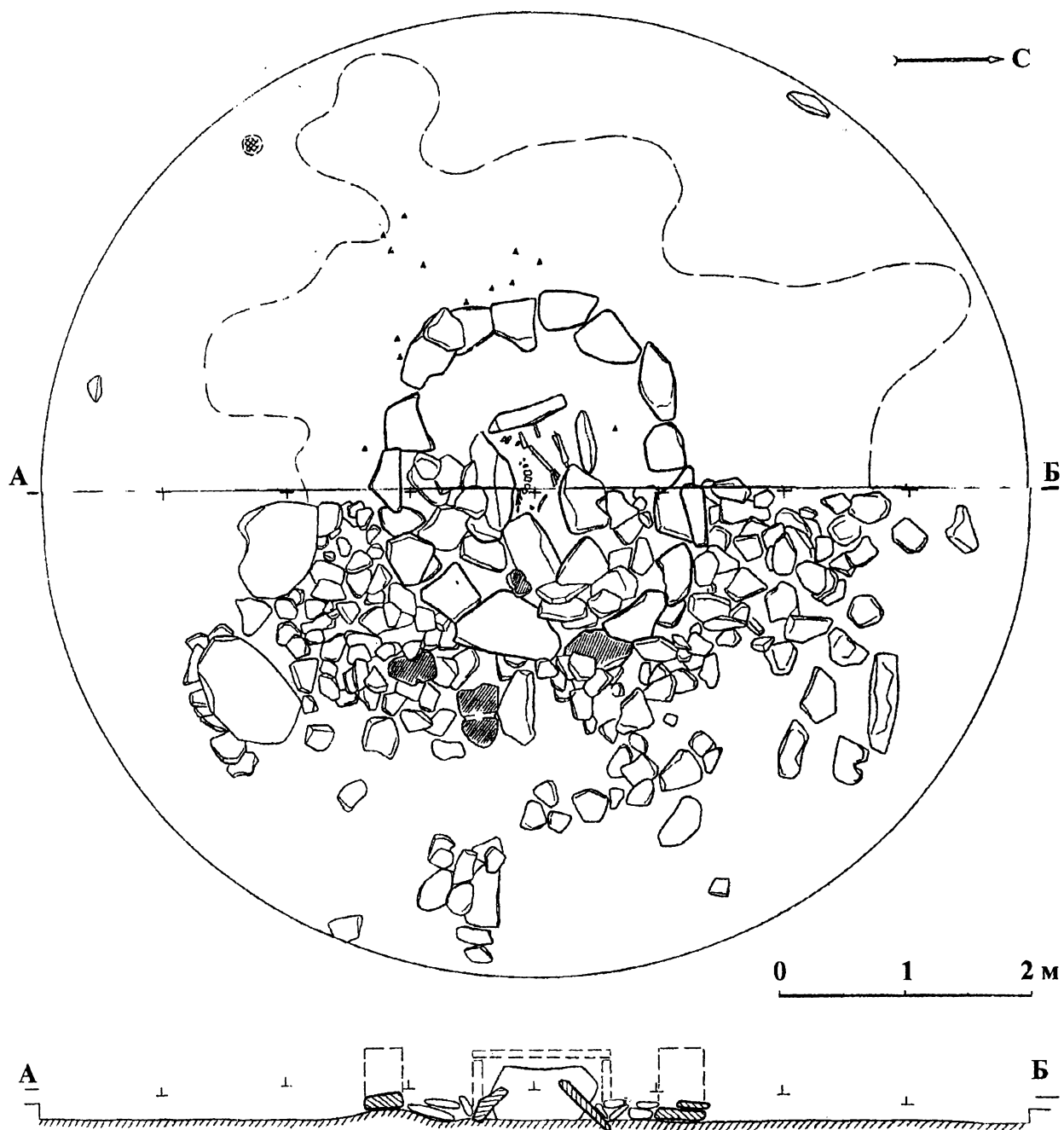

Рис.1. Актауский могильник. План кургана 1, план погребальной камеры кургана 1, сосуд из кургана 1.

Чис.2. Актауский могильник. План кургана 2.

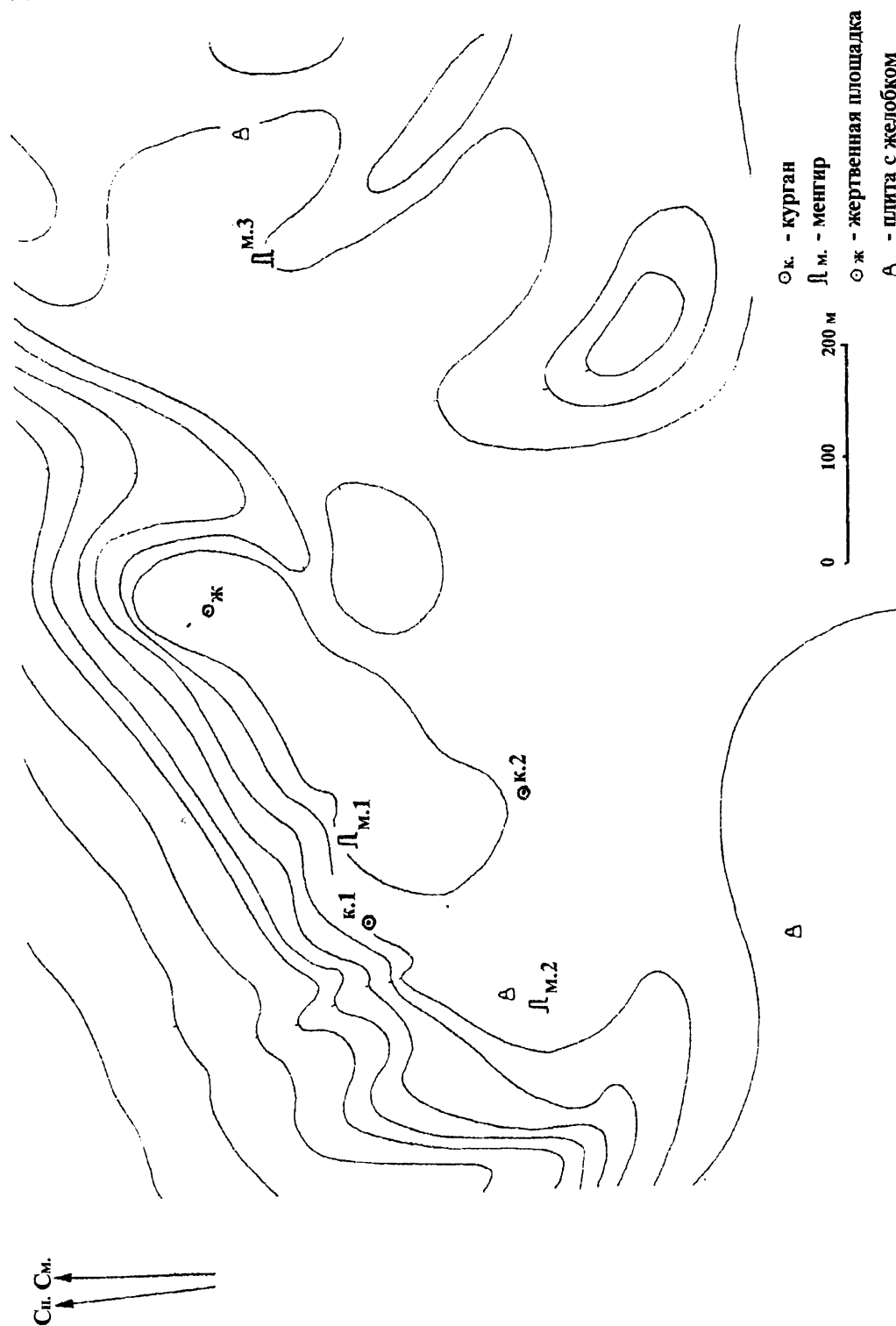

Рис.3. Схема расположения объектов погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника.

Рис.4. Актауский могильник. План кургана 3.

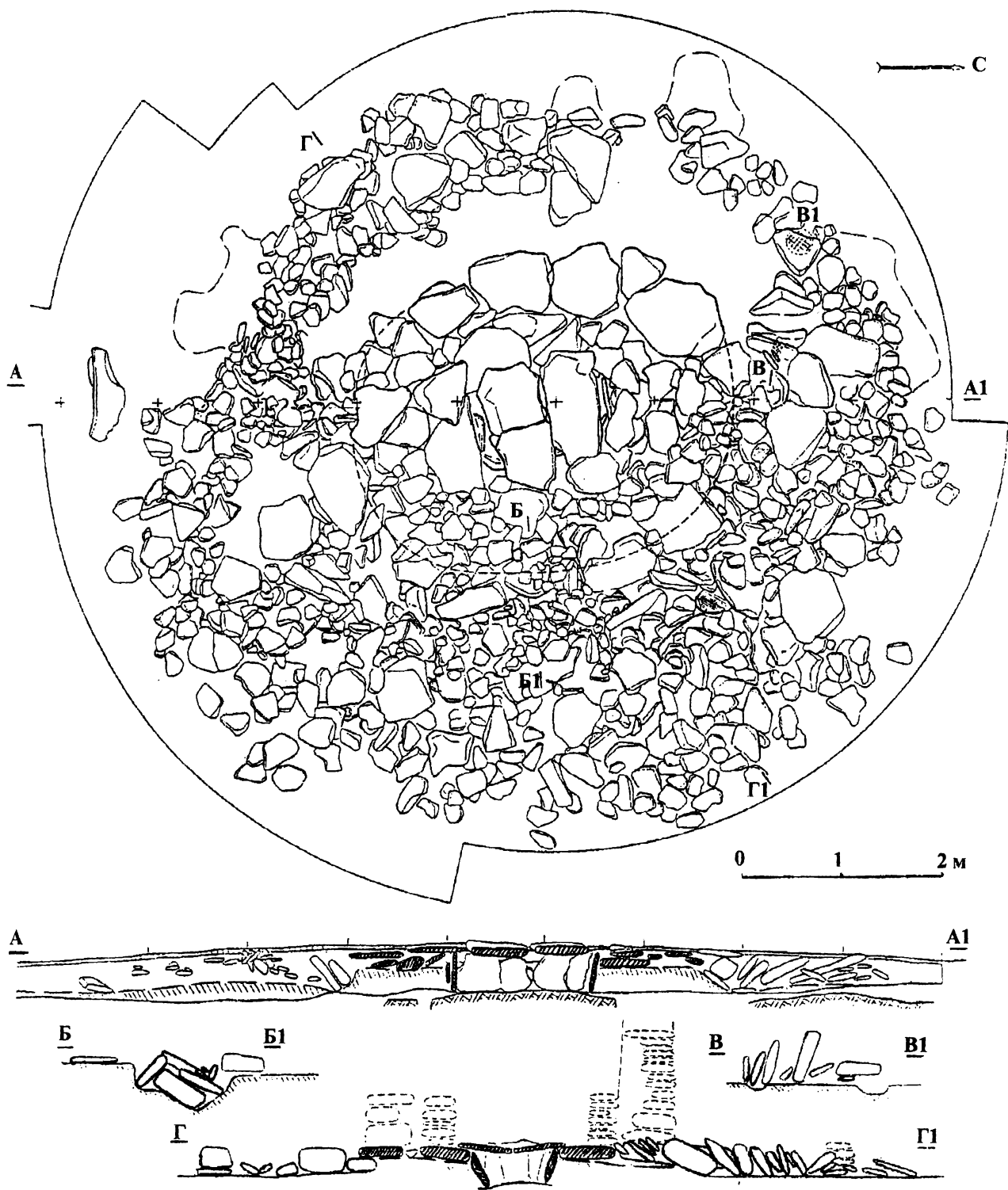
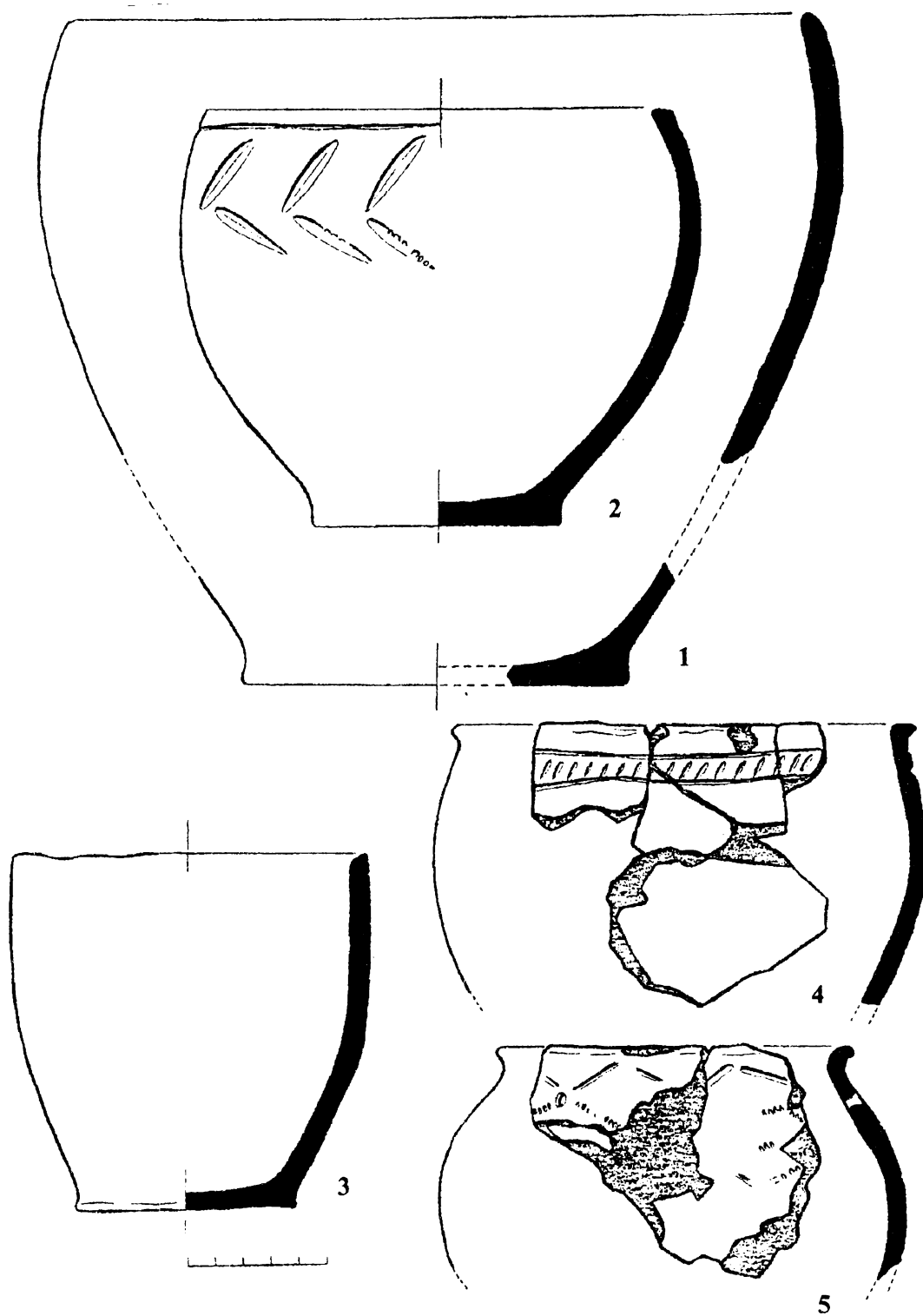

Рис.5. Актауский могильник. План кургана 4.

6. Актауский могильник. Материалы из курганов 3 и 4: 1, 3-5 – керамика из кургана 4; 2 – сосуд из кургана 3.

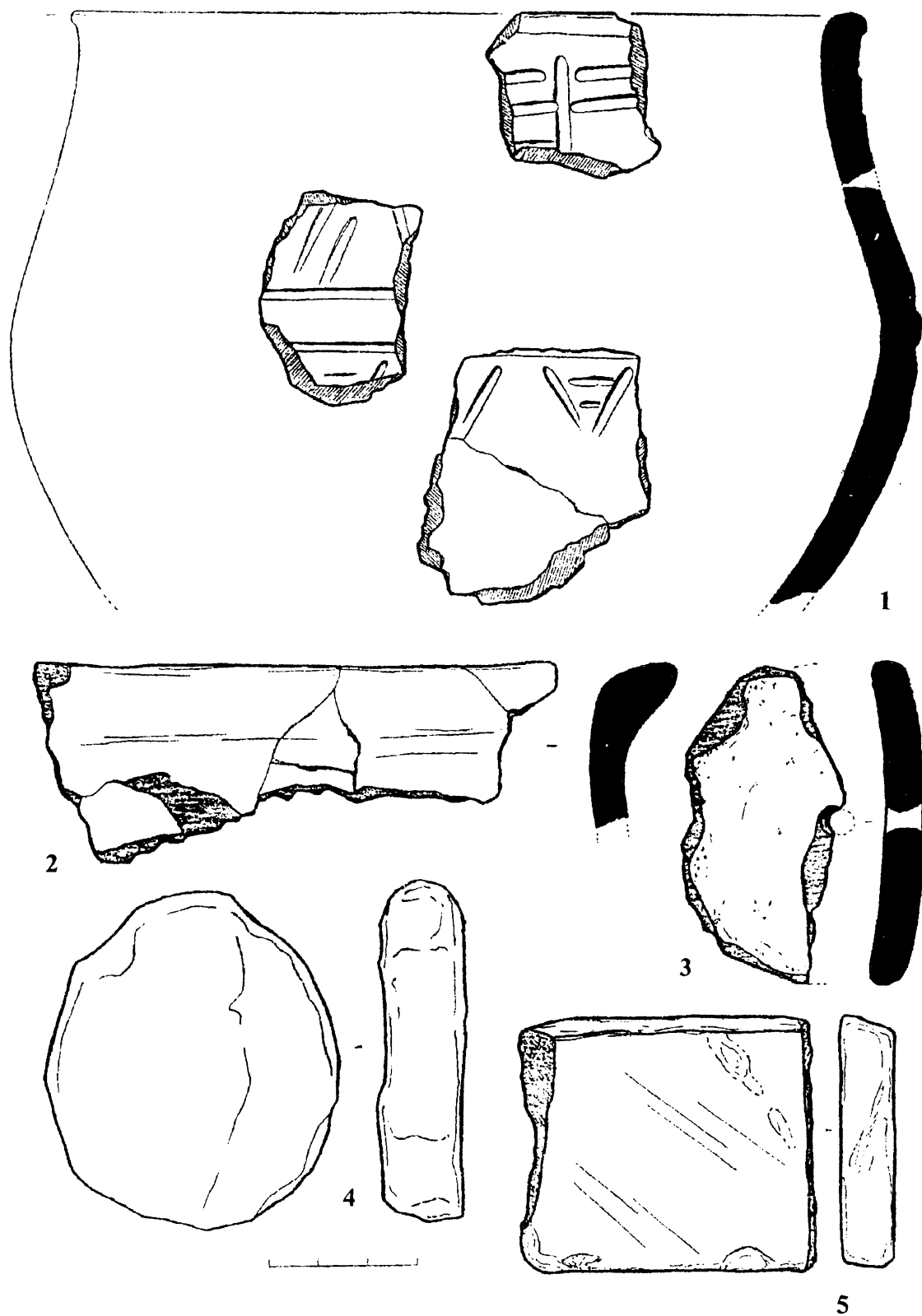

Рис.7. Актауский могильник. Материалы из кургана 3: 1, 2 – керамика; 3 – пряслице; 4, 5 – изделия из камня.

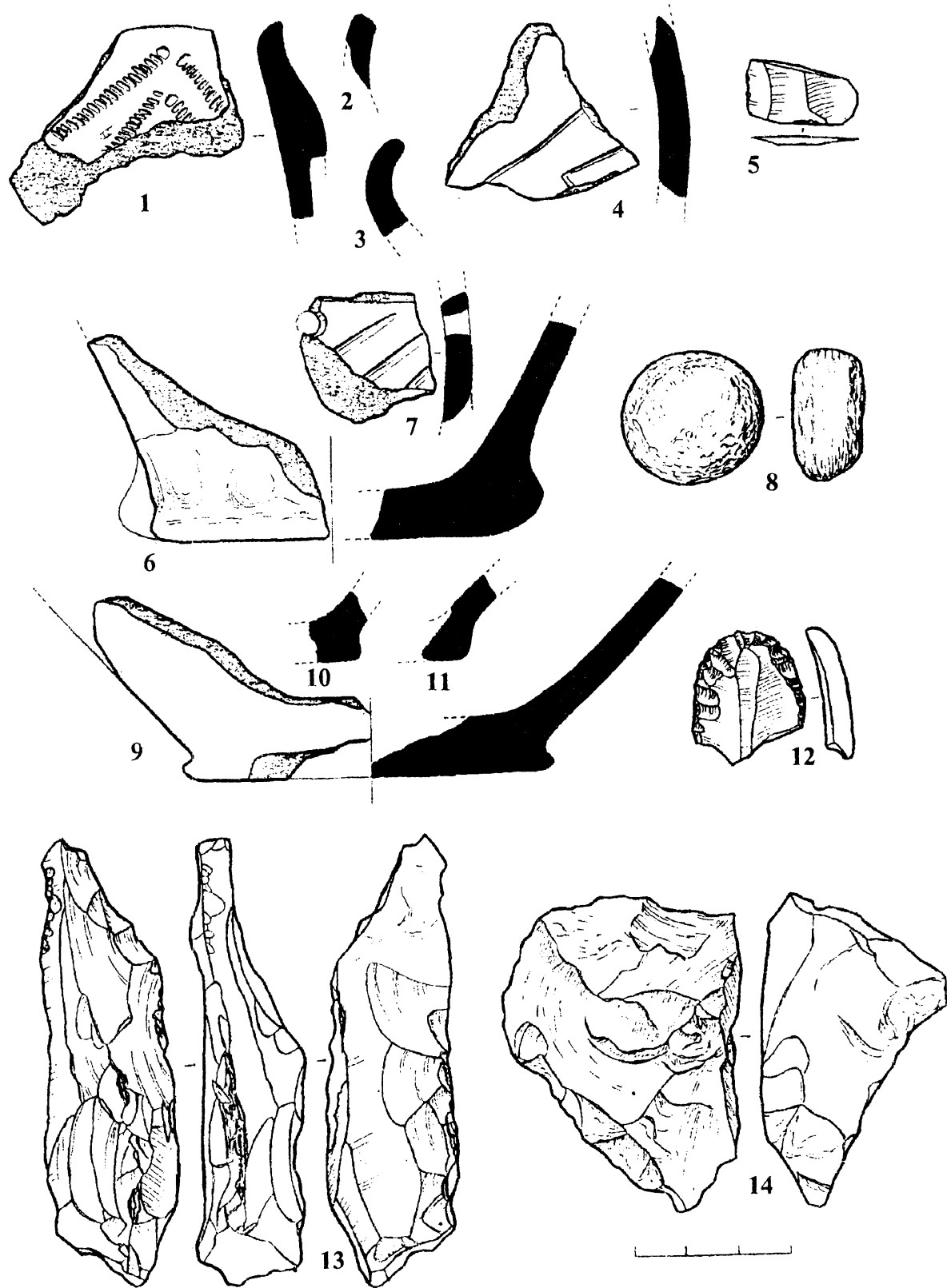

Рис.8. Актауский могильник. Материалы из кургана 4: 1-4, 6-11 – керамика; 5, 12, 14 – кремь; 8 – известняк.

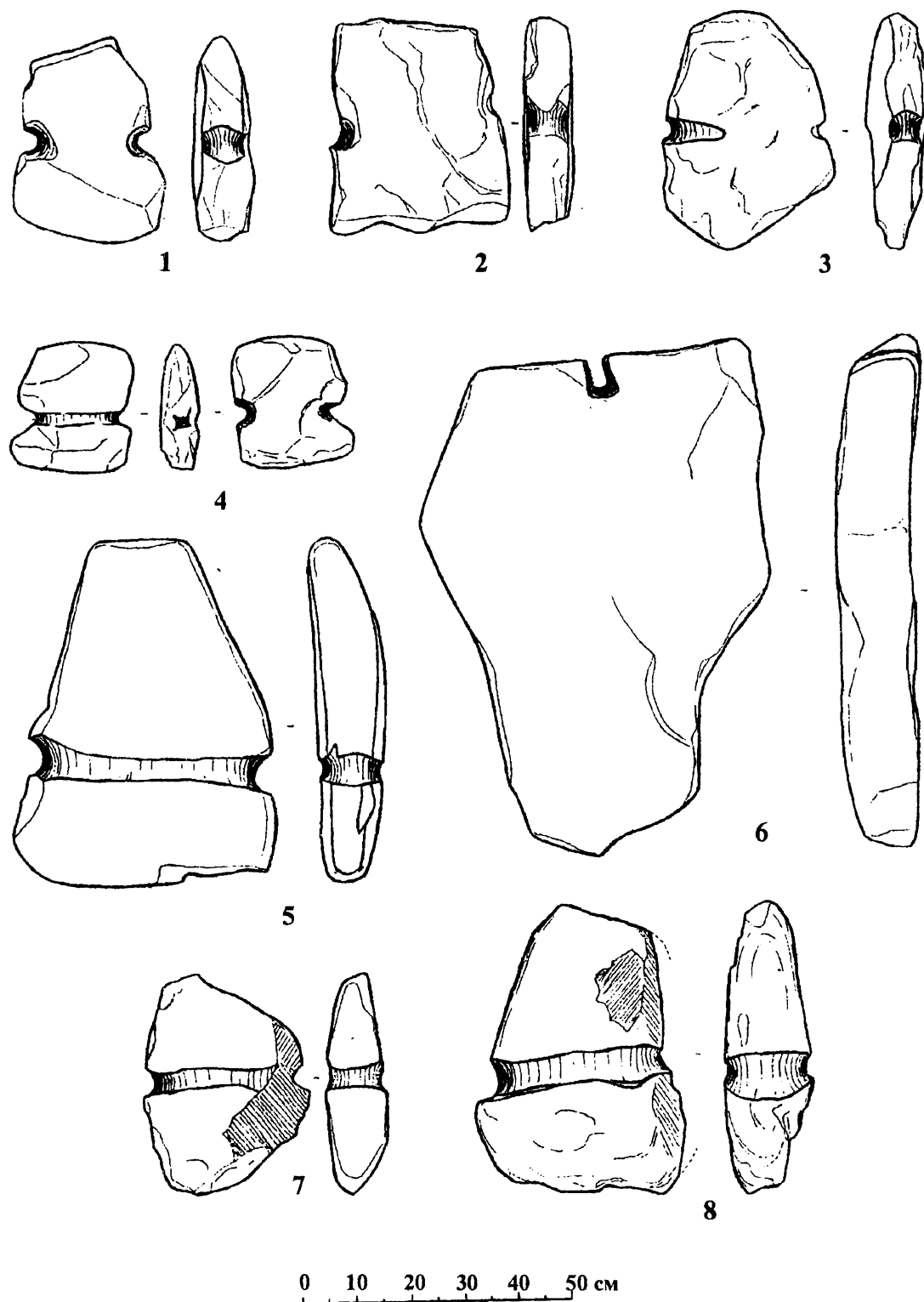

Рис.9. Актауский могильник. Плиты со следами обработки: 1, 2 – курган 3; 3, 4 – курган 4; 5, 6 – около менгира 2; 7, 8 – случайные находки.

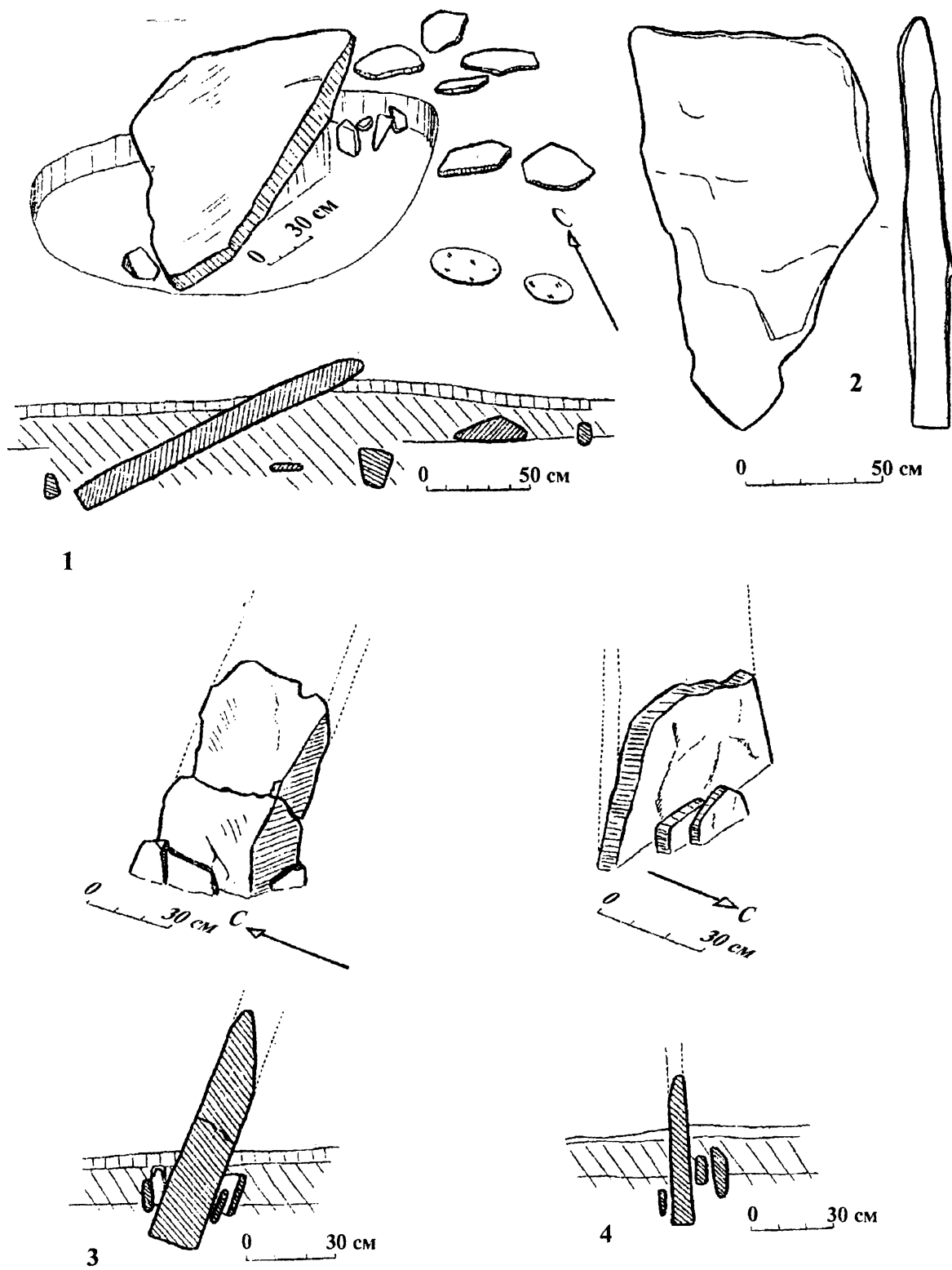

Рис. 10. Менгиры Актауского могильника: 1, 2 -- менгир 2; 3 -- менгир 1; 4 -- менгир 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АИА	- Архив Института археологии РАН
АО	- Археологические открытия
АОИКМ	- Актобинский областной историко-краеведческий музей
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ	- Башкирский государственный университет
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ВДИ	- Вестник древней истории
ГАИМК	- Государственная Академия истории материальной культуры
ИА	- Институт археологии
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
КГПИ	- Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МК	- Министерство культуры
НАН	- Национальная Академия наук
НПЦ	- Научно-производственный центр
ОГПИ	- Оренбургский государственный педагогический институт
ОГПУ	- Оренбургский государственный педагогический университет
ОКМ	- Орский краеведческий музей
РА	- Российская археология
РАЕН	- Российская Академия естественных наук
РАН	- Российская Академия наук
РФ	- Российская Федерация
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СамГПУ	- Самарский государственный педагогический университет
СГУ	- Самарский государственный университет
СПб	- Санкт-Петербург
ТИААЭ	- Труды Института антропологии, археологии и этнографии
ТИЭ	- Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТОУАК	- Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
УАС	- Уральское археологическое совещание
УрГУ	- Уральский государственный университет
УрО	- Уральское отделение РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Астафьев Андрей Евгеньевич

– археолог, заведующий отделом археологии Мангыстауского музея-заповедника, г. Актау, Казахстан.

Баландина Галина Владимировна

– археолог, научный сотрудник отдела археологии Мангыстауского музея-заповедника, г. Актау, Казахстан.

Богданов Сергей Вячеславович

– археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Степи УрО РАН, г. Оренбург, Россия.

Бытковский Олег Федорович

– археолог, директор Орского краеведческого музея, г. Орск, Россия.

Вальков Денис Владимирович

– археолог, научный сотрудник археологической лаборатории СГУ, г. Самара, Россия.

Григорьев Станислав Аркадьевич

– археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник Южно-Уральского отдела Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск, Россия.

Епимахов Андрей Владимирович

– археолог, кандидат исторических наук, специалист НПЦ охраны памятников истории и культуры, г. Челябинск, Россия.

Заседателева Светлана Николаевна

– археолог, заведующий отделом археологии Орского краеведческого музея, г. Орск, Россия.

Кузьмина Елена Ефимовна

– археолог, доктор исторических наук, академик РАЕН, главный специалист Российского Института Культурологии МК РФ и РАН, г. Москва, Россия.

Кузьминых Сергей Владимирович

– археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, г. Москва, Россия.

Мосин Вадим Сергеевич

– археолог, кандидат исторических наук, заведующий Южно-Уральским отделом Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск, Россия.

Нелин Дмитрий Владиленович

– археолог, кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского коммерческого университета, г. Челябинск, Россия.

Отрощенко Виталий Васильевич

– археолог, доктор исторических наук, Институт археологии НАН Украины, г. Киев, Украина.

Ткачев Виталий Васильевич

– археолог, научный сотрудник Института Степи УрО РАН, г. Орск, Россия.

Халяпин Михаил Викторович

– археолог, научный сотрудник археологической лаборатории ОГПУ, г. Оренбург, Россия.

Халяпина Оксана Александровна

– археолог, научный сотрудник археологической лаборатории ОГПУ, г. Оренбург, Россия.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТАТЬИ

<i>Кузьмина Е.Е. (Москва)</i> Кони и колесницы Южного Урала и индоевропейские мифы	3
<i>Богданов С.В. (Оренбург)</i> Проблемы формирования древнейших курганных культур востока Южнорусских степей	10
<i>Мосин В.С. (Челябинск)</i> Стоянка Агаповка I и вопросы периодизации Зауральского энеолита	25
<i>Ткачев В.В. (Орск)</i> О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы	37
<i>Отрощенко В.В. (Киев)</i> К вопросу о памятниках новокумакского типа	66
<i>Вальков Д.В. (Самара), Кузьминых С.В. (Москва)</i> Сопла Евразийской металлургической провинции (к проблеме одной археологической находки)	73
<i>Халяпина О.А. (Оренбург)</i> Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из Западного Оренбуржья	84

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Григорьев С.А. (Челябинск)</i> Опыт применения рентгеноструктурного анализа в исследовании древней металлургии	92
<i>Епимахов А.В. (Челябинск)</i> К вопросу о методике раскопок многомогильных погребальных комплексов	97

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Халяпин М.В. (Оренбург)</i> Новые абашевские материалы из Оренбуржья	102
<i>Заседателева С.Н., Ткачев В.В. (Орск)</i> Новые материалы бронзового века из Восточного Оренбуржья	126
<i>Бытковский О.Ф. (Орск)</i> Раскопки Хмелевского и Малокаялинского могильников	141
<i>Баландина Г.В., Астафьев А.Е. (Актау)</i> Курганы эпохи поздней бронзы с полуострова Мангышлак	149
Список сокращений	167
Сведения об авторах	168
Оглавление	169

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТА И
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА**

Научное издание

Сборник издан при финансовой поддержке и содействии

ЗАО «Управляющая компания «ОРМЕТО – ЮУМЗ»

Редактирование, корректура, макетирование – В.В.Ткачев

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 20.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано на ризографе с готового
оригинал-макета заказчика
ЧП Пищык О.А., 462431 Оренбургская
область, г.Орск, ул.Красная, 12 – 20.

